

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 2 (97) • 2014

ISSN 2227-7315

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Н. Сенякин	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Н. Новгород)
С.А. Белоусов	кандидат юридических наук, доцент
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Беларусь)
Е.В. Вавилин	доктор юридических наук, доцент (Москва)
Н.А. Власенко	доктор юридических наук, профессор (Москва)
С.В. Ворошилова	доктор юридических наук, доцент
Т.А. Григорьева	доктор юридических наук, профессор
А.И. Демидов	доктор философских наук, профессор
Т.В. Заметина	доктор юридических наук, доцент
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
В.Т. Кабышев	доктор юридических наук, профессор
В.А. Летяев	доктор юридических наук, профессор (Казань)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор
В.М. Манохин	доктор юридических наук, профессор
Н.И. Матузов	доктор юридических наук, профессор
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор
Л.А. Савченко	доктор юридических наук, профессор (Украина)
В.В. Степанов	кандидат юридических наук, профессор
С.Б. Суоров	доктор социологических наук, профессор
Т.И. Хмелева	кандидат юридических наук, доцент
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Москва)

Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
Министерства
образования и науки РФ
в Перечень российских
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть
опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени
доктора и кандидата наук

Учредитель —
Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Саратовская государственная
юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490
в каталоге агентства «Роспечать»

Цена для подписчиков — 264 руб.,
в розничной продаже — свободная.

Электронная версия размещена
на официальном сайте
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Саратовская государственная
юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

E-mail: vestnik@sgap.ru

Редактор, корректор
Т.Ф. Батищева

Верстка **И.Л. Малкиной**

Журнал зарегистрирован Управлением
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Подписано в печать 25.04.2014 г.
Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 22,4. Уч.-изд. л. 19,7.
Тираж 950 экз. Заказ 226.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная
юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная
юридическая академия», 2014

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

№ 2 (97) • 2014

ISSN 2227-7315

EDITORIAL BOARD:

I.N. Senyakin	Doctor of Law, Professor (<i>Chief Editor</i>)
V.M. Baranov	Doctor of Law, Professor (N. Novgorod)
S.A. Belousov	Candidate of Law, Associate Professor
N.L. Bondarenko	Doctor of Law, Professor (Belarus)
A.I. Demidov	Doctor of Law, Professor
B.S. Ebzeev	Doctor of Law, Professor (Moscow)
T.A. Grigorieva	Doctor of Law, Professor
O.V. Isaenkova	Doctor of Law, Professor (<i>Deputy Chief Editor</i>)
V.T. Kabyshev	Doctor of Law, Professor
T.I. Khmeleva	Candidate of Law, Associate Professor
V.A. Letyaev	Doctor of Law, Professor (Kazan)
V.M. Manokhin	Doctor of Law, Professor
N.S. Manova	Doctor of Law, Professor
N.I. Matuzov	Doctor of Law, Professor
E.V. Pokachalova	Doctor of Law, Professor
L.A. Savchenko	Doctor of Law, Professor (Ukraine)
I.V. Shesteryakova	Doctor of Law, Associate Professor (<i>Deputy Chief Editor</i>)
L.G. Shapiro	Doctor of Law, Associate Professor
V.V. Stepanov	Doctor of Law, Professor
S.B. Surovov	Doctor of Social Sciences, Professor
E.V. Vavilin	Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
N.A. Vlasenko	Doctor of Law, Professor (Moscow)
S.V. Voroshilova	Doctor of Law, Associate Professor
T.V. Zametina	Doctor of Law, Associate Professor

The journal is included by
**Higher Attestation Commission
of Ministry of Education and Science
of the Russian Federation**
to the Russian list of reviewed
journals, where major
scientific dissertation
and thesis results
are to be published

Founder

Federal State
Budget Educational Institution
of Higher Professional Education
“Saratov State Law Academy”.
410056, Saratov, Volskaya, 1.

**E-version is located
on the official site
of Federal State Budget
Educational Institution
of Higher Professional Education
“Saratov State Law Academy”**
(<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>)

E-mail: vestnik@sgap.ru

The journal is registered by Censorship Office
in the Sphere of Mass Communication
of Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom,
Information Technologies
and Mass Communication
February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution
of Higher Professional Education
“Saratov State Law Academy”, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 11 **А.Ф. Бичехвост**
Состояние академической и вузовской науки, организация учебного и воспитательного процесса в высших учебных заведениях Саратовской области в годы перестройки (1985-1991 годы)
- 21 **С.В. Ворошилова**
Саратовский губернский Попечительный о тюрьмах комитет и его дамское отделение (1838–1917 годы)
- 26 **Ю.А. Гаврилова**
Понятия «смысловое поле права», «правовая жизнь»: проблемы соотношения
- 30 **В.Л. Кулапов**
Соотношение целей, задач и функций государства
- 36 **М.Н. Лядацева-Ильичева**
Система гражданского (частного) права в России второй половины XIX – начала XX века: историко-теоретический аспект
- 42 **Е.И. Бочан**
Безопасность физического лица в деловой сфере: философско-правовой подход
- 47 **Д.С. Кулапов**
Принципы медиации: многообразие подходов к регулированию
- 52 **К.А. Минаев**
К вопросу о юридической природе ограничений прав и свобод в контексте соотношения права и свободы

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 58 **В.Т. Кабышев, Т.В. Заметина**
Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя — восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ
- 75 **С.А. Мосин**
Особенности конституционно-правовых основ правового государства в Российской Федерации
- 80 **Е.А. Отставнова**
Правовая политика Российского государства в сфере демографии
- 86 **В.Б. Скоморовский**
Политико-правовые основы включения Украины в состав СССР
- 89 **Д.С. Воробьева**
Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам ребенка: опыт Соединенного Королевства Великобритании (на примере Англии) и Республики Ирландия
- 94 **М.С. Зайцев**
Конституционный принцип обеспечения права граждан на участие в управлении делами государства
- 97 **Н.В. Тупиков**
О социальной функции права собственности в конституционном праве Российской Федерации

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 102 А.Ю. Соколов**
Задержание транспортного средства по законодательству стран
— участников Содружества Независимых Государств
- 107 Н.В. Галицкая**
Понятие и сущность административно-правового обеспечения безопасности
в Российской Федерации
- 111 А.Л. Юсупов**
Дисциплинарные взыскания, налагаемые за нарушения законодательства
о противодействии коррупции
- 117 Д. Х. Беккалиев**
Правовые основы финансового обеспечения системы
железнодорожного транспорта в России

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 122 В.А. Вятчин**
О правовой природе товарной неустойки
- 126 Н.Э. Гуцин, И.Ю. Кузнецова**
Устойчивое развитие сельских территорий: правовое обеспечение
- 132 О.Ю. Ситкова**
Санкции в семейном праве: меры защиты и меры ответственности
- 136 Т.В. Сланская**
Самозащита в российском частном праве
- 141 Ф.Я Ахмедов**
Понятие непоименованного договора
- 146 Ю.Н. Игнатова**
История возникновения института аренды транспортных средств с экипажем
- 151 Ю.В. Никонорова**
Спорные вопросы в отношении кредитования
- 154 Е.Н. Савочкин**
Правовой статус решений корпоративных юридических лиц

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- 159 Т.М. Цепкова, С.А. Филиппов**
Некоторые вопросы исполнительного производства российского
и зарубежного законодательства
- 165 М.А. Шевченко**
Функции технической записи процессуальной деятельности,
осуществляемой в рамках гражданского судопроизводства
- 168 П.Д. Гринёв**
Судебный контроль за деятельностью международных коммерческих арбитражей
в дореволюционной России
- 173 О.Ю. Сальникова**
Правовая культура судей и качество арбитражного правосудия

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 177 С.Ю. Бытко**
Массовое сокрытие убийств в МВД РФ: соответствуют ли оценки
НИИ Генпрокуратуры реальности

- 185 П.Е. Конегер**
Законные интересы осужденных к лишению свободы, их понятие и соотношение с правовым статусом
- 190 Е.В. Христофорова**
Роль принуждения в формировании антинаркотической модели поведения
- 195 В.С. Уманец**
К проблеме наказания и его целям при применении статьи 64 Уголовного кодекса РФ
- 202 В.Е. Бондаренко**
Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий: проблема определения основания уголовно-правовой охраны

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 206** Заключение
- 211 А.Д. Шминке**
Проблемы уголовного процесса и пути их решения
- 215 Н.В. Спесивов**
Классификация международных стандартов прав несовершеннолетних участников уголовного процесса

КРИМИНАЛИСТИКА

- 220 В.В. Степанов, М.А. Бабакова**
О расширении объектов розыска
- 228 Д.А. Ефремов** Философские и кибернетические основы функционирования информации в деятельности по расследованию преступлений

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 233 В.В. Попов, Е.Г. Тришина**
Об особенностях налогово-контрольных мероприятий в рамках защиты интересов публичных образований в сфере налогообложения
- 237 А.С. Алимбекова, А.С. Мишин**
Оценка обоснованности налоговой выгоды как составная часть налогового контроля: проблемные вопросы
- 241 И.Г. Гугнюк**
Доступность банковских услуг как функциональный принцип банковской системы Российской Федерации
- 245 И.А. Жестков**
Финансово-правовые аспекты признания в составе расходов организаций, уменьшающих налогооблагаемую прибыль, затрат на добровольное медицинское страхование
- 249 Е.А. Малыгина**
Особенности финансово-правового регулирования отношений, возникающих в процессе реализации контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд

ИНФОРМАЦИЯ

- 254** В диссертационных советах

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- 11 Bichehvest A.F.**
The State of the Academic and University Research, Training and Educational Process in Higher Educational Institutions of the Saratov Region in the Years of Perestroika (1985–1991 Gg.)
- 21 Voroshilova S.V.**
The Saratov Provincial Trustee About Prisons Committee and its Ladies' Office (1838–1917)
- 26 Gavrilova Yu.A.**
The Concepts «Semantic Field of Law», «Legal Field», «Legal Life»: Problem of Correlation
- 30 Kulapov V.L.**
Ratio of the Purposes, Tasks and State Functions
- 36 Lydashcheva-Ilicheva M.N.**
The System of Civil (Private) Law in Russia in the second half of the XIX th – the Beginning of the XX th Century: Historical-Theoretical Aspect
- 42 Bochan Y.I.**
Security of Physical Person in Business Sphere: Philosophical-Legal Approach
- 47 Kulapov D.S.**
Principles of Mediation: the Diversity of Approaches to Regulation
- 52 Minaev K.A.**
To the Question of the Legal Nature of Restrictions of the Rights and Freedoms in the Context of the Ratio of the Right and Freedom

CONSTITUTIONAL LAW

- 58 Kabishev V.T., Zametina T.V.**
The Adoption of the Russian Federation Republic of the Crimea and City of Sevastopol — the Restoration of Historical Justice: the Constitutional-Legal Analysis
- 75 Mosin S.A.**
Special Characteristics of Constitutionally-legal Foundations of Legal State in Russian Federation
- 80 Otstavnova E.A.**
Russian State Demography Legal Policy
- 86 Skomorovskiy V.B.**
State and Legal Incorporation of Ukraine into the USSR
- 90 Vorobyova D.S.**
Constitutional and Legal Status of the Children's Commissioner: the Experience of the United Kingdom (e.g. England) and the Republic of Ireland
- 94 Zaitsev M.S.**
The Constitutional Principle of Ensuring the Right of Citizens on Participation in State Administration
- 97 Tupikov N.V.**
Social Function of Ownership in Constitutional Law of Russian Federation

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 102 Sokolov A.Yu.**
The Detention of the Vehicle Under the Laws of the Countries
— Members of the Commonwealth of Independent States
- 107 Galitskaya H.B.**
Concept and Essence of Administrative Legal Support of Safety
of the Russian Federation
- 112 Yusupov A.L.**
The Disciplinary Punishments Imposed for Violations of the Legislation
on Counteraction of Corruption
- 117 Bekkaliyev D.H.**
Legal Bases of Financial Security of System of Railway Transport in Russia

CIVIL LAW

- 122 Vyatchin V.A.**
On the Legal Nature of the Commodity Penalty
- 126 Guschin N.E., Kuznetsova I.U.**
Sustainable Development of Rural Areas: Legal Support
- 132 Sitkova O.Yu.**
Sanction in Family Law: Protection Measures and Responsibility Measures
- 136 Slanskaya T.V.**
Self-defense in the Russian Private Law
- 141 Ahmedov A.Ya.**
Definition of the Unnamed Contract
- 146 Ignatova N.I.**
Establishment of Vehicles Rent Institute History
- 151 Nikonorova J.V.**
Controversial Issues in Relation to Lending
- 154 Savochnik E.N.**
The Legal Status of Decisions of Commercial Legal Entities

CIVIL PROCEDURE. ARBITRAL PROCEDURE

- 159 Tsepikova T.M., Filippov S.A.**
Some Questions Enforcement of Russian and Foreign Legislation
- 165 Shevchenko M.A.**
The Function of Technical Record of Procedural Activities in the Civil Proceedings
- 169 Grinev P.D.**
Judicial Control Over the Activities of International Commercial Arbitration
in Pre-Revolutionary Russia
- 173 Salnikova O.Yu.**
Legal Culture of Judges and the Quality of Arbitral Justice

CRIMINAL AND CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- 177 Bytko S.Yu.**
A Massive Concealment of Murders in the Ministry of Internal Affairs:
Whether the Evaluation of the Research Institute of the Prosecutor General
of Reality

- 185 Koneger P.Y.**
Legitimate Interests of Condemned to Imprisonment – the Concept and Correlation with Legal Status
- 190 Hristoforova E.V.**
The Role of Coercion in the Formation of Anti-Drug Models of Behavior
- 195 Umanetz V.S.**
Some Issues of Punishment and its Aims Enforced by Russian Federation Criminal Code, Article 64
- 202 Bondarenko V.E.**
Violation of the Right to a Freedom of Worship and Religions: Problem of Definition of the Basis of Criminal Legal Protection

CRIMINAL PROCEDURE

- 206** Conclusion
- 211 Shminke A.D.**
Problems of Criminal Procedure and Ways of Solution
- 215 Spesivov N.V.**
Classification of International Human Rights Standards Minors Involved in Criminal Proceedings

CRIMINALISTICS

- 220 Stepanov V.V., Babakova M.A.**
About Broadening the Number of Objects of Search
- 229 Efremov D.A.**
Philosophical and Cybernetic Bases of Information's Functioning in Crime Investigation Activity

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

- 233 Popov V.V., Trishina E.G.**
About the Peculiarities of the Tax Control Measures Within the Framework of Protection of Interests of Public Entities in the Sphere of Taxation
- 238 Alimbekova A.S. , Mishin A.S.**
The Assessment of Validity of Tax Benefits as a Component of tax Control: Problematic Issues
- 242 Gugnyuk I.G.**
Accessibility of Banking Services as a Functional Principle of the Banking System of the Russian Federation
- 245 Zhestkov I.A.**
Financial and Legal Aspects of the Recognition of Coasts for Voluntary Medical Insurance as a Part of Charges Reducing Taxable Profit
- 249 Malykhina E.A.**
Special Aspects of Financial and Legal Regulation of the Relations Arising in the Course of Realization of Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs

INFORMATION

- 254** In Dissertation Councils

А.Ф. Бичехвост

СОСТОЯНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ И ВУЗОВСКОЙ НАУКИ, ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО И ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985-1991 ГОДЫ)

На основе материалов Государственного архива новейшей истории Саратовской области исследуется структура и тематика научных направлений академических институтов и вузов Саратова в 1985–1991 гг., анализируется эффективность их научной работы, показаны новые формы и методы, трудности и проблемы в организации учебной и воспитательной работы вузов Саратова.

Ключевые слова: академическая наука, вузовская наука, учебная работа, воспитательный процесс, перестройка.

A.F. Bichehvvost

THE STATE OF THE ACADEMIC AND UNIVERSITY RESEARCH, TRAINING AND EDUCATIONAL PROCESS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE SARATOV REGION IN THE YEARS OF PERESTROIKA (1985–1991 GG.)

On the basis of the State Archive of the recent history of the Saratov region in the article investigates the structure and themes of scientific fields of academic institutes and universities in Saratov, their effectiveness, innovations, challenges and problems of the organization of educational and training work in 1985–1991.

Keywords: academic science, high school science, academic work, the educational process, the restructuring.

В годы перестройки (1985–1991 гг.) Саратовская область оставалась регионом «большой науки». В областном центре плодотворно работали Институты системы АН СССР: Институт биохимии и физиологии растений и микроорганизмов, Институт социально-экономических проблем развития аграрно-промышленного комплекса, филиал Института радиотехники и электроники, к которым присоединились Саратовский филиал Института машиноведения, филиал Института энергетических исследований и Отдел Института нефтехимического синтеза им. А.В. Топчиева.

© Бичехвост Александр Федорович, 2014
Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и социологии политики (Саратовская государственная юридическая академия)

Академические институты возглавляли авторитетные ученые, крупные организаторы науки, труды которых были известны не только в СССР, но и за рубежом. Институт биохимии и физиологии растений и микроорганизмов АН СССР возглавлял доктор биологических наук, профессор В.В. Игнатов, Институт социально-экономических проблем развития аграрно-промышленного комплекса — доктор исторических наук, профессор В.Б. Островский, Саратовский филиал Института радиотехники и электроники — кандидат технических наук Г.Т. Казаков, Саратовское отделение специального конструкторского бюро Института радиотехники и электроники — кандидат технических наук, доцент Ю.В. Дятлов. В семи академических учреждениях трудились 14 докторов и 120 кандидатов наук.

Академические институты работали над актуальной научной проблематикой, определявшейся интересами развития экономики страны. Институт биохимии и физиологии растений и микроорганизмов АН СССР исследовал ассоциированные с зерновыми культурами свободноживущие азотфиксирующие микроорганизмы, их экологию, биохимию и генетику с целью определения роли микроорганизмов в продуктивности растений; изучал белки пшеницы — лектины, анаэробные микроорганизмы и их ферментные системы, разрабатывал методику и аппаратуру для экспресс-диагностики иммунных реакций, физико-биологические механизмы жаро-засухоустойчивости пшениц в природно-климатических условиях Юго-Востока страны, ассоциации почвенных микроорганизмов в условиях орошаемых земель. Институт социально-экономических проблем развития аграрно-промышленного комплекса занимался исследованием темпов развития, пропорций и структуры АПК Поволжья, социально-экономических проблем народонаселения и трудовых ресурсов в условиях агропромышленной интеграции, разрабатывал методологические основы и методы измерения социально-экономической эффективности производства регионального АПК, математического обеспечения банка данных регионального аграрно-промышленного комплекса и др. Саратовский филиал Института радиотехники и электроники АН СССР осуществлял поиск и исследование новых физических явлений в слоях ферромагнетиков, пьезоэлектриков и полупроводников, вел разработку перспективных методов технологии получения полупроводниковых микроструктур, занимался созданием новых микроминиатюрных СВЧ-устройств. Научные работы Саратовского отделения специального конструкторского бюро Института радиотехники и электроники СССР реализовывались в рамках комплексного направления базового института, обеспечивавшего развитие фундаментальных и прикладных исследований в области твердотельной электроники СВЧ.

Эффективность проводимых исследований академическими институтами была достаточно высокой. С середины 1987 г. и до конца 1988 г. объем научных исследований, выполненных в Саратовской области, возрос на 30,5% и превысил 7 млн руб.

Вместе с тем обстановка благодушия, порожденная перестройкой, всепрощенчества, ослаблением требовательности к членам коллектива и к себе со стороны администрации некоторых НИИ, негативно сказывались на научных результатах и производственной атмосфере коллективов. Подтверждением тому могло служить письмо, поступившее из г. Энгельса в корпункт «Правды» от старшего научного сотрудника НИИ мелиорации П.А. Губанова. «Создается

впечатление, писал он, — что администрация института заинтересована не в изменении, а наоборот, в сохранении старых, годами возводившихся порядков. Создается только видимость перестройки. Заорганизованность собраний и других мероприятий давно уже породила у коллектива атрофию, безразличие к обсуждаемым вопросам. Мы заранее знаем, когда, кто будет выступать и что скажет. Проголосуем за любое решение, лишь бы ни на минуту не задержали после работы. Мы давно уже не выбираем даже состав президиума — нам его назовут, а мы с полным безразличием изберем кого угодно. Всем хорошо известны запретные зоны для критики, и они тщательно охраняются. Памятны и уроки, преподнесенные администрацией, за попытки вторгнуться в эти зоны. Видимость благополучия тщательно оберегается»¹.

П.А. Губанов высказал серьезные претензии в адрес директора института и его заместителя, обвинив их в том, что они используют служебное положение для извлечения нетрудовых доходов, включают себя в обязательные соавторы различных научных разработок и изобретений, не считаются с мнением сотрудников НИИ, занимаются только администрированием и диктатом².

О письме П.А. Губанова было рассказано в статье «Неужели я сказал что-то запретное?», опубликованной в «Правде» 22 июня 1987 г. По словам автора статьи, собственного корреспондента «Правды» А.А. Воротникова, «публикация вызвала большой резонанс. Оказалось, что точно такие же конфликты между руководителями различных предприятий и их сотрудниками нередко возникали и в других регионах страны, то есть на словах начальство было за перестройку, а по сути оно ничего не меняло. Номенклатурному бюрократическому слою внизу реформы явно были не нужны. Так месяц за месяцем, год за годом упускался шанс изменить ситуацию в стране в лучшую сторону...»³.

Несмотря на сложность экономического положения в годы перестройки, объективные трудности, не прекращались научные поиски в высших учебных заведениях Саратова. Вузам удалось сохранить кадровый потенциал и собственную научную базу, благодаря которым наука в госуниверситете, саратовских институтах и их филиалах сделала заметный шаг вперед.

По данным на 1 января 1985 г., в высших учебных заведениях Саратова и Саратовской области работали 274 докторов наук и профессоров, 2574 кандидатов наук и доцентов⁴. К 1990 г. удельный вес преподавателей саратовских вузов, имевших ученые степени и звания, составлял 62,8% от всей численности профессорско-преподавательского состава, что было неплохим показателем. Только в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского — ведущем вузе Поволжья — в феврале 1986 г. работали 73 профессора и доктора наук, 379 доцентов и кандидатов наук. В последующем количество трудившихся в учебном заведении докторов наук, профессоров медленно, но неуклонно возрастало. В феврале 1988 г. в СГУ работали 76 профессоров и докторов наук; 41 из 68 кафедр возглавляли доктора наук; в 1991 г. — уже 86 докторов наук, обучались 210 аспирантов, было защищено 56 кандидатских диссертаций⁵.

В феврале 1988 г. в СГУ было утверждено 36 научных направлений. Традиционно сильной в университете оставалась школа физиков, выпускников которых охотно брали по распределению на оборонные заводы, а профессоров физического факультета избирали ректорами вуза. Среди значимых событий периода перестройки в научной жизни представителей физической науки — проведение в СГУ в январе 1986 г. научно-технической выставки «Ученые фи-

зического факультета и НИИМФ СГУ — медицине». В феврале 1986 г. НИИМФ СГУ вручили переходящее Красное Знамя МВО СССР и ЦК профсоюза, а в октябре 1988 г. в пансионате «Волжские дали» при активном участии физиков университета прошла Всесоюзная школа «Стохастические колебания в радиофизике и электронике».

Всесоюзное признание получили научные разработки биологов университета. В феврале 1985 г. на биологическом факультете прошло Третье Всесоюзное совещание по фенетике популяций. В апреле 1989 г. биологи СГУ участвовали во Всесоюзной конференции «Фотосинтез и продукционный процесс», а в ноябре 1990 г. — в работе Второго делегатского съезда Всесоюзного общества физиологов растений в Минске.

В научном плане не менее авторитетной оставалась школа химиков СГУ, на счету которых в рассматриваемый период ряд проведенных актуальных научно-практических конференций. В сентябре 1985 г. в СГУ прошла III Всероссийская межвузовская конференция «Нуклеофильные реакции карбонильных соединений», а в мае 1989 г. на химическом факультете состоялась VI Всесоюзная научная конференция «Органические реактивы в аналитической химии», в октябре 1989 г. — IV межвузовская конференция «Карбональные соединения в синтезе гетероциклов». В мае 1991 г. профессору химического факультета А.Л. Львову за огромный вклад в развитие отечественной химической науки было присвоено звание Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР.

Десятилетиями складывались научные традиции на гуманитарных факультетах СГУ, в частности, на филологическом, где регулярно проводились научные конференции, чтения, семинары, посвященные памяти выдающихся писателей, корифеев филологической науки. В феврале 1985 г. на факультете прошло VII совещание составителей атласа «Говоры Среднего и Нижнего Поволжья», а в апреле 1986 г. — Всесоюзные «Добролюбовские чтения». В декабре 1986 г. филологи провели X Всероссийские чтения памяти Е.И. Покусаева, а 23-26 октября 1990 г. на факультете прошли научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения еще одного выдающегося ученого университета — профессора А.П. Скафтымова.

В стенах университета сформировалась достаточно авторитетная и представительная школа философов, у истоков которой стояли известные в философских кругах профессора Я.Ф. Аскин и Т.К. Никольская. В январе 1987 г. представители СГУ участвовали в Москве в работе V съезда Философского общества СССР. В октябре 1987 г. представители университетских философов приняли участие в работе V Международного конгресса по логике, методологии и философии науки.

Саратовский государственный университет оставался научной площадкой для обсуждения многих вопросов, представлявших интерес для представителей разных областей науки и имевших методологический характер. В сентябре 1987 г. в СГУ прошла Поволжская научно-теоретическая конференция «Глобальные и региональные проблемы ускорения научно-технического прогресса», а в июне 1988 г. в стенах вуза состоялась Республиканская научная конференция «Управление, творчество, развитие».

Самоотверженный труд представителей университетской науки не остался без внимания государства. В сентябре 1986 г. за большую преподавательскую, научную и общественную деятельность орденом Трудового Красного Знамени были награждены профессора В.В. Тучин и В.Н. Тельнов, а доценты Т.П. Рябова и

В.И. Бегинин — орденами Знак Почета, доцент Т.П. Фокина — медалью «За трудовую доблесть», доценты И.А. Казаринов и А.С. Шаповалов — медалями «За трудовое отличие».

От старших товарищей и наставников вуза в области науки не отставали студенты, проявлявшие склонность к научной работе. В марте 1985 г. студенты-биологи победили в Поволжском туре студенческой олимпиады по биологии. В следующем месяце команда СГУ в Казани заняла 2-е место в Поволжской олимпиаде по физике и радиофизике. В этом же месяце студентов вуза ожидало еще одно важное событие — команда студентов СГУ заняла 1-е место в Поволжской олимпиаде по политической экономии. На этом перечень научных достижений и побед студентов СГУ не исчерпывается.

В июне 1986 г. выпускник исторического факультета А. Магомедов становится лауреатом Всероссийского конкурса студенческих работ по общественным наукам. В 1989 г. студенты СГУ Д. Чернышевский (исторический факультет), О. Блохина (филологический факультет), Д. Черная (биологический факультет) получили звание лауреатов Всероссийского конкурса научных студенческих работ. В декабре 1990 г. студент IV курса химического факультета С. Гладилин был объявлен победителем Первого Всесоюзного конкурса студентов-химиков.

В годы перестройки расширялись возможности для вовлечения студенчества в решение конкретных научных задач через сформировавшуюся общественно-государственную систему научно-технического творчества молодежи. Так, в июле 1989 г. при комитете ВЛКСМ госуниверситета был создан центр научно-технического творчества «Синтез».

Не оставались в стороне от научной деятельности преподаватели других высших учебных заведений. Плодотворно развивалась научная мысль одного из старейших вузов — Саратовского юридического института, длительное время носившего имя Д.И. Курского — одного из первых советских наркомов юстиции. Крупный специалист в области арбитражного процесса, доктор юридических наук И.М. Зайцев в 1988 г. был включен в консультативный совет Государственного арбитража при Совете Министров СССР. В 1990 г. проект Конституции России, разработанный кафедрой конституционного и международного права Саратовского юридического института, получил на конкурсе вторую премию Конституционной комиссии РСФСР. В 1991 г. на базе института редакция журнала «Государство и право» провела «круглый стол» по проблеме «Юридическое образование в России в современных условиях: новые подходы и модели».

Во второй половине 80 — начале 90-х гг. вузы начали выходить на международный уровень сотрудничества, активизировались контакты саратовских представителей высшей школы с коллегами из-за рубежа. В сентябре 1986 г. профессор Г.Г. Полищук участвовала в работе VI Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы в Будапеште. В 1987–1988 гг. профессор СГУ В.С. Стальмахов принял участие в Международном конгрессе по магнетизму в Японии, Международной конференции по магнетизму во Франции, а в сентябре – марте 1990 г. он находился в научной командировке в Китае.^В 1987 г. профессор этого же вуза И.Н. Горелов участвовал во Всемирном лингвистическом конгрессе в ГДР, доцент исторического факультета СГУ О.Н. Исаева — в Международном симпозиуме историков-болгаристов в Софии. С 16 по 20 сентября 1991 г. в Манчестере проходил XV Международный конгресс

по органической геохимии. Среди его участников был профессор Саратовского госуниверситета Л. Анисимов. В сентябре 1991 г. состоялась поездка в Японию профессора СГУ В.В. Тучина, в результате которой были установлены контакты с японскими учеными.

Не только саратовские ученые посещали зарубежные страны, на и представители западной науки приезжали в Саратов, хотя им это было сделать значительно труднее, т.к. областной центр на Волге оставался закрытым городом. В октябре 1990 г. Саратовский государственный университет посетил профессор истории университета С. Каролины (Чапел Хилл) Дональд Рейли, автор известных исторических исследований о событиях 1917 г. в Саратове. В 1991 г. в Саратовском медицинском институте побывала советско-французская делегация медиков-пульмонологов. Академик А.Г. Чучалин, профессор Дюру и доктор Беттон выступили с лекциями перед профессорами и преподавателями мединститута, других вузов, на объединенном заседании научных обществ, встретились со студентами. Совместная работа французских гостей и ученых мединститута способствовала обогащению опытом научной и врачебной деятельности, установлению взаимных полезных профессиональных связей саратовской медицинской школы и Сорбонны.

В быстро менявшихся экономических условиях вузы активно осваивали новые методы финансирования и хозяйствования, в частности, увеличивали объемы научно-исследовательских работ, выполняемых на хоздоговорной основе. В Саратовском сельскохозяйственном институте объем хоздоговорных научно-исследовательских работ вырос с 346 тыс. руб. в 1986 г. до 577 тыс. руб. в 1989 г.⁶ Переход на хоздоговоры увеличивал финансовые возможности высших учебных заведений в решении социально-экономических вопросов, совершенствовании их материально-технической базы.

В высших учебных заведениях разворачивалась работа по организации научных и технологических парков. Это была новационная форма организации вузовской науки. Технопарки саратовских вузов в 1990–1991 гг. заняли лидирующие позиции среди аналогичных учреждений, созданных в различных регионах России. В марте 1991 г. в СГУ создается научно-технический парк «Волга».

В 1990 г. состоялось открытие в СГУ регионального центра новых информационных технологий, а в 1991 г. — международного лазерного центра.

Однако в развитии вузовской науки далеко не все обстояло так радужно, как иногда выглядело внешне. Сохранялось немало проблем, к примеру, недостаточное финансирование, масштабы которого на завершающем этапе перестройки сузились до размеров шагреновой кожи.

Для многих преподавателей, не работавших по хоздоговорной тематике, наука во многом оставалась «хобби» — занятием в свободное от основной работы время. За ее результаты спрашивали во время ежегодных отчетов по науке, но она ничем не стимулировалась, не оплачивалась, на нее не выделялись часы. Преподаватели, активно проводившие научную работу и относившиеся к ней с прохладцей, фактически оказывались в равном положении. Разрабатываемые регламенты по организации вузовской науки, имевшие мало общего с реальной жизнью, носили одновременно академический и схоластический характер. Сохранялось мелкотемье, во многих институтах отсутствовала современная издательская база, имели место и другие недостатки, свойственные вузовской науке.

Рубеж 80–90-х гг. — время перепрофилирования специализированных учебных заведений, приближение их к реальным запросам жизни. В 1990 г. учебный комбинат по подготовке и повышению квалификации рабочих и ИТР реорганизовался в Поволжский филиал Российского учебного центра и вошел в систему Федеральной службы занятости России как многопрофильное и многоуровневое учебное заведение, осуществлявшее обучение безработных, профессиональную переподготовку и повышение квалификации специалистов.

С середины 80-х гг. в высшем образовании Саратовской области, как и в вузовской системе страны, начался нелегкий период. Рушились старые идеологические символы, вузы мучительно вживалась в рыночные отношения, оставляя при этом «...за бортом науки пену сиюминутной конъюнктуры и сохраняя все то ценное, что было накоплено за многие десятилетия».

В высших учебных заведениях Саратова и Балашова в 1986–1987 учебном году обучались 56,9 тыс. студентов, в конце перестроечного периода их численность увеличилась незначительно и в 1990–1991 учебном году составила 57,7 тыс. чел.⁷ В двенадцати вузах области на дневных отделениях обучались 34,5 тыс. студентов, на вечерних — 6,9 тыс., на заочных — 16,4 тыс.⁸ В 1990 г. в высшие учебные заведения поступили 12,2 тыс. человек, из них 7,6 тыс. — на дневные отделения. Выпуск специалистов с высшим образованием составил 8,4 тыс. чел., 4,9 тыс. из которых являлись выпускниками дневных форм обучения⁹.

С 1990 г. в высших учебных заведениях была введена договорная форма обучения, предусматривавшая оплату предприятий и организаций за обучение специалистов, которых они готовили для себя. Вузы заключили договоры на обучение 2,5 тыс. чел.¹⁰ Это были первые шаги по коммерциализации высшего образования.

На рубеже десятилетий удручающим выглядело материальное положение вузовских преподавателей — элиты отечественной интеллигенции, многие из которых, по сравнению с советским временем, оказались в нищете. Если в 1985 г. уровень средней зарплаты в вузах составлял 83,9% от средней заработной платы в промышленности, то к 1990 г. он снизился до 75,9%. Зарплата институтского профессора в России сократилась с 219% от средней зарплаты в промышленности в 1987 г. до 62% в июле 1993 г.¹¹ Невысокая заработная плата вузовских преподавателей негативно сказалась на их уровне жизни, моральном состоянии, делала их труд малопривлекательным для молодежи, являлась свидетельством падения интереса государства к системе высшего образования.

Несмотря на сохранявшиеся трудности, отвечая на вызовы времени, саратовские высшие учебные заведения открывали новые специальности, вводили дополнительные специализации. В Саратовском медицинском институте в 1988 г. был открыт стоматологический факультет; в 1989 г. в Саратовском педагогическом институте — исторический, в 1990 г. — дефектологический факультеты. В этом же вузе в 1991 г. на факультете иностранных языков было образовано отделение для обучения российских немцев. В 1991–1992 учебном году в зооветеринарном институте приступили к подготовке дипломированных рыбоводов, пчеловодов, птицеводов.

В вузах активизировался процесс обмена студентами, отправка их на практику и стажировку в зарубежные страны. В 1989 г. студент механико-математического факультета СГУ О. Мещеряков два месяца стажировался в Кельнском университете. После интенсивного изучения английского языка на специальных курсах

при Саратовском зооветинституте два студента этого вуза — Эдуард Рыбин и Анатолий Терентюк — выдержали конкурсный экзамен и удостоились права продолжить в течение года теоретическую подготовку и закрепить практические навыки в фермерских хозяйствах США¹².

Воспитание студенческой молодежи в вузах Саратова, как и во всех высших учебных заведениях страны, продолжало оставаться идеологизированным. Обком КПСС, горкомы и райкомы партии контролировали работу вузовских парткомов, парторганизаций, преподавателей, пресекали любые попытки инакомыслия, старались не допустить высказываний личного мнения профессоров и доцентов о проводимой внутренней и внешней политике государства, по острым вопросам текущей социально-экономической жизни. Проблемы организации работы со студенческой молодежью регулярно выносились на обсуждение руководящих партийных органов различного уровня. Даже в условиях обострившейся политической ситуации в стране, когда вектор общественного развития все больше смещался в сторону демократизации, бюро Саратовского обкома партии сочло необходимым в первоочередном порядке обсудить вопрос «О формах и методах работы партийных организаций учебных заведений Балашова, их администрации и общественных организаций в воспитании учащейся и студенческой молодежи»¹³.

Незадолго до известных событий августа 1991 г. из Москвы на места была направлена т.н. «Концепция деятельности партийных организаций вузов в современных условиях». Саратовский обком компартии принял активное участие в ее обсуждении. В направленных замечаниях в вышестоящие инстанции после традиционной голословной бравурной преамбулы, саратовские партфункционеры неприминули подчеркнуть: «На стр. 2 следовало бы отметить, что парторганизация должна быть консолидирующей силой вуза»¹⁴.

Под особым вниманием обкома партии находились преподаватели-обществоведы, прием на должности которых не мог состояться без санкции отдела науки и учебных заведений Областного комитета КПСС. Партийные структуры проводили разнообразные мероприятия с обществоведами, нацеливали их на активизацию «марксистско-ленинского воспитания молодежи». В утвержденном Саратовским обкомом в 1991 г. положении об отделе по гуманитарным и идеологическим проблемам в обязанности работников отдела вменялись организация и проведение конференций, совещаний и семинаров преподавателей кафедр общественных наук высших учебных заведений Саратова¹⁵. На усилении работы среди обществоведов, сохранении над ними партийного контроля настаивал секретарь Саратовского областного комитета КП РСФСР Г.М. Шевашкевич в марте 1991 г. на встрече, организованной в Москве в Академии общественных наук: «Очень настораживает резкое сокращение объемов обществоведческих дисциплин в вузах, других учебных дисциплин. Видимо, руководству России удалось протащить тезис о деидеологизации пусть и постепенной в учебном процессе. Мы стоим на пороге по сути безработицы многих обществоведов. И именно они вольются в среду политизированных общественных объединений, а может быть их возглавят. Эту проблему на местах не решить. Нужны совместные действия с отделами ЦК КПСС, органами образования по сохранению, видоизменению обществоведения»¹⁶.

На усвоение студентами догматической марксистско-ленинской теории были направлены всесоюзные и всероссийские конкурсы студенческих работ

по общественным наукам, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения. Под нажимом партийных и комсомольских комитетов участие саратовских юношей и девушек в конкурсах, судя по официальной статистике, из года в год становилось все более массовым. Со времени проведения IV конкурса в 1972 г. число участников XI конкурса в 1986 г. увеличилось втрое и составило 90% студентов дневной формы обучения вузов Саратова¹⁷. Нередко данные о количестве участников конкурсов искусственно завышались для «улучшения статистики».

Несмотря на расширявшиеся демократические процессы, управленческие партийные структуры сохраняли приверженность принципам воспитания и обучения студенческой молодежи на примере деятельности Маркса – Энгельса – Ленина, их теоретического наследия и, тем не менее, жизнь под давлением происходивших политических изменений, вынуждала их отказываться от некоторых стереотипов в организации учебно-воспитательного процесса. В феврале 1990 г. в высших учебных заведениях страны были отменены государственные экзамены по марксизму-ленинизму (научному коммунизму).

Вузовская молодежь не оставалась в стороне от бурных, фактически революционных событий, разворачивавшихся в стране, что вызывало определенную тревогу партноменклатуры. 19 августа 1991 г. общий отдел Саратовского обкома партии получил правительственную телеграмму, подписанную секретарем ЦК КПСС И. Мельниковым: «События последнего времени показывают, что студенты и учащиеся все чаще выступают реальной политической силой. В их среде нарастает социальная напряженность, критическое отношение к обществу, органам государственной власти»¹⁸. Факты, изложенные в телеграмме, не были преувеличением.

В 1992 г. автор настоящей статьи, проходил переподготовку в ИПК при РГГУ (Москва) и присутствовал на встрече с ректором Ю.Н. Афанасьевым — политиком, активным участником и видным теоретиком российского демократического движения. На участников встречи сильное впечатление произвели слова Юрия Николаевича: «В 1991 г. страна не оказалась в состоянии Гражданской войны благодаря выдержке, хладнокровию и самообладанию студенчества и профессорско-преподавательского состава». Эти слова в полной мере можно было отнести к саратовским студентам и преподавателям.

Итак, в годы перестройки (1985–1991 гг.) саратовская академическая наука была представлена рядом институтов АН СССР и филиалов, работавших над актуальными социально-экономическими и научно-техническими проблемами народно-хозяйственного комплекса СССР.

Свой достойный вклад в развитие советской науки вносили вузовские ученые. Кадровый и научный потенциал высших учебных заведений Саратова, собственная экспериментальная база позволяли им сохранять позитивную динамику в развитии научного потенциала. Авангардом вузовской науки выступал Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского — вуз с прочными научными традициями, расширявший тематику исследований и научные связи с зарубежными учеными. Преподаватели СГУ принимали активное участие во внутрисоюзных научных конференциях, провели ряд актуальных научных симпозиумов. Развивалась наука и в других вузах областного центра.

В анализируемый период расширялись формы студенческой науки, которые обогатились центрами научно-технического творчества и новых информационных технологий, научными и технологическими парками и пр.

1985–1991 гг. — время инноваций, внедряемых в вузовский учебный процесс. Вводились договорные формы обучения, открывались дополнительные специализации, новые специальности, организовывалась студенческая практика за рубежом.

Тем не менее, в условиях стагнации советского общества, вступления его в кризисную фазу развития все острее давали о себе знать недостатки в организации и управлении научной сферой, в т.ч. и в саратовской науке: снижалась требовательность к конечным результатам научной работы творческих коллективов, падала исполнительская дисциплина, распространялась атмосфера всепрощенчества, по-прежнему имело место недофинансирование вузовской науки, что негативно отражалось на состоянии ее экспериментальной базы. В саратовских институтах и университете практически отсутствовали моральные и материальные стимулы для повышения эффективности работы ученых, четкие и понятные критерии оценки их труда. Сохранялись трудности с научными публикациями. Снижалась заработная плата вузовских преподавателей.

В высших учебных заведениях Саратова, так же как и в других вузах страны, преподавание общественных дисциплин продолжало вестись на основе марксистско-ленинской теории и идеологии. Учебный и воспитательный процесс строго контролировался партийными органами, которые принимали документы, направленные на усиление влияния партийных комитетов различного уровня на внутреннюю жизнь высших учебных заведений и, следовательно, на сужение внутривузовской демократии, что приводило к догматизму, схоластике и начетничеству в преподавании обществоведческих дисциплин. Новые тенденции в организации воспитательного и учебного процесса входили в явное противоречие со старыми, отжившими формами и методами вузовской работы, которые были уничтожены в результате последующих преобразований.

¹ *Воротников А.А.* Потребность в правде: Новейшая история России глазами журналиста и ученого. Саратов, 2009. С. 66.

² См.: Там же. С. 66–67.

³ Там же. С. 67–68.

⁴ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее — ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 49. Д. 166. Л. 8.

⁵ См.: СГУ в годы перестройки. URL: <http://www.sgu.ru/node23528> (дата обращения: 06.06.2013); *Фролкин П.П.* Развитие вузовской науки и кадрового потенциала высшей школы (середина 80–90-е годы) / под ред. В.А. Динеса. Саратов, 2000. С. 75.

⁶ См.: *Фролкин П.П.* Указ. раб. С. 137–138.

⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 49. Д. 450. Л. 38-об.

⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 49. Д. 447. Л. 13.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: *Фролкин П.П.* Указ. раб. С. 93.

¹² См.: Наше слово (Общественно-политическая газета г. Энгельса). 1991. 9 авг.

¹³ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 48. Д. 84. Л. 156.

¹⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 48. Д. 84. Л. 162.

¹⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 48. Д. 84. Л. 7.

¹⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 48. Д. 84. Л. 77–78.

¹⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 49. Д. 155. Л. 8.

¹⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 48. Д. 84. Л. 180.

С.В. Ворошилова

САРАТОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ПОПЕЧИТЕЛЬНЫЙ О ТЮРЬМАХ КОМИТЕТ И ЕГО ДАМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ (1838–1917 ГОДЫ)

В статье раскрываются основные направления деятельности Саратовского губернского Попечительного о тюрьмах комитета и его женского отделения по защите прав заключенных и освобожденных из мест лишения свободы.

Ключевые слова: «Попечительное о тюрьмах общество», тюрьма, заключенные, благотворительность, женщины, приюты, тюремный патронаж.

S.V. Voroshilova

THE SARATOV PROVINCIAL TRUSTEE ABOUT PRISONS COMMITTEE AND ITS LADIES' OFFICE (1838–1917)

Article opens the main activities of the Saratov provincial Trustee about prisons of committee and its female office on protection of the rights of prisoners and released from imprisonment places.

Keywords: “Trustee about prisons society”, prison, prisoners, charity, women, shelters, prison patronage

Значительную роль в деле помощи осужденным и выпущенным на свободу в до-революционной России играли различные общества, занимающиеся опекой над заключенными и созданием исправительно-воспитательных учреждений. И сегодня вызывает интерес и заслуживает пристального внимания, с целью возможного использования такого опыта их деятельность в современной пенитенциарной системе.

Правовое положение осужденных в России XIX – начала XX в. регламентировалось Сводом учреждений и уставов о содержащихся под стражей¹, согласно которому забота о нравственном исправлении преступников и улучшении положения заключенных возлагалась на Российское Попечительное о тюрьмах Общество. Это Общество было учреждено в Петербурге 11 октября 1819 г. в ходе тюремной реформы, которая проводилась в России при активном участии известного филантропа Вальтера Венинга.

19 июля 1819 г. Александр I утвердил «Правила для Попечительного Общества о тюрьмах», согласно которым средствами к исправлению заключенных были названы постоянный надзор за ними, распределение их по роду преступлений, наставление в духе «христианского благочестия» и занятие подобающей работой².

В состав Общества, которое состояло при министерстве юстиции, согласно его Уставу входили: президент, члены обоего пола, обязывающиеся осуществлять ежегодные взносы в пользу заключенных, и благотворители, делавшие единовременные пожертвования. Пожертвования могли осуществляться различным имуществом, деньгами, одеждой, продуктами³. Так, например, в 1896 г. действительный статский советник К.Л. Кирхберг завещал Саратовскому Попечительному о тюрьмах комитету на воспитание и исправление несовершеннолетних преступников, находящиеся на Митрофаньевской площади в г. Саратове два дома с флигелем, которые и были переданы, с разрешения императора, Галкинскому учебно-исправительному приюту⁴.

© Ворошилова Светлана Вячеславовна, 2014

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия)

Первоначально в Общество Попечительное о тюрьмах вошли 30 чел.: 19 мужчин и 11 женщин. Состав женской половины Общества был представлен княгинями С.С. Мещерской, А.С. Голицыной, А.М. Щербатовой, Н.С. Трубецкой, а также господами П.М. Толстой, Е.И. Бахерахт, А.С. Паттерсон и др.⁵

Средства на содержание Попечительного общества поступали из казначейства – на продовольствие и обмундирование арестантов и содержание их в тюремной больнице, из городского общественного управления – на отопление и освещение тюрем. На эти нужды направлялись также пожертвования и взносы членов общества.

Исполнительными органами Общества были попечительные о тюрьмах комитеты в губернских, уездных и портовых городах, женские (дамские) отделения губернских комитетов. На особом положении находились Попечительства над арестантскими отделениями.

Во главе губернских комитетов стояли вице-президенты, во главе мужского и женского отделений – председатели и председательницы, которые утверждались в должности императором. Кроме них, в правление комитетов входило неопределенное число директоров и директрис, в губернских комитетах их число доходило до 20, а в уездных – до 10. Из их числа избирались казначей и секретарь.

Согласно Правилам членами комитетов становились главные должностные лица губернии и уезда. Членами Попечительного комитета были: губернский предводитель дворянства, епархиальный архиерей, совестный судья, губернский прокурор, председатели Гражданской и Уголовной палат, Уездный предводитель, управляющий палатами государственных имуществ и удельной конторы, жандармский штабс-офицер, старший врач и городской голова. Членами уездных комитетов становились уездный предводитель дворянства, который являлся председателем, старшее духовное лицо в городе, окружной начальник казенных крестьян, уездный депутат, стряпчий, уездный врач и городской голова⁶. Членами комитетов могли стать представители дворянского и купеческого сословия, пользующиеся в обществе авторитетом, активно работающие и ежегодно вносящие взносы⁷.

До начала XX в. в России не существовало специальных женских тюрем, а надзор за заключенными женщинами до 1887 г. осуществляли надзиратели-мужчины, что значительно ухудшало положение арестанток. С целью решения данной проблемы и для попечения над заключенными женщинами и их детьми при губернских комитетах создавались дамские отделения, состоявшие из женщин и действовавшие на основании Устава дамского попечительного о тюрьмах комитета. Согласно этому Уставу дамские отделения должны были оказывать помощь и содействие не только женщинам и их детям, находящимся в местах лишения свободы, но и тем, кто выходил из-под стражи. Дамские отделения должны были следить за тем, чтобы беременные женщины, ожидавшие скорых родов, и женщины с грудными младенцами содержались в отдельных от других заключенных помещениях и обеспечивались дополнительным питанием⁸.

В состав дамского комитета входили председательница, двенадцать или более членов и секретарь. Вместе с тем дамские комитеты не могли распоряжаться хозяйственными и денежными делами и были обязаны подчиняться мужским комитетам, которым сообщали сведения о своей деятельности⁹.

5 июня был одобрен императором, а 28 августа 1838 г. начал свою деятельность Саратовский губернский Попечительный о тюрьмах комитет. В звании вице-президентов император утвердил военного губернатора г. Саратова генерал-майора И.М. Бибикова и епископа Саратовского и Царицынского Иакова. Чле-

нами попечительного комитета были утверждены действительный статский советник Попов, действительный статский советник Сечин, статский советник Македонский, коллежский советник Арапов и др.¹⁰

Женское (дамское) отделение Саратовского губернского попечительного о тюрьмах комитета было открыто в 1840 г. Первой председательницей этого отделения стала супруга губернского предводителя дворянства М.А. Столыпина. В состав дамского отделения вошли 25 представительниц дворянского и купеческого сословия, среди которых: Е.А. Иванова, М.П. Коптева, Е.Н. Неклюдова, В.С. Богданова, Е.А. Кожина и др.¹¹ На приход дамского комитета 10 апреля 1840 г. было записано 295 руб. 4 коп. серебром, поступивших в качестве пожертвований. Председательница и дамы пообещали ежегодно делать пожертвования в дамский комитет на нужды заключенных. Так, например, размер ежегодных пожертвований членов дамского комитета в пользу Саратовского тюремного замка в 1841 г. составил 484 руб. 90 коп.¹²

Весь состав дамского комитета утверждался императором. В 1893 г. были утверждены в должности директрис: Санкт-Петербургского дамского комитета — супруга статс-секретаря Е.В. Сабурова, Дерптского дамского отделения супруга директора Дерптской учительской семинарии М.П. Тихомирова, Саратовского дамского комитета — супруга управляющего Саратовской контрольной палатой Л. Пащенко¹³.

Обязанности Попечительных комитетов и их отделений состояли в следующем: умножение капитала Общества через единовременные вклады и ежегодные пожертвования; наблюдение за правильным размещением арестантов по полу, званию, возрасту и роду преступления; снабжение их одеждой, обувью, продовольствием; наблюдение за содержанием мест заключения в исправном состоянии; сооружение церквей при тюрьмах и попечение над тюремными больницами, исправление нравственности арестантов, занятие их работой; попечение о пересылаемых в Сибирь, выкуп заключенных за долги¹⁴.

Деятельность попечительных комитетов, в т.ч. и дамских, распространялась как на тюрьмы, так и на смирительные и рабочие дома, право посещения которых предоставлялось всем членам комитета и оформлялось специальными билетами за подписью губернатора.

В 1855 г. попечительное о тюрьмах Общество и существовавшие при нем комитеты были причислены к Министерству внутренних дел, а министр внутренних дел стал его президентом. В 1895 г. Общество перешло в ведомство министерства юстиции. К 1863 г. в России действовало 2 дамских комитета (в Москве и Петербурге) и 25 женских отделений в губернских городах при попечительных о тюрьмах обществах.

В 1893 г. Санкт-Петербургский, в 1895 г. Московский, а в последующих годах и губернские тюремные комитеты были упразднены и учреждены мужские и дамские тюремно-благотворительные комитеты, совершенно устраненные от участия в хозяйстве мест заключения. За ними была оставлена лишь благотворительная деятельность: содействие в приискании средств к жизни лицам, освобожденным из-под стражи или отбывшим срочное заключение, попечение об участии выпущенных из заключения несовершеннолетних, призрение детей впредь до освобождения из-под стражи их родителей, оказание помощи семьям заключенных и осужденных в ссылку, попечение о выкупе лиц, заключенных за долги, помощь их семьям.

Архивные материалы подтверждают, что члены дамского комитета сами учили арестанток Закону Божьему, грамоте, ремеслам, брали их на поруки, выкупали, трудоустраивали. Так, в 1846 г. председательница Саратовского

дамского отделения Е.А. Иванова отмечала, что, помимо пожертвований деньгами, платьем и обувью, члены дамского комитета занимались с заключенными чтением духовных книг и обучением их грамоте¹⁵. Исправление нравственности заключенных провозглашалось важнейшей задачей тюремных комитетов. С этой целью при тюрьмах строили церкви, приглашали священников, следили за соблюдением церковных обрядов, пополняли библиотеку духовной литературой¹⁶. Тюремные инструкции предписывали духовным лицам проводить беседы и «поучения» с арестантами, которые имели целью «...внушение правильных понятий о религии...об общих гражданских обязанностях, требующих преданности Престолу и отечеству и подчинения существующим законам и властям, а также внушение им стремления к усовершенствованию в нравственном смысле»¹⁷.

Содержавшиеся под стражей во время следствия и суда вплоть до приведения приговоров к исполнению не подлежали обязательному занятию работой, однако по желанию могли принимать участие в работах при тюрьмах, за что получали денежное вознаграждение. В виде исключения из общего правила Законом от 6 января 1886 г. устанавливалась обязательная работа в тюрьме для обвиняемых в преступлениях против собственности, если они ранее осуждались за преступления имущественного характера. Заключенные женщины не могли выполнять работы вне тюремной ограды¹⁸. Они работали в помещении, а также во дворе и огороде. Женщины шили одежду и постельные принадлежности, вязали чулки, ткали тесьму, вышивали, пряли шерсть, чинили белье, платье и т.д. Женщины низших сословий занимались стиркой и глажкой белья, мытьем посуды и полов, готовили пищу, работали в тюремном огороде и саду¹⁹.

Часть заработанных средств выдавалась заключенным сразу, часть — после освобождения. Таким образом, размер денежного пособия, получаемого освобожденным из-под стражи, зависел от продолжительности заключения и от доходности выполняемой ими работы. В этой связи женщины-заключенные, выполнявшие в основном хозяйственные работы, не могли рассчитывать на высокие заработки. С целью решения данной проблемы Саратовский губернский Попечительный о тюрьмах комитет и его дамское отделение старались не только организовать работы заключенных и тех, кто был освобожден из-под стражи, но и устроить продажу их изделий для выручения необходимых средств. Подобная деятельность попечительных комитетов, по мнению их членов, не только способствовала трудовому воспитанию осужденных, но и являлась важнейшей профилактикой рецидивной преступности в России²⁰.

Особым направлением деятельности тюремных комитетов являлось открытие и содержание приютов для несовершеннолетних преступников, детей арестантов, а также нищих и оставшихся без попечения. Так, при Петербургском тюремном замке, по инициативе дамского тюремного комитета, в июне 1843 г. был учрежден приют для т.н. «вольных девочек», дочерей бывших и настоящих арестантов от 5 до 16 лет. Содержащиеся в нем девочки обучались грамоте и рукоделию, а по достижении 16-летнего возраста пристраивались на работу²¹. Подобные приюты были открыты в Москве, Красноярске, Тобольске, Юрьеве, Иркутске, Чите и других городах. В 1844 г. на благотворительные средства, пожертвованные членом тюремного комитета купцом Образцовым, был основан Саратовский приют для арестантских детей, в который поступали дети в возрасте от 4 до 12 лет. Попечительницей над приютом являлась председательница дамского отделения

Саратовского губернского Попечительного о тюрьмах комитета М.А. Столыпина. В 1845 г. в приюте находились 8 мальчиков и 7 девочек²².

В феврале 1873 г. в Саратове, по инициативе М.Н. Галкина-Врасского, был открыт учебно-исправительный приют для несовершеннолетних преступников, бесприютных сирот и нищих, где содержались дети обоего пола. Несовершеннолетние преступники поступали в приют по приговорам Саратовского окружного суда и мировых судов Саратовской губернии и Новоузенского уезда Самарской губернии. В приюте они содержались определенный судом срок, который мог быть сокращен до 2/3 за усердную работу и прилежное поведение. Сироты и нищие принимались по постановлению правления приюта в возрасте от 6 до 12 лет и содержались в нем до достижения 17-летнего возраста²³. В 1894 г. в приюте находились 102 воспитанника и 15 воспитанниц, большая часть которых не умели читать и писать. После обучения грамоте и освоения ряда профессий часть воспитанников возвращалась домой к родителям и опекунам, а часть трудоустраивалась благодаря ходатайствам своих попечителей²⁴.

Приют состоял в ведении Министерства внутренних дел. Согласно Уставу главное управление приютом сосредоточивалось в Саратовском губернном Попечительном о тюрьмах комитете, непосредственное управление возлагалось на особое правление, состоявшее из 6 лиц: директора тюремного комитета, директрисы дамского отделения, по одному представителю от земства и города и двух от Совета Благотворительного Союза при Саратовском Православном братстве Святого Креста. Они избирались на 2 года. Члены правления избирали из своей среды председателя, казначея и секретаря.

В обязанности правления входило умножение капитала приюта, назначение смотрителя и учителей, наблюдение за обучением, хозяйственное обеспечение, создание мастерских, приискание работ и заказов, устройство воспитанников после выпуска из приюта. Воспитанников обучали грамоте и ремеслам.

Благодаря активной деятельности тюремных комитетов обучение грамоте не только малолетних, но и взрослых заключенных становится обязательным. Представительницы дамского комитета проводили чтения и собеседования с осужденными, заботились о пополнении тюремной библиотеки²⁵. Сохранившиеся отчеты свидетельствуют о следующей деятельности дамского отделения Саратовского Попечительного о тюрьмах комитета, созданного в 1840 г.: помощь семьям лиц, ссылаемых в Сибирь; помощь семьям лиц, освобожденных из заключения; пожертвования на изготовление платья и обуви; обеспечение заключенных и вышедших из-под стражи работами за вознаграждение; содействие к отправлению на родину; содержание при тюрьме фельдшерицы и акушерки; обучение неграмотных чтению и письму; чтения и собеседования; особое попечение о приюте²⁶.

Таким образом, Саратовский губернский попечительный о тюрьмах комитет и его женское (дамское) отделение действовали в рамках деятельности Санкт-Петербургского Попечительного о тюрьмах Общества и старались защитить права заключенных, улучшить условия нахождения под стражей, осуществить нравственное и религиозное исправление осужденных и скорейшую реабилитацию тех, кто выходил из-под стражи. Деятельность данных организаций была прекращена с образованием Советского государства в 1917 г.

¹ См.: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (изд. 1890 г.) // СЗРИ. Т. XIV, ст. 64.

² См.: ГАСО. Ф. 387. Оп. 1.

³ См.: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (изд. 1890 г.) // СЗРИ. Т. XIV, ст. 69.

- ⁴ См.: Тюремный вестник. 1896. № 12. С. 633.
⁵ См.: *Никитин В.Н.* Тюрьма и ссылка. СПб., 1880. С.27.
⁶ См.: ГАСО. Ф. 387. Оп.1. Ед.хр.2.Л.15.
⁷ См.: ГАСО. Ф.387. Оп.1. Ед.хр.2. Л.4.
⁸ См.: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (изд. 1890 г.) // СЗРИ. Т. XIV, ст. 27, 178, 182, 213.
⁹ См.: *Никитин В.Н.* Тюрьма и ссылка. С.22, 26, 41.
¹⁰ См.: ГАСО. Ф. 395. Оп.1. Ед.хр.1. Л.1.
¹¹ См.: Там же. Л. 10-11.
¹² См.: ГАСО. Ф. 395. Оп.1. Ед.хр.1. Л.27.
¹³ См.: Тюремный вестник. 1893. № 2. С. 48.
¹⁴ См.: ГАСО. Ф.387. Оп.1. Ед.хр 7. Л.36; Ед.хр. 413. Л.33.
¹⁵ См.: ГАСО. Ф. 395. Оп.1. Ед.хр.3. Л.72.
¹⁶ См.: ГАСО. Ф. 395. Оп.1. Ед.хр.3 . Л.16.
¹⁷ *Маклецов А.* Новая общая тюремная инструкция. М., 1916. С. 9.
¹⁸ См.: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (изд.1890 г.) // СЗРИ. Т. XIV. Ст. 357.
¹⁹ См.: Женское право. Свод узаконений и постановлений, относящихся до женского пола. С разъяснением статей Свода законов по решениям кассационного департамента правительствующего Сената. СПб., 1873. С. 324–326.
²⁰ См.: Тюремный вестник. 1896. № 1. С. 64.
²¹ См.: *Никитин В.Н.* Жизнь заключенных. Обзор Петербургских тюрем и относящихся до них узаконений и административных распоряжений. СПб., 1871. С. 91, 94-95.
²² См.: ГАСО. Ф.387. Оп.1. Ед.хр.20. Л.7.
²³ См.: ГАСО. Ф.387. Оп.1.
²⁴ См.: Отчет о состоянии Саратовского Галкинского учебно-исправительного приюта за 1894 г. // Тюремный вестник. 1895. № 12. С. 623.
²⁵ См.: ГАСО. Ф.387. Оп.1. Ед.хр.341. Л.15.
²⁶ См.: Там же.

Ю.А. Гаврилова

ПОНЯТИЯ «СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ ПРАВА», «ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ»: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

В статье раскрывается взаимосвязь понятий «смысловое поле права» и «правовая жизнь»; рассматриваются проблемы их соотношения.

Ключевые слова: смысл, право, смысловое поле, правовое поле, правовая жизнь, субъект права.

Yu.A. Gavrilova

THE CONCEPTS «SEMANTIC FIELD OF LAW», «LEGAL FIELD», «LEGAL LIFE»: PROBLEM OF CORRELATION

The article covers the interrelationship between the concepts of «legal field» and «legal life», filled with their substantial aspects.

Keywords: meaning, significance, law, right, the semantic field, the legal field, the legal life, subject.

Исследование проблемы смысла права в современном российском правоведении предполагает обращение к понятиям теории права, необходимым для рассмотрения этой проблемы во всей содержательной полноте и актуальности. Наиболее тесная связь в юридическом аспекте прослеживается между понятиями «смысловое поле права», «правовое поле» и «правовая жизнь». Право

© Гаврилова Юлия Александровна, 2014

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства (Волгоградский государственный университет), e-mail:juliagavr@yandex.ru

воздействует на общественные отношения не «само по себе», а путем влияния на сознание и поведение человека, вступающего в эти отношения с другими людьми, и без связи с личностью, ее проблемами и нуждами социальная эффективность права будет крайне низкой. Несмотря на то, что большинство исследователей признают эту «субъект-объектную» дихотомию права, особенности гносеологического аппарата человека таковы, что он не может вынести себя за пределы исследовательской ситуации, а поэтому почти всегда склонен отступать от принципа подобной «парности» и оказывать предпочтение какой-либо одной стороне категориальной пары. Осмысление указанного феномена позволяет предположить, что именно по этим критериям близкие по смыслу и содержанию понятия «правовое поле» и «правовая жизнь» наполнены своими содержательными аспектами, и при этом ни одно из них не находится в отношениях конфронтации с понятием «смысловое поле права».

Важно отметить также, что не все ученые признают категориальный статус всех выделенных нами понятий. Так, вместо термина «правовое поле» часто употребляются понятия «правовое пространство» и «сфера правового регулирования»¹. Правовая жизнь как совокупность многообразных правовых отношений в обществе рассматривается как явление или понятие, тяготеющее к тому, чтобы еще стать категорией². Наконец, понятие «смысловое поле права», активно разрабатываемое современной философией, культурологией, психологией, политологией и лингвистикой, обладает значительным потенциалом для трансформации в самостоятельную категорию юридической науки. Оно представляет собой интегративную теоретико-познавательную модель смысла права, аккумулирующую в себе комплекс инструментов для освоения и анализа как правового поля, так и правовой жизни, но в особом ракурсе, под особым углом общенаучной проблемы смысла³.

Введение понятия «правового поля» стало актуально на определенном этапе развития общей теории права, поскольку оно: 1) определяло сферу действия права и его общие рамки (границы); 2) указывало начало неправового пространства, где действуют иные социальные регуляторы: мораль, религия, обычаи и т. д. Здесь также разумно вспомнить и мир обыденных мыслей, чувств, идей, переживаний, часто не подвластных силе официального правового нормирования; 3) констатировало существование определенного механизма динамики в правовом регулировании общественных отношений, когда правовое и неправовое пространство могут двигаться навстречу друг другу, отдаляться, а иногда и пересекаться; 4) устанавливало меру гармоничного взаимодействия права и других социальных норм с тем, чтобы избежать деформаций правосознания, прежде всего, крайностей правового нигилизма и правового идеализма.

Представляется, что все обозначенные потребности в оперировании понятием «правовое поле» продолжают реализовываться в концепции смыслового поля права хотя бы потому, что мы можем здесь аналогично обнаружить и закрепить в сознании: 1) объем смыслового охвата общественных отношений, подпадающих, по устоявшемуся выражению, под «юрисдикцию» права; 2) смысловые пределы действия правовых норм в той или иной социальной сфере; 3) «социально-предметный» слой смысла права, подвижный до границ его взаимодействия с иными социальными сферами; 4) адекватную смысловую модель отношения к праву как особому достижению человеческой цивилизации, отличному от других форм и способов социально-нормативной регуляции.

Применительно к понятию «правовая жизнь» основными аргументами за его использование в категориальном аппарате юридической науки являлись положения о том, что она позволяют: 1) под особым углом зрения общекультурных факторов взглянуть на право и процесс его воздействия на общественные отношения; 2) рассматривать правовые явления в единстве институциональных (статических) и поведенческих (динамических) аспектов бытия; 3) глубже, основательнее и комплекснее познать правовую реальность, состоящую как из позитивных, так и негативных элементов; 4) увидеть уровень действительной правовой культуры и степень существующего правосознания всех социальных субъектов; 5) определять основополагающие принципы юридических взаимоотношений личности и власти; 6) оценивать право как один из важнейших цивилизованных социальных регуляторов отношений людей. Вместе с тем данные задачи параллельно формулируются и решаются в теории смыслового поля права. В этом аспекте правовая жизнь есть насущная актуализация смыслового поля права, а оно — когнитивная схема познания правовой жизни.

Думается, что понятие «правовое поле» тяготеет к «объективному» праву, действующему через всю систему институционально-нормативных форм его выражения, а понятие «правовая жизнь», напротив, распространяется на «совокупность многообразных видов и форм юридической жизнедеятельности субъектов в обществе, представленных в итоге как мир упорядоченных (предусмотренных) нормами права реалий (действий, поступков, отношений)»⁴. При этом нельзя отрицать, что правовое поле конституируется в сознании человека через систему его проективных и реальных юридических действий, а правовая жизнь вполне реально опирается на заранее установленные, заданные образцы поведения. «Разумеется, большую роль в ней играют также инициативные, свободные действия субъектов, их личные устремления, потребности, интересы, но в целом поведение индивида должно находиться в рамках правового поля. Вне этого поля простирается другая, неправовая жизнь, в т. ч. противоправная...»⁵.

Если бы правовое поле понималось только догматически как «объективная» оболочка, форма того жизненного пространства, в котором оказывается человек, то сразу появился бы соблазн, особенно у субъектов политической власти, прежними юридическими средствами сузить пределы жизненного мира человека. Это можно было бы квалифицировать как «возрожденный» или «цивилизованный» этатизм. Напротив, включение личности в сложную и разветвленную систему правовых отношений наполняет адекватным смыслом соответствующее правовое поле. Тогда правовое поле предстает как «осмысленное» пространство, очерчивающее актуальные границы правового бытия личности и обозначающее исходные «пункты» ее взаимодействия с окружающей правовой, моральной, политической и другой средой. Здесь в этих открытых границах человек свободен и самореализуется. Каково оно, правовое поле, человек может понять, реконструировав транслированный ему через правовое поле смысл и (или) наполнив его (правовое поле) индивидуальным ценностным смыслом. Без феномена смысла правовое поле постепенно воспринималось бы пустым физическим пространством и лишь в единстве с нормами права создавало бы позитивно-правовое бытие. Однако нормирование, «измерение» степени свободы в законодательстве и иных формальных юридических источниках права суть внешнее проявление глубинных процессов осмысления правового поля, осуществляемого каждым правовым субъектом и выражаемого в смысловом поле права.

Рассмотрение на методологическом уровне проблемы смысла права требует и выявления граней взаимодействия смыслового поля права и правовой жизни. Если представить правовую жизнь вне контекста смысла, то мы имели бы картину механического перемещения в социальном пространстве субъектов права, поведение которых направляется, сохраняется, передается и преобразуется нормами права — источниками внешнего воздействия. Напротив, правовая жизнь представляет собой компактное выражение многообразия практической деятельности человека в правовой сфере, но не ограничивает свое содержание правовыми актами, охватывая также правовую систему — специфику правовой действительности, правовую культуру — уровень существования правовой действительности, правосознание — отношение субъектов к праву, проблемы эффективности правотворчества и реализации права — степень удовлетворения людьми своих законных интересов, а также, возможно, и другие юридические явления, если они характеризуют право под углом всех форм его бытия и выражения в общественной жизни⁶. Вместе с тем мы должны отметить, что смысловые рамки самого понятия «правовая жизнь» во многом зависят от того, не отдаляется ли исследователь правовой жизни от общей проблемы смысла права. Ведь смысловой контекст связывает субъекта права и окружающее его правовое бытие, придавая тому и другому живое и динамическое смысловое единство: ценностное, идейное, нормативное и поведенческое, что нередко выглядит в современном изменчивом мире как более широкий подход, чем констатация исключительно логического единства всеобщего (правового бытия) и единичного (человека, субъекта, личности). Одновременно с этим смысловая проблематика придает правовой жизни разнообразие, т. к., чем больше различного и неповторимого представлено в индивидуальных картинах мира всех субъектов права, тем более уникальной представляется и сама правовая жизнь, состоящая из актов жизнедеятельности этих субъектов.

По нашему мнению, точкой пересечения понятий «правовое поле» и «правовая жизнь» выступает смысловое поле права. Однако это не просто отношения частичного совпадения понятий по объему. Это особого рода отношения функционального дополнения, взаимной соотнесенности и даже рядоположенности. Данный взгляд будет обоснованным, особенно если принять во внимание точку зрения М.И. Байтина о том, что именно человек как носитель прав и обязанностей — центр правовой жизни (а не правовой системы общества)⁷. Через смысловое поле права человек самоидентифицируется, т. е. определяет свои место и роль в правовом поле и правовой жизни. В связи с тем, что правовое поле создает массу потенциальных, не всегда реализуемых, юридических возможностей, оформляет известное пространство социальной свободы и активности, сам процесс осмысления (понимания), объяснения и интерпретации действительного поведения личности образует смысловой радиус правового поля, идеальный план его восприятия как данности, действительности, сущего. Соответственно, оценка реальных явлений в процессе непрерывно протекающей правовой жизни, общее «встраивание» результатов этой оценки в структуру потребностей, интересов, целей и мотивов юридически значимого поведения личности позволяют говорить о своеобразной смысловой составляющей правовой жизни. Ее богатство, многообразие и неисчерпаемый потенциал представляются сознанию во многом потому, что правовая жизнь концептуализируется разными людьми, порой со значительно не совпадающим уровнем индивидуального правосознания и правовой культуры, имеющими неодинаковый социальный статус, интеллектуальные, профессио-

нальные и психологические особенности. Единство же человеческого осмысления правовой жизни как целостного феномена как раз может быть достигнуто путем универсализации знания о праве на уровне смысла: с помощью концепта права и его смыслового поля.

Таким образом, важное значение при анализе сложной и многогранной проблематики смысла права имеют понятия «смысловое поле права», «правовое поле» и «правовая жизнь». Возникнув в рамках самостоятельных научных течений и претендуя на известную универсальность по отношению к другим правовым явлениям, они приобретают максимальное качество универсальности при совместной корреляции друг с другом. Данные понятия взаимно пересекаются в общем понятийном аппарате теории права и создают определенный диапазон для обозначения содержания, направленности и примерных границ познания общей проблемы смысла права.

¹ См.: Матузов Н.И. Предмет и метод правового регулирования // Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М., 2002. С. 315; Капустина М.А. О понятии «правовое поле» // Правоведение. 2006. № 6. С. 220–222; Лазарев В.В. Общая теория права и государства: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 142.

² См.: Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2005. С. 16–19.

³ См.: Гаврилова Ю.А. Смысловое поле права (философско-правовой аспект). Волгоград, 2011. С. 46–49; *Ее же*. Понятие толкования права в контексте идеи смыслового поля // Вестник Саратовской государственной академии права. Саратов, 2007. № 5. С. 34–38.

⁴ Малько А.В. Правовая жизнь: основы теории // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2005. С. 43, 72–73.

⁵ Матузов Н.И. Правовая жизнь: основы теории // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2005. С. 28.

⁶ См.: Михайлов А.Е., Невважай И.Д. Правовая жизнь // Правовая политика: словарь и проект концепции. Саратов, 2010. С. 47.

⁷ См.: Байтин М.И. Право и правовая система: вопросы соотношения // Право и политика. 2000. № 4. С. 4–14.

В.Л. Кулапов

СООТНОШЕНИЕ ЦЕЛЕЙ, ЗАДАЧ И ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

В статье дается понятие целей, задач и функций государства. Особое внимание обращается на структурное содержание функции и влияние ее составных элементов на характер выполнения.

Ключевые слова: цель, задача, функция государства, элементы структуры функций государства.

V.L. Kulapov

RATIO OF THE PURPOSES, TASKS AND STATE FUNCTIONS

The author defines the aims and tasks and the functions of State in his article. He pays special attention to the structural contents of the functions, as well as the impact of their basic elements upon the character of the functions performed.

Keywords: aim, task, function of State, elements of structure of the functions of State.

В последние 20 лет в научной литературе, средствах массовой информации и даже на бытовом уровне очень часто возникают жаркие, порой непримиримые споры о месте и роли государства в повседневной жизни современного российского общества.

© Кулапов Виктор Лаврентьевич, 2014

Кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия права)

Одна сторона, к которой относятся преимущественно представители либеральных течений, убеждает в необходимости снижения социальной активности государства, уменьшения количества выполняемых им функций. Государство, якобы, доказало свою управленческую неэффективность. Его в значительной мере должны заменить институты гражданского общества, органы местного самоуправления и коммерческие структуры. Личность должна быть освобождена от диктата государства.

Другая сторона апеллирует к зарубежному опыту, где якобы уже продолжительное время наблюдается активизация социальной, координирующей деятельности государства и межгосударственных объединений. Да и практика последних десятилетий свидетельствует об ошибочности позиций либералов. В России гражданское общество еще не сложилось, а коммерческие структуры не готовы выполнять функциональную нагрузку государственных органов. Люди просто не готовы взять ответственность на себя и надлежащим образом участвовать в управлении. Об этом свидетельствуют провалы в экономике, образовании, медицине, ЖКХ и т.д.

Думается, что элементы справедливости есть в рассуждениях и тех и других. Какой же должна быть роль современного Российского государства? Какие функции оно должно выполнять? Решению этого вопроса может способствовать оптимальное соотношение целей, задач и функций государства.

Политико-правовая цель – это идеально предполагаемая модель, отражающая то состояние общественной жизни, к которому стремится государство за счет реформирования тех отношений, явлений и процессов, которые существуют в настоящем. Она составляет основу долгосрочной политики и определяет базовые направления совершенствования законодательства. Для достижения значительных результатов политико-правовая цель должна отражать насущные общественные потребности и интересы, стимулировать и объединять людей, направлять, ориентировать их на определенный качественно новый уровень жизни, а также обеспечивать использованием необходимых и достаточных средств практическую деятельность субъектов по ее претворению в жизнь.

Как неотъемлемые структурные компоненты субъективной стороны будущих участников политико-правовой жизни целевые установки должны мотивировать их социальную активность и направлять на скоординированное достижение социально-полезного результата.

Таким образом, цель деятельности государства обладает следующими свойствами:

- 1) отражает комплекс общественных и государственно-значимых потребностей и интересов, что обуславливает ожидаемый, позитивный характер планируемого результата;
- 2) выступает как образец, мысленно отраженный и прогнозируемый результат, к достижению которого должны стремиться участники общественной жизни;
- 3) устанавливается государством на основе критического анализа современного состояния государственно-правовой жизни;
- 4) формально закрепляется с помощью определенных документов политико-правового характера;
- 5) предполагает использование определенного механизма достижения планируемого результата;
- 6) обеспечивается государственными ресурсами. В случае отклонения поведения субъектов от предполагаемого направления включаются меры государствен-

ного воздействия, призванные корректировать и обеспечивать их активность, направляя ее к определенным результатам.

Цели отличаются большим разнообразием. Они бывают истинными и ложными, прогрессивными и регрессивными, гуманными и антигуманными, ближайшими и перспективными, нравственными и безнравственными, общими и специальными и т.д.¹; реализуются в жизнь и достигаются посредством постановки перед определенными субъектами и решения ими некоторого комплекса задач. Цели и задачи диалектически сочетаются меж собой и имеют следующие отличия:

1) если цель всегда представляет собой идеально предполагаемую модель, то задача всегда конкретна;

2) если цель всегда направлена на конечный результат, на будущее состояние отношений, то задача определяет сегодняшнее поведение субъектов, обеспечивающих своими действиями возможность наступления этого будущего, показывают, как и с помощью чего можно достичь предполагаемого результата;

3) в отличие от цели задача всегда более конкретна, детально адресована конкретным субъектам; предполагает совершение конкретных действий; использование при определенных условиях необходимого комплекса средств; выполняется в установленные сроки;

4) одна цель достигается посредством выполнения целого комплекса задач, обеспечивающих скоординированное достижение цели многими субъектами;

5) цель в большей мере носит объективный характер. Она определяется сущностной природой государства и потребностями общества в целом. Задачи зависят от культурного уровня развития этого государства, его ресурсов (прежде всего экономических) и субъективных возможностей политических лидеров, способных объективно оценивать сложившуюся ситуацию, отрешиться от политических пристрастий и корпоративных потребностей в интересах всего общества, объединить людей и с помощью профессионалов определить необходимые и достаточные средства для решения возникающих проблем.

Цели и задачи выражают социальное предназначение государства, а достижение определенных целей и решение конкретных задач, стоящих перед государством, осуществляются посредством выполнения его функций. Функции государства, обеспечивая выполнение его социального назначения, синтезируют в деятельность государственного аппарата, определяя направления, средства и методы работы его органов.

В самом общем виде социальное назначение государства состоит в официальном представительстве и объединении народа, в установлении баланса многообразных интересов и на этой основе управлении общественными делами, в сбережении социума и обеспечении его устойчивого, прогрессивного развития, благополучия общества. В этой связи, выполняя роль своеобразного общенационального арбитра, современное государство должно выступать инициатором и организатором многих начинаний, без которых общество не может нормально функционировать. Оно должно предоставить и обеспечить беспрепятственное использование общедемократических прав и свобод, сдерживать отклоняющееся поведение людей, осуществлять социальный контроль за соблюдением действующего законодательства, результативно бороться с преступностью, поддерживать технический прогресс, экономическую безопасность, заботиться о здоровье нации, о развитии науки, культуры и образовании, поддерживать достойный уровень жизни населения².

В литературе и средствах массовой информации можно услышать утверждения о том, что эти и многие другие проблемы могут более эффективно разрешать коммерческие и иные самоуправляющиеся организации на основе рыночных отношений. Однако даже в условиях высокоразвитых общественных систем рыночные механизмы как самонастраивающиеся системы весьма ограничены в своих возможностях. Они порождают и постоянно воспроизводят безработицу, кризисы, инфляцию и социальное неравенство. Поэтому государство должно управлять рынком и дополнять его организующие возможности с помощью методов прямого и косвенного воздействия. Рыночные отношения действуют стихийно, противоречиво порождая кризисные явления и социальные конфликты. Как показывает международный опыт, эти отношения могут плодотворно развиваться лишь при поддержке и координационном воздействии государства. Современная экономика, как и социальная сфера, вовлекая в свой оборот сотни стран и миллионы разнообразных производств, нуждается в согласованном скоординированном управлении. Для этого государство на основе познанных закономерностей, учитывая свои особенности и возможности, устанавливает правовые основы рынка, определяет правовой статус его участников, обеспечивает меры их экономической безопасности, устанавливает в интересах общества экономический, финансовый и иные формы контроля за их деятельностью, за использованием сырьевых ресурсов и т.д.

Поэтому только государство способно на основе согласования разнообразных потребностей и политико-правовых позиций обеспечить организацию общественной жизни в интересах всех и каждого. При этом особо следует отметить, что государство должно осуществлять только ту деятельность, которая отвечает его природе и социальному назначению в общественной жизни. Оно не должно заниматься мелочным регламентированием, вмешиваться в личную жизнь своих граждан, в процесс производства какой-либо продукции, в отношения собственности и т.д. Распыление сил и средств на исполнение не свойственных ему функций – свидетельство беспомощности, слабости государства и неэффективности его организующей, управленческой деятельности³.

Направления деятельности государства объективно обусловлены закономерностями конкретной политико-правовой системы, особенностями взаимодействия общества и государства, актуальными целями и задачами, выступающими перед ними как на протяжении всей истории использования государства, так и в определенный исторический период. Они выделяются из числа иных направлений деятельности государства не столько по степени важности выполняемых задач, сколько по степени общности, комплексности деятельности государства. Функции государства — это такие объективно необходимые направления его предметной деятельности, без которых общество в целом не может нормально существовать и развиваться. Они устойчиво складываются в определенных сферах общественной жизни и требуют согласованных управленческих решений и действий всех составных частей государственного механизма. Поэтому функции государства не следует отождествлять с функциями определенных государственных органов, а также сводить их содержание к конкретной, непосредственной деятельности.

Все это свидетельствует о том, что структурное содержание функции государства гораздо шире и богаче⁴. На наш взгляд, оно состоит из следующих составных элементов: 1) определяемой социальной природой и сущностной характеристикой государства – цели как идеально предполагаемого результата, состояния, определенной сферы общественной жизни, к которому должно стремиться данное

государство; 2) задачи как детализированной, конкретной проблемы, которую необходимо разрешить в определенный исторический период; 3) объекта как определенной сферы общественной жизни, на трансформацию которой направлена деятельность государства; 4) субъектов, призванных практически решать возникшие проблемы; 5) методов, средств и способов управленческой деятельности, отражающих особенность проблемы правового положения субъектов и специфику объекта воздействия.

Изменения в содержании структурных элементов функции предопределяет характер ее возникновения, изменения или отмены. Так, трансформация объекта функционального воздействия неизбежно вызывает изменения в субъектах и средствах управленческого действия. При этом происходят изменения в рамках данного качества. Изменение целей и задач деятельности государства в определенной сфере общественной жизни предопределяет качественное изменение функции (ее существенную трансформацию, отмену или создание новой). При этом меняются системная взаимосвязь и значимость, актуальность тех или иных функций. Поэтому на одном этапе исторического развития приоритет может отдаваться политическим, на другом – экономическим или социально-культурным функциям, на третьем – функциям обороны и т.д.

Таким образом, своеобразие функций государства состоит в следующем:

1) их основой выступают социальная природа и социальное назначение, востребованность государства как единственного официального представителя всего населения по решению общих дел;

2) содержание и системные свойства функций зависят от основных задач, стоящих перед государством в определенный период времени;

3) выполнение функций осуществляется скоординированными действиями всего государственного механизма;

4) внешнее выражение функций проявляется в основных направлениях устойчиво сложившейся, повторяющейся и объективно необходимой предметной деятельности государства в наиболее важных сферах общественной жизни. Причем, основные направления состоят из ряда неосновных, детализированно решающих проблемы общественной жизни специализированной системой государственных органов;

5) содержание функций выражается в использовании целого комплекса средств, способов и методов управленческого воздействия, адекватно отражающих специфику объекта воздействия, особенность правового положения субъектов и своеобразие решаемой проблемы;

6) реализация функций обеспечивается мощными ресурсами воздействия всего государственно-организованного общества.

Применительно к современному Российскому государству принято говорить о следующих внутренних функциях государства: экономической, социальной, защиты населения, финансового контроля, экономической, развития науки, охраны правопорядка, прав и свобод граждан, культуры и образования, регулирования межнациональных отношений.

Однако, на наш взгляд, представительская природа государства требует выделения такой основополагающей функции, как обеспечение реального народовластия. Именно эта функция логически предопределяет смысловое содержание всех иных внутренних и внешних функций. Теоретическая и практическая необходимость выделения такой функции диктуется не только целями и задачами,

стоящими перед современным государством, действующим законодательством, но и управленческими проблемами, которые так остро встали на повестку дня на Украине и не разрешены в России

Критическое восприятие вызывает и смысловое содержание экономической функции. Она характерна не только для государства. Ведь экономическую деятельность осуществляют и коммерческие организации, и органы местного самоуправления. Основное и эксклюзивное назначение государства в сфере экономики состоит в организации производственной деятельности, в ее координации и направлении на достижение общественно-полезного результата, не вмешиваясь в производственный процесс. Для этого государство выполняет задачи по формированию правовых основ управления экономическим процессом, структурной перестройке российской экономики, приватизации, поддержке стратегических и наукоемких производств, централизованной инвестиционной политике и т.д. Конечно, государство и само занимается непосредственно хозяйственной, экономической деятельностью и управлением государственной собственностью, но эта деятельность производна от основного его назначения. Поэтому экономическую функцию государства было бы, по нашему мнению, более правильно назвать организационно-хозяйственной.

Аналогичные возражения вызывает выделение таких аморфных по наименованию функций государства, как социальная, экономическая, культурная и т.д. Не только в структурном содержании, но и в наименовании функций должна быть отражена специфика организующей роли государства, его цели и задачи в определенный период развития общества. Ведь подобные недочеты влекут далеко идущие последствия. На этом воспитываются будущие специалисты и в своей последующей работе они не пожелают брать на себя обязанность по социальной защите населения или развивать науку, культуру и образование. Они будут заниматься лишь поддержкой этих процессов. Кто будет заниматься воспитанием молодежи, развивать нравственно-культурный уровень населения, поднимать престижность рабочих профессий и т.д.? Это не частная, а общегосударственная проблема, проблема национальной безопасности страны, ее идентичности в международном сообществе.

В современном глобальном мире происходит постепенное стирание граней между внутренними и внешними функциями. Поэтому, особенно при характеристике внешних функций, следует учитывать специфику целей и задач тех межгосударственных объединений, в которые входит страна. При этом необходим системный, комплексный анализ взаимосвязей и взаимозависимостей как отдельных функций меж собой, так и группы внутренних и внешних функций друг с другом.

Таким образом, объективная оценка функций государства невозможна без исследования социального назначения, целей государства, а также задач, стоящих перед ним на определенном этапе его существования. Кроме того, полноценный анализ каждой функции должен сопровождаться изучением и сопоставлением действия каждого из ее структурных компонентов.

¹ Подробнее об этом см.: *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.

² См.: *Затонский В.А.* Государство и государственность // Проблемы теории государства и права. М., 2012.

³ Подробнее об этом см.: *Кулапов В.Л.* Теория государства и права: учебник. М., 2014.

⁴ См.: *Туманов С.Н.* К вопросу о понятии и структуре функции государства // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 4 (18): Юридические науки.

М.Н. Лядащева-Ильичева

**СИСТЕМА ГРАЖДАНСКОГО (ЧАСТНОГО) ПРАВА
В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX
– НАЧАЛА XX ВЕКА:
ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматриваются особенности формирования представлений о системе гражданского (частного) права в российской теоретической и специально-юридической литературе второй половины XIX – начала XX в. Внимание акцентируется на влиянии институциональной и пандектной системы римского частного права, воспринятой в странах Западной Европы и степени их влияния на гражданское законодательство России (ч. 1 Т.Х Свода законов Российской империи).

Ключевые слова: система частного права, частное и публичное право, рецепция римского частного права, Свод гражданских законов.

M.N. Lydashcheva-Ilicheva

**THE SYSTEM OF CIVIL (PRIVATE) LAW IN RUSSIA
IN THE SECOND HALF OF THE XIX TH
– THE BEGINNING OF THE XX TH CENTURY:
HISTORICAL-THEORETICAL ASPECT**

The peculiarities of formation the ideas about the system of civil (private) law in Russian theoretical and special juridical literature of the second half of the XIXth and the beginning of the XXth century are considered in the article. The attention is focused on the impact of institutional and pandect system of Roman private law accepted in Western European countries and the degree of their influence on civil legislation in Russia (p.1 Vol.X of the Code of Laws of The Russian Empire).

Keywords: the system of private law, private and public law, reception of Roman private law, the Code of Civil Laws.

Понятия «гражданские законы» и «гражданское частное право» восприняты в российском правоведении первой половины XIX в. от римских юристов и немецких писателей XVI–XVII вв. (Г. Гроций, С. Пуффендорф). В отечественной теории, законодательстве и судебной практике новая терминология распространялась благодаря законооведам, получившим свое образование в австрийских училищах еще в первые годы правления Александра I (М.М. Сперанский и др.)¹.

Теоретическая значимость понятия и системы гражданского (частного) права подчеркивалась в теоретических (Н.К. Ренненкампф, Г.Ф. Шершеневич) и специально-юридических разработках российских юристов (К. Неволин, Д.И. Мейер, Ю.С. Гамбаров, К.Д. Кавелина, К.И. Малышева, А.М. Гуляева, В.И. Синайский и др.) второй половины XIX–начала XX в. в связи с обсуждением вопроса о ревизии действующих гражданских законов, систематически изложенных в Своде гражданских законов ч.1 Т. X Свода законов Российской империи и необходимости их дальнейшей кодификации.

В частности, Д.И. Мейер писал, что именно римляне стали называть положительное законодательство гражданским правом (*jus civile*) государства и разделяли его на право публичное (*jus publicum*) и право частное (*jus privatum*). Римляне акцентировали свое внимание на частном праве как праве, касающемся частных отношений. Публичное право имело в виду интересы целого государства, а частное право – интересы индивида².

© Лядащева-Ильичева Марина Николаевна, 2014

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ljad-il@yandex. ru

Д.И. Мейер критиковал общепринятое понимание гражданского права как науки о правах и обязанностях, определяющей отношения граждан между собой в качестве частных лиц, поэтому и гражданское право называется частным (*jus privatum*). С его точки зрения, содержанию гражданского права соответствуют права, определяющие отношения лиц к имуществу. Наука гражданского права — это наука об имущественных правах. Гражданское право не следует отождествлять с законами для определения прав и обязанностей частных лиц во взаимных их отношениях. Соответственно гражданское право должно пониматься как система имущественных прав лица, право, произведенное господством по предметам его влияния на внешний мир: право на собственное лицо, право на вещь, право на действие другого лица или обязательства, право на лицо вне нас стоящее – права семейственные, право на перешедшее в нас лицо или право наследственное³.

С точки зрения К.И. Малышева, основания частных прав каждого лица сводились к понятию об отдельных лицах, каждое из которых обладало определенной сферой индивидуальной гражданской свободы, и относилось к частным юридическим отношениям: личным и имущественным⁴. С его точки зрения, гражданское право есть система положительных норм, определяющих частные права каждого лица в гражданском обществе. Оно отличается от системы публичного права, предметом которого служат государственное устройство и управление, отношения государственной власти к подданным и внешние отношения между государствами⁵.

Ю.С. Гамбаров уточнял, что в научной литературе господствует определение гражданского права как системы норм, регулирующих частные отношения и защищающих интересы отдельных лиц, составляющих общество, поэтому гражданское право многие называют «частным правом». Подобный подход сводит его понимание к потребностям и целям чисто индивидуальным и ставится, таким образом, в прямую противоположность публичному праву, имевший дело с интересами отдельного лица и целого общества. Это разграничение между гражданским (частным) и публичным правом по различию цели берет начало в Риме и странах Западной Европы⁶.

Право частное, по мнению Н.К. Ренненкампа, есть совокупность норм, определяющих частные отношения. Гражданское право есть перевод римского *jus civile*, которое обнимало всю систему римского права, противопоставлялось *jus gentium* и разделялось на *jus publicum* и *jus privatum*.

Средневековая Западная Европа, заимствовав содержание римского права, сохранила и римское название *jus civile*, но отнесла его только к области частного права. Отсюда произошло наше название — гражданское право, которое, с точки зрения Н.К. Ренненкампа, не соответствует его содержанию, т.к. права частные принадлежат не только гражданам, но и государству. Все разнообразие частных отношений сводится к положению отдельных лиц – личному, имущественному или семейному.

Затрагивая вопрос о системе частного права, Н.К. Ренненкампа разделял ее по предметам на вещное, обязательственное и семейное право.

Соответственно, по его мнению, система частного права содержала следующие части: право личное, право имущественное, семейственное и наследственное⁷.

Как считает К.И. Малышев, Свод гражданских законов ч. 1 Т. X Свода законов Российской империи в редакциях 1832, 1842 гг. изложен по системе римских институций: кн. 1 содержала законы о правах и обязанностях семейственных, соответствовала римскому разделу о лицах (*de personis*); кн. 2 обобщала законы

об имуществах (*de rebus*) или о порядке приобретения прав на имущество вообще; кн. 3 — о порядке приобретения прав на имущество в особенности; кн. 4 — об обязательствах по договорам; кн. 5 включала нормы и институты о восстановлении нарушенных прав порядком исполнительным, о судопроизводстве и взысканиях гражданских (*de actionibus*)⁸.

Положенная в основу Свода гражданских законов институциональная система частного права содержала отклонения в сторону пандектной системы. Так, положения о разных родах состояния и правах, им принадлежавших, вошли в Свод законов о состояниях Т. IX Свода законов Российской империи, а правовые нормы и институты, регламентировавшие семейное положение лиц, вошли в кн. 1 Свода гражданских законов ч. 1 Т. X Свода законов Российской империи. Договоры купли-продажи, мены и дарения были вынесены за рамки кн. 4 «О договорных обязательствах» и вошли в кн. 3 «О порядке приобретения и укрепления, прав на имущество в особенности»⁹.

С точки зрения С.В. Пахмана, первый чертеж системы гражданского права был сделан в римском праве. В ее основу было положено различие двух объектов права: *persona* и *res* (третий элемент *action* поставлен санкцией для первых двух). С тех пор, как источники римского гражданского права стали известны новым народам, римское воззрение на состав частного или гражданского права было усвоено всеми безусловно в том смысле, что оно заключало в себе два элемента: личный и имущественный. Эта мысль была принята бесспорной не только в науке, но и в кодификации (*Code civil*)¹⁰.

А.М. Гуляев считал, что «в нашем гражданском законодательстве обнаружилось тяготение к римским положениям, которые получили у нас силу не путем непосредственного усвоения римских традиций, а благодаря теоретическому знакомству с гражданскими кодексами западных государств...»¹¹. Как ни отстаивал М.М. Сперанский полную самобытность нашего гражданского права в силу его несовместимости с системой Юстиниана, ему также пришлось воспользоваться заимствованием из системы и правовых норм римского права. В планах М.М. Сперанского по систематизации гражданских законов просматривается институциональная система изложения частного права, терминологией, воспринятой в римском праве и науке гражданского права стран Западной Европы. Пробелы в действующем российском законодательстве восполнялись постепенно при помощи современных толкований римского права. Римское право как теория гражданского права сохраняло свое значение в качестве источника правовых норм для разрешения вопросов, не урегулированных самобытными правовыми нормами.

А.М. Гуляев писал, что система права, выработанная на почве римских источников, есть единственная научная система гражданского права; эта система должна послужить и для нас образцом при изучении отечественного гражданского права. Заимствования из римского права коснулись, прежде всего, системы разделения и приемов изучения правового материала¹².

В.И. Синайский признавал, что «римское право не только влияет на содержание русского гражданского права, но дает ему систему и методологию»¹³.

Исследовав предмет и систему римского гражданского права: лицо (*persona*), вещи (*res*) и иск (*actio*), Д. Азаревич писал о двух общих отделах права: личное право (права личности, семейные права, опека и попечительство) и имуществен-

ное право (вещное, обязательственное и наследственное право), т.к. *actio* (иск) есть только санкция прав.

Согласно большинству учебников в общее учение гражданского права относится отдел личных прав. Г. Гуго и Гейзе впервые сформулировали систему гражданского права, состоявшую из общего учения, вещного права, обязательственного права, семейного права и наследственного права¹⁴.

Гражданское право, по мнению К.Д. Кавелина, охватывает частные, private юридические отношения, в отличие от публичных — общественных, государственных, международных, относившихся к другим частям правоведения. Частное право в противоположность публичному, с точки зрения ученого, может выражать значение, роль, влияние юридического отношения. В этом смысле частным юридическим отношением будет то, в котором принимают участие отдельные лица. Публичными, напротив, должны были считаться те юридические отношения, которые по своему значению, влиянию и роли в обществе выходят за пределы частного интереса двух и более частных лиц, непосредственно в них заинтересованных и прямо или косвенно касавшихся значительного числа людей, принадлежавших к обществу.

Твердых и постоянных признаков для разграничения частного от публичного права в этом смысле нет да и быть не может. Граница между ними постоянно колеблется и изменяется. Одно и то же юридическое отношение могло иметь сегодня частный, а завтра публичный характер. Публичное и частное так перемешаны и слиты, что разграничить их нельзя. Нельзя представить ни одного юридического отношения, которое не касалось бы общественных дел. Отсюда непрерывное взаимодействие частных и публичных элементов¹⁵.

С точки зрения А.М. Гуляева, в Своде гражданских законов ч.1 Т. X Свода законов Российской империи отсутствует общая часть или общее учение гражданского уложения, хотя общее учение имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Так, судебная практика не может обойтись без общих юридических положений, особенно там, где «законы «особенных частей» скудны, а законы общей части отсутствуют».

А.М. Гуляев писал, что «наша кассационная практика была поставлена в необходимость возвести частные указания отдельных узаконений к их общим началам и таким образом создать те учения общего характера, которые в гражданских кодексах и в теоретических изложениях права помещаются в «общей части»». С его точки зрения, Гражданский Кассационный департамент Правительствующего сената осуществлял в процессе своей деятельности «рецепцию теоретических положений права, усвоение этих положений нашим правосознанием, усвоение столь прочное, что теряется самая возможность утверждать, будто бы реципированное положение не вытекает из действующего у нас закона». Система гражданского права в России формируется в результате переплетения положений закона и кассационной практики¹⁶.

Г.Ф. Шершеневич акцентировал внимание на такой характерной черте юридического порядка, как «деление норм права на две группы: на право публичное и право частное». Именно данное деление было положено в основу законодательных работ, судебной практики и юридической литературы. И все же правовед признавал, что подобное деление права «скорее осознается инстинктивно, чем основывается на точно установленных признаках». По его мнению, понятие «гражданское право» представляет собой, по-видимому, «перевод римского *jus*

civile», которое регулировало поведение римских граждан. И все же он писал, что *jus civile*, с одной стороны, шире современного понимания гражданского права, т.к. оно предполагало и публичное право *jus suffragii*, *jus honorum*; с другой – уже, т.к. в него не входил весь спектр частно-правового материала, содержавшегося в *jus gentium*. «Гражданское право» не отвечало, с его точки зрения, требованиям терминологии, т.к. всякое право является правом граждан. Отсюда стремление юристов заменить его на термин «частное право»¹⁷.

Рассуждая о системе гражданского права, Г.Ф. Шершеневич исследовал вопрос о значимости систематического изложения гражданско-правовых норм и институтов. Так, впервые система их научного изложения была предложена римскими юристами. Система гражданского права состояла из трех отделов: *personae*, *res*, *actions*. В данной системе понятие третьего отдела *actions* являлось весьма неопределенным, т.к. под него подводили то процессуальные действия, то обязательства, то вообще правоотношения. Система предполагала, что все правоотношения возникают и существуют между лицами по поводу вещей, соответственно система имеет в виду три существенных элемента права: субъект, объект и отношения.

Институциональная система по сути состояла из трех разделов: о лицах, о вещах, о исках, т.к. все гражданские правоотношения возникают между лицами по поводу вещей и охраняются исками. В Риме эта система была положена в основу Институций Гая и Юстиниана, а затем воспринята французским и австрийским гражданским законодательством.

Пандектная система частного права была предложена и распространена в Германии, Австрии, Швейцарии благодаря представителям исторической школы права Г. Гуго и Савиньи. Германская система получила развитие в юриспруденции пандектного и германского права благодаря исторической школе права. Гражданское право было предложено делить на четыре части: 1) вещное, 2) обязательственное, 3) семейственное и 4) наследственное; всем им должна предшествовать общая часть, содержащая разделы о субъекте, объекте, юридических сделок и защите прав¹⁸.

Задачи гражданского правоведения, по мнению Г.Ф. Шершеневича, сводились к познанию, объяснению и оценке норм действующего гражданского права. Первая цель достигается посредством догм права, вторая – социологии и истории, третья – политики¹⁹.

Важнейшую ступень в догматическом изучении норм гражданского права, по мнению Г.Ф. Шершеневича, составляет классификация правовых норм уже объясненных, обобщенных и соединенных в определения.

Система права — это вся масса действующих норм в их взаимной логической связи, обнаруживающая отношение частей к целому и друг к другу.

Систематическое распределение правовых норм способствует выявлению недостатков положительного права: пробелов, противоречий, повторов. Если в науке гражданского права в первой половине XIX в. господствовала институциональная система, и кодексы стран Западной Европы были созданы на ее основе, то во второй половине XIX в. преобладала пандектная система гражданского права, определившая систему гражданских кодексов в странах Западной Европы и положенная в основу проекта Гражданского уложения РИ 1882–1905 гг.

Г.Ф. Шершеневич писал, что в современном ему законодательстве образованных государств просматривается, скорее, их сходство, чем незначительные различия. Жизнь современных культурных народов покоится на общих этических,

экономических, психических основах, созданных одинаковыми историческими условиями и взаимным общением и воздействием. Система гражданского права, с его точки зрения, должна классифицировать не только институты, признанные законодательством того или другого народа, но и институты, сохранившиеся в других положительных правах. Такая система может быть применима к праву любого народа с теми лишь изменениями, которые требуются по особым местным условиям. Несколько осторожнее необходимо относиться к юридическим принципам, выражающим собой исторические особенности и отражающим национальные особенности права. Общая теория гражданского права должна быть основана на современном положительном праве, но ни в коем случае не *a priori*. Теория права не предполагает изменений юридических основ и установления новых правовых идеалов, а призвана привести уже существующее к единству и связи²⁰.

Необходимость изучения римского права в российских университетах определялась свойствами свода гражданских законов ч.1 Т. X свода законов Российской империи в редакции 1832–1917 гг. и из характера предполагаемой формы гражданского права, получившей отражение в проекте Гражданского уложения²¹.

Итак, действующее гражданское законодательство и наука гражданского права формировались и развивались под влиянием теоретического осмысления гражданско-правовых норм и институтов в рамках системы римского частного права, воспринятой и получившей развитие в западноевропейском законодательстве и правоведении, а также под влиянием особенностей системы свода гражданских законов ч.1 Т. X свода законов Российской империи 1857–1917 гг.

¹ См.: *Неволин К.* История российских гражданских законов. Т. I. Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб., 1851. С. 1–7; *Борзенко А.А.* Русское гражданское право. Введение. Ярославль, 1875. С. 3–4.

² См.: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Общая часть / под ред. А. Вицына. СПб., 1861. С. 8.

³ См.: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М., 1873. С. 5–7.

⁴ См.: *Мальшев К.И.* Курс гражданского права, составленный по лекциям. СПб., 1879/1880. С. 4–5.

⁵ См.: *Мальшев К.И.* Курс общего гражданского права России. Т. 1. СПб., 1878. С. 1–2, 6.

⁶ См.: *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. Лекции. М., 1897–1898. С. 34–40.

⁷ См.: *Ренненкампф Н.К.* Очерки юридической энциклопедии. Киев; СПб., 1880. С. 177–178, 182–187.

⁸ См.: *Мальшев К.И.* Курс общего гражданского права России. Т. 1. С. 350–351.

⁹ См.: *Пахман С.В.* К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. № 8. С. 212–213; *Синайский В.И.* Русское гражданское право. Вып. 1: Общая часть и вещное право. Киев, 1914. С. 46–47.

¹⁰ См.: *Пахман С.В.* К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения. СПб., 1882. С. 7.

¹¹ *Гуляев А.М.* Об отношении русского гражданского права к римскому. Киев, 1894. С. 12.

¹² См.: Там же. С. 12–15.

¹³ *Синайский В.И.* Русское гражданское право. Вып. I: Общая часть. Вещное право. Авторское право. Киев, 1917. С. 1, 14.

¹⁴ См.: *Азаревич Д.* Система римского права. СПб., 1887. С. 50–53.

¹⁵ См.: *Кавелин К.Д.* Что есть гражданское право и где его пределы // Собрание сочинений. Т. 4: Этнография и правоведение. СПб., 1900. С. 759–762.

¹⁶ См.: *Гуляев А.М.* Общие учения системы гражданского права в практике гражданского кассационного департамента правительствующего сената за пятьдесят лет // Журнал министерства юстиции. 1914. № 9. С. 337–338, 341.

¹⁷ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Понятие о гражданском праве. Казань, 1898. С. 1–2.

¹⁸ См.: *Шершеневич Г.А.* К вопросу о системе гражданского права // Юридическая летопись. М., 1892. С. 8–9, 87–89; *Его же.* Общая теория права. Философия права. Т. 1. Часть теоретическая. М., б.г. С. 554.

¹⁹ См.: *Шершеневич Г.А.* Задачи и методы гражданского правоведения. Казань, 1898. С. 6–7.

²⁰ См.: Там же. С. 21–24, 117–118.

²¹ См.: *Чиларж К.Ф.* Учебник институций римского права / под ред. В.А. Юшкевича. 2-е изд. М., 1906. С. 4–6.

Е.И. Бочан**БЕЗОПАСНОСТЬ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА
В ДЕЛОВОЙ СФЕРЕ:
ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД**

В статье исследуются теоретические аспекты обеспечения безопасности как одной из составляющих системы общественных отношений. Проанализированы терминологические особенности понятия, структуры и угрозы безопасности, способы ее обеспечения в деловых отношениях физических лиц.

Ключевые слова: физическое лицо, безопасность физического лица, угрозы безопасности физическому лицу, защита физического лица, верховенство права.

Y.I. Bochan**SECURITY OF PHYSICAL PERSON IN BUSINESS SPHERE:
PHILOSOPHICAL-LEGAL APPROACH**

The theoretical aspects of safety ensuring as one of the component system of public relations are revealed in the article. The terminological peculiarities of meaning, structure and threats of security, ways of its ensuring in business relations of the physical persons.

Key words: physical person, security of physical person, threats of security of physical persons, defence of physical person, supremacy of law.

Право каждого человека на безопасные условия жизни является естественным и неотъемлемым правом, условием бытия и деятельности личности в цивилизованном обществе. Каждое демократическое государство должно декларировать и обеспечивать такие условия жизнедеятельности членов общества, при которых уровень уверенности в безопасности не вызывает сомнения человека в выполнении государством обязанностей гарантировать каждому без исключения его права и свободы, защищать элементарные потребности личности, здоровья и жизни, в т.ч. физического лица (ст. 1161 ГК Украины).

Личная безопасность физического лица рассматривается как «состояние защищенности его жизнедеятельности от непосредственных угроз его жизни, здоровью, телесной неповрежденности, также личной свободе». Именно такой подход сформулирован в указе МВД Украины от 12 декабря 2009 г. № 505 «Об утверждении Лицензионных условий ведения государственной деятельности по оказанию услуг, связанных с охраной государственной и другой собственности, оказания услуг по охране граждан». Однако взятые государством обязательства, определенные гл. 80, 81 ГК Украины, усложняются их обеспечением в связи с отсутствием законных требований юридических лиц и низким, а то и безответственным качеством предоставления правовых услуг частными юридическими лицами. Хотя в этой области и ведутся исследования, в основном в поле зрения ученых попадают сугубо теоретические вопросы безопасности, правовой безопасности (А. Бодрук, А. Данильян, И. Диордица, В. Картавец, П. Круть, М. Левицкая, А. Лобода, А. Логинов, Ю. Максименко, В. Медведчук, В. Мельник, М. Мельник, В. Мунтиян, Н. Нижник, М. Пендюра, Г. Пономаренко, Г. Ситник, З. Чуйко, К. Экштайн и др.).

Поскольку в иерархии человеческих потребностей безопасность по теории мотивации А. Маслоу определена (наряду с физиологическими потребностями)

© Бочан Елена Игоревна, 2014

Соискатель кафедры общей теории государства и права (Львовский государственный университет внутренних дел); e-mail: notary_bochan@meta.ua

как одна из главных потребностей, даже в теоретическом плане чувствуется отсутствие единого определения термина «безопасность физического лица», не говоря уже о праксеологической реализации реальных требований этого правового явления. Именно такое недостаточное внимание к вопросам безопасности физического лица создает проблемное поле для злоупотреблений, коррупционных действий в структурах, которые призваны обеспечивать гарантирование основных прав и свобод личности.

Наша цель – привлечь внимание теоретиков и практиков права к проблемным аспектам обеспечения безопасности физического лица в деловой сфере с целью последующей выработки концепции безопасности физических лиц и успешной ее реализации на практике.

Защита гарантированных прав и свобод человека возлагается на национальные органы власти. Опыт защиты прав и свобод, гарантирующий безопасность физическим лицам, строится на исполнении требований Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, распространяемой на 43 страны с населением более 800 млн чел. Функции правового государства должны быть соотносимы с теми стандартами, которые действуют в государствах-участниках Конвенции. В связи с этим привлекают внимание способы преодоления недостатков, создающих условия для злоупотреблений, коррупции и нарушения безопасности каждой отдельно взятой личности, физического лица, каждого человека. Унификация стандартов, которые в европейском сообществе должны быть общими, служит главной системной основой, на которой должны строиться единые подходы к правам человека, к их обеспечению, что и требует принятия всеобщих мер по гарантированию образования безопасных условий жизнедеятельности не в отдельно взятом государстве, а в общем европейском пространстве.

Осмысление системных требований Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод создает, на наш взгляд, надежные основания для выработки путей укрепления демократии и обеспечения безопасности во всех сферах жизни. Мы попытаемся актуализировать те нормативные положения, которые должны превращаться в обязанности правового государства и создавать благоприятные условия для регламентации безопасного пространства всех граждан.

«Программа развития» ООН в 1994 г. определила в структурном отношении составные части, которые следует рассматривать для оценки уровня безопасности личности. Они являются, по нашему мнению, теми важными ориентационными требованиями, в соответствии с которыми следует соотносить в т.ч. и сущность безопасности физического лица. Приняв во внимание эти критерии, можно сделать вывод о том, что данная Программа является глубоким по смыслу документом, который репрезентирует потребности основного объекта безопасности – личности, индивида, особы. На первое место вынесена главная составляющая, важная для физического лица как субъекта и объекта социальных отношений, индивида с его неповторимыми и уникальными чертами, а также человека как разумного существа: речь идет об экономической безопасности (гарантирование материальных условий развития лица). Такой подход служит важнейшим основанием для того, чтобы гарантировать физическому лицу реализацию его главнейших условий жизни и деятельности, в частности в деловой сфере. Однако эти условия не могут касаться отдельно взятой личности, лица. Главное – это создание условий экономической безопасности в обществе и государстве. Второй пункт Программы касается продовольственной безопасности (достаточное коли-

чество продуктов). Третий критерий – это медицинская безопасность (равный и свободный доступ до качественной системы охраны здоровья), который обеспечивает, как и предыдущие требования, действия закономерных условий полноценной жизнедеятельности членов цивилизованного общества. Также в число важнейших условий обеспечения безопасности физического лица в деловой сфере мы включаем необходимый критерий экологической безопасности (отсутствие вредных экологических составляющих), который направлен на определение того, насколько внешние показатели соответствуют условиям гарантирования экономической продовольственной, медицинской безопасности в целом. Только комплексное обеспечение этих гарантий безопасности физического лица может служить основой укрепления безопасности личности. Пятый пункт «Программы ООН с развития» весьма важен в общей классификации элементов безопасности личности и физического лица. Речь идет о безопасности человека (защите от таких угроз, как пытки, войны, криминальные угрозы, распространение наркотиков и др.). Состояние личной безопасности в деловой сфере физическое лицо ощущает как гарантированную конституционными, законодательными и практическими мероприятиями защищенность и обеспечение своих жизненно важных интересов от внешних и внутренних угроз. Шестая позиция Программы касается безопасности сообществ (сохранения традиционных культур и этнических групп), что существенно дополняет гарантии безопасности физических лиц. Седьмая составляющая – политическая безопасность, которую трактуют как достаточные политические права и отсутствие политического угнетения. Вывод касается обобщенного итога: только все составные части в своем единстве могут наполнять смыслом безопасность физического лица. Без них или хотя бы без одного из общего перечня условия достичь гарантий безопасности не удастся. Как дополнение исследователи акцентируют внимание на внутренних составляющих, которые влияют на безопасность физического лица. Речь идет о его психофизическом состоянии, уровне образования (знаний), традиций, ценностей, идеалов, убеждений, потребностей, а также интересов¹.

Рассмотрим пути преодоления проблем, которые подрывают основы безопасности физического лица в целом. Они появляются там и тогда, когда стремительные изменения в политической, экономической и культурной жизни нарушают баланс всех необходимых составных, обеспечивающих безопасность. «Универсальным благом», основой гарантии действия всех перечисленных составляющих безопасности выступает верховенство права, которое, по определению Брайана З. Таманаги, и есть «культурное достижение универсального значения»².

Именно приоритет права служит гарантией от злоупотреблений государственной власти, частных лиц. Этот самый важный правовой идеал недостижим, если в обществе доминирует дисбаланс идеала и правопорядка, в котором для решения элементарных вопросов физического лица нет гарантий беспрепятственного достижения цели в деловой сфере. Как правило, главной причиной нарушений условий безопасности физического лица являются конфликтные обстоятельства, возникающие на государственном уровне. Они (обстоятельства) выражаются в сознательном и несознательном нарушении закона, прав и свобод человека, коррупционных действиях. Конфликт определяется как «процесс двусторонней связи, основанный на социальных противоречиях, который характеризуется нарушением или препятствием в реализации своих интересов и является причиной развития либо кризиса общественных отношений»³. Конфликтность на

государственном уровне проявляется в неисполнении обязанностей какой-либо личностью придерживаться определенных запретов и не мешать другой личности реализовывать свои легально определенные и легально признанные права. Особенно усугубляется конфликт в недемократическом государстве. Естественно, субъекты права ищут пути преодоления созданных препятствий. Как правило, исследователи называют способ выхода из ситуации поиском консенсуса. В случае невозможности обеспечить безопасность физическому лицу наступает момент безысходности и использования противоправных средств: подкупа, самоуправия, способа «принудительного консенсуса» (С. Бобровник), нарушения прав и свобод человека, игнорирования приоритета права в государстве.

Обязательства государства, возникающие вследствие необходимости охранять здоровье и жизнь физического лица (ст. 1161 ГК Украины), вступают в силу тогда, когда ситуация угрозы безопасности требует реализации права на ликвидацию угрозы жизни, здоровью, имуществу физического лица (ст. 1163 ГК Украины). Такие же обязательства существуют как средство защиты на запрет создания барьеров на пути реализации права. К. Экштайн определяет его как «запрет бездействия администрации, когда налицо ее обязанность, установленная законом»⁴. Вторая особенность, призванная также предупреждать появление обстоятельств, угрожающих физическому лицу, состоит в «запрете задержки на пути реализации прав, запрете превышения разумного срока рассмотрения обстоятельств административного дела (затягивание дела)»⁵.

Создание условий безопасности физическому лицу основывается также на запрете сверхформализма. К. Экштайн акцентирует внимание на «необходимости запрета ограничения правовых возможностей в результате чрезмерно строгого следования процедурным правилам, извращающего их основной смысл, состоящий в защите прав и свобод гражданина»⁶. Такой подход разъясняется как «применение правила ради самого правила». В этом случае безопасность (физического лица в деловой сфере – Е.Б.) выступает подчинительным элементом, но любая гиперболизация процедурных правил ради них же гипертрофирует идею.

Фундаментальную основу в сложной системе средств создания безопасности для физического лица составляет принцип законности в случае вступления его в официально-деловые отношения. «Администрация обязана строго следовать закону, в том случае, если последний существует. Она не вправе отклоняться от закона»⁷. Таким смыслом наполнен приоритет закона. «Администрация не вправе действовать в какой бы то ни было сфере, если это ее правомочие прямо не установлено законом»⁸. Какое-либо ограничение прав и свобод должно исходить из закона, принятого парламентом.

Принципиально весомым в деловых отношениях физических лиц является принцип взаимного доверия, действие которого создает доверительные отношения субъектов права, что влияет на создание безопасных условий жизнедеятельности физических лиц. Как указывает исследователь, этот принцип является общим принципом права, который запрещает как администрации, так и частным лицам злоупотреблять своими правами или демонстрировать противоречивое поведение.

Научные подходы к оценке безопасности едины в том, что она имеет особый приоритет и является центральным компонентом государственной правовой безопасности, выступает отправной точкой всех иных ее уровней: национальной, общественной, субрегиональной, региональной, международной. Безопасность

физического лица, как и безопасность личности, – один из главных объектов защиты во всех без исключения вышеупомянутых уровнях безопасности.

Поскольку безопасность превращается в главнейшее задание каждого государства с целью создания стабильности системы, то оно (правовое государство) должно акцентировать внимание на том, исполняется ли декларируемый законодательством запрет на злоупотребление правом. Этот запрет состоит в том, чтобы не допускать «такого применения нормы, когда она утрачивает свой основной смысл – охранять права и свободы»⁹.

Какой-либо беспорядок на уровне официально-деловых отношений создает основания для распространения нарушений. Например, с каждым годом увеличивается число одиноких людей, которые из-за нечестных манипуляционных действий нотариусов, судей теряют свое жилище. И даже обратившись в правоохранительные органы, они не могут доказать незаконность сделки, вследствие которой их обманым путем выселили из квартиры. Работает «буква закона» как разновидность произвола, при этом игнорируется «дух закона», который также призван обеспечивать безопасность защиты человека. Запрет на произвол состоит в том, чтобы был утвержден «запрет принимать также акты управления, которые предметно не обоснованы, бессмысленны, не преследуют никакой разумной цели, явно противоречат нормам более высокого уровня либо носят несправедливый характер»¹⁰.

Обеспечение безопасных условий организации деловых отношений физических лиц достигается не только гарантированием реализации приоритета закона, но и ограничением, например, права собственности, «мотивированными соображениями общественной безопасности». Таким ограничением достаточно воспользоваться, если строительство дома или земельного участка представляет угрозу для безопасности и здоровья других людей или самого владельца земли вследствие опасности наводнения, схода снежных лавин и др.

Свобода предпринимательской деятельности физических лиц гарантирует им специфические права защиты частной собственности. Во избежание осложнений в обеспечении полноценного функционирования общества оправдан запрет на внеслужебную предпринимательскую деятельность. Он обоснован и в связи с целью «предотвращения скрытого конфликта интересов и личной заинтересованности служащих»¹¹.

Обобщающим все вышеперечисленные характеристики угроз безопасности физическому лицу является злоупотребление правом, которое К. Экштайн толкует как «бессмысленное применение предписаний закона, извращающего его смысл и основную цель»¹².

Исходя из обобщений, создающих главные предпосылки для обеспечения условий безопасности физическому лицу, констатируем, во-первых, наличие разработанной законодательной базы, в которой имеются все основания для создания условий по защите прав и свобод физических лиц, поддержания приоритета закона. Во-вторых, имея гарантии свободы, автономии человека в его профессиональных действиях, следует осуществлять анализ путей реализации права, исполнения процедурных правил, ограничения права и свободы физического лица, а также злоупотреблений администрации своими правами (необоснованными, бессмысленными, извращающими смысл закона).

Обеспечение баланса действия закона и ограничений, не извращающих приоритета права в национальном законодательстве, – это те перспективные темы

для философско-правового исследования, которые содействуют углубленному анализу мер обеспечения безопасности физического лица в деловой сфере.

¹ См.: Мельник В. Безпека особи як категорія політичної науки та суспільно-політичне явище. URL: http://postua.info/vitali_melnyk.htm (дата звернення: 10.03.2013).

² Таманага Б. Верховенство права: історія, політика, теорія / перекл. з англ. А.Іщенко. К., 2007. С. 158.

³ Бобровник С. В. Компромiс і конфлікт у праві: антрополого-комунікативний підхід до аналізу. К., 2011. С. 80.

⁴ Эжитайн К. Основные права и свободы. По российской Конституции к Европейской Конвенции: учебное пособие для вузов. М., 2004. С. 463.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С.464.

¹⁰ Там же. С.464.

¹¹ Там же. С.348.

¹² Там же. С.464.

Д.С. Кулапов

ПРИНЦИПЫ МЕДИАЦИИ: МНОГООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ К РЕГУЛИРОВАНИЮ

В статье приводится и исследуется видовое многообразие принципов медиации; рассматриваются точки зрения ученых относительно целесообразности законодательного закрепления новых принципов медиации.

Ключевые слова: базовая основа права, принципы медиации, порядок организации процедуры медиации, стороны медиации.

D.S. Kulapov

PRINCIPLES OF MEDIATION: THE DIVERSITY OF APPROACHES TO REGULATION

This article contains a diversity of species the principles of mediation, the author explores the fundamental ones. The scientists are on the desirability of legislate new principles of mediation.

Keywords: basic framework law, the principles of mediation, the order of organization of procedure the mediation, the parties to the mediation.

Сущность и социальное назначение права раскрываются и конкретизируются в ряде правовых явлений и, прежде всего, в его принципах и функциях¹.

Как писал известный российский ученый-правовед М.И. Байтин, «принципы права – это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права»². Принципы права, с одной стороны, отражают его объективные свойства, обусловленные закономерностями развития данного общества, всей гаммой исторически присущи ему интересов, потребностей, противоречий и компромиссов различных классов, групп и слоев населения. С другой стороны, в принципах права воплощается его субъективное восприятие членами общества: их нравственные и правовые взгляды, чувства, требования, выражаемые в различных учениях, теориях, направлениях правопонимания³.

© Кулапов Дмитрий Сергеевич, 2014
Соискатель кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: kularpovd@mail.ru

Медиация как процедура разрешения конфликта имеет свои базовые принципы вне зависимости от того, в какой сфере она применяется. Данные принципы выводятся на основе анализа международных документов, предусматривающих применение процедуры медиации, законодательства о медиации, а также анализа и обобщения практики медиации, доктринальных разработок в этой области.

В целом принципы определяют дальнейшее развитие медиации, индивидуализируют ее среди других видов альтернативных процедур, определяют правила организации и проведения, проявляют особенности правовой регламентации самой процедуры медиации. Одним словом принципы медиации лежат в основе практической деятельности медиатора по урегулированию разногласий сторон.

Законодательство РФ в сфере медиации выделяет четыре основных ее принципа: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость.

Д.Л. Давыденко, кроме перечисленных, называет также полный контроль сторон над результатами процедуры, неконфронтационный характер переговоров, обширный круг возможных взаимоприемлемых решений спора⁴.

Исследуя порядок организации процедуры медиации в специальной литературе, можно найти и такие принципы, как доверительность, дозволительная направленность регулирования отношений, свобода выбора и заключения соглашения, взаимное волеизъявление сторон, конфиденциальность, диспозитивность, процессуальное равенство сторон, их содействие разрешению спора и (или) урегулированию конфликта, процедурная гибкость, неформальность, непосредственное участие сторон, направленность на личность, на сохранение отношений, креативность, направленность в будущее, руководящая роль посредника.

Принципы медиации можно систематизировать по двум группам в зависимости от их функционального назначения:

1. Организационные принципы — принципы, характеризующие особенности организации процедуры медиации и статус ее участников (например, принципы добровольности и нейтральности медиатора).

2. Процедурные принципы — принципы, характеризующие порядок проведения медиации (например, принципы конфиденциальности, самостоятельности, сотрудничества и равноправия сторон).

Важно помнить, что некоторые принципы медиации являются смежными, затрагивают как организацию, так и порядок проведения данной процедуры, поэтому их можно отнести и к первой, и ко второй группе.

Итак, к основным принципам медиации относятся: принцип добровольности, принцип доверия к медиатору или принцип беспристрастности посредника, принцип конфиденциальности, принцип неформальности и гибкости процедуры, принцип равноправия субъектов, принцип сотрудничества, принцип независимости и беспристрастности лица (непредвзятости).

В соответствии с принципом добровольности начало и проведение примирительной процедуры, а также заключение и исполнение соглашения осуществляются исключительно по воле участников медиации. Необходимо отметить, что принцип добровольности действует как в отношении сторон, так и в отношении медиатора. Как уже говорилось, процедура медиации осуществляется только на основании взаимной договоренности сторон. Никто не может быть принужден к заключению соглашения о применении медиации (медиативной оговорки). Обращение к медиатору одной из сторон для осуществления примирительной

процедуры не влечет для другой стороны обязанность вступить в медиацию. Поиск взаимовыгодного решения осуществляется без какого-либо внешнего давления. Каждый из участников вправе в любой момент отказаться от проведения медиации, данный отказ не влечет для сторон негативных последствий и ответственности. Поэтому зачастую высказывается мнение о необходимости введения пределов добровольности медиации, а также обязательности ее проведения, что в свою очередь противоречит самой природе медиации. Именно принцип добровольности отличает медиацию от иных юрисдикционных процедур.

Принцип доверия к медиатору или принцип беспристрастности посредника наиболее ярко проявляется при поиске сторонами оптимального решения. От медиатора стороны получают полезные советы о стиле поведения, что может помочь им в предотвращении будущих конфликтов⁵. Медиатора стороны выбирают самостоятельно, добровольно соглашаясь на передачу ему организационных полномочий. По мнению О.В. Аллахвердовой, у любого человека могут возникать свои чувства и оценки по поводу правильности или справедливости поведения какой-либо из сторон, симпатии или предубеждения в отношении конфликтующих. Однако все свои чувства и оценки он должен оставить за пределами процесса медиации⁶.

Принцип конфиденциальности процесса подразумевает частный порядок разрешения спора, недопустимость разглашения информации, полученной в ходе проведения процедуры, и позволяет сохранить репутацию сторон. Весь процесс носит закрытый характер, количество присутствующих лиц строго ограничено участвующими в переговорах. Истребовать информацию, ставшую известной в ходе процесса, недопустимо, поэтому предусматривается наличие «свидетельского иммунитета посредника», т.е. запрет на вызов и допрос в качестве свидетелей лиц, способствующих примирению сторон. Если медиатор нарушает конфиденциальность, то в первую очередь он утрачивает доверие как профессионального сообщества, так и сторон, которым он оказывает содействие в достижении соглашения. Конфиденциальность медиации закреплена и на законодательном уровне, в частности в ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁷.

Принцип неформальности и гибкости процедуры означает не обязывающий и не строго расписанный характер процесса медиации, в связи с чем «стороны более расположены к выслушиванию и принятию новых идей, более сознательны сами в поисках новых подходов и с большим желанием рассматривают предлагаемые компромиссы»⁸.

Принцип равноправия субъектов подразумевает наличие у сторон равных прав на обращение к процедуре медиации, отказ от участия в ней, раскрытие информации, на выбор лица, способствующего примирению. Стороны также имеют равные процедурные права высказывать свои доводы, делать какие-либо предложения, заявления и иные действия, необходимые, по их мнению, для достижения взаимовыгодного соглашения. Обе стороны должны иметь равное время для индивидуальной работы с медиатором. Медиация может быть прервана или остановлена в любое время по инициативе любого из участников медиации. Каждая сторона самостоятельно определяет круг участников – юристов, родственников, полномочных представителей и т.д.

Принцип сотрудничества означает, что субъекты конфликта не состязаются друг с другом, не противостоят в ходе примирительной процедуры, а с учетом

имеющейся у них информации стремятся к достижению соглашения, устраивающего обоих, стремятся сотрудничать друг с другом.

Суть принципа самоопределения сторон базируется на положении о необходимости сторон самостоятельно находить взаимоприемлемое решение, которое будет удовлетворять их интересам. Несмотря на то, что стороны в ходе медиации зачастую задают вопросы медиатору относительно его видения способов разрешения спора и наиболее приемлемого решения, медиатору не следует вмешиваться в сам процесс принятия сторонами решения. Основная его задача — помочь сторонам найти такое решение, но не предлагать его, чтобы не привести к доминированию одной стороны над другой, а создать необходимые условия для конструктивного диалога сторон.

Принцип независимости и беспристрастности лица (непредвзятости), способствующего урегулированию конфликта, подразумевает самостоятельность третьего лица, его независимость и неподчиненность одной из сторон конфликта, а также его способность к справедливым и объективным суждениям и убеждениям в отношении сторон (одной или обеих) и предмета спора. Медиатор не имеет права высказывать личное мнение по поводу сути конфликта. Мнение каждой из сторон в одинаковой мере должно быть важно для медиатора.

В российской правовой науке существует мнение о необходимости закрепления в законодательстве среди принципов правового регулирования отношений в сфере медиации принципа добросовестности, понимаемого в нескольких значениях. По мнению А.А. Малиновского, добросовестность может пониматься как правовой принцип, как презумпция, как указание на виновность либо объективную противоправность деяния, либо как предел осуществления субъективного права⁹. Некоторые ученые полагают, что принцип добросовестности является межотраслевым принципом в области частного права¹⁰. При этом наиболее важным выражением принципа добросовестности является установление в законе способа определения пределов (границ) осуществления субъективного права. В данном случае границы гражданских прав устанавливаются законодателем не прямым указанием на необходимое поведение субъекта права, а косвенно. При этом пределы прав физических и юридических лиц определяются непосредственно в гражданско-правовых отношениях на стадии реализации права. На наш взгляд, законодательное закрепление этого принципа позволит более четко устанавливать характер и пределы осуществления прав сторонами процедуры медиации, ориентировать их на надлежащее поведение, что будет способствовать стабильности отношений в рассматриваемой сфере.

Принцип справедливости большинством ученых относится к числу общеправовых¹¹, следовательно, он имеет всеобщее, универсальное, исходное нормативно-руководящее значение для каждой отрасли права. По мнению С.А. Ивановой, когда принцип справедливости прямо не упоминается в нормативном правовом акте, он может закрепляться в нем в различных формах: в виде равенства между участниками общественных отношений; путем установления определенного соотношения между правами и обязанностями; посредством определения соответствующего характера целей и средств правовых норм; путем индивидуализации санкций¹².

Согласно ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» медиаторы и организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, несут ответственность перед сторонами

за вред, причиненный сторонам вследствие осуществления указанной деятельности, в порядке, установленном гражданским законодательством. Однако представляется, что механизм ответственности в медиативных отношениях разработан недостаточно. Так, согласно закону осуществлять деятельность медиатора на непрофессиональной основе могут лица, достигшие совершеннолетнего возраста, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости. На профессиональной основе осуществлять деятельность медиатора могут лица, достигшие возраста 25 лет, имеющие высшее профессиональное образование и прошедшие специальный курс обучения для медиаторов. Кроме того, законом установлено, что деятельность медиатора не является предпринимательской, следовательно, медиатор несет ответственность в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства только при наличии вины (ч. 1 ст. 401 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ)). В результате, разрешая многомиллионные споры, медиатор отвечает в случае причинения вреда сторонам лишь своим имуществом (ст. 24 ГК РФ).

Возмездность (или платность) процедуры медиации означает, что по своей природе медиативные отношения являются имущественными. Невозможность медиатора в полной мере нести гражданско-правовую ответственность ведет к неравенству субъектов имущественных отношений. Следовательно, в данном случае нарушается принцип справедливости. Следует предусмотреть в данном законе обязанность медиатора страховать риск гражданско-правовой ответственности перед сторонами проводимой процедуры. Представляется, что механизм страхования профессиональной ответственности будет способствовать обеспечению равноправия сторон процедуры медиации, а значит, будет служить более полному выражению принципа справедливости в данных отношениях.

Принцип «разумности» также целесообразно закрепить в законодательстве. Согласно ст. 13 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» срок проведения процедуры медиации определяется соглашением и по общему правилу не может превышать 60 дней. В некоторых случаях по договоренности сторон и при согласии медиатора он может быть увеличен до 180 дней. Так, учитывая, что в судах общей юрисдикции споры о восстановлении на работе и о взыскании алиментов должны быть рассмотрены до истечения 1 мес. со дня принятия искового заявления к производству, то и обращение к процедуре медиации как к более быстрой и гибкой, по сравнению с судебным разбирательством, становится нецелесообразным. Кроме того, следует согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что ограничительный срок в 60 дней открывает огромные возможности для искусственного затягивания процедуры медиации как со стороны медиатора, так и сторон¹³.

Таким образом, принципы медиации являются своеобразными ориентирами проведения примирительной процедуры.

¹ См.: Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3.

² Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правописание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 148

³ См.: Недбайло П.Е. Объективное и субъективное в праве (К итогам дискуссии) // Правоведение. 1974. №1. С. 14 и сл.

⁴ См.: Давыденко Д.Л. К вопросу о мировом соглашении // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 4. С. 47–56.

⁵ См.: Аллахвердова О.В. Школа посредничества (медиации) // Третейский суд. 2006. № 2. С. 177.

⁶ См.: Там же. С. 178.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. №31, ст. 4162.

⁸ См.: Михеева Е. Конфликтами можно управлять // Юридическая практика. 2002. № 9.

⁹ См.: *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007. С. 149.

¹⁰ См.: *Гаджиев Г.А.* Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2004.

¹¹ См., например: *Бабаев В.К.* Теория государства и права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.

¹² См.: *Иванова С.А.* Принцип социальной справедливости в законотворчестве: проблемы реализации на современном этапе // Законодательство и экономика. 2005. № 1. С. 32–42.

¹³ См.: *Лисицын В.* Судебная медиация – вектор российских законопроектных работ // Судья. 2010. № 1. С. 24.

К.А. Минаев

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И СВОБОДЫ

В статье исследуется юридическая природа ограничений субъективных прав человека и гражданина через призму соотношения категорий права и свободы; приводятся доводы об их соотношении; формулируются выводы.

Ключевые слова: ограничения прав и свобод, право, свобода, необходимость, правовое государство.

K.A. Minaev

TO THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF RESTRICTIONS OF THE RIGHTS AND FREEDOMS IN THE CONTEXT OF THE RATIO OF THE RIGHT AND FREEDOM

The article is devoted to research the legal nature of the restrictions of subjective rights of man and citizen. Consideration of question is made through the prism of the ratio of categories of the law and freedom, opinions are given of leading researchers of this problem, are made valid conclusions.

Keywords: restrictions on rights and freedoms, the right, the freedom, the need, legal state.

На пути формирования правового государства возникает необходимость доктринального рассмотрения проблем, связанных с гарантиями прав личности. Необходимо учитывать, что права и свободы человека не могут быть безграничны. Правовой статус предполагает диалектическое единство прав одного субъекта с обязанностями другого. Речь идет о т.н. «коррелирующих» правах и обязанностях. Сохраняется эта связь и при взаимодействии человека и государства. В случае нарушения данного соотношения создается возможность для злоупотребления субъективными правами и умаляется роль права как регулятора общественных отношений. Следовательно, права человека должны быть определенным образом ограничены.

В этом свете вопрос о юридической природе ограничений в праве, оставаясь одним из основных и нося общеметодологический характер для всей юридической науки, приобретает качественно новое практическое значение. Косвенно это можно подтвердить усилившимся интересом исследования категории «правовые ограничения».

© Минаев Кирилл Александрович, 2014

Аспирант кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: K.A.Minaev@yandex.ru

При формировании институтов правового государства проблема, выносимая на обсуждение, приобретает особую актуальность. Очевидным становится постановка вопроса о соотношении принципа наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина с возможностью их ограничения, а также особенностях установления пределов и принципов применения таких ограничений.

Для того чтобы ответить на эти и иные вопросы, касающиеся данной проблемы, необходимо уделить внимание самой сущности правовых ограничений. Понятие «ограничение прав человека» содержится во многих нормативно-правовых актах. В ч. 3 ст. 55 Конституции РФ отражена возможность ограничения федеральным законом основных прав и свобод человека и гражданина в качестве исключительной меры, которая может быть применена строго в предусмотренных для ее введения целях. В международных нормативных актах осуществление ограничений сводится к следующим принципам: обязательному законодательному закреплению, определению целей ограничений (обеспечение прав и свобод других лиц, требований морали и нравственности, общественного порядка и государственной безопасности, здоровья и благополучия населения конкретного государства и др.), предъявлению требований к совместимости подобных ограничений с другими правами¹. Устанавливая такие требования, законодатель не раскрывает саму сущность подобных ограничений, определяя лишь наиболее общие пределы к их применению, а также подчеркивая исключительность такого применения и обязательность легального закрепления.

Абстрагируясь от законодательных формулировок, необходимо проанализировать доктринальные интерпретации ограничений в праве. Стоит согласиться с А.В. Малько, который считает, что ограничения «сообщают об уменьшении объема возможностей, свободы, а значит, и прав личности, что достигается с помощью обязанностей, запретов, наказаний, приостановлений и т.п., сводящих разнообразие в поведении субъектов до определенного «предельного» состояния»².

Из этого тезиса можно сделать, по меньшей мере, два вывода: во-первых, ограничения касаются предоставленной правом свободы и, во-вторых, воздействуют они на поведение субъектов опосредованно – преимущественно через обязанности и запреты.

Первый вывод дает возможность рассматривать право в качестве средства утверждения свободы. В то же время нобелевский лауреат Ф.А. Хайек отмечал: «Любой закон ограничивает в какой-то мере индивидуальную свободу»³. На некоторое противоречие этих суждений обратил внимание Д.А. Керимов: «Государство и право являются виновниками создания своеобразной, парадоксальной ситуации. Они располагают огромными возможностями для достижения и обеспечения свободы как в масштабах общества в целом, так и на уровне каждого отдельного индивида. В то же время энергия, мощность, эффект всеобъемлемости данных институтов используются и в целях ограничения свободы, принуждения и насилия над людьми»⁴. И здесь же добавляет: «Рассмотрение права сквозь призму свободы служит своего рода исходным и основополагающим моментом в понимании вопроса о разрешении, снятии и преодолении имеющихся здесь противоречий, или, иначе говоря, в нахождении путей выхода из обозначенной выше парадоксальной ситуации»⁵. Данный тезис побуждает нас к рассмотрению ограничений через призму соотношения права и свободы, в целом.

Осознавая широту исследуемой темы, утверждать, что она раскрыто полностью, преждевременно. Важно понять, как соотносятся свобода, предоставляемая правом, и правовые ограничения, можно ли говорить о том, что право — это ограничение свободы или право служит ее необходимым условием, не исключают ли друг друга последние тезисы?

Следует отметить, что проблема соотношения права и свободы является сквозной при сравнении различных типов правопонимания. Речь идет о «столкновении», с одной стороны, позиций легистского направления (нашедших свое выражение в концепциях юридического позитивизма и неопозитивизма) и естественно-правовой доктрины (в выражении «либерального» правопонимания) с другой. Сторонники первого подхода, разработанного О. Контом, Дж. Остином, Г. Кельзенем и другими, стремятся доказать, что право — продукт «государственной воли», система юридических норм, призванная обеспечить правопорядок. Право здесь производно от государства, и его принципом (существенным признаком, отличительной особенностью) выступает властная сила, обеспеченность государственным принуждением⁶. Представители второй теории, существенный вклад в разработку которой внесли Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье и другие, связывают право с понятиями справедливости, равенства, свободы. Отмечается, что у них право — это нечто не зависящее от воли и усмотрения законоустанавливающей власти⁷.

Одним из первых обратил внимание на противоречие в различном понимании права и попытался их синтезировать И. Кант, отмечавший, что свобода одного человека должна быть соотносима со свободой другого. Таким образом, право, по Канту, «это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого лица с точки зрения всеобщего закона свободы»⁸. Один из ведущих исследователей кантовской философии, Э.Ю. Соловьев отмечает, что формула И. Канта «равенство в свободе по всеобщему закону» охватывает три существенных условия: 1) свобода человека как таковая не определяется правом: она лишь признается им в качестве морально-этической и антропологической реальности; 2) собственное дело права — точная квалификация меры свободы в социальном общении; 3) основной смысл кантовской философии права — в лимитации ограничения свободы. Частная свобода находит свой предел в равной свободе другого, но поскольку свобода отдельного человека ограничивается государством, то лимитирующая сила равноправия распространяется на само государство⁹. Ученик Канта И.Г. Фихте писал: «Человек достигает свободы, осуществляя необходимость»¹⁰. Еще один представитель немецкой классической философии Ф. Шеллинг, говоря о праве и законе, вновь переходит к вопросу о свободе и необходимости. Свобода в его учениях оказывается диалектически связанной с необходимостью¹¹. Кроме того, он отмечал: «Всеобщее правовое устройство является условием свободы, так как без него свобода гарантирована быть не может... Свобода должна быть гарантирована порядком, столь же явным и неизменным, как законы природы»¹².

Немецкая классическая философия рассматривала право через несколько идеализированную этическую призму, которая кажется, скорее, утопической, нежели реальной. Однако ответ на основной вопрос о соотношении права и свободы был дан. Сводился он к тому, что право определяет необходимую меру свободы.

На этом тезисе основывали свои воззрения многие представители отечественной правовой доктрины. Так, Н.А. Бердяев писал о том, что право представляет собой принудительное начало, защищающее и охраняющее человеческую свободу¹³. «Право, по его мнению, охраняет свободу человека от злой воли других людей и всего общества. Закон изобличает грех, ставит ему пределы и делает возможным минимум свободы в греховной жизни человеческой»¹⁴.

Создатель направления «охранительного либерализма» Б.Н. Чичерин, также будучи последователем идей Канта, трактовал субъективное право как предоставленную свободу в выборе действий, а объективное – как законы, определяющие рамки этой свободы, устанавливающие права и обязанности. Объективное право в противовес субъективному, по Чичерину, представляет собой ограничение свободы. Исходя из этого противопоставления, он пишет о двух противоположных элементах в человеческом общежитии: «Духовная природа личности состоит в свободе; общественное начало как ограничение свободы выражается в законе. Поэтому основной вопрос заключается в соотношении закона и свободы»¹⁵. Право Б.Н. Чичерин считал узаконенной формой свободы, говоря о том, что внешняя свобода рождает право, а внутренняя – нравственность¹⁶.

Е.Н. Трубецкой, поддерживая Б.Н. Чичерина, также отмечал неразрывную диалектическую связь права и свободы, в то же время, говоря о том, что свобода, являясь субъективным, личным элементом права, не исчерпывает собой его сущности. Наряду с субъективным элементом есть объективный – правовая норма, которая ограничивает право определенного лица. «Этот элемент – ограничение свободы нормою, – продолжает свою мысль Трубецкой, – представляет собою столь же существенный признак права, как и сама свобода»¹⁷.

Среди современных российских исследователей вопроса о соотношении права и свободы, следует выделить, прежде всего, академика В.С. Нерсесянца, следующим образом интерпретировавшего понятие права: «Право не просто всеобщий масштаб и равная мера, а всеобщий масштаб и равная мера именно и прежде всего свободы индивидов. Свободные индивиды – «материя», носители, суть и смысл права»¹⁸, говоря также и о том, что «свобода не только не противоположна равенству (а именно – правовому равенству), но, напротив воплощена в этом равенстве»¹⁹. Эти тезисы согласуются с изложенной выше позицией представителей немецкой классической философии о праве, как мере свободы (впоследствии В.С. Нерсесянец развил эту мысль и взял ее в обоснование созданной им же самим либертарно-юридической концепции правопонимания).

А.А. Воротников, также определяющий право как «мерило свободы», дополняет данный тезис новым содержанием, называя свободу элементом правопорядка²⁰, который, в свою очередь, выступает результатом реализации права. В этом есть определенное логическое зерно: свобода связана не просто с правом, а с его реализацией. Ведь только при конкретном осуществлении правовых предписаний: при соблюдении запретов, использовании предоставленных законом субъективных прав и исполнении обязанностей свобода может найти свое конкретное выражение.

Выводом к сказанному может служить утверждение, согласно которому право, определяя меру свободы, с одной стороны, ее устанавливает, а с другой – ограничивает. Кроме того, свобода одного лица является относительной. Она находится в зависимом состоянии от свободы другого лица и ограничивается ей же. Как писал И.А. Ильин, «ограничивая свободу каждого известными пределами, право обеспечивает ему за то беспрепятственное и спокойное пользование своими правами,

т.е. гарантирует ему свободу внутри этих пределов. Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, право содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе»²¹. А.А. Воротников в ходе размышлений приходит к аналогичному выводу: «Свобода предполагает запрещение определенного поведения одним человеком, направленного против независимости другого человека»²².

Исходя из этих мыслей, можно вывести еще один тезис – ограничения должны основываться на «балансе», соотношении интересов различных субъектов права. Как отмечал П. Лерхе, «при удовлетворении своих интересов между субъектами права возникают конфликты интересов, что неизбежно приводит к конкуренции субъективных прав (а, следовательно, и к коллизии правовых норм). В целях недопущения данной конкуренции пределы субъективных прав нужно определить таким образом, чтобы установить адекватный (соразмерный, разумный, пропорциональный) баланс интересов. Это позволит каждому субъекту удовлетворить свой интерес, пользуясь правовой защитой»²³.

Свобода одного человека (в контексте нашего исследования свободу следует понимать как предоставленную правом), существующего в определенном социуме, безусловно, будет сталкиваться со свободой другого. Ограничения, в этом свете, призваны урегулировать взаимодействие этих людей, не допустить конфликта «двух свобод». В.Н. Шаповал по этому поводу отмечает: «Когда свободы различных индивидов пересекаются и вступают в конфликт, необходимо их взаимное ограничение, дабы сохранить свободу каждого из них, т.е. – равенство в свободе. Здесь не обойтись без организующей и направляющей роли права»²⁴. Стоит лишь добавить, что и свобода, и ограничения сами же берут свое начало в праве. При этом ограничения нельзя отождествлять с правом. Они являются лишь одним из правовых средств, реализуемых при регулировании общественных отношений, причем именно исключительным правовым средством, которое может быть применено в строго предусмотренных законом случаях.

На основании изложенного можно прийти к заключению о том, что формирование институтов правового государства никоим образом не противоречит возможности введения определенных ограничений прав, свобод и законных интересов человека и гражданина (при условии, что эти ограничения соответствуют требованиям, установленным в законе). Более того, ограничения являются неотъемлемой частью подобных институтов, частью «регулирующей соотношения правомочий» разных лиц и не допускающей произвола.

Исходя из этого, можно утверждать о необычайной значимости ограничений в праве, а также о том, что разработка проблемы понимания их юридической природы «открывает» путь к дальнейшим исследованиям по теме, в частности: соотношению ограничений с обязанностями и запретами, изучению особенностей в ограничении субъективных прав, свобод и законных интересов, исследованию принципов таких ограничений, освещению истории ограничений в праве и многое др.

¹ См., например: Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. 5 апр.; Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. Ратифицирована Российской Федерацией в соответствии с Федеральным законом от 30 марта 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. №14, ст. 1514 (с изм. от 13 мая 2004 г.) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 3; Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах». Ратифицирована

Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. №17, ст. 291; Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах». Ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

² Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 91

³ Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. №11. С. 124.

⁴ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М., 2001. С. 443–444.

⁵ Там же, С. 444

⁶ См.: Нерсесянц В.С. Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., 2001. С. 305.

⁷ См.: Там же. С. 306.

⁸ Цит. по: Нерсесянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений. М., 1983. С. 287.

⁹ См.: Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005. С. 148.

¹⁰ Цит. по: Альбов А.П. Право и свобода. Личность. Общество. Государство // Сайт абсолютного идеализма Гегеля. URL:<http://hegel.ru/albov.html> (дата обращения: 05.04.2013).

¹¹ См.: Там же.

¹² Шеллинг Ф. В. Й. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 456.

¹³ См.: Бердяев Н.А. Философия неравенства / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М., 2012. С. 205.

¹⁴ Там же. С. 226.

¹⁵ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900. С. 83.

¹⁶ См.: Там же. С. 83.

¹⁷ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 10.

¹⁸ Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М., 1996. С. 15.

¹⁹ Там же. С. 15.

²⁰ Воротников А.А. Свобода, правовой статус и правовое положение личности // Защита субъективных прав: история и современные проблемы: материалы научно-практической конференции (г. Волжский, 27 марта 2001 г.). Волгоград, 2001. С. 26.

²¹ Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 83.

²² Воротников А.А. Указ. раб. С. 26.

²³ Цит. по: Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007. С. 126–127.

²⁴ Шаповал В.Н. Современный философско-правовой дискурс о свободе // Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Phd/2010_11/8_shap.pdf (дата обращения: 07.04.2013).

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

В.Т. Кабышев, Т.В. Заметина

ПРИНЯТИЕ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ — ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье анализируются конституционно-правовые вопросы принятия Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации. Рассматриваются основные этапы конституционализации самоопределения народа Крыма. Анализируются причины и условия воссоединения указанных субъектов с Российской Федерацией.

Ключевые слова: Конституция, федеративные отношения, принципы федерализма, конституционализация самоопределения народа Крыма.

V.T. Kabishev, T.V. Zametina

THE ADOPTION OF THE RUSSIAN FEDERATION REPUBLIC OF THE CRIMEA AND CITY OF SEVASTOPOL — THE RESTORATION OF HISTORICAL JUSTICE: THE CONSTITUTIONAL-LEGAL ANALYSIS

The article analyzes the constitutional and legal aspects of adoption Republic of the Crimea and city of Sevastopol into the Russian Federation. The main stages of the constitutionalisation of the self-determination of the Crimea people. The authors analyze the causes and conditions of reunification of the above mentioned subjects with the Russian Federation.

Keywords: the Constitution, federative relations, the principles of federalism, constitutionalization of self-determination of the people of Crimea.

В марте 2014 г. в истории постсоветской России и Республики Крым произошли события, имеющие жизненно важное, огромное историческое значение как для народов Российской Федерации, народа Крыма, так и для мировой цивилизации. Принятие Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации – факт восстановления исторической справедливости, суть которой очень емко и точно крымчане выразили короткой фразой — *возвращение Крыма в Россию*. Словами радости и ликования на митингах приветствовали они подписание Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в

© Кабышев Владимир Терентьевич, 2014

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Саратовская государственная юридическая академия)

© Заметина Тамара Владимировна, 2014

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия)

Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов 18 марта 2014 г.

Анализ конституционно-правовых вопросов воссоединения Крыма и г. Севастополя с Россией – это не только исследование конституционно-правового процесса данного исторического события, это и анализ конституционной природы **новых** федеративных отношений. Этому процессу предшествовали факторы, обусловившие неизбежность восстановления исторической справедливости. В контексте крымских событий с ними связаны и события как предшествующие антиконституционному перевороту и вооруженному захвату власти на Украине в феврале 2014 г., так и события на Юго-востоке Украины.

После принятия Конституции Республики Крым и Устава г. Севастополя наступает следующий *этап конституционализации* статуса субъектов РФ. Именно с принятием вышеназванных субъектов в состав России принцип федерализма получает не просто дальнейшее развитие, а совершенно новое качество, характеризующееся динамизмом, масштабностью процессов.

В истории постсоветской России наступила новая эпоха. Она охватывает всю совокупность факторов, всех сфер общественных отношений, определяющих внутреннюю и внешнюю конституционную политику Российской Федерации.

В чем же суть этого нового этапа развития России? Если сказать коротко – Россия **встала с колен!!!** Уместно в связи с этим привести слова Президента РФ В.В. Путина, сказанные им в обращении к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества 18 марта 2014 г. Пресловутая политика сдерживания России, которая проводилась и в XVIII, и в XIX, и в XX в., продолжается и сегодня. «Нас постоянно пытаются загнать в какой-то угол за то, что мы имеем независимую позицию, за то, что ее отстаиваем, за то, что называем вещи своими именами и не лицемерим. Но все имеет свои пределы. И в случае с Украиной наши западные партнеры перешли черту, вели себя грубо, безответственно и непрофессионально...Они же прекрасно знали, что и на Украине, и в Крыму живут миллионы русских людей. Насколько нужно потерять политическое чутье и чувство меры, чтобы не предвидеть всех последствий своих действий. Россия оказалась на рубеже, от которого не могла уже отступить. Если до упора сжимать пружину, она когда-нибудь с силой разожмет. Надо помнить об этом всегда.

Сегодня необходимо прекратить истерику, отказаться от риторики «холодной войны» и признать очевидную вещь: Россия – самостоятельный, активный участник международной жизни, у нее, как и у других стран, есть национальные интересы, которые нужно учитывать и уважать»¹.

Чтобы понять и осознать конституционно-правовой характер крымских событий марта 2014 г., необходимо провести краткий исторический экскурс, ибо вся гамма исторических, правовых, социально-психологических факторов, получившая свое концентрированное выражение в волеизъявлении крымчан на референдуме 16 марта 2014 г., явилась выражением исторической памяти Крыма, олицетворяющей символы русской воинской славы, мужества и невиданной доблести.

Российская история полуострова Крым, присоединение его территории под юрисдикцию России ведет свое начало с 8 апреля 1783 г. В ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия в ноябре 1772 г. заключила договор с крымским ханом Сахиб-Гиреем о переходе Крыма под протекторат России и его полной независимости от турецких султанов. Однако часть крымских вельмож по-прежнему

тяготела к Стамбулу, надеясь на возврат старых порядков. Потребовалось почти 10 лет, когда в результате организационных, политических, экономических и дипломатических мер под руководством Г.А. Потемкина, А.В. Суворова и М.И. Кутузова удалось решить крымский вопрос мирно. И 8 апреля 1783 г. императрица Екатерина II подписала Высочайший манифест о принятии Крымского полуострова, острова Тамани и всей Кубанской стороны под державу Российскую. С этого времени Крым – древняя Таврида – стал частью Российской империи².

Необходимо отметить такой факт. В данном Манифесте подчеркивалось, что жителям Крыма (в основном татарам) гарантировались содержание наравне с подданными Российской империи, охрана, защита и неприкосновенность их имущества, сохранение храмов, веры, отправление законных обрядов.

Ясский мирный договор между Россией и Турцией от 29 декабря 1791 г. подтвердил нерушимость присоединения к Российской империи Крыма и Тамани и границей есть река Кубань.

Когда речь идет о Крыме, то, естественно, имеется в виду Севастополь — город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и родина русского черноморского флота. Независимость южных рубежей России, защита суверенитета Российского государства связаны с героизмом и мужеством русских солдат, матросов как во время Крымской войны 1853–1856 гг., так и в период Великой Отечественной войны. 349-дневная оборона Севастополя в Крымскую войну справедливо считается одной из самых славных страниц в истории русской армии и флота.

Как символ неуязвимой славы и мужества вошел в историю нашей страны г. Севастополь, в течение 250 дней оборонявшийся от фашистских захватчиков во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Вся история Крыма свидетельствует о том, что полуостров практически всегда в течение двух столетий оставался неотъемлемой частью России. После революции 1917 г. в границах Крымского полуострова из существующих тогда округов Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Феодосийского и Ялтинского в 1921 г. Постановлением ВЦИК и СНК была образована Автономная Крымская ССР как часть РСФСР³. Впоследствии г. Севастополь как главная военно-морская база Черноморского флота Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. №761/2 был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим бюджетом и отнесен к категории городов *республиканского подчинения*.

К сожалению, в 1954 г., по инициативе тогдашнего руководителя КПСС Н.С. Хрущева, Крым, а заодно и Севастополь были переданы в состав УССР. В условиях тоталитарного государства жителей Крыма и Севастополя ни о чем не спрашивали. Вопрос решили центральные органы партии и государства.

После распада СССР история повторилась, несмотря на то, что подавляющее большинство граждан СССР на общесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. высказалось за сохранение Союза ССР. Однако история распорядилась иначе. В результате Беловежских соглашений (в истории это получило название «сговор») Крым и г. Севастополь вошли в состав Украины. Необходимо отметить, что Крым *сопротивлялся вхождению в Украину*. Об этом свидетельствуют следующие конституционные акты Республики Крым. 4 сентября 1991 г. была принята Декларация о государственном суверенитете Республики Крым, а 6 мая 1992 г. – Конституция Республики Крым. Этими конституционными актами Республика Крым провозгласила себя суверенным демократическим правовым государством

в составе Украины. В ст. 9 Конституции Республики Крым констатировалось: «Республика Крым входит в государство Украина и определяет с ней свои отношения на основе Договора и соглашений». Предусматривалось введение гражданства Крыма, а также двойного гражданства (России и Крыма), создание собственных воинских формирований. Официальным языком делопроизводства признавался русский, государственными – крымско-татарский, русский и украинский. Все эти нормы Конституции Республики Крым от 6 мая 1992 г. были отменены Верховным Советом Крыма в соответствии с законодательством Украины, однако в 1994 г. Законом Республики Крым «О восстановлении конституционных основ государственности Республики Крым» были восстановлены.

Украина не признавала суверенитет Крыма, считая эти конституционные акты Крыма нарушением территориальной целостности и государственного суверенитета, попыткой к выходу Крыма из состава Украины. Верховный Совет Украины принял постановление «О приостановлении действия Закона Республики Крым «О восстановлении конституционных основ государственности Республики Крым» от 29 мая 1994 г., которым признал данный Закон Республики Крым противоречащим Декларации о государственном суверенитете Украины, действовавшей тогда Конституции Украины 1978 г. и ряду законов Украины. 21 сентября 1994 г. в Конституцию Украины было внесено изменение: слова «Республика Крым» заменились словами «Автономная Республика Крым»⁴.

Постановлением Верховного Совета Украины от 17 марта 1995 г. «О порядке введения в действие Закона Украины «Об Автономной Республике Крым» были признаны утратившими силу законы Украины «О статусе Автономной Республики Крым» и «О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым», а также отменена Конституция Автономной Республики Крым от 6 мая 1992 г. с изменениями и дополнениями. Одновременно отменялись все учредительные акты Верховного Совета Республики Крым, закрепляющие ее суверенитет и независимость. Данным постановлением г. Севастополь отделился от Крыма и получил статус административно-территориальной единицы общегосударственного подчинения. Статус г. Севастополя определялся законами Украины.

Отмена Конституции Крыма, принятая Верховным Советом Республики Крым в 1992 г., как справедливо еще в 1998 г. писала Н.А. Михалева, нарушала право народов Крыма на самоопределение. Отмена Конституции Крыма в то же время стала нарушением общедемократических прав и свобод национальных меньшинств, которыми на Украине являются проживающие в Крыму не только русские, но и крымские татары, армяне, греки и другие национальные меньшинства⁵.

Кстати, отмена Конституции Крыма противоречила и ряду законов самой Украины. Так, например, Закон от 25 июня 1992 г. «О национальных меньшинствах в Украине» в ст. 6 закреплял гарантии национальных меньшинств на национально-культурную автономию. В ст. 10 указывалось, что «государство гарантирует национальным меньшинствам право на сохранение жизненной среды в местах их исторического и нынешнего расселения».

Основным же местным расселением русского национального меньшинства на Украине является Крымский полуостров.

Таким образом, по мнению Н.А. Михалевой, компактно проживающие в Крыму русское население оказалось **расчлененным** (выделено нами. – В.К., Т.З.), что является недопустимым нарушением права национального меньшинства, поскольку лишает в таком случае возможности выражения его интересов в едином

органе государственной власти, а также разрушает жизненную среду русского национального меньшинства на территории Крыма⁶.

К сожалению, непоследовательная политика Президента РФ Б.Н. Ельцина после распада СССР не способствовала позитивным шагам Крыма и особенно жителей г. Севастополя к их самоопределению. Кроме того, Верховному Совету РФ в 1992 г., а также Государственной Думе Федерального Собрания РФ в 1996 г. не удалось, к сожалению, преодолеть *непонятное* (с точки зрения интересов России и жителей г. Севастополя) нежелание Президента РФ Б.Н. Ельцина юридически подтвердить российский федеральный статус г. Севастополя в административно-территориальных границах городского округа по состоянию на декабрь 1991 г., констатировать, что односторонние акты Украины об объявлении города-героя Севастополя под юрисдикцию Украины являются *неправомерными*⁷.

Потребовалось почти два десятилетия, чтобы, наконец, в 2014 г. эта несправедливость была преодолена. Все 23 года с 1991 г. до 17 марта 2014 г. – момента провозглашения независимости Крыма – для жителей Крыма и г. Севастополя были мучительным периодом борьбы за возвращение Крыма в состав России. Украинизация русских и русскоязычных жителей Крыма, искажение истории Украины, пропаганда в школах и в СМИ рассказами, что русские и Россия – главный, генетический враг Украины и украинцев, помноженные и церковным расколом, углубляя раскол социальный, материальное расслоение общества, а впоследствии и попытка Верховной Рады Украины запретить вообще русский язык – все это переполнило чашу терпения крымчан⁸. События 22 февраля 2014 г., когда в Киеве произошел антиконституционный переворот и вооруженный захват власти, подвигли их заявить на референдуме 16 марта 2014 г. о своем самоопределении, независимости и суверенности.

Таким образом, конституционность самоопределения Крыма в марте 2014 г. определяется следующими факторами: антиконституционным переворотом и вооруженным захватом государственной власти в Украине в феврале 2014 г.; действующая Конституция Украины по сути была *растоптана*; угрозой фашизации в Украине, запретом русского языка. Все это дало правовые основания Верховному Совету Республики Крым и Севастопольскому городскому Совету, исходя из положений Устава ООН и ряда других международных документов, закрепляющих право народа на самоопределение, а также принимая во внимание подтверждение Международным Судом ООН в отношении Косово от 22 июля 2010 г. того факта, что одностороннее провозглашение независимости частью государства не нарушает какие-либо нормы международного права провозгласить независимость Крыма в Декларации о независимости Крыма от 11 марта 2014 г. Данная Декларация – это акт **конституционализации** самоопределения народа Крыма, в котором парламент Крыма и горсовет Севастополя обратились к народу Крыма определить свою судьбу на референдуме 16 марта 2014 г.

Результаты референдума 16 марта 2014 г. были таковы: по Автономной Республике Крым явка составили 83,01 % «за» воссоединение с Россией проголосовали 1233002 чел. (96,77 %), «против» — 31997 чел. (2,51 %), недействительными было признано 9097 (0,71%) бюллетеней. Данные по г. Севастополю: явка составила 89,5 %, «за» воссоединение с Россией проголосовали 262041 чел.(95,6 %), «против» — 9250 (3,37 %); недействительными были признаны 2810 бюллетеней (1,03 %)⁹.

17 марта результаты референдума были утверждены Верховным Советом Автономной Республики Крым и Городским советом Севастополя. В этот же день на основании Декларации о независимости и результатов референдума была

провозглашена Республика Крым как независимое и суверенное государство, в состав которой вошел Севастополь в качестве города с особым статусом. Республика Крым в лице своего высшего органа власти – Государственного Совета Республики Крым – обратилась к Российской Федерации с предложением о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта РФ со статусом республики.

Учитывая волеизъявление народов Крыма на общекрымском референдуме, состоявшемся 16 марта 2014 г., Президент РФ В.В. Путин 17 марта 2014 г. подписал Указ «О признании Республики Крым» в качестве суверенного и независимого государства, в котором г. Севастополь имеет особый статус¹⁰.

18 марта 2014 г. в г. Москве был подписан «Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов»¹¹.

Данный Договор за Российскую Федерацию подписал Президент РФ В.В. Путин, за Республику Крым — Председатель Госсовета Республики Крым В. Константинов и премьер-министр Республики Крым С. Аксенов, за г. Севастополь — мэр Севастополя А.М. Чалый.

С даты подписания вышеупомянутого Договора Республика Крым считается принятой в Российскую Федерацию, говорится в ст. 1 данного документа. Со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым в составе Российской Федерации образуются, констатируется в ст. 2 Договора, новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь.

Подписание указанного Договора вызвало критику как за рубежом, так и внутри России. Попытаемся пояснить и раскрыть весь этот спектр вопросов.

Во-первых, правовым основанием для заключения Договора являются Конституция РФ и Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. №6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».

Конституция РФ 1993 г. содержит потенциальные возможности для интеграции в правовое и территориальное пространство России новых субъектов. Принципы российского федерализма (ч. 3, 4 ст. 5 Конституции РФ) составляют одну из основ конституционного строя России. Пункт «б» ст. 71 Конституции РФ вопросы федеративного устройства и территории Российской Федерации относит к исключительному ведению Российской Федерации.

Необходимо также указать на отдельные положения Преамбулы Конституции РФ. Последняя, как неоднократно констатировал Конституционный Суд РФ, имеет нормативное значение, прямое действие, обладает высшей юридической силой и обязательна для соблюдения и применения всеми субъектами конституционных отношений.

Так, в Преамбуле Конституции РФ называются общенациональные ценности, приоритеты государственного и общественного развития: «соединенные общей судьбой на своей земле», «сохраняя исторически сложившееся государственное единство», следуя общепризнанным принципам равноправия и самоопределения народов, «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями», исходя из которых Россия продолжает выполнять свою историческую миссию – формирование нового Евразийского геополитического пространства. Выполнение этой миссии обусловлено не только

экономическими факторами, но и стремлением обеспечить реализацию национальных ценностей и духовных потребностей различных народов, проживающих на территориях государств данного региона.

Как отметил в своем обращении Федеральному Собранию 18 марта 2014 г. В.В. Путин, «Крым – это наше общее достояние и важнейший фактор стабильности в регионе. И эта стратегическая территория должна находиться под сильным, устойчивым суверенитетом, который по факту может быть только российским сегодня»¹².

После подписании Договора Президент РФ В.В. Путин в соответствии с п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ и ст. 88 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» направил в Конституционный Суд РФ запрос о проверке соответствия Конституции РФ временно применяемого Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов.

Как известно, в соответствии со ст. 6 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» и ст. 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» Договор (по Крыму) подлежит ратификации.

В чем заключалась специфика запроса Президента РФ?

Процитируем полностью последний абзац запроса: «Прошу Конституционный Суд Российской Федерации, учитывая сложившуюся ситуацию вокруг Крыма и Севастополя, рассмотреть данный запрос *без проведения публичных слушаний* (выделено нами. – В.К., Т.З.), так как Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов направлен на соблюдение государственных интересов Российской Федерации, прав и свобод как жителей Крыма и Севастополя, так и граждан Российской Федерации, укрепление сложившихся экономических и культурных связей России с Крымом и Севастополем»¹³.

Конституционный Суд РФ 19 марта 2014 г. рассмотрел в заседании дело о проверке конституционности не вступившего в силу вышеупомянутого Международного договора и признал его соответствующим Конституции РФ¹⁴.

Конституционный Суд РФ, учитывая просьбу Президента РФ рассмотреть его запрос без проведения публичных слушаний, разработал особую процедуру рассмотрения дела. С учетом его специфики Конституционный Суд РФ не прибегал к процедурам предварительного изучения обращения судей Конституционного Суда РФ. К тому же в данном деле отсутствовала сторона, утверждающая противоположное, как это имеет место в соответствии с ч. 1 ст. 53 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Необходимо отметить, что в Интернет Сетях сразу же появились различные критические оценки типа: Конституционный Суд РФ, проведя заседание без публичных слушаний, пренебрег такими принципами конституционного судопроизводства, как гласность (ст. 31 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), устность разбирательства (ст. 32), состязательность и равноправие сторон (ст. 35).

В современной конституционной истории России Конституционный Суд РФ впервые рассматривал нератифицированный международный договор, касающийся принятия в состав России нового субъекта, на соответствие Конституции РФ.

Справедливости ради следует заметить, что в науке конституционного права задолго до крымских событий были подробно исследованы особенности судебного конституционного контроля при принятии в состав России нового субъекта. Поэтому сегодняшним критикам Постановления Конституционного Суда РФ по Крыму следовало бы изучить детальнее правовую природу полномочия Конституционного Суда РФ о проверке им в связи с обращением Президента на не вступивший в силу международный договор о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта. Одна из особенностей конституционного судопроизводства в данном случае состоит в том, что исчезает необходимость «судоговорения» как такового. Так как в данном случае в конституционном судопроизводстве рассматривается только один субъект – заявитель, то вряд ли можно говорить о реализации принципа состязательности и равноправия сторон. В этом случае содержание судебного процесса не связано с противоборством различных позиций. Состязательность здесь проявляется в том, что процессуальная функция Суда отделена от функций стороны, возбуждающей конституционное судопроизводство, т.е. Суд не является инициатором процесса, а лишь рассматривает вопросы, поставленные перед ним заявителем. Поэтому вполне уместен применительно к данному полномочию Конституционного Суда РФ отказ от принципа устности разбирательства¹⁵, что, кстати, и сделал Конституционный Суд РФ 19 марта 2014 г. при рассмотрении запроса Президента РФ о проверке конституционности не вступившего в силу вышеупомянутого международного договора.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 19 марта 2014 г. признал не вступивший в законную силу Международный договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию новых субъектов соответствующим Конституции РФ. Указанный Договор вступил в силу 21 марта 2014 г. с момента его ратификации¹⁶.

Завершающим актом конституционализации самоопределения народов Крыма можно считать Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. №6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»¹⁷.

Таким образом, правовой основой принятия в Российскую Федерацию Республики Крым являются следующие документы:

Конституция РФ;

Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. №6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»;

результаты общекрымского референдума, проведенного 16 марта 2014 г. в Автономной Республике Крым и г. Севастополе, на котором поддержан вопрос о воссоединении Крыма с Россией на правах субъекта РФ;

Декларация о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя, а также Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов;

Предложения Республики Крым и города с особым статусом Севастополя о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым, включая город с особым статусом Севастополь;

Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. №6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым в составе Российской Федерации в соответствии со ст. 2 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. №6 образованы новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь, их наименования включены в ч. 1 ст. 65 Конституции РФ. Новые субъекты РФ имеют соответственно статус республики и города федерального значения.

Со дня принятия в Россию вышеназванных субъектов и до 1 января 2015 г. установлен переходный период, в течение которого урегулируются вопросы интеграции новых субъектов РФ в экономическую, финансовую, кредитную и правовую систему органов государственной власти Российской Федерации.

Вхождение Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации будет способствовать сохранению такой тенденции, как ее горизонтальная асимметричность. Именно в переходный период на первом месте стоит проблема обеспечения баланса потребностей интеграции новых субъектов в Российскую Федерацию, с одной стороны, и иных конституционных ценностей, с другой стороны. И такой баланс обозначил Федеральный конституционный закон РФ от 21 марта 2014 г. № 6.

Разнородность природы образующих Российскую Федерацию субъектов, сочетание национальных и территориальных начал – объективное социальное явление, сложившееся исторически. Появление новых субъектов РФ свидетельствует о том, что не следует абсолютизировать ни национальный, ни территориальный подход в построении Федерации. Двойственность природы входящих в Российскую Федерацию образований проявляется на примере новых субъектов РФ.

Республика Крым – это, по сути, национально-территориальное государственное образование. На территории Крыма проживают представители различных народов: русские, украинцы, крымские татары, армяне, греки и др.

Действующая Конституция РФ 1993 г. особое внимание уделяет правам национальных меньшинств. Их регулирование и защита находятся в исключительном ведении России (п. «в» ст. 71), защита прав национальных меньшинств отнесена к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «б» ст. 72).

Равноправие народов России — это гарантированный российской Конституцией правовой режим, предусматривающий целый комплекс мер экономического, политического, социального и культурного характера по обеспечению гармоничного существования (в рамках многонационального народа Российской Федерации) и развития каждого этноса (народа), проживающего на территории Российской Федерации.

Равноправие народов как универсальный конституционно-правовой режим включает в себя: равноправие в сфере представительства интересов и защиты прав народов в органах государственной власти и местного самоуправления; равноправие в области экономических отношений; языковое равноправие; национальное равноправие; равноправие в системе образования; равноправие в научной и культурной сфере; равноправие в установлении межрегиональных и международных контактов.

11 марта 2014 г. Парламент Крыма принял постановление о гарантиях восстановления прав крымско-татарского народа. 12 марта Председатель Государственной Думы С. Нарышкин заявил, что российский парламент поддержит и

подтвердит гарантии крымско-татарскому народу. Российское законодательство предоставляет этим народам право на национально-культурную автономию, меры государственной поддержки национального языка и культуры.

Определенные гарантии языковых прав крымских татар закреплены Договором от 18 марта 2014 г. между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов¹⁸. Согласно ст. 3 Договора Российская Федерация гарантирует всем народам, проживающим на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Государственными языками Республики Крым признаются русский, украинский и крымско-татарский.

Подобное положение закреплено также в ст. 10 Конституции Республики Крым от 11 апреля 2014 г. В ч. 2 указанной статьи Конституции закреплено, что статус государственных языков Республики Крым устанавливается законодательством РФ и законодательством Республики Крым. В Республике Крым признается принцип многообразия культур, обеспечивается их равноправное развитие и взаимообогащение.

Специалисты из Института этнологии и антропологии РАН, проводившие исследования идентичности и межкультурных установок крымских татар, в первую очередь обращают внимание на то обстоятельство, что факт депортации прочно укоренился в памяти нескольких поколений, тем более, что в отличие от других репрессированных народов крымские татары стали возвращаться на родину гораздо позже, только после 1989 г. Таким образом, народ провел в ссылке почти полвека. И вполне закономерно, что эти незабытые мытарства трансформировались в обиду на современную Россию¹⁹.

21 апреля 2014 г. Президентом России был подписан Указ № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», предусматривающий целый ряд мероприятий по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению этих народов, содействию созданию и развитию национально-культурных автономий, иных общественных объединений, разработку специальной ФЦП социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года²⁰.

По нашему мнению, создание социально-экономических и культурных условий окончательной адаптации указанных народов в российский социум потребует также внесения определенных изменений в действующую Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г.)²¹.

Несмотря на незначительный период времени, который прошел после вхождения Республики Крым, Россия предпринимает активные меры по включению новых субъектов в единое правовое пространство и систему федеративных отношений. 31 марта 2014 г. Президент РФ подписал Указ №190 «О Министерстве Российской Федерации по делам Крыма»²², в котором устанавливается, что Министерство РФ по делам Крыма разрабатывает проекты государственных программ по развитию Крыма, координирует деятельность по их реализации, контролирует осуществление органами государственной власти Республики Крым и г. Севастополя полномочий Российской Федерации, передаваемых им в соответствии с законодательством РФ.

Правительство РФ утвердило подготовленную Министерством регионального развития схему закрепления 14 районов и 1 города Республики Крым, а также города федерального значения Севастополя за 16 субъектами РФ, согласно которой высшим должностным лицам субъектов поручено обеспечить оказание методической и материальной помощи в обеспечении надлежащего функционирования объектов коммунального хозяйства и социальной сферы. В перечень Минрегиона попали Татарстан (будет курировать Бахчисарайский район Республики Крым), Башкортостан (Белогорский район), Воронежская область (Джанкойский район), Белгородская область (Кировский район), Ростовская область (Красногвардейский район), Калужская область (Краснопереконский район), Краснодарский край (Ленинский район), Владимирская область (Нижегородский район), Московская область (Первомайский район), Волгоградская область (Раздольненский район), Самарская область (Сакский район), Ленинградская область (Симферопольский район), Липецкая область (Советский район), Тюменская область (Черноморский район), Тульская область (г. Керчь), Москва (г. Севастополь)²³. Закрепление предусмотрено с учетом экономической специализации указанных районов и городов и бюджетной обеспеченности соответствующих субъектов РФ.

Как отмечает глава Минрегиона И. Слюняев, «в качестве партнеров предложены субъекты Российской Федерации, обладающие лучшими практиками государственного и муниципального управления для реализации подготовленной Минрегионом «дорожной карты» по формированию нормативной правовой базы Республики Крым и города федерального значения Севастополя по всем трем основным направлениям работы в части законодательного обеспечения деятельности (переходный период, первоочередное законодательство, отраслевые законы и подзаконные акты). Также сотрудничество поможет максимально быстро, опираясь на лучшие региональные и муниципальные практики, передать набор модельных актов муниципального и регионального управления новым субъектам Российской Федерации»²⁴. Начиная с 30 апреля 2014 г., субъекты должны ежемесячно направлять информацию о ходе выполнения данного поручения в Министерство РФ по делам Крыма.

В связи с образованием в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя 21 марта 2014 г. Президентом РФ был подписан Указ №168 «Об образовании Крымского федерального округа»²⁵. Таким образом, происходит включение новых субъектов в российский конституционный механизм разработки, принятия, реализации и контроля за исполнением решений верховной федеральной власти (Президента РФ). Стабильность федеративных отношений во многом зависит от обеспечения верховенства Конституции РФ и федерального законодательства, гармоничного сосуществования федеральной правовой системы и правовых систем субъектов Федерации. Полпреды организуют контроль за исполнением федеральных законов, указов и распоряжений Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ, за реализацией федеральных программ в федеральном округе. Поэтому данное решение федеральной власти выглядит вполне логичным и способствующим выстраиванию конституционной модели взаимоотношений Федерации и ее новых субъектов.

Эффективная модель федеративного устройства предполагает определенную централизацию в целях обеспечения государственной целостности и единства системы власти, правового и экономического пространства, но при условии создания реальных гарантий экономической самостоятельности и свободы местного самоуправления, национально-культурного развития субъектов Федерации. В связи с

этим, на наш взгляд, неизбежная централизация во взаимоотношениях Федерации и новых субъектов со временем должна смениться политикой субсидиарности и равноправного партнерства. Стабильность сложившейся структуры Федерации не исключает динамизм и гибкость механизмов организации управления.

В условиях глобализации российскому федерализму отводится новая роль. Формирование правового государства, помимо обеспечения верховенства закона, прав и свобод человека, реализации принципа разделения властей, означает переход на новый качественный уровень отношений государства, общества и личности. Как отмечает И.Н. Сенякин, федерализм для России — «это единственно возможная политико-территориальная организация, ибо федерализм — надежный и верный путь к сохранению целостности Российского государства, унификации и дифференциации его законодательства, успешному урегулированию национальных отношений»²⁶. Развертыванию демократического потенциала федерализма, в т.ч. на территориях новых субъектов РФ, полномасштабной реализации прав и свобод граждан на всей территории страны будет способствовать режим постоянного диалога органов государственной власти и региональных и местных сообществ, национальных, конфессиональных и иных социальных институтов гражданского общества.

Интеграция России в международное сообщество повлекла за собой включение в Конституцию РФ ч. 4 ст. 15, устанавливающей, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Вхождение Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации имеет и международно-правовое значение. В XXI в. народы Республики Крым и г. Севастополя реализовали, закрепленное международными нормами право на самоопределение.

Право на самоопределение является важнейшей составляющей правового статуса народов в Российской Федерации и в мире. Согласно положениям Устава Организации Объединенных Наций, ООН преследует цели развития «дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов»²⁷. Статья 1 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г., гласит: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие»²⁸.

В Декларации о расе и расовых предрассудках, принятой Генеральной Конференцией ЮНЕСКО от 27 ноября 1978 г., утверждается, что «все люди и группы людей имеют право отличаться друг от друга» и что «различия в достижении разных народов объясняются исключительно географическими, историческими, политическими, экономическими, социальными и культурными факторами»²⁹.

В соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV) «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» от 24 октября 1970 г., народы, осуществляющие право на самоопределение, могут принять решение или о создании суверенного независимого государства, или о свободном присоединении к независимому государству, или об объединении с ним, или об установлении иного политического статуса. В соответствии с другой Резолюцией ООН от 16 декабря 1952 г. № 637 (VII) «Право народов и наций на самоопределение» именно право

народов на самоопределение служит предпосылкой для пользования во всей полноте правами человека, каждое государство-член ООН должно уважать и поддерживать это право в соответствии с Уставом ООН.

Как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева, «этнические связи, несмотря на глобальные этнические трансформации, продолжают оказывать сильное влияние как на мировой правопорядок и стабильность отношений внутри государства, так и на социальное самочувствие людей»³⁰.

Самоопределение населения Республики Крым и г. Севастополя, реализованное в рамках норм международного права, выразилось в результатах референдума, большинство участников которого выступили за вхождение в состав Российской Федерации.

Учитывая волеизъявление народов Крыма на общекрымском референдуме, состоявшемся 16 марта 2014 г., 17 марта 2014 г. Президентом России был подписан Указ №147 «О признании Республики Крым» в качестве суверенного и независимого государства. Международное право исходит из того, что признание государств и правительств является суверенным правом каждого государства, и, признав Республику Крым и г.Севастополь, Россия это право реализовала.

Накануне референдума — 15 марта 2014 г. — Совет Безопасности ООН не смог принять резолюцию по разрешению кризиса в Украине. В проекте резолюции подчеркивалась приверженность Совета принципам единства, суверенитета и территориальной целостности, содержался призыв к защите всех общин в Украине и подчеркивалось, что запланированный на 16 марта референдум по Крыму является незаконным. 13 государств-членов Совета проголосовали «за». Россия проголосовала «против», Китай воздержался. Посол России заявил, что такой подход идет вразрез с базовыми принципами международного права — принципом равноправия и самоопределения народов, закрепленным в Уставе ООН. В. Чуркин напомнил, что этот принцип подтвержден в Декларации ООН о принципах международного права 1970 г., а также в Хельсинском заключительном акте³¹.

Осуждая позицию России и не признавая за народами Крыма право на самоопределение, представители ООН и зарубежных стран ссылаются на принцип нерушимости границ, закрепленный Уставом ООН и Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г., в соответствии с которой никакие положения Декларации не должны истолковываться «как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов ... имеющих правительства, представляющие без различий расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории». Кроме того, утверждается, что правом на «внешнее» самоопределение обладают, в первую очередь, народы, находящиеся в колониальной или иностранной зависимости.

Анализ данной Декларации свидетельствует о том, что в ситуации с Крымом было нарушено два важных условия сохранения целостности государства при столкновении этого принципа с принципом самоопределения. Народу Крыма не было предоставлено право на реализацию собственных интересов в полном

объеме в составе Украины, проводилась политика дискриминации по национальному признаку (т.е. не было реализовано право на «внутреннее» самоопределение, право пользования русским языком) и на момент самоопределения народов Крыма отсутствовало легитимное правительство, представляющее все население страны.

Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) на 98-м пленарном заседании (Венеция, 21–22 марта 2014 г.) приняла отрицательное Заключение по вопросу «соответствует ли решение, принятое Верховным Советом автономной Республики Крым в Украине об организации референдума о том, чтобы стать субъектом Российской Федерации или восстановить Конституцию Крыма 1992 г., конституционным принципам».

Ученые-конституционалисты уже дали свою оценку этому Заклчению. По мнению В.И. Лафитского и Т.Я. Хабриевой, решение о проведении референдума в Крыму «невозможно оценивать вне историко-правового, фактического конституционного и международно-правового контекста, раскрывающего истоки и движущие силы происходящих в Крыму событий»³².

В качестве причин неконституционности названного референдума указывались содержащиеся в вопросах, вынесенных на референдум, противоречия Конституции Республики Крым. В частности, давалась ссылка на ст. 2 Конституции Украины о том, что «суверенитет Украины распространяется на всю ее территорию. Украина является унитарным государством. Территория Украины в пределах существующей границы целостна и неприкосновенна», ст. 132 Конституции Украины, согласно которой «территориальное устройство Украины основывается на принципах единства и целостности государственной территории, сочетания централизации и децентрализации в осуществлении государственной власти, и сбалансированности социально-экономического развития регионов», ст. 134 Конституции Украины, устанавливающую, что «Автономная Республика Крым является неотъемлемой составной частью Украины в пределах полномочий, определенных Конституцией Украины, решает вопросы, отнесенные к ее ведению», и ст. 73 Конституции Украины, которая прямо предусматривает, что «исключительно всеукраинским референдумом решаются вопросы об изменении территории Украины».

При рассмотрении данного вопроса Венецианской комиссией, на наш взгляд, не были учтены следующие обстоятельства.

Антиконституционный захват власти в феврале 2014 г. поставил под сомнение легитимность Основного Закона страны. К функциям любой Конституции относится установление конституционной системы органов государственной власти, закрепление гарантий функционирования существующего конституционного строя. Захват власти, насильственное изменение конституционного строя, совершенные вопреки действовавшей на тот момент Конституции, ставят под сомнение легитимность самого Основного Закона.

В этих условиях народ, проживающий на территории страны, где произошел антиконституционный переворот и по сути разрушение государства, не утрачивает своего первичного права быть носителем суверенитета и единственным источником власти в пределах территории своего проживания. Этот народ, находящийся в процессе самоопределения, остается также субъектом международного права. Дискредитация национальной конституционной системы «не исключает» его из сферы действия международного права. У народа сохраняется право самостоятельно определять свой международный статус. Поскольку прежнее государство разруше-

но, естественным и, пожалуй, единственным выходом из сложившейся ситуации остается политическое самоопределение народа, проживающего на всей или части его территории. При этом возможны, как минимум, два сценария: политическое самоопределение в рамках того государства, где произошел антиконституционный захват власти, и самоопределение с целью создания нового государства. Второй сценарий и был реализован в Крыму. Народ Республики Крым и г. Севастополь реализовали гарантированное Уставом ООН, ст. 1 Пакта о гражданских и политических правах и другими международными документами право на самоопределение и впоследствии принял о решение о присоединении к России.

В международном сообществе продолжают споры по поводу статуса Крыма. США, Великобритания и ряд стран Евросоюза заявили о непризнании итогов крымского референдума. Министры иностранных дел Польши, Чехии, Словакии и Венгрии, а также Скандинавии и Балтии провели встречу в эстонском городе Нарва. Главы внешнеполитических ведомств составили общее заявление, в котором, в частности, «осудили незаконный референдум о присоединении Крыма к России»³³.

Как сообщает РИА Новости, за резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, в которой недавний референдум в Крыму назван не имеющим законной силы, проголосовали 100 государств, 58 воздержались. Против резолюции выступили Армения, Белоруссия, Боливия, Куба, КНДР, Никарагуа, Россия, Судан, Сирия, Венесуэла и Зимбабве³⁴. Резолюции Генассамблеи, в отличие от резолюций СБ ООН, имеют рекомендательный, а не обязывающий к исполнению характер.

Вместе с тем 2 апреля 2014 г. МИД Украины сообщил, что готовит иск в Международный суд ООН. Украина планирует оспорить действия России и вернуть себе Крым. Внешнеполитическое ведомство РФ отреагировало на это известие следующим образом: «Я думаю, что нет никаких перспектив у такого иска»³⁵, — заявил заместитель министра иностранных дел РФ В. Небензя.

Согласно ст. 4 Договора от 18 марта 2014 г. пределы территории Республики Крым и территории города федерального значения Севастополя определяются границами территории Республики Крым и территории города федерального значения Севастополя, существовавшими на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов.

Граница Республики Крым на суше, сопряженная с территорией Украины, является Государственной границей Российской Федерации.

Разграничение морских пространств Черного и Азовского морей осуществляется на основе международных договоров Российской Федерации, норм и принципов международного права. Очевидно, что вопросы разграничения территориальных пределов России и Украины еще потребует определенных усилий со стороны внешнеполитических ведомств двух стран и заключения дополнительных международных соглашений.

Вхождение Крыма в состав России актуализирует вопрос построения судебной системы на этой территории. Как отметил Председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев на встрече с Президентом РФ 3 апреля 2014 г. в Крыму и Севастополе предстоит создать систему мировых судов. В связи с этим были подготовлены проекты соответствующих законодательных актов³⁶.

В деле построения правового демократического государства особое значение имеет конституционная юстиция. К сожалению, гл. 7 «Судебная власть и про-

куратура в Республике Крым» Конституции Республики Крым от 11 апреля 2014 г. не предусматривает создание подобного органа. Конституционный Суд РФ не только создает условия развития российского конституционного и отраслевого законодательства, но и способствует выявлению концептуальных установок формирования и функционирования федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления. В целях дальнейшей интеграции в российское правовое пространство полагаем в перспективе необходимым создание Конституционного (уставного) суда Республики Крым и г. Севастополя. Следует заметить, что по Конституции Республики Крым 1992 г. предусматривалось учреждение Конституционного Суда Республики Крым.

Согласно п. «в» ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находится гражданство Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором РФ (ч. 1 ст. 62 Конституции РФ).

Вместе с тем в ст. 6 Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 г. предусматривается, что со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживающие на этот день на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя, признаются гражданами Российской Федерации, за исключением лиц, которые в течение одного месяца после этого дня заявят о своем желании сохранить имеющееся у них и (или) их несовершеннолетних детей иное гражданство либо остаться лицами без гражданства.

Статья 4 «Признание гражданства Российской Федерации у граждан Украины и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя» Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя»³⁷ воспроизводит указанное положение и в ч. 3 поясняет, что «ограничения на замещение государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, предусмотренные законодательством Российской Федерации в отношении граждан Российской Федерации, имеющих гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, действуют на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя по истечении одного месяца со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов».

Таким образом, в названных документах, а также в принятой Конституции Республики Крым от 11 апреля 2014 г. и Уставе г. Севастополя не упоминается о возможности лиц, проживающих на территории Крыма иметь двойное гражданство. По сути им в течение месяца предлагается процедура оптации, выбора

гражданства. При этом для большинства населения речь идет о негативной оптации. Полагаем, что в сложившейся ситуации следовало бы предусмотреть возможность реализации ч. 1 ст. 62 Конституции России и приобретения двойного гражданства для тех лиц, которые в силу объективных обстоятельств (семейные связи и т.д.) не могут выбрать гражданство одного из государств.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что в данной статье мы проанализировали конституционные вопросы воссоединения Республики Крым и г. Севастополя с Российской Федерацией, этапы конституционализации самоопределения народа Республики Крым, причины и условия присоединения новых субъектов. Очевидно, что все аспекты данного процесса не могут быть рассмотрены в рамках одной статьи и нуждаются в дальнейших исследованиях.

¹ Российская газета. 2014. 19 марта.

² См.: Полное Собрание Законодательства Российской империи. Т. XXI. № 15708.

³ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства Крымской Социалистической Советской Республики. 1922. № 1.

⁴ См.: Ведомости Верховного Совета Украины. 1994. № 40, ст. 361.

⁵ См.: Михалева Н.А. Конституционное право зарубежных стран СНГ: учебное пособие. М., 1998. С. 217.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Бабурин С. Крым навеки с Россией. Историко-правовое обоснование воссоединения республики Крым и города Севастополь с Российской Федерацией. М., 2014.

⁸ См.: Здесь Вам не тут. Виктор Черномырдин об Украине, которую мы не знаем // Российская газета. 2014. 18 апр.; см. также: Филимошкина Н. Каждый день езжу на работу мимо свастик на стене // Российская газета. 2014. 17 апр.; В стране товарища Маузера. Интервью с академиком Национальной Академии наук Украины П.П. Толочко // Российская газета. 2014. 14 марта.

⁹ URL: <http://news/kremlin.ru/acts/20596> (дата обращения: 22.04.2014).

¹⁰ См.: Российская газета. 2014. 19 марта.

¹¹ URL: <http://www.kremlin.ru/news/20603> (дата обращения: 22.04.2014).

¹² Российская газета. 2014. 19 марта.

¹³ URL: <http://www.kremlin.ru/news/20614> (дата обращения: 22.04.2014).

¹⁴ См.: Российская газета. 2014. 20 марта.

¹⁵ См.: Брежнев О.В. Особенности судебного конституционного контроля при принятии в состав России нового субъекта Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 19.

¹⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. №12, ст. 1202.

¹⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. №12, ст. 1201.

¹⁸ См.: Российская газета. 2014. 19 марта.

¹⁹ URL: <http://expert.ru/2014/03/12/rossiya-obespechit-garantii-prav-kryimskih-tatar> (дата обращения: 04.04.2014).

²⁰ См.: Российская газета. 2014. 23 апр.

²¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52, ст. 7477.

²² URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2014).

²³ URL: http://www.minregion.ru/news_items/4220?locale=ru (дата обращения: 04.04.2014).

²⁴ URL: <http://www.nakanune.ru/news/2014/4/4/22347606> (дата обращения: 04.04.2014)

²⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 12, ст. 1265.

²⁶ Сенякин И.Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 228.

²⁷ Устав ООН // Права и свободы народов. Казань, 1995. Ч. 1. С. 20.

²⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

²⁹ СССР и международное сотрудничество в области прав человека: документы и материалы. М., 1989. С. 483–484.

³⁰ Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010. С. 10.

³¹ URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=21308#.UzXkDF3l9UA> (дата обращения: 04.04.2014).

³² Российская газета. 2014. 18 апр.

³³ URL: <http://maxpark.com/community/4375/content/2576687> (дата обращения: 04.04.2014).

³⁴ <http://ria.ru/world/20140328/1001406340.html#ixzz2xlAJ7n9i> (дата обращения: 04.04.2014).

³⁵ URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2014/04/02/1008089-ukraina-gotovit-isk-protiv-rossii-izza-kryima.html> (дата обращения: 4.04.2014).

³⁶ URL: <http://ria.ru/society/20140403/1002408709.html#ixzz2xlItClMT> (дата обращения: 04.04.2014).

³⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 12, ст. 1201.

С.А. Мосин

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются правовые презумпции, фикции, аксиомы, а также специфические правовые нормы (нормы-цели, нормы-задачи, нормы-символы, нормы-интерпретации) как неотъемлемые составляющие основ правового государства в Российской Федерации, взаимосвязанные с конституционно-правовыми принципами. В процессе исследования формулируется понятие «нормы-интерпретации», дается их характеристика.

Ключевые слова: основы правового государства, правовой принцип, правовая презумпция, правовая фикция, правовая аксиома, нормы-интерпретации.

S.A. Mosin

SPECIAL CHARACTERISTICS OF CONSTITUTIONALLY-LEGAL FOUNDATIONS OF LEGAL STATE IN RUSSIAN FEDERATION

The article considers legal presumptions, fictions, axioms, as well as specific legal norms (norms-targets, norms-tasks, norms-symbols, norms-interpretations) as an integral part of legal state foundations in Russian Federation, interrelated with constitutionally-legal principles. The concept of norms-interpretations is defined and their characteristic is given during the research.

Keywords: foundations of legal state, legal principle, legal presumption, legal fiction, legal axiom, norms-interpretations.

В ч. 1 ст. 1 Конституции РФ Россия определяется как правовое государство. Как справедливо отмечает Н.В. Витрук, конституционный принцип правового государства означает организацию и функционирование публичной (политической власти), в т.ч. в ее взаимоотношениях с индивидами, на основе конституции и законов в соответствии с требованиями права, из которых существенным является признание и гарантирование неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина¹. Основные признаки правового государства сводятся к следующему: верховенство Конституции РФ, ее высшая юридическая сила, прямое действие и применение на всей территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 4; ст. 15); конституционность законов и других нормативно-правовых актов (согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ законы и другие нормативно-правовые акты не должны противоречить Конституции РФ); конституционность и законность деятельности субъектов правоотношений (согласно ч. 2 ст. 15 Конституции РФ органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане, их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы); равенство всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ); разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции РФ); добросовестность власти и в целом всех субъектов правоотношений (преамбула Конституции РФ означает веру в добро и справедливость как одну из основ Конституции РФ); признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ); признание общепризнанных принципов,

© Мосин Сергей Анатольевич, 2014
Кандидат юридических наук, докторант кафедры конституционного и муниципального права (Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации); e-mail: m-sa81@yandex.ru

норм международного права и международных договоров Российской Федерации частью правовой системы Российской Федерации (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Исходя из изложенного видно, что положения Конституции РФ, имеющие принципиальное значение, закрепляют основы правового государства, которые далее конкретизируются через отраслевое законодательство, в свою очередь формирующее систему отраслевых принципов и норм.

Отметим, что под правовыми принципами понимаются руководящие положения права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение². Также необходимо указать, что в правовой науке под принципами права понимаются фундаментальные идеи и идеалы, которые в т.ч. характеризуются как исходные, определяющие идеи, положения, установки, составляющие нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права³. При этом применительно к науке конституционного права по справедливому мнению Н.А. Богдановой, принципами права выступают идеи, имеющие фундаментальное или важное значение для развертывания конституционно-правового знания, в основу которых кладется та или иная мировоззренческая позиция, закономерность, выявленная практикой, или сформулированное умозрительно положение, являющееся плодом научной мысли⁴. При этом, на наш взгляд, крайне важно, чтобы такие принципы-идеи всесторонним образом отвечали интересам общества и государства и воплощались в соответствующих правовых нормах.

Рассматривая тему исследования, следует задаться вопросом: являются ли ранее обозначенные конституционно-правовые нормы единственной составляющей основ правового государства? Безусловно, роль правовых принципов является определяющей во всех областях права, но при этом нельзя забывать о других правовых категориях и нормативных установлениях, которые вместе с правовыми принципами, на наш взгляд, также формируют правовую систему и лежат в основе правового государства. Речь идет в т.ч. о правовых презумпциях, правовых (юридических) фикциях, правовых аксиомах, а также специфических правовых нормах (нормах-целях, нормах-задачах, нормах-символах, нормах-интерпретациях). Кратко охарактеризуем указанные правовые категории.

Обратимся к правовой презумпции. Под правовой презумпцией следует понимать необходимое для правового регулирования предположение, прямо или косвенно закрепленное в правовой норме, направленное на установление или устанавливающее наличие или отсутствие определенных фактов, обстоятельств, процессов и считающееся истинным, пока не будет установлено иное. Наличие презумпций в законодательстве позволяет, с одной стороны, увеличить эффективность всей правовой системы, а с другой – подтвердить и укрепить правовые основы государственного устройства. Отрасль конституционного права, как и другие отрасли права, содержит ряд правовых презумпций. Такие конституционно-правовые презумпции, как презумпция конституционности и презумпция законности нормативных правовых актов, презумпция конституционности и презумпция законности деятельности субъектов правоотношений, презумпция добросовестности деятельности субъектов правоотношений, являются основополагающими в отечественной правовой системе и в т.ч. лежат в основе правового государства. Отметим, что указанные

конституционно-правовые презумпции и корреспондирующие им конституционные принципы неразрывно взаимосвязаны. С одной стороны, правовая презумпция освобождает от необходимости установления соблюдения корреспондирующего ей принципа при возникновении тех или иных правоотношений, с другой стороны, без возможности подвергнуть сомнению соблюдение правового принципа вряд ли можно рассчитывать на его беспрекословное исполнение участниками правоотношений. Так, презумпция конституционности нормативных правовых актов дает возможность опровергнуть конституционность нормативного акта Конституционным Судом РФ. В свою очередь возможность опровержения конституционности нормативного акта служит существенной гарантией не только прав и свобод человека и гражданина от произвола государственных органов, но и поддерживает действенность и авторитет конституционных установлений и основ правового государства.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что в структуре основ правового государства в Российской Федерации отдельное место занимают конституционно-правовые презумпции.

Перейдем к рассмотрению фикции. Под правовой (юридической) фикцией обычно понимается несуществующее положение, которое признается законодательством существующим и вследствие этого обязательным к применению. Следует поддержать мнение, что фикции позволяют избежать неопределенности в состоянии и отношениях при правовом регулировании⁵. В качестве примера фикции, имеющей ключевое значение в отечественной правовой системе, можно привести положение о том, что нормы законодательства известны всем участникам правоотношений. Данная фикция лежит в основе ч. 3 ст. 15 Конституции РФ: «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». Наличие подобной нормы не позволяет субъектам правоотношений обосновывать неисполнение требований нормативных правовых актов их незнанием, а органам государственной власти злоупотреблять своими полномочиями в сфере нормотворчества и правоприменения. При этом очевидно, что знать весь объем нормативной правовой базы невозможно, но отсутствие такой фикции в законодательстве привело бы к процветанию беззакония, т.к., с одной стороны, неправомерное поведение оправдывалось бы незнанием закона, а с другой стороны – неоднозначные последствия применения неопубликованных надлежащим образом нормативных правовых актов, включая санкции за их неисполнение. В итоге это привело бы к самым плачевным результатам для всей правовой системы и не позволило бы сформировать и укрепить основы правового государства. Таким образом, необходимость указанных конституционных положений об опубликовании нормативных правовых актов обусловлена нормальным функционированием всей правовой системы, которое возможно только при условии применения фикции знания норм законодательства. В качестве еще одного примера правовой фикции, закрепленной в Конституции РФ и имеющей непосредственное отношение к основам правового государства, следует привести ч. 3 ст. 49: «Неустрашимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого». Данная правовая норма-фикция самым непосредственным образом связанная с принципом признания человека, его прав и свобод высшей ценно-

стью, принципом конституционности и законности, презумпцией невиновности, является важным элементом правового государства.

Согласимся с тем, что презумпции и фикции являются нетипичными нормативными установлениями и зачастую рассматриваются как средства юридической техники⁶. При этом данные правовые категории играют наравне с конституционно-правовыми принципами определяющую роль в обеспечении правового государства в Российской Федерации и служат неотъемлемыми элементами его основ.

Далее кратко остановимся на правовой аксиоме. Аксиома — это исходное положение научной теории, принимаемое как истинное без логического доказательства и лежащее в основе доказательства других положений этой теории⁷. В качестве примера правовых аксиом можно привести следующие: «что не запрещено правом, то разрешено», «никто не может быть судьей в своем деле», «преступление предполагает наказание». Согласимся с тем, что правовые аксиомы являются очевидными и проверенными временем положениями и их истинность не вызывает сомнений⁸. На основе правовых аксиом строится вся правовая система. В данном случае правовые аксиомы имеют многие признаки правовых принципов, тем самым занимая свое место в структуре основ правового государства.

Рассматривая специфические правовые нормы, такие как нормы-цели, нормы-задачи и нормы-символы, полагаем необходимым, прежде всего, обратиться к преамбуле Конституции РФ, являющейся специфической совокупностью указанных норм. Положения преамбулы выступают исходными началами, на которых выстроена вся правовая система Российской Федерации. Однако нельзя не отметить правовое положение и значение преамбулы Конституции РФ. Преамбула необходима для того, чтобы «осветить пройденный страной путь, дать характеристику общества на современном этапе его развития, изложить сущность и главные задачи государства, сказать о целях конституции и провозгласить ее принятие»⁹. При всей своей лаконичности преамбула в виде норм-целей, норм-задач, норм-символов отражает ряд основных положений, которые будут освещаться непосредственно в тексте Конституции РФ. Среди таких положений в преамбуле содержится утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия, сохранение исторически сложившегося государственного единства, вера в добро и справедливость, стремление обеспечить благополучие и процветание России и др. При этом следует отметить, что Конституция РФ не содержит в себе сведения, которые могут сказать нам о юридической силе ее преамбулы. Поэтому следует поддержать мнение, что «при всем политическом значении преамбулы ее нормативная суть очевидна — хотя бы потому, что в ней провозглашаются исходные принципы, на которых основывается данная конституция и само ее принятие»¹⁰. Эта позиция подтверждается Особым мнением судьи Конституционного Суда РФ М.В. Баглая (Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы», в котором говорится об обязанности законодателя «исходить из принципа добра и справедливости, закрепленных во введении к Конституции Российской Федерации») ¹¹. В связи с этим очевидна роль преамбулы как ориентира и исходного начала принципиальных установлений, закрепляющих основы правового го-

сударства. Соответственно рассмотренные на примере преамбулы нормы-цели, нормы-задачи, нормы-символы также находят свое отражение в основах правового государства. Указанные правовые нормы, так же как правовые презумпции и фикции, взаимосвязаны с конституционно-правовыми принципами.

Отдельно обратим внимание на «нормы-интерпретации». Полагаем, что под такими правовыми нормами следует понимать, в частности, конституционные установления, получившие официальное толкование Конституционного Суда РФ в соответствии с ч. 5 ст. 125 Конституции РФ в порядке абстрактного нормоконтроля, и положения иных нормативных правовых актов, истолкованных (интерпретированных) Конституционным Судом РФ при рассмотрении всех иных категорий дел в соответствии с полномочиями Конституционного Суда РФ в порядке казуального истолкования. Необходимость подобного толкования возникает, в частности, в связи с широтой содержания таких нормативных установлений и возникающими в связи с этим различиями в их понимании субъектами правоотношений. Н.В. Витрук справедливо отмечает, что в случае с толкованием Конституции РФ Конституционным Судом РФ в порядке ч. 5 ст. 125 Конституции РФ преодолевается неопределенность в понимании ее установлений применительно к конкретной жизненной и правовой ситуации и тем самым разъясняется действительный смысл конституционных установлений, который доводится до всеобщего сведения. Во всех иных случаях под конституционным истолкованием (интерпретацией) следует понимать выявление конституционно-правового смысла проверяемого закона, решений и действий органов публичной власти и иметь при этом в виду, что такая интерпретация Конституционным Судом РФ становится обязательной для всех законодателей, судов, правоприменителей¹². Практика официального толкования Конституционным Судом РФ Конституции РФ менее обширна, чем практика интерпретаций. В порядке официального толкования, в частности, были сформулированы правовые позиции, касающиеся процедуры принятия федеральных законов, формы правового акта о конституционных поправках, правовых последствий роспуска Государственной Думы, разграничения компетенции между Конституционным Судом РФ и другими судами и т.д.

Следует согласиться с Н.А. Богдановой, что широта содержания нормативных принципов конституционного права дает простор для их толкования, посредством которого раскрывается богатый потенциал таких принципов¹³.

Таким образом, конституционные установления, прошедшие толкование (интерпретацию), имеют особое значение для всей правовой системы в целом и для построения правового государства в частности. Нормы-интерпретации неразрывно связаны с их толкованием (интерпретацией) и должны рассматриваться только с позиции такого толкования (интерпретации).

Резюмируя изложенное, следует отметить, что в структуре основ правового государства в Российской Федерации наравне с правовыми принципами также находится совокупность различных правовых категорий и нормативных установлений, которые, взаимодействуя, образуют единую структуру такого правового государства.

¹ См.: Витрук Н.В. Верность Конституции. М., 2008. С. 156.

² См.: Грибанов В.П. Принципы осуществления гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 215.

³ См.: Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 1. С. 4.

- ⁴ См.: *Богданова Н.А.* Система науки конституционного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 189.
⁵ См.: *Витрук Н.В.* Указ. раб. С. 33.
⁶ См.: Там же. С. 32.
⁷ См.: *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983. С. 16.
⁸ См.: *Качур Н.Ф.* Презумпции в советском семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. С. 54.
⁹ *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 156.
¹⁰ Там же. С. 171.
¹¹ См.: *Вестник Конституционного Суда РФ.* 1996. № 2.
¹² См.: *Витрук Н.В.* Указ. раб. С. 135.
¹³ См.: *Богданова Н.А.* Указ. раб. С. 192.

Е.А. Отставнова

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ДЕМОГРАФИИ

В статье на основании анализа российского законодательства выявляются недостатки правовой политики, направленной на повышение рождаемости в России. Особое внимание уделяется не только количественной характеристике в области демографии, но и качественной.

Ключевые слова: демография, рождаемость, материнский капитал, генофонд, достойный уровень жизни.

E.A. Otstavnova*

RUSSIAN STATE DEMOGRAPHY LEGAL POLICY

Based on Russian legislation analysis, legal policy limitations, aimed on increasing birthrate in Russia, have been detected. Special attention has been given not only quantitative, but also qualitative characteristic in demography.

Keywords: demography, birthrate, gene pool, maternity capital, decent standard of living.

Ни для кого не секрет, что еще недавно в России положение в сфере демографии характеризовалось как катастрофическое. Само же понятие «демография» в переводе с греческого означает науку о народонаселении, его составе, численности, росте, распределении на территории земного шара, воспроизводстве и т. п.¹ Таким образом, рассматривая проблемы демографии, необходимо говорить о рождаемости и смертности в стране, продолжительности жизни граждан Российской Федерации. Эти показатели зависят от многих факторов: биологических и социальных условий проживания, состояния здравоохранения, возможности и мотивации ведения здорового образа жизни, сохранения семейных ценностей в обществе и т. д.

По опубликованным официальным данным, в России с 1993 по 2006 г. каждый год умирали более 2 млн чел., при этом рождаемость продолжала стремительно падать и составляла примерно 1,4 млн чел. в год². За этот период население нашей страны сократилось на 11,2 млн чел.³ Стремительно убывало трудоспособное на-

© Отставнова Елена Александровна, 2014

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: elenaotstavnova@yandex.ru

* Работа выполнена по заданию Министерства образования и науки РФ № 1014/205 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания по проекту «Проблемы международно-правовой политики и их влияние на национальное законодательство»

селение в возрасте 26–48 лет⁴, а средняя продолжительность жизни россиян была сравнима лишь с продолжительностью жизни жителей развивающихся стран и составляла примерно 58,8 лет⁵. Это было обусловлено объективными обстоятельствами переходного периода. В их числе — безработица, низкие зарплаты и пенсии, некачественное медицинское обслуживание, высокий уровень преступности и как следствие — правовой нигилизм и нравственное разложение. Все это в конечном счете привело российское общество к демографическому кризису. В такой ситуации только государство, осуществляя свою социальную деятельность, способно изменить создавшееся положение. В соответствии с Конституцией РФ Россия является правовым, социальным государством, где права и свободы человека признаются высшей ценностью, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной властей, местного самоуправления. Статья 2 Конституции РФ обязывает государство не только признавать и соблюдать права и свободы человека, но и обеспечивать их защиту. А проблемы в сфере демографии тесно связаны с реализацией таких прав, как право на жизнь, право на охрану здоровья, право на защиту отцовства, материнства и детства и др.

Кроме того, вопрос воспроизводства российского населения является одним из национальных интересов России, поскольку государство не может существовать без своего народа. Поэтому правовая политика в сфере демографии, проводимая Российским государством в последнее десятилетие, является наиболее приоритетной. Особая роль в этом принадлежит Президенту РФ, который согласно ч. 3 ст. 80 Конституции РФ определяет основные направления внутренней и внешней политики России. Эти направления, как правило, содержатся в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ в соответствии с п. «е» ст. 84 Конституции РФ.

Впервые проблема демографии была затронута в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ в мае 2006 г. В нем же была предложена программа стимулирования рождаемости, в которой речь идет о т.н. «материнском капитале», который будет выплачиваться женщинам, родившим второго ребенка, родовых сертификатах, увеличении размера пособий по уходу за ребенком до 1,5 лет, введении льгот по оплате детских садов⁶. И уже 29 декабря 2006 г. был принят Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»⁷. Однако, несмотря на то, что Закон получил неоднозначную оценку в научных и общественных кругах⁸, это позволило повысить рождаемость в нашей стране. С 2007 по 2011 г. согласно данным Минздравсоцразвития РФ рождаемость выросла на 21,1 %. Так, в 2006 г. родилось менее 1,5 млн детей, а в 2011 г. — 1 млн 793 тыс. чел.⁹ Тем не менее, данный аспект правовой политики в сфере демографии не лишен некоторых недостатков. И это касается нескольких вопросов. Во-первых, выделенные средства можно будет использовать только через 3 года после рождения ребенка и только на определенные цели. Но матери нуждаются в материальной поддержке именно в эти 3 года, когда доходы семьи резко падают из-за того, что женщина вынуждена ухаживать за ребенком и отказаться от работы в этот период. Во-вторых, нравственный аспект принятого Закона вызывает ряд вопросов. Здесь явно прослеживается дискриминация в отношении первых и последующих детей, поскольку основной принцип демократического гражданского общества — обеспечить равные стартовые возможности для каждого и свободу личности. Данная мера больше похожа на «латание дыр», а не на создание продуманной системы поддержки материнства и детства.

В продолжение государственной политики по повышению рождаемости в стране Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 г. предложил субъектам РФ разработать программы по поддержанию семей с тремя и более детьми, а при рождении третьего ребенка выделять таким семьям земельные участки под строительство коттеджа. Во исполнение данного положения все субъекты РФ разработали и приняли соответствующие законы. К примеру, Закон Саратовской области от 3 августа 2011 г. № 90-ЗСО «О внесении изменений в Закон Саратовской области «О земле» и Закон Саратовской области «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Саратовской области»¹⁰ устанавливают порядок приобретения бесплатно гражданами, имеющими трех и более детей, земельных участков для индивидуального жилищного строительства. Однако строительство коттеджа связано со значительными финансовыми затратами, что многим многодетным семьям попросту не под силу.

12 декабря 2012 г. Президент РФ, выступая перед Федеральным Собранием РФ с очередным ежегодным Посланием, подвел итоги проводимой правовой политики государства в сфере демографии. В частности, он отметил, что «численность населения страны не только стабилизировалась, но и начала расти. За январь–сентябрь 2012 г. она выросла более чем на 200 тысяч человек... Рождаемость наконец стала превышать смертность. Сегодня продолжительность жизни в России за последнее четырехлетие выросла почти на 2,5 года и превысила 70 лет»¹¹. В этом же Послании Президент РФ определяет следующие направления улучшения демографии в нашей стране: нормой в России должна стать семья с тремя детьми, а для этого необходимо предпринять следующие меры: начиная с 2013 г., осуществлять выплаты дополнительных пособий при рождении третьего и последующего детей в тех регионах страны, где демографическая ситуация пока хуже, чем в среднем по стране (на наш взгляд, это также является дискриминацией в отношении детей, рожденных в других субъектах, и может привести к тому, что в этих регионах рождаемость снизится. Кроме того, это противоречит Конституции, предусматривающей равенство прав и свобод, в т.ч. и права на социальное обеспечение); решать проблемы очередей в детские сады; разрабатывать программы профессиональной переподготовки для женщин с детьми; поддерживать гибкие формы занятости; оказывать особое внимание дошкольным учреждениям; поддерживать создание частных учреждений подобного рода.

Необходимо отметить, что все предпринимаемые меры, направленные на стимулирование рождаемости, заслуживают одобрения, но не могут решить проблему кардинально. Уровень жизни многих российских семей все еще не позволяет им создать нормальные условия для воспитания двух и более детей. Следует согласиться с О. А. Снежко, что «органы власти должны предпринять все попытки для того, чтобы граждане России почувствовали на себе результат государственной политики «сохранения народа» и ценности личности. Государственные реформы, направленные на наведение порядка в той или иной сфере, будут «пробуксовывать», если граждане реально не увидят и не ощутят на себе их положительный эффект»¹². Несмотря на положительную динамику, половинчатые меры не способны решить проблему рождаемости в нашей стране, а ее решение, как и многих других, возможно только в подлинно правовом, социальном государстве. Согласно ст. 7 Конституции РФ Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Если исходить

из содержания данной статьи, то в обязанности государства входит создание вышеуказанных условий. Однако следует понимать, что создание таких условий зависит от экономических возможностей государства. Этим и обусловлены «половинчатые меры» в сфере демографии. Государство прикладывает все усилия для стабилизации положительной динамики в сфере рождаемости в пределах имеющихся у него финансовых средств. Тем не менее, проблемы демографии будут решены тогда, когда будет стабильность в обществе, искоренена коррупция, решены проблемы экономики и т.д.

Вышеназванной обязанности государства должно корреспондировать право каждого на такие условия, которые обеспечивают ему достойное человеческое существование. Однако ни один нормативный документ не расшифровывает понятие «достойная жизнь» и в Конституции РФ прямо не указано, что каждый имеет «право на достойную жизнь». В настоящее время существует несколько точек зрения на это понятие¹³. Есть предложение разработать такую систему, в которой первый уровень должен включать восстановительный потребительский бюджет, позволяющий человеку не просто выживать, а свободно развиваться. Следующий — стандарт (полтора восстановительных бюджета) характеризует человека, способного воспитывать потомство. А далее должен следовать «бюджет высокого достатка» — стандарт (сумма, равная примерно семи прожиточным минимумам), позволяющий человеку иметь сбережения, покупать своим детям жилье, отдыхать, тщательно следить за своим здоровьем¹⁴. Представляется, что последний и способен обеспечить достойную жизнь человеку, но в современных российских условиях не может быть реализован. Первоочередной задачей социального государства должно стать обеспечение гражданам социального стандарта, позволяющего воспитывать потомство, а социально незащищенным слоям населения вести полноценный образ жизни, препятствующий социальному отторжению.

Для достижения указанной цели Российское государство ставит следующие задачи: во-первых, обеспечить каждому гражданину прожиточный минимум¹⁵. При этом оно исходит из того, что каждый взрослый человек должен иметь возможность заработать достаточно средств на содержание себя и своей семьи. Во-вторых, ст. 37 Конституции РФ закрепляет право на труд и гарантирует защиту от безработицы, которая реализуется путем применения Закона РФ от 19 апреля 1991 г. «О занятости населения в Российской Федерации»¹⁶. Государство устанавливает и минимальный размер оплаты труда¹⁷, который не всегда соответствует обеспечению достойной жизни. К сожалению, в России нищими можно считать и работающих граждан. Так, по международным стандартам доход на человека в день в настоящее время не может быть ниже 4,3 долл.¹⁸ Как отмечает В.Е. Чиркин, «это порог, ниже которого начинается деградация личности, в том числе психическая. Есть и понятие экстремальной бедности — 2,1 доллар в день на человека на питание, позволяющее не умереть с голода. На такой доход в России вынуждены существовать не менее 15 % населения»¹⁹. Н.А. Рубанова считает, что социальная дифференциация, начавшаяся в годы социально-экономических реформ, привела к стрессам, депрессиям, суицидам²⁰.

Преодоление тенденций обеднения большинства населения, социальная помощь и защита граждан стали в настоящее время центральной проблемой социальной политики Российского государства. На необходимость решения таких проблем, как нищета, социальная несправедливость, расслоение общества на

«очень богатых» и «очень бедных» в одном из своих ежегодных докладов обращает внимание Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. В частности, в нем отмечено, что «разрыв между «бедными» и «богатыми» легко трансформируется в кризис доверия между народом и властью»²¹.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл также считает, что «рыночные правила не должны становиться единственным законом для всех сторон жизни общества. И предпринимателям, и государству при принятии решений следует исходить не только из поиска выгоды, но и из принципов справедливости и милосердия»²².

Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию особо отметил, что «несправедливо, когда тысячи семей живут, по сути, в варварских условиях, без самых элементарных жилищных и коммунальных услуг, когда дети из отдаленных сел не могут получить нормального образования, когда у людей нет возможности добраться до места, где им окажут качественную медицинскую помощь, другие современные услуги, если у них нет перспектив найти приличную работу, а часто вообще никакую работу нет перспектив найти»²³.

Создание достойных условий жизни каждому человеку является на сегодняшний день одной из приоритетных задач нашего государства, способного обеспечить стабильность в обществе и решить проблемы демографии.

Конечно, нельзя ставить во главу угла только количественную характеристику. России необходимо сохранить свой генофонд, т.е. обеспечить не только повышение рождаемости, но и качество воспроизводимого населения. Оно должно обладать здоровьем, которое согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» означает состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма²⁴. Таким образом, здоровье человека включает в себя и социальное благополучие — возможность адаптации в социуме, отсутствие вредных привычек, нравственное совершенство. Последнее играет не менее важную роль, поскольку «нравственно большое общество» не может воспроизвести здоровое потомство.

Например, если недавно в числе ВИЧ-инфицированных преобладали неработающие, неблагополучные люди, то сегодня среди них 50 % занимают трудоустроенные, социально адаптированные граждане. Одной из главных причин подобного явления социологи и медицинские работники видят в беспорядочных половых связях²⁵. Проблема распространения ВИЧ-инфекции из разряда медицинских переходит в категорию моральных, нравственных. Так, Е.В. Черносвитов, рассматривая несвойственные российскому обществу явления, деформирующие его структуру, пришел к выводу о мутационных процессах в генофонде. К таким явлениям он относит торговлю детьми и детскую проституцию, наркоманию, серийные убийства, самоубийства, проблему сексуальных меньшинств²⁶. Нельзя не согласиться с мнением В. Гальченко, который считает, что наше общество переживает кризис морали и нравственности²⁷. В России назрела необходимость создания института социальной медицины, поскольку социальный врач по сути является врачом человеческого общества. Н. Римашевская справедливо отмечает, что «проблема не только в том, что стремительно сокращается численность населения, но и в том, что мы интенсивно теряем его качественный потенциал. Происходит не только депопуляция, но и деградация генофонда. А это более опасное явление»²⁸. Конечно, основные жизненные ценности и установки прививаются в

семье, но сегодня Россия переживает кризис семьи. Многие дети воспитываются в неблагополучных или неполных семьях, которые не могут в достаточной степени уделять им внимания, устанавливать психологический контакт и прививать навыки здорового образа жизни. В этой ситуации школа и средства массовой информации должны стать основным проводником государственной политики по привитию здорового образа жизни населению.

Таким образом правовая политика государства в области рождаемости не должна ограничиваться лишь экономическими мерами, тем более только за рождение некоторых детей. Это нарушает конституционный принцип равенства прав и свобод. Нужен системный подход к проблеме: создание необходимых материальных условий для воспитания нескольких детей в семьях, нравственное воспитание подрастающего поколения, укрепление семейных ценностей через школу, средства массовой информации и другие институты государства и гражданского общества.

¹ См.: Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008. С. 94.

² См.: Домчева Е. Бизнес-план на демографию // Российская газета. 2006. 28 июня.

³ См.: Выжutowич В. Ресурсами на рождаются. Прибавление семейства: почему это становится государственной задачей? // Российская газета. 2007. 24 янв.

⁴ См.: Федотова О. Сохранение здоровья россиян должно стать национальной идеей (интервью с Д.С. Львовым, российским экономистом, академиком РАН) // Ремедиум. 2006. № 3. С. 48.

⁵ См.: Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Дети XXI века // Российская Федерация сегодня. 2005. № 17. С. 32–33.

⁶ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. // Российская газета. 2006. 11 мая.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1, ч. 1, ст. 19; 2012. № 31, ст. 4322.

⁸ См., например: Бубон К.В. Узаконенное неравенство или кому нужен Закон о материнском капитале // Адвокат. 2007. № 5. С. 68–71; Нечаева А.М. Демография и семейное законодательство (по материалам периодической печати) // Гражданин и право. 2008. № 2. С. 26–35.

⁹ См.: Рождаемость в России выросла на 20 процентов // Российская газета. 2012. 7 марта.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Саратовской области. 2012. № 21.

¹¹ Российская газета. 2012. 13 дек.

¹² Снежко О.А. Правовая защита от депопуляции в России // Современное право. 2007. № 4. С. 35.

¹³ См., например: Бакланова Е.В. Сущность и критерии достойной жизни человека и общества как цели социального государства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2007. С. 15–16; Старшова У.А. Конституционные основы социального государства в Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 110–111.

¹⁴ См.: Ефременко Т. Благополучие по стандарту // Российская газета. 2007. 13 нояб.

¹⁵ Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (в ред. от 24 июля 2009 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 33, ст. 4904; 2011. № 49, ч. 1, ст. 7041.

¹⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17, ст. 1915; 2013. № 8, ст. 717.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» (в ред. от 3 марта 2012 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 26, ст. 2729; 2012. № 50, ч. 5, ст. 6955.

¹⁸ См.: Ясин Е. Коэффициент «прибедняемости» // Российская газета. 2004. 25 сент.

¹⁹ Чиркин В.Е. Россия, Конституция, достойная жизнь: анализ взаимосвязей // Государство и право. 2006. № 5. С. 5.

²⁰ См.: Иванников И.А., Рубанова Н.А. Медицинское право: учебное пособие. М., 2009. С. 86.

²¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год // Российская газета. 2007. 13 апр.

²² Между очень богатым и очень бедным. Митрополит Кирилл об открывшемся Всемирном Русском Народном Собрании // Российская газета. 2007. 5 марта.

²³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. // Российская газета. 2011. 23 дек.

²⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6724; 2012. № 26, ст. 3446.

²⁵ См.: Общий уровень – средний. Пока ... // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10903.html?no_cache=1&cHash=1eaa77bcbf (дата обращения: 16.06.2012).

²⁶ См.: Черношвитов Е.В. Социальная медицина как одна из базовых основ социального государства // Современное право. 2004. № 3. С. 38.

²⁷ См.: Гальченко В. Нынешнее положение семьи – это национальная катастрофа // Российская Федерация сегодня. 2005. № 17. С. 36.

²⁸ Демографическая катастрофа и пути ее преодоления // Литературная Россия. 2006. 19 мая.

В.Б. Скоморовский

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВКЛЮЧЕНИЯ УКРАИНЫ В СОСТАВ СССР

В статье анализируются особенности государственно-правового статуса Украины в канун создания СССР, рассматривается политика высшего партийного руководства по отношению к советским республикам, в частности УССР, исследуются механизмы и формы их взаимоотношений в контексте развития государственных процессов перед созданием единого союзного государства.

Ключевые слова: федеративные отношения, УССР, государственные процессы, государственно-правовые взаимоотношения, административно-территориальный уклад.

V.B. Skomorovskyi

STATE AND LEGAL INCORPORATION OF UKRAINE INTO THE USSR

In the article the characteristics the state and legal status of the Ukraine Republics are analysed before the creation of the USSR, the policy of the top party management in relation to the Soviet Republics, in particular Ukraine, is examined the mechanisms and forms of their interrelation are researched in the context of development of state formation processes before the creation of the unit stated.

Keywords: federal relations, USSR, state formation processes, State and legal interrelation, administrative and territorial structure.

Государственно-правовые связи советских республик до образования СССР уже имели признаки федеративности (наличие союзных отношений, общих органов власти, единство гражданства, вооруженных сил, финансов и т. д.). Инициаторами такого вида объединения с последующим созданием единого союзного государства выступило руководство советских республик. Определяющую роль в этом процессе сыграло высшее партийное руководство Российской Федерации при содействии соответствующих партийных организаций в советских республиках, в частности в Украине, где объединительные процессы проводились быстрыми темпами.

Как отмечает академик И. Минц, I Всеукраинский съезд Советов (11-12 декабря 1917 г.) принял резолюцию «Об организации власти в Украине», где было официально задекларировано, что Украина провозглашается Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹. Национальная политика Советского государства заложила в основу принцип равенства всех наций и народностей и право наций на самоопределение, закрепленные в «Декларации прав народов России» (1917 г.) и «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (1918 г.). На территории бывшей Российской империи национальные правительства некоторых стран вели борьбу за национальную независимость в течение Гражданской войны (Центральна Рада в Украине). Такие процессы привели к провозглашению I Всеукраинским съездом Советов (25 декабря 1917 г.) Украинской Социалистической Советской Республики².

На сегодняшний день ученые выделяют несколько этапов включения Украины в состав союзного государства. Одним из них было заключение военно-политического союза, который сложился летом 1919 г. 1 июня 1919 г. был под-

© Скоморовский Виталий Богданович, 2014

Кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе Ивано-Франковского университета права им. Короля Данилы Галицкого (г. Ивано-Франковск, Украина); e-mail: VSKOMOR@ukr.net

писан декрет «Об объединении советских республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом»³. Отметим, что юридически декрет был актом высшего органа государственной власти РСФСР, который касался также других республик. В документе отмечалось: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов признает необходимым провести тесное объединение: 1) военной организации и военного командования; 2) Советов народного хозяйства; 3) железнодорожного управления и хозяйства; 4) финансов и 5) комиссариатов труда советских социалистических республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий»⁴. Объединение должно было осуществляться путем соглашения с Центральным Исполнительным Комитетом и Советами Народных Комиссаров указанных советских республик.

Единство УССР и РСФСР О. Юрченко рассматривал как результат функционирования единой экономической основы советских республик, т.е. социалистической системы хозяйства и социалистической собственности⁵. Основывалась она также на общей идеологии и единстве политического руководства со стороны партии.

В основу единства республик закладывалась общность союзной территории. Четко различались внешняя граница, единая для всех договорных республик, и границы между республиками, которые не имели международного значения. Территориальные вопросы советских республик решались на совещаниях представителей суверенных советских республик. При этом они исходили из таких факторов, как общность языка и культуры, экономическая жизнь, единство национального состава местного населения, экономическая важность этого района для той или иной республики⁶. Был выработан порядок, согласно которому решения по территориальным вопросам подлежали окончательному утверждению общесоюзных органов.

В основу определения соотношения территориальных связей федерации и договорных республик был заложен принцип их органического единства и взаимосвязи. С этой целью для Украины и других республик был разработан принцип их равноправия, который предусматривал равенство прав союзных республик независимо от величины территории, численности населения, состояния экономики, развития культуры и других факторов⁷.

Государственные взаимоотношения получили конституционное закрепление в основных законах советских республик, что стало правовой основой для развития дальнейших отношений. Пункт 4 первого раздела Конституции УССР 1919 г. констатировал: «Пориваючи рішучо з минулим, намагаючись знищити, разом з поділом загалу на класи, а також і національний гніт і національну ворожнечу, Українська Соціалістична Радянська Республіка заявляє свій твердий намір увійти в склад єдиної Соціалістичної Радянської Республіки»⁸. Вместе с тем Украина заявляла о полной солидарности с существующими ныне советскими республиками и о намерении вступить с ними в тесное политическое объединение. Д. Златопольский и О. Чистяков по этому поводу утверждают, что отношения между советскими республиками на начальном этапе рассматривались сквозь призму мер по восстановлению народного хозяйства обеих республик. Конкретных механизмов политического объединения республик еще не было выработано⁹.

Итогом процесса, который должен был закрепить советскую власть в Украине, стал заключенный 28 декабря 1920 г. между УССР и РСФСР союзный рабоче-крестьянский договор¹⁰. Статья 1 этого документа устанавливала, что РСФСР и УССР вступают в военный и хозяйственный союз, для чего объединяют народные комиссариаты обеих республик: военных и морских дел, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщений, почт и телеграфов, высший совет народного хозяйства¹¹.

Итак, отмечает Б. Бабий, важнейшие сферы государственного управления были признаны общими для обеих республик и переданы под руководство РСФСР. Объединенные комиссариаты теперь осуществляли свои функции в Украине через своих уполномоченных, кандидатуры которых назначала Москва по согласованию с ВУЦИК. Такие уполномоченные входили в состав Совнаркома УССР на правах народных комиссаров¹².

В феврале 1922 г. в Москве на совещании представителей РСФСР, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении, Грузии, Бухары, Хорезма и Дальневосточной республики делегации ВЦИК было поручено представлять интересы всех советских республик на международной конференции в Генуе по вопросам экономического восстановления Центральной и Восточной Европы (апрель 1922 г.), заключать от их имени любые договоры и соглашения. Делегация РСФСР была пополнена представителями Украины, Азербайджана, Грузии и Армении¹³.

В августе 1922 г. была создана специальная комиссия для выработки основ тесного объединения республик в новых условиях. В сентябре 1922 г. комиссия приняла «Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками», который предусматривал вступление УССР, БССР, Грузинской ССР, Армянской ССР и Азербайджанской ССР в состав РСФСР на автономных правах. 6 октября 1922 г. Постановлением Пленума ЦК РКП(б) признавалась необходимость заключения договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в Союз Советских Социалистических Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза. Комиссия ЦК РКП(б) разработала Основные пункты Конституции СССР, которые были разосланы в компартии республик для обсуждения. 18 декабря 1922 г. Пленум ЦК РКП(б) обсудил проект Договора о создании Союза ССР и предложил созвать съезд Советов СССР.

Первый Всесоюзный съезд Советов СССР открылся 30 декабря 1922 г. В нем приняли участие 2215 делегатов. Численный состав делегаций от республик определялся пропорционально количеству населения в них. Самой многочисленной была российская делегация – 1727 чел. (от Украины – 364)¹⁴. Съезд утвердил Декларацию и Договор о создании СССР в составе четырех республик – РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, ЗСФСР. Декларация законодательно закрепляла принципы устройства союзного государства: добровольность, равноправие и сотрудничество на основе пролетарского интернационализма. В. Чехович считает, что это стало логическим итогом объединительного движения советских республик на пути к созданию единого государства¹⁵. Доступ в союз оставался открытым всем советским республикам. Договор определял порядок вхождения отдельных республик в состав СССР, право свободного выхода, компетенцию высших органов государственной власти. Съезд избрал Центральный исполнительный Комитет СССР (ЦИК) – верховный орган власти в период между съездами. Юридическим закреплением создания нового государства стала Конституция СССР, принятая 31 января 1924 г.¹⁶

Таким образом, на основе результатов проведенного исследования можно утверждать:

1. Первой общей базой для оформления государственных связей между РСФСР и СССР служили документы более декларативного содержания, юридическая природа которых была невинной и лишённой конкретики относительно содержания и объема декларируемых связей между конкретными государственными единицами.

2. Отсутствие четкой и ясно обозначенной общей правовой базы для отношений между РСФСР и СССР компенсировалось наличием тесного организационного единства руководящей политической силы – коммунистической партии России и коммунистической партии Украины как партийной ячейки союзной республики.

3. Законодательство советских республик в исследуемый период было направлено на закрепление и развитие федеративных отношений, что являлось действенным средством на пути к созданию единого государства.

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября: в 3 т. Т. 3: Триумфальное шествие советской власти. М., 1979. С. 522.

² См.: Кульчицкий В. С., Настюк М. И., Тищик Б. Й. Історія держави і права України. Львів, 1996. С. 192.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Декрет Всероссийского ЦВК про військовий союз радянських республік Росії, України, Латвії, Литви, Білорусії для боротьби проти імперіалістів (1 червня 1919 р.) // Хрестоматія з історії держави і права України: у 2 т. Т. 2: Лютий 1917 – 1996 р. / В. Д. Гончаренко, А. Й. Рогожин, О. Д. Святоцький. Київ, 1997. С. 151.

⁵ См.: Юрченко О. Українсько-російські стосунки після 1917 р. в правному аспекті. Мюнхен, 1971. С. 304.

⁶ См.: Волобуев О., Кулешов С. Очищение. История и перестройка. М., 1989. С. 34.

⁷ См.: Советское государственное право / под ред. С.С. Кравчука. М., 1985. С. 241.

⁸ См.: Конституція Української Соціалістичної Радянської Республіки (березень 1919 р.) // Хрестоматія з історії держави і права України: у 2 т. Т. 2: Лютий 1917 – 1996 р. / В. Д. Гончаренко, А. Й. Рогожин, О. Д. Святоцький. Київ, 1997. С. 141.

⁹ См.: Златопольский Д. Л., Чистяков О. И. Образование Союза ССР. М., 1972. С. 122.

¹⁰ См.: Луцький І. Історія українського права. Львів, 2011. С. 220.

¹¹ См.: Іванов В. Історія держави і права України: у 2 кн. Київ, 2003. Кн. 2. С. 57.

¹² См.: Бабій Б. М. Союз РСР і роль України в його утворенні. Київ, 1972. С. 101.

¹³ См.: Златопольский Д. Л. Образование и развитие СССР как союзного государства. М., 1954. С. 107.

¹⁴ См.: Кульчицкий В. С., Настюк М. И., Тищик Б. Й. Історія держави і права України. Львів, 1996. С. 193.

¹⁵ См.: Чехович В. А. Победа великого октября и становление государственного союза советских республик (1917-1922 гг.). Киев, 1986. С. 147.

¹⁶ См.: Образование СССР: сборник документов. 1917-1924 / под ред. Э.Б. Генкиной. М.; Л., 1949. С. 310.

Д.С. Воробьева

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА: ОПЫТ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИИ) И РЕСПУБЛИКИ ИРЛАНДИЯ

Статья посвящена исследованию вопроса становления и законодательного регламентирования института уполномоченного по правам ребенка в зарубежных странах – Соединенном Королевстве Великобритании и Республике Ирландия. Анализируется опыт создания и деятельности данного института в этих государствах.

Ключевые слова: права ребенка, институт уполномоченного по правам ребенка, конституционное право зарубежных стран.

D.S. Vorobyova

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE CHILDREN'S COMMISSIONER: THE EXPERIENCE OF THE UNITED KINGDOM (E.G. ENGLAND) AND THE REPUBLIC OF IRELAND

The article is devoted to the study of establishment and legislative regulation of the institute of the Children's Commissioner in foreign countries – the United Kingdom and the Republic of Ireland. The author analyses the experience of creation and activity of the institute in this states.

Key words: children's rights, the institute of the Children's Commissioner, constitutional law of foreign countries.

Оглядываясь назад, нельзя не признать, что эволюция прав и свобод человека и гражданина – это результат длительного исторического развития. «Что такое права человека? Почему более 300 лет люди разных классов, наций, политических, философских и религиозных убеждений с энтузиазмом ратовали за права человека, как и легко расставались с этой гуманистической идеей, предавая ее забвению? Наука конституционного права должна ответить на эти достаточно сложные вопросы»¹.

С мире не прекращается процесс эскалации движения за соблюдение прав и интересов различных категорий граждан, а в последние десятилетия особое значение приобрело создание механизма обеспечения прав и свобод одной из наиболее уязвимых социальных групп – детей.

«Вклад в развитие детей всегда оправдывает себя, ведь именно детство определяет то, каким вырастет человек, сможет ли он реализовать себя в дальнейшем»...².

10 мая 2002 г. на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией S-27/2 были приняты Декларация и План действий «Мир, пригодный для жизни детей», в которых государства-участники обязались принять среди прочих меры по созданию или укреплению «...таких национальных органов, как, в частности, независимые уполномоченные по делам детей, когда это целесообразно, или других институтов в интересах поощрения и защиты прав детей»³ (подп. «b» п. 31 Плана действий). Кроме того, о необходимости учреждения должности уполномоченного по правам ребенка в целях усиления контроля за осуществлением прав детей внутри стран и общин говорится и в специальном выпуске Детского фонда ООН – ЮНИСЕФ, приуроченном к 20-летию Конвенции о правах ребенка⁴. Таким образом, потребность в функционировании данного механизма в международном сообществе не вызывает сомнений.

Широкое распространение в мировой практике институт омбудсмена (уполномоченного по правам ребенка (далее – УпПР)) получил с конца 90-х гг. XX в. И сегодня можно констатировать возрастание интереса к персоне детского уполномоченного и его делам, в т.ч. и в нашей стране.

По необычному пути введения в действие механизма омбудсмана по правам детей пошло Соединенное Королевство Великобритании: на уровне всего государства в целом институт УпПР как таковой отсутствует, однако на региональном уровне (Англия, Уэльс, Северная Ирландия и Шотландия) в соответствии с региональным законодательством действуют т.н. «региональные» Комиссары по делам детей (*Children's Commissioner*). В целом их аппараты функционируют независимо друг от друга, однако в ряде случаев английский, уэльский, северо-ирландский и шотландский омбудсмены объединяют свои усилия, направленные на обеспечение и защиту прав детей Соединенного Королевства: так, ими пред-

ставляется совместный доклад в Комитет ООН по правам ребенка о положении детей в Великобритании.

Особое место среди прочих занимает детский омбудсмен Англии. За введение его должности ратовали более 130 организаций на протяжении 13 лет⁵. В итоге в 2004 г. в Англии был принят новый Закон «О детях» (*Children Act 2004*)⁶, в котором нашло отражение правовое закрепление статуса Комиссара по делам детей.

В соответствии с Приложением 1 к Закону (*Schedule 1*) Комиссар по делам детей Англии назначается на должность Министром (*The Secretary of State*) (министром образования Великобритании) на срок, не превышающий 5 лет; при этом одно и то же лицо может быть переизбрано на должность Комиссара только один раз (ст. 3 Приложения 1). Примечательно, что Комиссар по делам детей не рассматривается в качестве королевского служащего (ч. 2 ст. 1 Приложения 1), а его аппарат является квазиавтономным, неправительственным органом. В целом в данном Приложении статус *Children's Commissioner* определяется достаточно подробно, в частности, предусматривается широкий спектр предоставляемых ему социальных гарантий.

Что касается полномочий, то их перечень раскрывается в разд. 1 Закона 2004 г. Как видно из анализа Закона, к их числу относятся: 1) просветительская функция в области прав и интересов детей; 2) рассмотрение жалоб в отношении нарушений прав детей, проведение по ним расследований; 3) пропаганда прав детей как среди самих детей, так и полномочных органов и организаций; 4) публикация отчетов о своей деятельности. Значительное внимание в данном разделе Закона уделено функции Комиссара по расследованию конкретных дел по фактам нарушений прав детей. Так, английский омбудсмен обладает возможностью расследовать дела, связанные с нарушением прав детей не только в Англии, но и в других регионах Соединенного Королевства, если данное дело выходит за рамки конкретного региона и затрагивает интересы детей на уровне всего государства (т.н. «громкие» дела). По каждому делу Комиссар публикует и представляет для сведения доклад, в котором предлагаются конкретные меры, необходимые для решения возникшей проблемы. Копии данных докладов направляются министру образования Соединенного Королевства и в Парламент (*the House of Parliament*). Кроме того, после окончания каждого финансового года Комиссар должен представить отчет о деятельности своего аппарата, проводимых мероприятиях и о принятых им мерах по осуществлению иных (помимо проведения расследований по делам о нарушениях прав детей) возложенных на него полномочий. Данный доклад включает в себя и финансовый отчет (о том, какие средства и на какие мероприятия были затрачены аппаратом Комиссара по делам детей), а также план действий на следующий год.

Немаловажным является указание в Законе (ч. 5 ст. 2, ч. 5 ст. 8 разд. 1) на необходимость представления докладов (отчетов) также в виде, понятном для восприятия самих детей. «Наша работа помогает нам открыть двери для детей...»⁷, — отмечает в своем отчете за 2011 – 2012 гг. занимающая с 2009 г. пост детского омбудсмана Англии М. Аткинсон (второй по счету Комиссар по делам детей Англии с момента введения данной должности).

Безусловно, главным ориентиром в работе аппарата УпПР и правительственных структур, занимающихся выработкой и реализацией политики в сфере детства, являются непосредственно сами дети, их права и интересы, а одной из задач деятельности — выявление пожеланий и видений детей на решение тех или иных проблем. Наглядным подтверждением тому служит проводимый в Соединенном

Королевстве под эгидой Комиссара по делам детей т.н. «День дублера» (*Children's Commissioner Takeover Day*). Его суть состоит в привлечении детей к сотрудничеству в области защиты и представления их прав и интересов на политической арене: с этой целью на один день ребята разных возрастов «примеряют» на себя должности от Премьер-министра Великобритании до директоров школ. Таким образом, у них появляется возможность, во-первых, воочию увидеть и прочувствовать на себе, в чем состоит специфика той или иной руководящей должности и насколько это ответственно – находиться у руля власти, а во-вторых, они имеют шанс озвучить свои предложения по тем или иным вопросам, показать, что является важным для них самих. Несомненно, данное мероприятие — хорошая школа жизни для детей-дублеров, заслуживающая должной оценки и внимания со стороны правительственных органов и Комиссара по делам детей.

Соседствующая с Соединенным Королевством Республика Ирландия тоже представляет собой интересный для ознакомления пример становления и развития института УпПР (*Ombudsman for Children*).

Закон от 1 мая 2002 г. № 22 «Об Уполномоченном по правам ребенка»⁸ — результат долгих усилий и кропотливой работы. Впервые вопрос о введении института специального омбудсмана по делам детей был поднят парламентариями в 1995 г., а попытки представления законопроекта на рассмотрение в высший законодательный орган государства предпринимались на протяжении 5 лет⁹.

Заслуживает отдельного внимания процедура, которая предшествовала назначению на должность первого Уполномоченного по правам ребенка Республики Ирландия. «Национальный совет по делам детей (агентство, подведомственное министерству здравоохранения и детства) совместно с комиссией по делам гражданской службы... привлек 15 детей, представляющих различные районы страны и социальные группы, к составлению описания должностных обязанностей омбудсмана... Кандидатам на должность пришлось пройти через три стадии отбора: интервью с пятью молодыми людьми, ролевая игра с пятью другими молодыми людьми и, наконец, интервью, которое проводили три ребенка и трое взрослых. Затем рекомендации о назначении были представлены Правительству, которое переадресовало их палатам Парламента»¹⁰. По результатам данного конкурса на должность детского омбудсмана Ирландии была назначена Эмили Логан, занимающая данный пост и по сей день, будучи переизбранной на второй срок (с 2009 по 2015 г.). Такой подход к назначению на должность Уполномоченного может свидетельствовать, с одной стороны, о том внимании и ответственности, которые накладываются на лицо, занимающее данный пост, а с другой стороны, о стремлении представителей власти сделать процесс назначения прозрачным, а самое главное – подчеркнуть важность и значимость участия тех, ради кого и вводится данный правозащитный институт, – детей.

Закон об омбудсмене Ирландии выглядит следующим образом: его структуру составляют два раздела и два приложения. Первый раздел «Общие положения» раскрывает содержание, например, используемых в Законе понятий («ребенок» – лицо до 18 лет); второй раздел является основным, он состоит из 6 глав, каждая из которых состоит из нескольких статей. Согласно ч. 4 ст. 4 на должность омбудсмана может быть назначено лицо сроком на 6 лет с правом переизбрания, но не более чем один раз; установлен предельный возраст пребывания в должности – 67 лет (п. «с» ч. 3 ст. 4). Назначает на должность омбудсмана Президент Республики (*President*) по представлению нижней и верхней палат Парламента (*Dail*

Eireann and Seanad Eireann). Кроме того, в Законе даются обширные перечни, во-первых, оснований, по которым УпПР прекращает исполнение своих обязанностей, а, во-вторых, предоставляемых ему социальных гарантий.

Что касается полномочий, то их круг тоже значителен. Так, с одной стороны, ирландский омбудсмен по делам детей компетентен рассматривать жалобы на решения всех правительственных департаментов, ряда агентств, органов местного самоуправления; в Законе подробно описывается порядок рассмотрения жалоб и проведения расследований по ним. С другой стороны, функцией Уполномоченного является способствование общему обеспечению прав и интересов детей. Для этих целей он наделен полномочиями осуществлять просветительскую, аналитическую, координационную работу, сотрудничать с омбудсменами других стран и т.д. Важным в работе Уполномоченного является и налаживание контактов с самими детьми, в связи с чем одно из направлений его деятельности состоит в проведении с ними регулярных консультаций. Как и Комиссар по делам детей в Англии, УпПР Ирландии наделен правом опубликования докладов по любым вопросам, касающимся прав и благополучия детей (ч. 3 ст. 7), а также обязан представить в Парламент ежегодный доклад о своей деятельности (ч. 7 ст. 13).

В целом можно констатировать, что Закон Ирландии «Об Уполномоченном по правам ребенка» является «модельным» и может быть использован как хороший пример регламентации института УпПР. Данный опыт может быть применен и в Российской Федерации, где на сегодняшний день закрепление статуса Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в форме федерального закона отсутствует.

Таким образом, рассмотрев особенности конституционно-правового статуса УпПР на примере Комиссара по делам детей в Англии (Соединенное Королевство Великобритании) и Уполномоченного по правам ребенка Республики Ирландия, можно констатировать, что становление данного института шло в этих государствах постепенно и явилось результатом многочисленных обсуждений и кропотливого труда парламентариев. Это способствовало тому, что в принятых в последующем законах, закрепляющих статус детских омбудсменов, находят детальное отражение различные его составляющие (порядок назначения на должность, полномочия, социальные гарантии и др.). Важным моментом выступает и тот факт, что к участию в работе УпПР и его аппарата и в Соединенном Королевстве Великобритании, и в Республике Ирландия привлекаются дети, без которых функционирование данного правозащитного механизма было бы бессмысленным. Тем самым дети не только становятся объектом защиты, но и получают возможность своими действиями оказывать влияние на формирование политики в области детства. Представляется, что такой подход может быть воспринят и в нашей стране.

¹ Фарбер И.Е. О развитии конституционной теории прав человека // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года (Вопросы теории государства и права, государственного и административного права). Саратов, 1980. С. 172.

² Объединимся ради детей. Информационный бюллетень ЮНИСЕФ, июнь – сентябрь 2010 г. С. 3 // Официальный сайт Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка. URL: http://www.rfdeti.ru/files/unicef_bulleten_2_v16.pdf (дата обращения: 25.12.2012).

³ Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/worldchild.shtml (дата обращения: 25.12.2012).

⁴ См.: Положение детей в мире. Специальный выпуск. Празднование 20-летия Конвенции о правах ребенка. Резюме. Объединимся ради детей. ЮНИСЕФ, 2009. С. 7–8 // Официальный сайт Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка. URL: http://www.rfdeti.ru/files/1270206838_unicef_.pdf (дата обращения: 25.12.2012).

⁵ См.: Комиссар по делам детей // Сайт Сообщества по защите прав детей в Англии (Children's Rights Alliance for England). URL: <http://www.crae.org.uk/rights/childrens-commissioner.html> (дата обращения: 25.12.2012).

⁶ См.: Закон от 15 ноября 2004 г. «О детях» (Children Act 2004) // Сайт базы данных Национального Архива Соединенного Королевства Великобритании. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/31/contents> (дата обращения: 25.12.2012).

⁷ Предисловие Комиссара по делам детей (Foreword from the Children's Commissioner) // Ежегодный отчет и финансовая отчетность за 2011 – 2012 гг. аппарата Комиссара по делам детей в Англии (Office of the Children's Commissioner. Annual Report and Financial Statements for 2011 – 2012). С. 4 // Официальный сайт Комиссара по делам детей в Англии. URL: http://www.childrenscommissioner.gov.uk/content/publications/content_582 (дата обращения: 25.12.2012).

⁸ Официальный сайт Уполномоченного по правам ребенка Республики Ирландия. URL: <http://www.oso.ie/about/ombudsman-for-children-act.html> (дата обращения: 25.12.2012).

⁹ См.: Тимофеев М.Т. Институт омбудсмана в Великобритании и Ирландии: контроль, основанный на сотрудничестве. М., 2006. С. 67.

¹⁰ Там же. С. 79.

М.С. Зайцев

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА

В статье формулируется тезис о существовании принципа обеспечения права граждан на участие в управлении делами государства, определяются структурные компоненты данного принципа.

Ключевые слова: участие в управлении делами государства, конституционный принцип, политические права граждан.

M.S. Zaitsev

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF ENSURING THE RIGHT OF CITIZENS ON PARTICIPATION IN STATE ADMINISTRATION

The author formulates the thesis about existence of principle of ensuring the right of citizens on participation in state administration, defines structural components of this principle.

Keywords: participation in state administration, constitutional principle, political rights of citizens.

Часть 1 ст. 32 Конституции РФ закрепляет важное положение, конкретизирующее принцип народовластия через призму субъективных политических прав российских граждан: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей».

Правовая природа данного конституционного права вызывала интерес у многих исследователей. Сама нормативная конструкция рассматриваемого положения («граждане Российской Федерации имеют право»), «география» его размещения в тексте Основного Закона страны (гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина») указывают на то, что речь идет о конституционном праве граждан Российской Федерации.

Однако детальный анализ содержания этого права приводит С.А. Кондратьева к выводу о том, что если его рассматривать как отдельное субъективное право граждан, то возникают трудности с определением его основных составляющих, т.е. кон-

© Зайцев Максим Сергеевич, 2014

Аспирант (Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»); zaitsevms@rambler.ru

кретных правомочий. При этом, подчеркивает автор, если основными правомочиями признавать отдельные политические права и свободы граждан, то самостоятельного значения данное право не имеет и резюмирует: «Если все же предположить, что данное субъективное право существует и охватывает практически все без исключения права и свободы, которые мы привыкли считать политическими, меняя фактически статус последних от самостоятельных субъективных прав до форм осуществления или методов обеспечения основного политического права, то в таком случае традиционные права и свободы граждан лишаются гарантий своего существования и обеспечения, теряя значение «неотъемлемых» и основополагающих»¹.

Выявленные особенности права граждан на участие в управлении делами государства позволили С.А. Кондратьеву установить двойственную природу: «Конституционное право на участие в управлении делами государства, с одной стороны, представляет собой принцип, на котором строятся отношения между государством и гражданином в демократическом государстве, а с другой — сумму субъективных прав, которые выражены в таких конкретных правомочиях, как право на участие в выборах и референдуме, право на занятие государственной должности (право на равный доступ к государственной службе), право на участие в отправлении правосудия, право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления; эти правомочия образуют систему мер и способов воздействия гражданина на организацию и деятельность государства и его отдельных органов; механизм реализации права на участие в управлении делами государства представляет собой систему нормативных предписаний правоустанавливающего и правоприменительного характера»².

Идея о том, что право граждан на участие в управлении государственными и общественными делами не является конституционным субъективным правом, а представляет собой основополагающий принцип взаимоотношений демократического государства и гражданина была развита в работах некоторых советских ученых³.

Полагаем, необходимо определиться, в каком значении термин «принцип» применяется в контексте дефиниции С.А. Кондратьева, в работах Н.И. Новоселова и И.Н. Струцкой. С.А. Кондратьев употребляет его для обозначения природы взаимоотношений субъектов конституционного права: «принцип, на котором строятся отношения между государством и гражданином в демократическом государстве»⁴.

Какова степень общности данного конституционного установления? Является ли оно принципом конституционного права либо это положение относится к правовым категориям другого порядка?

Анализ иных конституционных прав и свобод (в т.ч. личных прав и свобод) позволяет причислить их также к разряду принципов, на основе которых выстраиваются отношения между гражданином и государством в той или иной сфере. Например, такое свойство можно обнаружить и при изучении сущностного содержания права на свободу и неприкосновенность личности, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на неприкосновенность жилища, которые определяют принципиальные аспекты построения отношений между гражданином и демократическим государством. Эти конституционные положения, конкретизируясь в соответствующих отраслевых законах, выстраивающих систему их осуществления и гарантий, создают правовой механизм реализации данных конституционных прав.

Указанное обстоятельство вполне объяснимо самой природой конституционных установлений, высоким уровнем их нормативности, что обеспечивает прямое

действие конституционных норм в любой сфере общественных отношений (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ), придавая им роль особых регуляторов в жизни государства и общества. Безусловно, многие конституционные положения являют собой принципы, которые служат идейной основой для формулирования различных отраслевых установлений принципиального характера.

Д.А. Ковачев писал, что принципы права – это основополагающие идеи, начала, выражающие сущность права и вытекающие из генеральных идей справедливости и свободы⁵. Идейную составляющую сущности принципов права выделяет В.Н. Карташов, отмечая, что принципы права – это определенные фундаментальные идеи и идеалы, которые сформулированы на основе научного и практического опыта⁶. Аналогичная оценка принципам дается и М.И. Байтиным: это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права⁷. С.А. Мосин с учетом этого констатировал, что принципы права служат той основой, на которой формируется вся государственная правовая система. В соответствии с принципами права выстраивается и вся совокупность правовых принципов. Особое значение принципов заключается в высокой степени важности и обязательности для всех без исключения участников тех или иных правоотношений. Закрепление их в конституциях обеспечивает их стабильность, высокую степень устойчивости к изменениям⁸.

Приведенные подходы указывают, что идея «права на участие в управлении делами государства» действительно обладает признаками, свойственными принципам права ввиду ее регулятивного воздействия на состояние правоотношений в данной сфере, ее стабильности и нормативности.

Признавая право на участие в управлении государственными делами *конституционным принципом взаимоотношений между государством и гражданином*, С.А. Кондратьев пишет, что «этот принцип реализуется с помощью субъективных политических прав «на участие», которые позволяют воздействовать на организацию и деятельность государства и его органов»⁹.

Однако представляется, что само по себе «право на участие в управлении делами государства» называть конституционным принципом не корректно. Правовой принцип представляет собой идею максимальной общности, отражающую в данном случае межсубъектные отношения «государство – граждане», поэтому «право на участие» может быть только компонентом конституционного принципа, который должен иметь более сложную структуру и включать в себя наряду с «правом на участие» еще и корреспондирующую ему обязанность государства, его органов и органов местного самоуправления, а также должностных лиц обеспечить возможность реального воздействия граждан на управление государственными делами.

Исходя из вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы:

1. Необходимо говорить о наличии *конституционного принципа обеспечения права граждан на участие в управлении делами государства*.
2. *Принцип обеспечения права граждан на участие в управлении делами государства – это конституционный принцип, заключающийся в предоставлении гражданам Российской Федерации комплекса политических прав, с помощью которых они могут влиять на государственную политику в различных сферах жизни государства и общества, и одновременно возлагающий на государство, его органы, органы местного самоуправления и должностных лиц, обязанности по обеспечению практической реализации данных прав.*

3. В структуре этого принципа можно выделить две базовые составляющие: собственно *право граждан на участие в управлении делами государства*; обязанность государства, его органов, органов местного самоуправления и должностных лиц обеспечить реализацию данного права в установленных законом формах.

4. *Право граждан на участие в управлении делами государства* представляет собой не отдельное субъективное право гражданина, а является слагаемым¹⁰ всех политических прав, с помощью которых граждане Российской Федерации оказывают воздействие на политические процессы в государстве и обществе в различных сферах. Это право обладает системообразующим воздействием на всю совокупность политических прав, закрепленных в Конституции РФ.

¹ См.: *Кондратьев С. А.* Конституционное право граждан на участие в управлении государственными делами в условиях формирования правового демократического государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 26.

² Там же. С. 5–6.

³ См., например: *Новоселов Н.И.* Участие граждан в управлении государственными и общественными делами. М., 1985. С. 3; *Струцкая И.Н.* Конституционное право граждан СССР на обращение с предложениями и критическими замечаниями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 4.

⁴ *Кондратьев С. А.* Указ. раб. С. 5.

⁵ См.: *Ковачев Д.А.* Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность // Журнал российского права. 1997. № 9. С. 71.

⁶ См.: *Карташов В.Н.* Принципы права. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2001. С. 222–223.

⁷ См.: *Байтин М.И.* О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 1. С. 4.

⁸ См.: *Мосин С.А.* Презумпции и принципы в конституционном праве. М., 2009.

⁹ *Кондратьев С. А.* Указ. раб. С. 48–49.

¹⁰ В данном вопросе мы солидарны с С.А. Кондратьевым (см.: *Кондратьев С.А.* Указ. раб. С. 5–6).

Н.В. Тупилов

О СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию проблем социальной функции права собственности в конституционном праве. Анализируется положение социальной функции собственности в законодательстве; рассматриваются общие и частные проблемы права собственности.

Ключевые слова: собственность, право собственности, социальная функция права собственности, коллизии, правовой режим.

N. V. Tupikov

SOCIAL FUNCTION OF OWNERSHIP IN CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the study of problems of social function of ownership in constitutional law. The author analyses position of social function of ownership in legislation. Author also demonstrates common and particular problems of ownership.

Key words: ownership, right of property, social function of ownership, collisions, legal order.

Проблема собственности вообще и права собственности в частности занимает важное место в теории и практике любого государства. Особое значение для наше-

© Тупилов Николай Владимирович, 2014

Аспирант кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nick_tupikov@mail.ru

го государства она приобретает в период перехода России к постиндустриальному обществу. В научной литературе в области конституционного права неоднократно поднимался вопрос, касающийся социальной функции права собственности.

Конституционное право имеет большой потенциал к урегулированию отношений в области экономики и собственности, поскольку предмет конституционного права охватывает основу этих общественных отношений.

Считается, что основоположником теории социальных функций является Л. Дюги. В его теории¹ связи, объединяющие людей в обществе, служат узлами социальной солидарности. Общество делится на классы, каждый из которых выполняет свою миссию, свой долг, свою социальную функцию по обеспечению солидарности и гармонии общества.

В.Д. Мазаев рассматривает ряд вопросов указанной проблемы². Концепция социальной функции собственности получила развитие в конституционном законодательстве европейских государств. Пункт 2 ст. 14 Основного закона ФРГ гласит: «Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общему благу». Согласно позиции Конституционного Суда ФРГ это положение означает «отказ от такой системы собственности, при которой индивидуальный интерес имеет безусловное преимущество перед интересами общества». Аналогичные положения отражаются в конституциях Италии, Испании, Греции, Японии.

В Российской Федерации социальная функция права собственности прямо не закреплена в Конституции. «Однако из системной связи ст. 35 Конституции с другими ее положениями о социальном государстве (ст. 7), относящимся к основам конституционного строя Российской Федерации, а также с другими положениями (ч. 1 ст. 9, ч. 3 ст. 17, ст. 34, ч. 2 ст. 36, ст. 39), следует, что право собственности не имеет абсолютного характера и осуществляется под условием тех обязанностей и обременения, которые вытекают из ее функций в современном социальном государстве»³, — отмечает В.Д. Зорькин. Хотя в целом проблема определения области социального в собственности существует, в законодательстве и судебной практике наблюдаются явные тенденции социализации собственности в будущем.

Так, например, Президент РФ в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. указывает, что в настоящее время «идет становление гражданской активности. Люди начинают соотносить свою собственную жизнь, свою работу с заботами об окружающих, с устремлениями всего народа и интересами государства»⁴. Тем не менее, к сегодняшнему дню в Российской Федерации все еще существует множество проблем как общего, так и частного характера. Среди общих проблем отмечается «оффшорный» характер российской экономики, социальное расслоение. Е.М. Примаков приводит следующие сведения со ссылкой на Global World Report: «На 1 % самых богатых россиян приходится 71 % всех личных активов. Это в два раза больше, чем в США, Европе, Китае, и в 4 раза больше, чем в Японии. 96 российских миллиардеров владеют 30% всех личных активов российских граждан. Этот показатель в 15 раз выше мирового»⁵.

Проблемы частного характера представлены правоприменением, в процессе которого социальная функция собственности сталкивается с разного рода препятствиями. В работе испанского исследователя М. Винченце «Частная собственность в системе современного гражданского права» утверждается, что в испанском гражданском праве к 1980 г. сложились как бы две системы права собственности. Одна основана на нормах гражданского кодекса, имеющих следующие признаки: 1) единство; 2) замкнутый характер; 3) исключительность

или абсолютный характер; 4) отсутствие ограничений в способах пользования и распоряжения вещью, предусматривающее практически ничем не ограниченное право собственности. Вторая система построена на более современном законодательстве и предполагает серьезные ограничения права собственности во исполнение «социальной функции» собственности. Как замечает автор, подобное положение может привести к коллизии законов, преодолеть которую невозможно, применив правило «последующий закон отменяет закон предыдущий», ибо таким образом можно отменить основные положения гражданского кодекса. Исследователь приходит к выводу, что в испанском праве происходит процесс «социальной функционализации собственности»⁶.

Указанные утверждения применимы и к системе российского гражданского права. Коллизионность гражданско-правовых норм с конституционными в российском праве возникает нередко. Арбитражные суды, суды общей юрисдикции в вопросах собственности часто сталкиваются с многогранными и сложными отношениями субъектов собственности между собой и с третьими лицами. Объективные юрисдикционные различия и иные процессуальные ограничения (процессуальные сроки, правила подсудности, правила принятия исковых заявлений и т.д.), отсутствие единых принципов регулирования отношений не позволяют в рамках одного дела разрешить весь комплекс проблем, сложившихся вокруг объектов собственности. Как итог нередко возникает определенное количество судебных актов в отношении одного объекта собственности, имеющих силу закона, во-первых, не отражающих объективных отношений, во-вторых, различных по правовому смыслу и содержанию. Такая ситуация уже сама по себе не вписывается в конституционные принципы, не говоря уже о том, что реализация права собственности и зависимого от него комплекса конституционных социально-экономических прав иногда доводится до абсурда манипуляцией фактами, изложенными в судебных актах.

Таким образом, в замкнутой системе материальных и процессуальных норм гражданского права, способной обеспечить формальную законность некоторых отношений, возникают принципиально незаконные отношения. Из этого следует, что коллизионность гражданско-правовых норм с конституционными возникает в результате применения норм гражданского права. Применение второго из указанных М.Винценте подходов означало бы выработку новых конституционных принципов преодоления возникающих коллизий. Такая задача чаще всего возлагается на Конституционный Суд РФ, обладающий прерогативой на толкование норм Конституции. Следует отметить, что Конституционным Судом РФ за период его деятельности было принято множество судебных актов, разъясняющих отдельные аспекты социальной функции права собственности. В правоприменении указанные позиции Конституционного Суда РФ имеют большое значение. Например, 26 мая 2011 г. Конституционным Судом РФ было вынесено Постановление⁷, завершившее продолжительную борьбу судов общей юрисдикции и арбитражных судов против принципа добровольного разрешения разногласий в процедурах третейского судопроизводства в вопросах собственности. Заявитель, Высший Арбитражный Суд РФ, полагал, что акт третейского суда не отождествляется с судебным актом при разрешении споров о правах на недвижимое имущество, создается возможность противоречий в правоприменительной практике, ведущих к нарушению конституционного принципа стабильности условий хозяйствования. Указанным постановлением в российскую правовую систему впервые были внедрены конституционные принципы третейского разбирательства. Принцип диспози-

тивности в выборе поведения субъектом хозяйствования приобрел новое значение. Спор о возможности разрешать разногласия о переходе прав собственности путем саморегулирования завершился в пользу саморегулирования. Примечательно мнение судьи Конституционного суда РФ К.В. Арановского к Постановлению, считающего, что третейские суды осуществляют правосудие в том смысле, что «право может осуществлять себя не только через институты государственности, но и помимо них»⁸. Новые правовые позиции определили границы вмешательства государственных судов в субъективные права собственников и имеют безусловное социальное значение. К сожалению, практика применения новых принципов пока еще сталкивается с определенными трудностями.

Многогранность и сложность отношений собственности позволяет наблюдать большое количество иных частных проблем в правоприменении. Одна из них касается оценки социального значения объектов собственности.

С.М. Скрыль по признаку социальной значимости предлагает выделять «национальное достояние»⁹ как отношения осуществления непосредственного режима собственности касаясь наиболее значимых общественных объектов и прав со стороны народа, народов, населения. Однако, признавая пользу этого нововведения, следует отметить, что признаком социальной значимости обладают многие иные объекты и публичной, и частной собственности. При этом социальная значимость некоторых объектов переменна. Объективные общественные отношения в области экономики отражаются в области права в различных правовых режимах. В правоприменении не всегда адекватно осознается социальное значение объектов собственности до тех пор, пока объект не попадает в особый правовой режим, который, например, создает угрозу утраты объектом собственности своего назначения. Законодателем предпринимаются меры, которые определяют особые правовые режимы для отдельных объектов собственности.

В качестве одного из примеров можно привести дополнение гл. 9 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» § 7 «Банкротство застройщиков» Федеральным законом от 12 июля 2011 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статьи 17 и 223 Арбитражного процессуального Кодекса Российской Федерации в части установления особенностей банкротства застройщиков, привлекавших денежные средства участников строительства»¹⁰. В процедурах банкротства арбитражные суды столкнулись с такими объектами собственности, как объекты незавершенного строительства, обремененные большим количеством имущественных прав различных лиц. Сложность и социальная значимость отношений, сложившихся вокруг таких объектов, обнаруженная в ходе рассмотрения дел судами, побудила законодателя применить к ним специальный правовой режим в процедурах банкротства предприятий-застройщиков, а для судов потребовались дополнительные разъяснения о договорах по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем¹¹. Стоит отметить, что для выработки указанной позиции потребовалось почти десятилетие. Убытки, вызванные искаженным пониманием ситуации в предыдущих правовых позициях, исчисляются миллиардами рублей. Кроме того, нововведения в этой области не решают всех краеугольных вопросов. Закон «О несостоятельности (банкротстве)» применяет подобные механизмы и в отношении иных субъектов (градообразующие предприятия, сельскохозяйственные организации, естествен-

ные монополии и др.), регулируя в первую очередь отношения собственности, поскольку социальная значимость возникает прежде всего в них.

В процессе экономической деятельности подобного рода специальные правовые режимы применяются и в отношении многих других объектов собственности по разным основаниям.

Однако вышеуказанные меры возникают уже вследствие существующих проблем. Последствия непонимания законодателем и правоприменителем объективных общественных отношений на протяжении определенного промежутка времени для многих лиц необратимы. Такие меры направлены на устранение только локальных очагов социальной напряженности и проблем в корне не решают. Преодоление отставания права от постоянно развивающихся объективных общественных отношений возможно путем выработки конституционных принципов. Место конституционного права в правовой системе позволяет формировать гибкие конституционные принципы, позволяющие охватывать большой объем общественных отношений, в т.ч. и на будущий период времени, не только путем погашения локальных очагов проблемных ситуаций в собственности, но и путем формирования общих критериев социальной значимости, при достижении которых могут включаться особые правовые режимы в отношениях между различными лицами, а при отсутствии таковых быть индикатором необходимости специального регулирования. Наличие такого вектора позволило бы правоприменителю яснее видеть границы и необходимость вмешательства в субъективные права человека и гражданина.

Социальная функция собственности в настоящее время только обретает черты, присущие потребностям современного общества. В обществе давно созрела потребность смягчения в сторону социальности свободной рыночной экономики и конституционное право имеет для этого средства.

¹ См.: Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 13.

² См.: Мазаев В.Д. Развитие собственности в современном социальном государстве // Новая правовая мысль. 2003. № 2 (3). С. 17–27.

³ Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 202.

⁴ См.: Российская газета. 2012. 13 дек.

⁵ Примаков Е.М. Реформы и зуд приватизаторства. URL: http://www.ng.ru/scenario/2012-12-25/13_primakov.html (дата обращения: 13.01.2013).

⁶ Montes Vincente L. La propiedad privada en el sistema del derecho civil contemporaneo: (En estudio evolutivo desde elCodigo civil hasta la Constitucion de 1978). Madrid, 1980. S. 228.

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10 по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.

⁸ Арановский К.В. Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановского к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 года № 10-П / Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 10 П от 26 мая 2011 года по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского Кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114541/ (дата обращения: 11.01.2014).

⁹ См.: Скрыль С.М. Конституционно-правовые проблемы институционализации права собственности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 24.

¹⁰ См.: Парламентская газета. 2011. 21 июля.

¹¹ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 9.

А.Ю. Соколов

ЗАДЕРЖАНИЕ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье исследуется правовое регулирование задержания транспортного средства в законодательстве стран — участников Содружества Независимых Государств. На основе анализа нормативно-правовых актов, составляющих национальное административно-деликтное законодательство, делается вывод об их неоднородности, различном понимании существа рассматриваемой меры, составляющих ее элементов и неидентичном порядке применения. Высказываются предложения по совершенствованию действующего законодательства об административной ответственности, направленные на повышение уровня защиты прав и свобод граждан при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: меры административного принуждения, производство по делам об административных правонарушениях, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, законодательство стран — участников Содружества Независимых Государств.

A.Yu. Sokolov

THE DETENTION OF THE VEHICLE UNDER THE LAWS OF THE COUNTRIES — MEMBERS OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

In a scientific article examines legal regulation of the detention of the vehicle in the legislation of countries — members of the Commonwealth of Independent States. Based on the analysis of legal acts, are national administrative tort law the author concludes about their heterogeneity, different understanding of creature of the examined measure, constituents of its elements and unidentical order of application. Makes suggestions for improving the existing legislation on administrative responsibilities, aimed at improving the protection of the rights and freedoms of citizens in the application of provision procedure measures of administrative offences cases.

Key words: measures of administrative enforcement, administrative proceeding, provision procedure measures of administrative offences cases, the legislation of countries — members of the Commonwealth of Independent States.

Задержание транспортного средства известно административно-деликтному законодательству стран — участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, затрагивающая в качестве объекта административного вмешательства имущественное положение личности.

Несмотря на общее правовое прошлое в виде кодексов союзных республик, принимавшихся на базе Основ законодательства Союза ССР об административных правонарушениях¹, что обуславливает наличие ряда общих черт, нацио-

© Соколов Александр Юрьевич, 2014

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: AYSockolov@mail.ru

нальные административно-деликтные законодательства достаточно специфичны. Отсутствие официального Модельного кодекса СНГ об административных правонарушениях формирует различные подходы законодателя к правовому регулированию рассматриваемой меры, не всегда учитывающие достижения в законотворчестве других стран — участников Содружества.

Такая ситуация не может быть определена в качестве позитивной, поскольку государственно-политическое объединение стран СНГ, а также создание новых государственных объединений (ЕврАзЭС, ЦАЭС-ЦАС, Союзного государства, Таможенного Союза) предполагает интеграцию и нормативного массива. Кроме того, заимствование передового опыта, вне всякого сомнения, повысит эффективность правового регулирования национальных законодательств.

Цель настоящей статьи — выявление различий и правовых новелл в административно-деликтных законодательствах государств Содружества, регулирующих задержание транспортного средства в качестве меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Для законодательств стран — участников СНГ характерна единая терминология в обозначении задержания транспортных средств. Исключение составляет ст. 265² Кодекса Украины об административных правонарушениях от 7 декабря 1984 г. № 8073-Х² (далее — КоАП Украины), определяющая рассматриваемую меру как «временное задержание транспортных средств», тем самым подчеркивая ее срочный характер.

Вопрос о сроках применения рассматриваемой меры по-разному решается в национальных законодательствах. Срок задержания транспортного средства исчисляется, как правило, с момента составления протокола об административном правонарушении за исключением административно-деликтного законодательства Республики Таджикистан, исчисляющего срок задержания транспортного средства с момента доставления его на специальную стоянку³. В законодательстве большинства стран не указывается его количественное значение, а окончание связывается с устранением причины задержания (ч. 1 ст. 27.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ)⁴, ч. 1 ст. 630 Кодекса об административных правонарушениях Республики Казахстан от 30 января 2001 г. № 155-II (далее — КоАП РК)⁵, ч. 4 ст. 765 Кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан (далее — КоАП РТ) и др. Однако согласно ст. 407.3 Кодекса об административных проступках Азербайджанской Республики от 11 июля 2000 г.⁶ (далее — КоАП АР), ст. 439 Кодекса о правонарушениях Республики Молдова от 24 октября 2008 г. № 218⁷ (далее — КоП РМ), ст. 291 Кодекса об административной ответственности Республики Узбекистан⁸ (далее — КоАО РУ), наряду с устранением причин задержания, возвращение транспортного средства осуществляется в т.ч. на основании рассмотрения дела об административном правонарушении, что значительно увеличивает срок применения рассматриваемой меры. Вместе с тем такое определение длительности течения срока задержания транспортного средства неприменимо в случае его реализации в целях устранения препятствий для движения других транспортных средств или пешеходов, когда одновременно устраняется сама причина задержания.

Указание на определенные сроки при применении задержания транспортного средства содержится в ст. 265² КоАП Украины, закрепляющей возможность задержания транспортного средства на срок не более 3-х дней с момента такого

задержания, а также в ст. 407.2 КоАП АР, которая не допускает перемещение транспортного средства на охраняемую стоянку соответствующего органа исполнительной власти, если причина задержания транспортного средства может быть устранена в течение 3 ч.

Последнее положение, на наш взгляд, направлено на предотвращение случаев необоснованного помещения транспортного средства на специализированную стоянку при отсутствии объективных причин и должно быть воспринято базовыми законодательными актами в сфере административной ответственности всех стран — участников СНГ, тем более, что и подзаконные нормативные акты⁹, и правоприменительная практика¹⁰ некоторых государств идут по тому же пути.

Исключением из общего правила является законодательство Республики Беларусь, закрепляющее обязанность возврата помещенного на охраняемую стоянку транспортного средства по первому требованию, тем самым не связывая окончание применения задержания транспортного средства ни с устранением его причины, ни с конкретным сроком (ч. 7 ст. 8.10 Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь¹¹ (далее — ПИКАП РБ)).

Действующее российское административно-деликтное законодательство разграничивает срок задержания транспортного средства соответствующего вида и срок его хранения (п. 6 Правил задержания транспортного средства, помещения его на стоянку, хранения, а также запрещения эксплуатации¹² (далее — Правила задержания)). Выделение последнего связано с исчислением платы за хранение транспортного средства на специализированной стоянке. Срок хранения транспортного средства выражается в часах с момента его помещения на специализированную стоянку.

Неоднозначно в национальных законодательствах и понимание правовой сущности задержания транспортных средств. Для российского законодательства (п. 2 Правил задержания), как и для большинства законодательств об административной ответственности стран — участников СНГ¹³, характерно содержание задержания транспортного средства, включающее в качестве элемента помещение его на специализированную стоянку — специально отведенное охраняемое место хранения задержанных транспортных средств.

Вместе с тем законодательство ряда государств выделяет такое помещение (принудительную эвакуацию, принудительную отбуксировку, доставку, доставление) в качестве самостоятельной меры обеспечения административного процесса (процессуального принуждения)¹⁴, фиксация порядка применения которой осуществляется, как правило, в отдельном процессуальном акте. Такое обособление рассматриваемой меры, на наш взгляд, возможно в силу специфических оснований и целей ее применения.

Неоднозначен подход законодателя и к определению оснований применения задержания транспортного средства. В подавляющем большинстве фактическим основанием задержания служит совершение одного из административных правонарушений, закрепленных в соответствующем перечне. Вместе с тем КоАП АР и КоАП РТ в качестве фактических оснований применения задержания транспортного средства предусматривают не только совершение отдельных административных правонарушений, но и преступлений (подделка узлов, агрегатов, знаков государственной регистрации транспортного средства).

Наименьшие перечни правонарушений, в связи с совершением которых применяется задержание транспортного средства, установлены в законодательствах Республик Беларусь и Молдова. В соответствии с ч. 1 ст. 8.10 ПИКАП РБ задержание, принудительная отбуксировка транспортного средства и доставка его на охраняемую стоянку применяются в случае управления транспортным средством: 1) лицом, находящимся в состоянии опьянения, передачи управления транспортным средством такому лицу либо отказа от прохождения освидетельствования; 2) лицом, не имеющим права управления, при отсутствии иной возможности доставить транспортное средство к месту хранения; 3) при нарушении правил остановки и стоянки транспортного средства, в результате которого создано препятствие для дорожного движения или возникла угроза безопасности граждан. В ч. 1 ст. 439 КоП РМ выделяется дополнительное основание применения задержания транспортных средств — истечение 90-дневного срока временного допуска автотранспортного средства на территорию Республики Молдова.

Наиболее широкий перечень административных правонарушений, служащих основанием применения рассматриваемой меры, предусмотрен ч. 1 ст. 27.13 КоАП РФ и ст. 630 Кодекса об административной ответственности Кыргызской Республики (далее — КоАО РК).

Особый интерес представляют новеллы национальных законодательств, повышающие процессуальные гарантии охраны прав и свобод личности в производстве по делам об административных правонарушениях. Так, за хранение транспортного средства на специализированной стоянке предусматривается плата. Кроме того, законодательства большинства государств закрепляют порядок выдачи задержанного транспортного средства лишь после оплаты расходов, связанных с хранением транспортного средства на специализированной стоянке¹⁵. Подобные положения позволяют некоторым исследователям высказываться о карательной природе¹⁶ данной меры, представляющей по своей сути «дополнительное наказание»¹⁷.

Позитивным в этой связи представляется опыт белорусского законодателя, предусматривающего в ч. 7 ст. 8.10 ПИКАП РБ возврат помещенного на охраняемую стоянку транспортного средства собственнику (владельцу) или уполномоченному им лицу по его первому требованию. Мы полагаем возможным перенять указанные положения национальным законодательствам других стран и установить порядок возврата транспортного средства, явившегося объектом задержания, гражданину незамедлительно после устранения причины такого задержания.

Также следует обратить внимание на новеллы, введенные украинским законодателем, напрямую запрещающие установление платы за подачу обращения и возврат лицу временно задержанного транспортного средства, закрепленные в КоАП Украины (ст. 265²). Подобные нововведения усиливают аргументацию некоторых авторов¹⁸ о необходимости отнесения платы за транспортировку и хранение транспортных средств соответствующего вида к издержкам по делу об административном правонарушении, подлежащим оплате за счет средств федерального бюджета.

Альтернативный порядок возмещения предусмотрен административно-деликтным законодательством Республики Молдова (ст. 439 КоП РМ). В соответствии с его положениями расходы, понесенные собственником специали-

зированных стоянок, связанные с хранением транспортного средства, при их неоплате в добровольном порядке могут быть взысканы в порядке гражданского судопроизводства. При отсутствии же состава правонарушения данные расходы возлагаются на государственный бюджет.

Независимо от пути, который изберет российский законодатель при решении данной проблемы, ему следует исходить из того, что хранение транспортного средства — это этап применения задержания транспортного средства как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, а не дополнительное наказание имущественного характера. Введение рассмотренных выше положений должно исключить нередко случающиеся ситуации невозможности оплаты услуг специализированных стоянок.

Еще одним достойным внимания моментом является выделение в административно-деликтном законодательстве Республики Беларусь дополнительных требований к процедуре эвакуации транспортных средств:

1) в соответствии со ст. 8.10 ПИКАП РБ эвакуация транспортных средств на охраняемую стоянку допускается, только если водитель не находится в транспортном средстве или в непосредственной близости от него;

2) часть 2 данной статьи запрещает применение рассматриваемой меры при наличии в транспортном средстве пассажира (пассажиров);

3) на основании ч. 3 ст. 8.10 ПИКАП РБ при задержании и принудительной отбуксировке (эвакуации) транспортного средства проводится осмотр такого транспортного средства.

Поскольку на практике нередко случаи причинения вреда задержанному транспортному средству и находящемуся в нем имуществу при его транспортировке, последнее положение позволяет достоверно определить временной период причинения такого вреда и выявить виновное лицо.

Таким образом, подводя итог сравнительно-правовому анализу норм национальных административно-деликтных законодательств стран – участников СНГ, регулирующих задержание транспортных средств, следует отметить их неоднородность, различное понимание существа рассматриваемой меры, составляющих ее элементов и неидентичный порядок применения. Вместе с тем отдельные нововведения значительно повышают уровень защиты прав и свобод граждан при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и должны быть приняты на вооружение законодателями всех государств Содружества.

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 44, ст. 909.

² См.: Ведомости Верховной Рады Украинской ССР. 1984. Приложение к № 51, ст. 1122.

³ См. ч. 6 ст. 765 КоАП РТ // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2008. № 12, ч. 1, ст. 898, 990.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. I, ст. 1.

⁵ См.: Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2001. № 5–6, ст. 24.

⁶ См.: Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 2000. № 8, кн. 1, ст. 584.

⁷ Monitorul Oficial. 2009. № 3–6, ст. 15.

⁸ См.: Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 3, ст. 6.

⁹ См., например, п. 147.1 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, не допускающих помещения транспортного средства на специализированную стоянку при возможности устранения причины задержания на месте совершения правонарушения: утв. приказом МВД РФ от 2 марта 2009 г. № 185 // Российская газета. 2009. 7 июля.

¹⁰ См., например: Постановление Верховного Суда РФ от 22 декабря 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 7. Верховный Суд РФ признал требования сотрудников ГИБДД МВД РФ о помещении автомашины на штрафную стоянку при устранении причины задержания незаконными.

¹¹ См.: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2007. № 14. 2/1291.

¹² Утверждены Постановлением Правительства РФ от 18 декабря 2003 г. № 759 «Об утверждении Правил задержания транспортного средства, помещения его на стоянку, хранения, а также запрещения эксплуатации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 51, ст. 4990.

¹³ См., например, ст. 407.1 КоАП АР, ст. 291 КоАО РУ, ст. 568 Кодекса об административной ответственности Кыргызской Республики от 4 августа 1998 г. № 114 (далее – КоАО КР) // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1999. № 2, ст.77 и др.

¹⁴ См. ст. 8.10 ПИКАП РБ; ст. 439 КоП РМ; ст. 630 КоАП РК.

¹⁵ См., например, п. 9 Правил задержания.

¹⁶ См.: *Карагодин А.В.* Применение органами внутренних дел мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: дис.... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 125.

¹⁷ *Сафонова Л.С.* Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 111.

¹⁸ См., например: *Хвастунов К.В.* Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемые милицией: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 126; *Зырянов С.М.* Эвакуация транспортного средства – мера обеспечения производства или наказание? // Административное право и процесс. 2005. № 1. С. 31–32; *Щербаков С.Б.* Меры административного пресечения в деятельности милиции: дис.... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 118.

Н.В. Галицкая

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуются понятие и сущность административно-правового обеспечения безопасности в России. Анализируется действующее законодательство и широкий спектр мнений ученых, посвященных защите населения и территорий от негативного воздействия природной и техногенной среды; предлагаются организационные меры, направленные на совершенствование этого процесса.

Ключевые слова: безопасность, угрозы, административно-правовое обеспечение, государственные органы, права и свободы человека и гражданина.

N.V. Galitskaya

CONCEPT AND ESSENCE OF ADMINISTRATIVE LEGAL SUPPORT OF SAFETY OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the publication the concept and essence of administrative legal support of safety of Russia are investigated. The current legislation and wide range of opinions of the scientists devoted to protection of the population and territories from negative impact of the natural and technogenic environment is analyzed, the organizational measures directed on improvement of this process are offered.

Keywords: safety, threats, administrative legal support, government bodies, rights and freedom of the person and citizen.

Право граждан на безопасное существование, защиту от негативных последствий природных и техногенных факторов является следствием реализации многочисленных конституционных норм. При этом Конституция РФ рассматривает это право как постоянно действующее, неотчуждаемое ни при каких условиях и имеющее повышенное значение по отношению к другим правам и интересам

© Галицкая Наталья Владимировна, 2014
Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: bratfoot@mail.ru

жителей нашей страны. Из содержания ч. 2 ст. 55 Основного Закона следует прямой вывод о том, что право на безопасность не подлежит ограничению никаким законом, также не могут быть установлены приоритеты безопасности одних лиц по отношению к другим. Подобное свидетельствует о равном и всеобщем обеспечении безопасности граждан, общества и государства на всей территории России. Этот вывод предполагает создание слаженного и работоспособного государственного механизма, с помощью которого возможно обеспечить реализацию права граждан на защиту от каких-либо угроз. Такой механизм предполагает ведущую роль в этом процессе системы государственных органов, которые на основании закона призваны решать многочисленные задачи в указанной сфере. В этом аспекте представляется важным выяснение и уточнение смысла термина «административно-правовое обеспечение» в научной литературе и нормативно-правовых актах. Несмотря на то, что это словосочетание активно применяется при регламентации многочисленных отношений в области безопасности, его значение до настоящего времени остается недостаточно раскрытым, что не позволяет исчерпывающим образом определить возможность использования на практике данной терминологии.

Дефиниция «административно-правовое обеспечение» в научной литературе отражена довольно многообразно. По мнению М.Ю. Тихомирова, право в целом, все его отрасли направлены на обеспечение управления в обществе, социальное управление и управление государством, государственными делами. Государственное управление в этом смысле опосредуется конституционным и административным правом. Именно административное право регулирует организацию и деятельность специального аппарата — органов исполнительной власти, собственно управленческую деятельность. В то же время административное право в функциональном смысле охватывает и управление обществом, и управление государством, поскольку его нормы создают правовые режимы функционального назначения. В орбиту этих режимов технологически единой деятельностью неизбежно включается широкий круг субъектов права. В целом — это механизм, работоспособность которого поддерживается с помощью административно-правового обеспечения управленческой деятельности¹. А.Б. Агапов предлагает рассматривать эту категорию в более обобщенном виде как совокупность форм и приемов, реализуемых государством для сохранения установленного порядка управления и общественного порядка, а также для совершенствования взаимодействия органов власти и гражданского общества². Д.П. Зеркин и В.Г. Игнатов считают необходимым трактовать указанную дефиницию как своеобразный рычаг, с помощью которого компетентные властные структуры снижают социальную напряженность, стабилизируют экономическую ситуацию и совершают упорядоченное воздействие на иные общественные отношения, нуждающиеся в корректировке³. Примечательно, что В.Ю. Синюгин, основываясь на классификации форм государственного управления, предложенной Ю.Н. Стариловым, отмечает, что административно-правовое обеспечение, как правило, выражается в правоустановительных (связанных с созданием правовых норм, разработкой и принятием правовых актов управления) и регулятивных (направленных на создание необходимых условий для осуществления позитивного публичного управления, обеспечивающего благополучие государства и общества) формах⁴. В.Е. Чиркин полагает, что данную категорию следует трактовать как юридическую формализацию совершения

управленческих действий, а также операции, направленные на упорядочение субординационных связей⁵.

Вместе с тем не все исследователи склонны рассматривать административно-правовое обеспечение в качестве института, неизменно присущего нынешним органам исполнительной власти и обладающего какими-либо отличительными признаками. В частности, Л.Л. Сакулина отмечает, что гипотетически существуют государственное управление и государственное регулирование. Первое характеризуется целенаправленным воздействием органов власти – субъектов управления – на подчиненные им учреждения и организации – объекты управления. Второе в свою очередь представляет собой воздействие на неподконтрольные структуры и индивидуумов. При этом допустимо в определенных случаях смешение государственного управления и государственного регулирования. В данном аспекте их административно-правовое обеспечение выступает в качестве естественного следствия реализации подобных воздействий и не обладает признаками самостоятельности⁶. Г.Ю. Дубянская разделяет данную позицию и указывает на то, что исследуемая нами категория является искусственно выращенной и необоснованно насажденной на устоявшиеся принципы государственного управления⁷. М.И. Абдуллаев, в свою очередь полагает, что она представляет собой один из отраслевых методов государственного управления и не нуждается в дополнительном юридическом обособлении⁸.

Следует заметить, что право на безопасность как неотъемлемое и обозначенное в Конституции РФ право граждан и его обеспечение предполагают соответствующую нормативно-правовую интерпретацию. Так, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»⁹ в п. 3 ст. 2 в качестве основного принципа обеспечения безопасности обозначает системность и комплексность применения федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, другими государственными органами, органами местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности. Статья 5 данного нормативного акта закрепляет правовую основу обеспечения безопасности, которую составляют Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции в области безопасности¹⁰.

Как видим, законодатель на первое место выводит Конституцию РФ, после которой следуют нормы международного права. Такой подход В.Г. Шахов признает не вполне обоснованным по следующим причинам. Во-первых, Конституция РФ является поздним по срокам принятия документом, по сравнению с многочисленными конвенциями и иными актами, провозглашающими защиту прав и интересов граждан в различных сферах. Основная их масса была принята в первой половине XX в. и в течение трех десятилетий, предшествующих введению в действие Конституции РФ 1993 г. Во-вторых, если оценивать масштабность и детализацию отношений в области обеспечения безопасности, обозначенных в международных актах, к которым Россия впоследствии присоединилась, мож-

но сделать недвусмысленный вывод о том, что их нормы более многочисленны и носят более развернутый характер, нежели конституционные положения. В-третьих, сама Конституция РФ провозглашает приоритет международного права (ч. 4 ст. 15, ч. 3 ст. 46, ч. 1 ст. 62 и т.д.)¹¹. Также укажем, что нормы ст. 5 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. «О безопасности» расходятся с положениями ст. 2 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. от 28 декабря 2013 г.)¹², в соответствии с которой правовое регулирование отношений в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права и осуществляется настоящим Федеральным законом, принимаемыми в соответствии с ним федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ. Органы местного самоуправления в пределах своих полномочий могут принимать муниципальные правовые акты, регулирующие отношения, возникающие в связи с защитой населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Обращение к специализированным нормативно-правовым актам, регулирующим различные аспекты безопасности, также дает основание считать, что правовое обеспечение является имманентно присущим наряду с другими обеспечительными мерами. Так, в ст. 4 Федерального закона от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» (в ред. от 19 июля 2011 г.)¹³ подчеркивается, что радиационная безопасность обеспечивается путем проведения комплекса мер правового, организационного, инженерно-технического, санитарно-гигиенического, медико-профилактического, воспитательного и образовательного характера. Таким образом, разработчики этого нормативного акта рассматривают правовое обеспечение безопасности в данной сфере в совокупности с иными необходимыми мероприятиями.

При регламентации вопросов обеспечения безопасности дорожного движения законодатель употребляет рассматриваемые нами термины в трех значениях. Так, Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (в ред. от 28 декабря 2013 г.)¹⁴ закрепляет, что установление правовых основ обеспечения безопасности дорожного движения находится в ведении Российской Федерации (ч. 1 ст. 6). Таким образом, во-первых, определяется состав субъектов, принимающих участие в нормативном регулировании отношений в этой сфере – соответствующие высшие федеральные органы исполнительной власти. Во-вторых, указанная норма возлагает на них осуществление контроль за соответствием законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ в области обеспечения безопасности дорожного движения Конституции РФ и федеральным законам. В-третьих, согласно ст. 24 Закона правовое обеспечение безопасности дорожного движения корреспондируется с правами и обязанностями участников дорожного движения, которые имеют надлежащее юридическое оформление.

Характерно, что термин «правовое обеспечение» используется при нормативном закреплении обратной связи между субъектами и объектами управления в области безопасности. К примеру, Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (в ред. от 2 июля

2013 г.)¹⁵ определяет, что предприятия и организации, являющиеся частью этого комплекса, вправе вносить в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере топливно-энергетического комплекса, федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности, федеральный орган исполнительной власти, выполняющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, и федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на решение задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, предложения об обеспечении безопасности объектов топливно-энергетического комплекса (ч. 2 ст. 12). Кроме того, в ст. 9 указанного Закона данный термин применяется в качестве обозначения составной части системы физической защиты объектов топливно-энергетического комплекса.

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс. М., 2006. С. 112.

² См.: Азапов А.Б. Административное право: учебник. М., 2006. С. 335.

³ См.: Зеркин Д. П., Игнатов В.Г. Основы теории государственного управления: курс лекций. М., 2000. С. 112.

⁴ См.: Синюгин В.Ю. Административно-правовое обеспечение реформирования управленческой деятельности исполнительных органов государственной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 14.

⁵ См.: Чиркин В.Е. Государственное управление. М., 2002. С. 45.

⁶ См.: Сакулина Л.Л. Механизм административно-правового регулирования реализации прав граждан на информацию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10.

⁷ См.: Дубянская Г.Ю. Глобализация и развитие как императивы XXI в. и шансы России. М., 2001. С. 44–45.

⁸ См.: Абдуллаев М.И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М., 2004. С. 188.

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 2.

¹⁰ Аналогичные нормы закреплены в ст. 2 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (в ред. от 19 июля 2011 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 2, ст. 150; 2011; № 30, ч. 1, ст. 4596, а также в ст. 2 Федерального закона от 19 июля 1997 г. № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» (в ред. от 19 июля 2011 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 29, ст. 3510; 2011; № 30, ч. 1, ст. 4596.

¹¹ См.: Шахов В. Г. Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. М., 2002. С. 55.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 35 ст. 3648; 2013. № 52, ч. 1, ст. 6969.

¹³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 141; 2011. № 30, ч. 1, ст. 4596.

¹⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 50, ст. 4873; 2013. № 52, ч. 1, ст. 7002.

¹⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4604; 2013. № 27, ст. 3455.

А.Л. Юсупов

ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ, НАЛАГАЕМЫЕ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

В статье исследуются отдельные проблемы нормативно-правового регулирования дисциплинарной ответственности государственных служащих и лиц, замещающих государственные должности, в случае нарушения ими законодательства о противодействии коррупции.

Ключевые слова: дисциплинарные взыскания, противодействие коррупции, увольнение, государственная должность, государственный служащий.

A.L. Yusupov

THE DISCIPLINARY PUNISHMENTS IMPOSED FOR VIOLATIONS OF THE LEGISLATION ON COUNTERACTION OF CORRUPTION

The article is devoted to the research of separate problems of legal regulation of a disciplinary responsibility of public officials and the persons holding public office, in case of violation of the legislation on corruption counteraction.

Keywords: disciplinary punishments, corruption counteraction, dismissal, public office, public official.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹ в своей первоначальной редакции позиционировался законодателем как нормативный акт, обладающий системообразующими признаками для новой отрасли российского законодательства – антикоррупционного. Цель и задачи этого Закона были сведены к определению понятия «коррупция», принципов противодействия этому явлению, установлению сфер международного сотрудничества в данной области, полномочий органов государственной власти и местного самоуправления по формулированию основных направлений деятельности, связанной с повышением эффективности противодействия коррупции и ее профилактикой.

Имея статус базового документа в сфере противодействия коррупции, данный Закон послужил основой для принятия иных предусмотренных в нем нормативных актов подзаконного характера, а также дополнений в различные федеральные законы в целях установления правовых и организационных начал предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и ликвидации последствий т.н. коррупционных правонарушений.

Вместе с тем в рассматриваемом Законе изначально была заложена негативная тенденция, связанная с вторжением законодателя в сферы регулирования, которые не носят универсального антикоррупционного характера, а, напротив, имеют узкоотраслевую специфику.

В ст. 13 Федерального закона «О противодействии коррупции» определены виды юридической ответственности физических лиц (в т.ч. государственных служащих и лиц, замещающих государственные должности) за нарушения законодательства о противодействии коррупции, к которым отнесены уголовная, административная, гражданско-правовая и дисциплинарная. Одно лишь перечисление видов юридической ответственности было бы достаточным и необходимым условием, определяющим дальнейшую работу законодателя по совершенствованию правовых актов, служащих нормативным основанием соответствующих видов ответственности.

Однако законодатель выбрал иной путь. В научной литературе уже упоминалось о том, что Закон «О противодействии коррупции» сам по себе не может быть нормативным основанием какого-либо вида юридической ответственности и определение в нем составов различных правонарушений и их признаков, а также мер ответственности не согласуется с системой российского законодательства². Все вопросы регулирования уголовной, гражданско-правовой, административной и дисциплинарной ответственности должны решаться на уровне соответствующих кодифицированных нормативных правовых актов, а применительно к дисциплинарной ответственности государственных служащих

и лиц, замещающих государственные должности, – на уровне нормативных актов, регламентирующих порядок прохождения соответствующих видов государственной службы, а также определяющих правовой статус лиц, находящихся на государственных должностях.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» как раз и является примером, когда нормы, устанавливающие составы некоторых дисциплинарных проступков вышеназванных субъектов и отдельные дисциплинарные взыскания, находятся в отрыве от законодательства, регулирующего порядок государственно-служебной деятельности и деятельности на государственных должностях. Подобное дробление института дисциплинарной ответственности нежелательно, поскольку ведет к возникновению коллизий и конкуренции норм, содержащихся в различных нормативно-правовых актах.

Еще в первоначальной редакции Закона «О противодействии коррупции» предусматривались два возможных случая наложения дисциплинарных взысканий на государственных служащих:

1) невыполнение государственным служащим обязанности представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, что влекло его освобождение от замещаемой должности или применение иных видов дисциплинарной ответственности (ч. 8 ст. 8);

2) невыполнение государственным служащим должностной (служебной) обязанности уведомлять представителя нанимателя, органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений, что рассматривалось как деяние, влекущее его увольнение с государственной службы (ч. 3 ст. 9).

Регламентация вопросов дисциплинарной ответственности нашла свое продолжение в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции»³ и Федеральном законе от 3 декабря 2012 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам”»⁴.

Вступлением в силу этих нормативных актов был обозначен новый этап законодательного регулирования противодействия коррупции, поскольку в Федеральный закон «О противодействии коррупции», а также в ряд законов, регулирующих прохождение различных видов государственной службы и правовой статус лиц, замещающих государственные должности, были внесены изменения и дополнения, призванные, по мнению законодателя, усовершенствовать механизм привлечения к дисциплинарной ответственности лиц, имеющих публично-властные полномочия, и искоренить коррупционные проявления.

В частности, в Федеральном законе «О противодействии коррупции» появилось универсальное, на первый взгляд, положение, согласно которому лица, замещающие государственные должности РФ, государственные должности субъектов РФ и муниципальные должности, подлежат увольнению (освобождению от должности) в связи с утратой доверия при наличии указанных в ч. 1 ст. 13.1 этого Закона оснований.

Универсальности указанной нормы следует дать критическую оценку по следующим причинам:

1) имеет место смешение дисциплинарных и квазидисциплинарных взысканий. О существовании последних упоминалось в научной литературе по муниципальному праву применительно к лицам, замещающим муниципальные должности⁵. Ввиду определенного сходства мер публично-правовой ответственности лиц, замещающих муниципальные должности, и лиц, находящихся на государственных должностях, можно распространить на последних соответствующие теоретические положения. Законодатель исходил из традиционных представлений о видах юридической ответственности, о которых было сказано выше, не учтя того факта, что законодательство, определяющее правовой статус лиц, замещающих государственные должности, в большинстве случаев не содержит указания на применение мер дисциплинарной ответственности. В качестве исключения можно упомянуть законодательство о статусе судей⁶, в котором предусмотрена ответственность именно дисциплинарная. Названные в соответствующих нормативных актах меры, связанные с прекращением полномочий лиц, находящихся на государственных должностях, как правило, не обозначены как дисциплинарные взыскания, хотя могут рассматриваться в качестве квазидисциплинарных, если учесть их наказательную сущность и применение в рамках внутриорганизационных административных правоотношений;

2) в Законе говорится о применении увольнения или освобождения от должности без указания конкретных государственных должностей или хотя бы нормативного акта, в котором они должны быть определены. Норма сформулирована таким образом, что ее действие должно распространяться на всех без исключения лиц, замещающих государственные должности, перечисленные в Сводном перечне государственных должностей Российской Федерации⁷, и аналогичных нормативных актах субъектов РФ. Вместе с тем очевидно, что названные меры не могут применяться к Президенту РФ ввиду его особого конституционно-правового статуса главы государства и специальной установленной в Конституции РФ процедуры отрешения его от должности. Не предусмотренные в Законе, но неизбежные исключения из правила, во-первых, возводят положения об увольнении (освобождении от должности) в ранг декларативных, а, во-вторых, в силу той же декларативности создают предпосылки для ухода от ответственности лиц, нарушивших законодательство о противодействии коррупции;

3) однозначно не могут быть универсальными и сами взыскания в виде увольнения и освобождения от должности. В законодательстве, устанавливающем правовой статус лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, указание на применение увольнения отсутствует, а освобождение от должности как мера ответственности применяется не ко всем лицам, находящимся на государственных должностях. В частности, в ст. 12.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» предусмотрено всего два вида дисциплинарных взысканий: предупреждение и досрочное прекращение полномочий судьи. При этом судебными инстанциями неоднократно отмечалось, что досрочное прекращение полномочий судьи не является дисциплинарным взысканием в виде увольнения⁸. Такая позиция органов судебной власти уже была описана и проанализирована в научной литературе⁹. Из этого можно сделать вывод, что досрочное прекращение полномочий судьи не будет являться и дисциплинарным взысканием в виде освобождения от должности. Еще один пример: в ст. 19

Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в ред. от 12 марта 2014 г.)¹⁰ законодатель установил такую форму досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта РФ, как отрешение его от должности Президентом РФ. В связи с вышеизложенным логично будет утверждать, что названное квазидисциплинарное взыскание тоже не может отождествляться с увольнением или освобождением от должности;

4) предписание законодателя об увольнении (освобождении от должности) носит безальтернативный характер и должно однозначно выполняться при наличии любого основания для утраты доверия. В связи с этим анализируемая норма входит в явное противоречие с правилами применения освобождения от должности либо иного дисциплинарного или квазидисциплинарного прекращения полномочий, изложенными в законодательстве, определяющем статус отдельных лиц, замещающих государственные должности. Например, согласно ст. 7–9 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»¹¹ решение о досрочном освобождении от должности Председателя, заместителя Председателя и аудиторов Счетной палаты оформляется постановлением соответствующей палаты Федерального Собрания по представлению Президента РФ. Принятие такого решения ставится в зависимость от усмотрения депутатов Государственной Думы или членов Совета Федерации, поскольку условием освобождения от должности является воля законодателя, оформленная большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы или членов Совета Федерации. Другой пример: в соответствии с ч. 5 ст. 8.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» в случае непредставления в установленные сроки сведений о доходах судьи, его расходах, об имуществе, принадлежащем ему на праве собственности, и обязательствах имущественного характера, а также представления заведомо недостоверных сведений судья может быть привлечен к дисциплинарной ответственности (т.е. не предусматривается безоговорочного наложения дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий).

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод о необходимости внесения изменений в Закон «О противодействии коррупции» и предложить законодателю отказаться от подобного универсального регулирования дисциплинарных и квазидисциплинарных отношений и сместить акцент на их правовую регламентацию в тех нормативных актах, которыми определяется правовой статус лиц, замещающих конкретные государственные должности.

Внося изменения и дополнения в Закон «О противодействии коррупции» и иные нормативные акты, законодатель не обошел стороной и вопросы дисциплинарной ответственности государственных служащих. Были введены новые основания для увольнения с государственной службы.

По ст. 8.1 Закона «О противодействии коррупции» названное дисциплинарное взыскание применяется в случае непредставления государственными служащими или представления ими неполных или недостоверных сведений о своих расходах либо расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, а в соответствии с ч. 5.1 ст. 11 данного Закона увольнение производится в случае непринятия государственным служащим, являющимся стороной конфликта интересов, мер по его предотвращению или урегулированию. Кроме того, согласно ст. 7.1 названного Закона нарушение установленного для отдельных го-

сударственных служащих запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами также влечет их увольнение с государственной службы в связи с утратой доверия.

Корреспондирующие этим нормам положения, устанавливающие основания и процедуру применения дисциплинарных взысканий к государственным гражданским служащим, военнослужащим, лицам, находящимся на правоохранительной службе, содержатся в законодательстве, определяющем порядок прохождения соответствующих видов службы. Здесь важно отметить существенный недостаток нового подхода к регулированию дисциплинарной ответственности. Он обусловлен изложенной в Законе «О противодействии коррупции» однозначной позицией законодателя относительно безальтернативности увольнения как дисциплинарного взыскания, применяемого в случае нарушения установленных в нем правил.

Дело в том, что в законодательстве о государственной службе альтернатива увольнению как раз предусмотрена. Например, в ст. 59.1 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 2 апреля 2014 г.)¹² названы и иные дисциплинарные взыскания, назначаемые за нарушения законодательства о противодействии коррупции: замечание, выговор и предупреждение о неполном должностном соответствии. Однако их применение обусловлено усмотрением субъекта дисциплинарной власти и зависит от того, утрачено ли доверие к государственному гражданскому служащему или нет.

Изложенные позиции наводят на мысль о необходимости комплексного пересмотра нововведений, представленных в Законе «О противодействии коррупции», с установлением дисциплинарных взысканий исключительно в законодательстве, определяющем порядок прохождения государственной службы и статус лиц, замещающих государственные должности.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ст. 6228.

² См.: Бочкарев С.А. О противодействии коррупции в Российской Федерации: новые подходы без инноваций // Право и политика. 2008. № 11. С. 35.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6730.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50, ст. 6954.

⁵ См.: Дементьев А.Н. Нормативное правовое обеспечение механизмов противодействия коррупции на муниципальном уровне // Противодействие коррупции на муниципальном уровне: сборник. М., 2008. С. 189.

⁶ См. ст. 12.1 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 25 ноября 2013 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 48, ст. 66165; ст. 15 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 5 апреля 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1447; 2013. № 14, ст. 1637.

⁷ См.: Указ Президента РФ от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» (в ред. от 12 июля 2012 г.) // Российская газета. 1995. 17 янв.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 29, ст. 4071.

⁸ См., например: Решение Верховного Суда РФ от 14 марта 2006 г. № ГКПИ06-170. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

⁹ См.: Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Некоторые пробелы в правовом регулировании дисциплинарной ответственности судей // Современное право. 2010. № 12. С. 41; Они же. Пресекательные сроки дисциплинарной ответственности судей как антикоррупционная предпосылка // Российский судья. 2010. № 10. С. 27.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005.

¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1649.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215.

Д. Х. Беккалиев

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В РОССИИ

В статье раскрываются правовые основы финансового обеспечения железнодорожного транспорта в России. На основе анализа нормативного материала и мнений ведущих специалистов предлагается авторское решение проблем, связанных с оптимизацией организационных основ распределения финансовых ресурсов в системе железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: финансовое обеспечение, железнодорожный транспорт, полномочия, государственное управление, федеральный бюджет, бюджет субъекта Федерации, местный бюджет.

D.H. Bekkaliyev

LEGAL BASES OF FINANCIAL SECURITY OF SYSTEM OF RAILWAY TRANSPORT IN RUSSIA

In the publication reveal legal financial security of railway transport in Russia. On the basis of the analysis of a standard material and opinions of leading experts the author's solution of the available problems connected with optimization of organizational bases of distribution of financial resources in system of railway transport is proposed.

Keywords: financial security, railway transport, powers, public administration, federal budget, budget of the subject of Federation, local budget.

Грамотное построение финансовых взаимоотношений государства и экономического сектора железнодорожных перевозок — одна из центральных общественных задач, решение которой способствует развитию конституционного права на свободу передвижения и свободу предпринимательской деятельности, снижению социальной и политической напряженности, выравниванию уровня жизни в регионах. Для придания импульса к стабилизации и устойчивому росту объемов перевозок по всем направлениям субъекты транспортных отношений должны подвергаться разумному в материальном отношении воздействию государства. При этом отнесение законодателем исследуемого вида транспорта к естественным монополиям предусматривает особые механизмы финансового воздействия, которые, с одной стороны, объективно влияют на развитие свободного рынка, а с другой — устраняют диспропорции и спекулятивные начала в предоставлении качественных услуг по перевозке пассажиров и грузов, создавая тем самым объективные условия для развития системы государственного управления рассматриваемой сферой и соблюдения интересов широких слоев населения. Это свидетельствует о ведущей роли государства в финансовом обеспечении деятельности анализируемой транспортной деятельности.

Несмотря на относительную ясность термина «финансовое обеспечение», применяемого для раскрытия особенностей ресурсного обеспечения организации и деятельности железнодорожного транспорта, ученые по-разному трактуют его содержание. Так, В.Ф. Данилин высказывается о том, что финансовое обе-

© Беккалиев Дмитрий Хажимратович, 2014

Аспирант кафедры административного и уголовного права (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); bratfoot@mail.ru

спечение — это управление капиталом в системе железнодорожных перевозок, активная деятельность по его привлечению, размещению и использованию¹. Г.М. Фадеев рассматривает его как планомерную работу по регулированию бюджетных финансовых потоков, перераспределяемых между заинтересованными в них юридическими лицами в соответствии с заранее установленными целями². А.А. Зайцев не соглашается с подобной интерпретацией и отмечает, что в данном случае не учитывается такая правовая категория, как «расходные обязательства», которую не всегда можно свести к целям финансового обеспечения. Поэтому более верным является определение, согласно которому финансовое обеспечение деятельности железнодорожных инфраструктур представляет собой совокупность механизмов, с помощью которых компетентные в финансовом отношении управленческие звенья стимулируют нуждающиеся во вмешательстве отдельные направления в работе железнодорожных перевозчиков³.

Однако и этот подход в специальной литературе признается непоследовательным. Адресность, как считает В.Ф. Солодовников, это не вызывающий сомнения по его значению компонент финансового обеспечения, он всегда вторичен и реализуется только при условии стихийной деформации законодательно установленного порядка вращения средств в предпринимательской среде на железной дороге. Акцентировать излишнее внимание и вести речь об ее универсальности, способной вывести из затруднительного материального положения определенную группу перевозчиков неверно, поскольку при повсеместном применении точечных вливаний существует риск невмешательства государства в общепромышленные проблемы, решение которых стратегически важно для всех граждан⁴.

В свою очередь, Ф.И. Хусаинов говорит о том, что любая финансовая система на практике несовершенна и всегда будет нуждаться в адресном воздействии, необходимом для корректировки заданных направлений⁵. Подобный аспект, на наш взгляд, при рассмотрении специфики железнодорожных перевозок нельзя не учитывать.

В.А. Кудрявцев высказывается о финансовом обеспечении применительно к исследуемым вопросам более обобщенно и говорит о системе субсидий, субвенций, дотаций, инвестирования, кредитования и иных средств и способов, которые использует государство для поддержания работоспособности объектов железнодорожной инфраструктуры и высокого потребительского спроса на транспортные услуги⁶. И такую позицию, по нашему мнению, нельзя признать приемлемой, поскольку в ней не закреплена роль единого хозяйствующего субъекта — ОАО «РЖД», которое при осуществлении железнодорожных перевозок на возмездной основе принимает на себя часть государственных обязательств по отношению к населению. Кроме того, в указанной трактовке не содержится важнейший элемент — обеспечение покрытия расходов на государственное управление железнодорожным транспортом. Существенные аспекты налогового регулирования, способного минимизировать издержки транспортных предприятий и организаций и понизить стоимость транспортных услуг, также в нем не отражены.

Отметим, что понятие финансового обеспечения организации и деятельности железнодорожного транспорта в отечественном законодательстве, несмотря на объективные потребности в его правовой регламентации, до сих

пор не нашло своего отражения. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»⁷ в ст. 10 рассматривает эти вопросы только по отношению к объектам железнодорожной инфраструктуры. В ч. 1 этой нормы отражено, что проектирование, строительство, реконструкция, включая электрификацию, и содержание железнодорожных путей общего пользования и расположенных на них сооружений, в т.ч. мостов, тоннелей, железнодорожных переездов, формирование и поддержка мобилизационного потенциала отрасли, системы гражданской обороны, приобретение железнодорожного подвижного состава для перевозок пассажиров в поездах дальнего следования, вагонов специального назначения осуществляются за счет собственных средств владельцев инфраструктур, перевозчиков, иных физических и юридических лиц, а также за счет средств федерального бюджета в пределах лимитов капитальных вложений и средств, предусмотренных на эти цели в соответствии с законодательством РФ, и иных не запрещенных законом источников. Как видим, законодатель установил технические требования к содержанию данной категории объектов и распределил бремя расходов между их собственниками (владельцами). Вместе с тем в данной норме остались не определенными принципы распределения финансовых средств, а также приоритеты покрытия тех или иных затрат. Закон в этой части не определяет пропорции использования собственных средств владельцами железнодорожных инфраструктур и средств бюджетов всех уровней. Б.М. Лапидус указывает, что степень участия федерального и региональных бюджетов в обеспечении деятельности этого вида транспорта правового закрепления не нашла, тем самым не соблюдены важнейшие организационные условия финансирования всех этапов пассажирских и грузовых перевозок⁸. Комментируя эту норму, Е.А. Бевзюк указывает на один из источников финансирования – местный бюджет, за счет которого могут быть реализованы расходные обязательства по модернизации инфраструктуры или ее части. Однако эти мероприятия, как правило, всегда требуют значительных затрат, которые муниципалитеты, существующие на бюджетные дотации, на практике понести не в состоянии⁹.

Развитие железнодорожного транспорта, отнесенного к сфере естественных монополий, предусматривает ежегодное выделение определенного объема денежных средств федерального бюджета. Анализ Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 371-ФЗ «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов»¹⁰ позволяет сделать вывод о программно-целевом подходе к формированию расходной части бюджета применительно к железнодорожному транспорту. Так п. 7 ч. 1 ст. 11 указанного нормативного акта предусматривалось увеличение уставного капитала открытого акционерного общества «Российские железные дороги» (г. Москва) в 2012 г. в сумме 14 497 157,0 тыс. руб. и в 2013 г. в сумме 21 255 940,0 тыс. руб. в целях создания объектов транспортной инфраструктуры в рамках подготовки к XXII Олимпийским зимним играм и XI Паралимпийским зимним играм 2014 г. в г. Сочи. В Приложении 6 к этому Закону «Ведомственная структура расходов федерального бюджета на 2012 год» содержались конкретные мероприятия по отношению к исследуемому транспорту, на обеспечение которых предусматривалось выделение денежных средств Федеральному агентству железнодорожного транспорта. Их можно подразделить на следующие группы: 1) расходы на содержание аппарата управления

(руководство и управление в сфере установленных функций, содержание центрального аппарата, расходы на выплату персоналу государственных органов, фонд оплаты труда и страховые взносы, закупка товаров, работ, услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий и т.д.); 2) расходы на реализацию подпрограммы «Железнодорожный транспорт» Федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России (2010–2015 годы)»¹¹; 3) расходы на обеспечение железнодорожных перевозок по конкретным направлениям (например, субсидии организациям железнодорожного транспорта на компенсацию потерь в доходах от выравнивания тарифов при перевозке пассажиров в сообщении из (в) Калининградской области в (из) другие регионы Российской Федерации); 4) расходы на поддержание предпринимательской активности (субсидии юридическим лицам (кроме государственных учреждений) и физическим лицам — производителям товаров, работ, услуг); 5) компенсационные расходы (к примеру, субсидии организациям железнодорожного транспорта на компенсацию потерь в доходах, возникающих в результате установления льгот по тарифам на перевозку обучающихся и воспитанников общеобразовательных учреждений старше 10 лет железнодорожным транспортом общего пользования в общих и плацкартных вагонах в поездах дальнего следования всех категорий, а также возникающих в результате государственного регулирования тарифов на перевозку пассажиров в поездах дальнего следования в плацкартных и общих вагонах); 6) образовательные расходы; 7) расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; 8) социальные выплаты; 9) прочие расходы (субсидии бюджетным учреждениям на иные цели).

И.К. Ахполов вводит в научный оборот понятие «финансовый базис государственного управления железнодорожным транспортом», включающий в себя запланированные на соответствующий бюджетный год государственные расходы на мероприятия, связанные с обеспечением его деятельности (фиксированная часть), а также не предусмотренные заранее доходы (скажем, в ситуации повышения рентабельности государственных предприятий, установления приемлемых тарифов, стимулирующих повышение спроса на перевозки, и увеличение их объема, предусматривающего дополнительные налоговые поступления), и расходы (например, компенсация ущерба и восстановление объектов в результате непредвиденных чрезвычайных ситуаций, аварий и катастроф) — регулируемая часть¹².

В соответствии с Бюджетным кодексом РФ (далее — БК РФ) в отношении бюджетного финансирования независимо от уровня бюджета действует единое правило:

статья расходов должна быть предусмотрена соответствующим бюджетом; денежные средства выделяются поэтапно в объеме, установленном законом;

расходование полученных средств является исключительно целевым (ст. 7–9 БК РФ).

Е.А. Бевзюк указывает, что бюджетное финансирование осуществляется в отношении объектов, имеющих важное государственное значение, а зачастую и высокую стоимость, что не позволяет владельцам самостоятельно приобрести подобный объект. За счет средств федерального бюджета, например, в последние годы был значительно обновлен подвижной железнодорожный состав, в т.ч. и посредством приобретения высокоскоростных поездов «Сапсан». В большинстве

случаев за счет средств федерального бюджета производится перевод подвижного железнодорожного состава на электрическую тягу, т.е. тепловозы заменяются электровозами¹³.

Таким образом можно сделать вывод, что правовая организация финансового обеспечения системы железнодорожного транспорта имеет значительную диверсификационность и вследствие этого нуждается в усилении координации со стороны органов государственного управления транспортным комплексом.

¹ См.: Данилин В.Ф. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности на железнодорожном транспорте: учебник. М., 2008. С. 118.

² См.: Фадеев Г.М. Состояние отрасли накануне реформы // Экспедирование и логистика. 2002. № 3. С. 4.

³ См.: Зайцев А.А. Экономическая стратегия управления железными дорогами. СПб., 1995. С. 44.

⁴ См.: Солодовников В.Ф. Организационно-правовые аспекты управления железнодорожными перевозками. М., 2009. С. 100.

⁵ См.: Хусаинов Ф.И. Экономические реформы на железнодорожном транспорте. М., 2012. С. 103–104.

⁶ См.: Кудрявцев В.А. Управление движением на железнодорожном транспорте. М., 2003. С. 44.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 2, ст. 169.

⁸ См.: Липидус Б.М. Техническая политика как инструмент экономической стратегии на железнодорожном транспорте. Подходы к методологии. М., 2004. С. 18.

⁹ См.: Бевзюк Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» /под ред. С.Ю. Морозова. М., 2011.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49, ч. I, II, III, IV, V, ст. 7049.

¹¹ См.: Постановление Правительства РФ от 5 декабря 2001 г. № 848 «О федеральной целевой программе «Развитие транспортной системы России (2010 - 2015 годы)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51, ст. 4895.

¹² См.: Ахполов И.К. Формирование и регулирование грузовых железнодорожных тарифов. Критический анализ и предложения по совершенствованию. М., 2006. С. 171.

¹³ См.: Бевзюк Е.А. Указ. раб.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

В.А. Вятчин

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ТОВАРНОЙ НЕУСТОЙКИ

В статье исследуется правовой статус товарной неустойки, применяемой в качестве способа обеспечения исполнения обязательств и меры ответственности за их нарушение в гражданских правоотношениях.

Ключевые слова: правовой статус, товарная неустойка, способ обеспечения исполнения обязательств, меры гражданско-правовой ответственности.

V.A. Vyatchin

ON THE LEGAL NATURE OF THE COMMODITY PENALTY

The article is devoted to the legal status of the commodity penalties applied as a way to enforce the obligations and penalties for violating them in civil matters.

Key words: legal status, commodity penalty, the way to enforce the obligations, measures of civil liability.

В римском праве соглашение о неустойке заключалось в форме стипуляции, т.е. устной оговорки (*stipulation rosnae*), являвшейся условным обязательством на случай нарушения главного обязательства и помогавшей закрепить договор, который сам не пользовался защитой гражданских прав¹.

В качестве неустойки выступали деньги или иная имущественная ценность².

Что касается российского дореволюционного законодательства, то в нем определения понятия «неустойка» не существовало. Оно было сформулировано Правительствующим сенатом следующим образом: «Неустойка есть установленный законом или условленный договором штраф, коим обеспечиваются договора, так, что сторона нарушившая или неисполнившая договор, платит его противной стороне»³.

Таким образом, в судебной практике того времени существовал определенный подход, согласно которому «неустойкой может быть только денежная сумма, все другие имущества для этой цели непригодны»⁴.

В проекте Гражданского Уложения Российской империи значилось, что «неустойкой является денежная сумма, которую одна из договаривающихся сторон обязывается уплатить в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения принятого на себя обязательства», и в то же время в другой норме проекта указывалось, что «неустойка может устанавливаться не в денежной сумме»⁵.

О возможности применения неденежной неустойки говорилось и в учебных изданиях. Так, в частности Д.И. Мейер, считал, что «неустойкой называется условная пеня, налагаемая на контрагента в случае неисправности его по дого-

© Вятчин Владимир Анатольевич, 2014

Кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин (Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии); e-mail: ten3722@mail.ru

вору, которая состоит обыкновенно в платеже известной суммы денег, а иногда в доставке другого имущества или в совершении какого-либо другого действия»⁶. По мнению М.Я. Пергамента, неустойка могла быть выражена и иначе, не в денежной форме⁷. Однако содержание понятий «другое действие» и «иная форма» относительно неустойки в цивилистической литературе не раскрывалось.

Впервые законодательно в ст. 141 ГК РСФСР 1922 г. неустойка определена как «денежная сумма или иная имущественная ценность, которую один контрагент обязуется в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им договора доставить другому контрагенту». Содержание понятия «иная имущественная ценность» ни закон, ни научная литература также не раскрывали.

Как отмечал К.А. Граве, на практике ему не удалось обнаружить «ни одного случая, когда неустойка была бы установлена не в качестве денежной суммы, а в качестве иной имущественной ценности, которую один контрагент обязан был бы доставить другому в случае нарушения первым своих обязательств»⁸.

Учитывая рекомендации теоретиков и практиков, законодатель уже в гражданских кодексах 1964 и 1994 гг. определил неустойку исключительно как денежное обязательство, обеспечивающее надлежащее исполнение главного обязательства и являющееся мерой гражданско-правовой ответственности, а также способом защиты гражданских прав.

Ныне действующее законодательство оставляет открытым перечень как способов обеспечения исполнения обязательств, так и способов защиты гражданских прав (п. 1 ст. 329, ст. 12 ГК РФ). Следовательно, неденежная неустойка теоретически может применяться в договоре сторонами в качестве способа обеспечения исполнения обязательств, поскольку в силу принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) разрешено все, что прямо не запрещено законом. Нет, соответственно, и запрета в законе применять товарную неустойку в качестве способа защиты субъективных гражданских прав.

Несколько по-другому обстоит дело с теоретическим обоснованием применения вещной неустойки в качестве меры гражданско-правовой ответственности. Известно, что все меры ответственности непосредственно указаны в законе, и возможность применения непоименованных мер ответственности законодатель не допускает. Согласно п. 1 ст. 422 ГК РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом или иными правовыми актами, действующими в момент его заключения. Следовательно, представляется, что применение товарной неустойки в качестве меры ответственности исключено.

Поэтому, несмотря на существующее в научной литературе мнение о признании товарной неустойки в качестве самостоятельного способа обеспечения исполнения обязательств⁹, в правоприменении долгое время отказывалось во взыскании товарной неустойки при нарушении обеспечиваемого исполнением ею обязательства, т.к. суды различных инстанций считали, что предметом неустойки могут быть только деньги. Так в постановлении от 5 октября 2000 г. № А72-2927/2000 Федеральный арбитражный суд Поволжского округа прямо указал, что неустойка может представлять собой только денежную сумму, а поэтому условия договора об уплате пени должником путем передачи сельхозпродукции являются ничтожными как явно противоречащие закону (п. 1 ст. 422 ГК РФ)¹⁰.

В постановлении от 17 августа 1999 г. № 1330 Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа, посчитав ничтожным условие о неденежной неустой-

ке, также отверг довод истца о том, что в договоре был установлен не поименованный в законе, но допускаемый в силу п. 1 ст. 329 ГК РФ способ обеспечения обязательств¹¹.

Как отмечается в публикациях, «стереотип восприятия неустойки как денежной суммы прочно занял свое место в сознании хозяйствующих субъектов»¹².

Следует отметить, что сейчас подход к неденежной неустойке в судебной практике меняется. Так, Федеральный арбитражный суд Поволжского округа взыскал «неустойку в натуральном выражении» без каких-либо сомнений в ее законности,¹³ а Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа счел, что «вещная неустойка сама по себе не противоречит закону и основывается на п.1 ст.329 Гражданского кодекса»¹⁴.

Фактически правоприменители признали неденежную неустойку не только в качестве способа обеспечения исполнения обязательств, что в силу несовершенства нормы п. 1 ст. 329 ГК РФ возможно, но и в качестве меры гражданско-правовой ответственности при нарушении обязательств, что практически не согласуется с действующим законодательством (гл. 25 ГК РФ). Таким образом, круг замыкается. Если признать неденежную неустойку в качестве способа обеспечения исполнения обязательства, то тогда следует признать ее и в качестве меры ответственности при нарушении обязательства. Если не признавать неденежную неустойку в качестве меры ответственности, то нельзя ее признавать и в качестве способа обеспечения исполнения обязательства, т.к. при нарушении обеспечиваемого неденежной неустойкой обязательства она переходит в разряд мер ответственности, что не согласуется с положениями ГК РФ о правовой природе неустойки как меры ответственности. Придавать же товарной неустойке статус меры ответственности законодатель пока что не намерен. В такой ситуации, отмечает А.Г. Карапетов, «применение на практике неденежной неустойки порождает столько проблем и сложностей, что вполне оправданно предупредить стороны от ненадобности включения в договор неразумного и затруднительного с точки зрения исполнения условия»¹⁵.

Представляется не простым делом и формулировка в иске притязания на товарную неустойку в случае нарушения обеспечиваемого исполнением ею главного обязательства: признать право на товарную неустойку; истребовать товарную неустойку из чужого незаконного владения; обязать передать в натуре предмет товарной неустойки; обратиться с иском на предмет товарной неустойки; взыскать товарную неустойку.

Сейчас в принимаемых судебных решениях в основном содержится формулировка «взыскать товарную неустойку», хотя, думается, что взыскать можно все-таки деньги, но не имущество, которого фактически может и не быть в натуре.

Таким образом, в законодательстве отсутствует и специальный правовой механизм реализации требования по товарной неустойке. К тому же проблемы и сложности применения неденежной неустойки сопряжены как с применением правил о смягчении чрезмерной неустойки, выраженной в товарной форме, так и взысканием дополнительных убытков при зачетном характере неденежной неустойки. Даже сторонник применения товарной неустойки А.А. Новикова признает, что «если неустойка выражена в вещах определенных родовыми признаками, то ее снижение означает только уменьшение их количества. Но если предметом неустойки является индивидуально-определенная вещь и договор не предусматривает возможности ее замены на

денежную компенсацию, то явная несопоставимость стоимости данного имущества последствиям нарушения обязательства может привести к полному отказу во взыскании такой неустойки»¹⁶.

Следует отметить еще один важный аспект, говорящий не в пользу товарной неустойки. Так, например, от стороны, нарушившей основное обязательство и отказавшейся добровольно передать предмет товарной неустойки, в суде можно требовать передачи данного имущества в порядке исполнения обязательства в натуре. В случае невозможности исполнить обязательство по передаче вещи в натуре, например вследствие ее утраты, отчуждения, уничтожения и т.д., кредитор может лишь рассчитывать на возмещение убытков, разумеется, в денежной сумме, причем с обязательным обоснованием их размера. Таким образом, в этом случае товарная неустойка трансформируется в сумму убытков, на которые кредитор фактически при нарушении обязательства должником вправе рассчитывать почти всегда, и следовательно, самостоятельная ценность товарной неустойки будет крайне незначительной.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что неустойка в современном российском гражданском праве — это исключительно денежное обязательство, выполняющее в правоотношениях определенные функции. Неденежный характер неустойки недопустим, т.к. этим сводится на нет уникальность такого правового средства, как неустойка, которая как обеспечивает надлежащее исполнение обязательств, так и одновременно является мерой ответственности за их нарушение.

Для того чтобы не допускать на практике применения различных конструкций в качестве способов обеспечения исполнения обязательств, не являющихся по сути таковыми, которые при их применении только неоправданно усложняют договорные правоотношения, и в частности товарной неустойки, представляется целесообразным исключить из п. 1 ст. 329 ГК РФ слова «или договором», и таким образом ввести закрытый перечень способов обеспечения исполнения обязательств. Соответственно закрытым должен быть и перечень способов защиты субъективных гражданских прав (ст. 12 ГК РФ).

¹ См.: Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского М., 1994. С. 336–338.

² См.: *Савиных Ф.К.* Обязательственное право. М., 1876. С. 538–540.

³ *Исаченко В.Л., Исаченко В.В.* Обязательства по договорам. Опыт практического комментария русских гражданских законов. СПб., 1914. С. 89.

⁴ См.: Там же. С. 103.

⁵ Гражданское Уложение. Кн. 5: Обязательственное право. СПб., 1913. С. 11.

⁶ *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М., 1997. Ч. 2. С. 184–185.

⁷ См.: *Пергамент М.Я.* Договорная неустойка и интерес в римском и современном гражданском праве. Одесса, 1899. С. 254.

⁸ *Граве К.А.* Договорная неустойка в советском праве. М., 1950. С. 53–54.

⁹ См.: *Бевзелко Р.С.* Неустойка, выраженная в неденежной форме // Законодательство. 2006. № 6. С. 18; *Новикова А.А.* Неденежная неустойка: теоретические и практические проблемы применения // Юрист. 2010. № 5. С. 24.

¹⁰ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² *Комисаров Е.Г., Торкин Д.А.* Непоименованные способы обеспечения обязательств в гражданском праве. М., 2008. С. 125.

¹³ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 18 сентября 2001 г. №3559/01-2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12 апреля 2002 г. № Ф08-1203/02. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: *Каранетов А.Г.* Неустойка как средство законных прав кредитора в российском и зарубежном праве. М., 2005. С. 87.

¹⁶ *Новикова А.А.* Указ. раб. С. 18.

Н.Э. Гуцин, И.Ю. Кузнецова

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Статья посвящена актуальным правовым проблемам устойчивого развития сельских территорий. Обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в земельное, градостроительное, экологическое и иные отрасли законодательства РФ, касающихся регулирования устойчивого развития сельских территорий, разработки и принятия федерального закона об устойчивом развитии сельских территорий.

Ключевые слова: правовые проблемы, сельские территории, устойчивое развитие сельских территорий.

N. E. Guschin, I.U. Kuznetsova

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS: LEGAL SUPPORT

The article is devoted to legal problems of sustainable development of rural areas. The necessity of making changes and additions to the land, town planning, environmental and other branches of legislation of the Russian Federation concerning the management of sustainable development of rural areas, the development and adoption of the Federal law on sustainable development of rural areas.

Key words: legal problems, rural areas, sustainable development of rural territories.

Цели деятельности современного агропродовольственного комплекса состоят в обеспечении продовольственной безопасности и независимости государства, улучшении качества жизни крестьянства и всего населения страны. Одно из важнейших условий роста сельскохозяйственной продукции и повышения уровня жизни сельских жителей – устойчивое развитие сельских территорий. Однако существуют значительные риски, угрожающие стабильности развития сельских территорий. К ним относятся: массовое исчезновение сельских населенных пунктов, отток молодежи в город, сохраняющаяся высокая естественная убыль сельского населения, рост трудовой миграции из-за рубежа, значительное увеличение импорта сельскохозяйственной продукции в связи с вступлением России во Всемирную торговую организацию. Непринятие мер по преодолению этих негативных тенденций может привести в недалеком будущем к ликвидации исторически сложившегося образа жизни российских крестьян. Для выхода из этой ситуации необходимо совершенствовать методы воздействия со стороны государства и общества на аграрную сферу. Один из важнейших способов такого воздействия – активное правовое вмешательство государства в процессы развития сельских территорий. Поэтому справедливо, что правовые, социальные, экономические и другие аспекты устойчивого развития сельских территорий изучаются учеными¹.

Проблема устойчивого развития сельских территорий нашла отражение в нормах Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»² (далее – Закон о развитии сельского хозяйства), положениях

© Гуцин Николай Эдуардович, 2014

Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nikgushcin@yandex.ru

© Кузнецова Инна Юрьевна, 2014

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и семейного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kuznetsova.sgua@yandex.ru

Доктрины продовольственной безопасности РФ³ и Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 – 2020 годы⁴. В целях ускоренного развития села в 2010 г. распоряжением Правительства РФ была утверждена «Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года» (далее – Концепция 2010 г.)⁵.

Цель разработки указанной Концепции состоит в определении ключевых проблем развития сельских территорий и выработке необходимых мер социально-экономического, правового и административно-управленческого характера. Эти меры, по мнению Правительства, позволят вывести сельские территории на качественно новый уровень развития, обеспечивающий комплексное сбалансированное решение экономических, социальных и экологических задач при сохранении природно-ресурсного и историко-культурного потенциала сельской местности⁶.

Необходимостью усиления государственного воздействия на процессы преобразования сельского социума объясняется утверждение распоряжением Правительства РФ от 8 ноября 2012 г. № 2071-р Концепции федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (далее – Концепция 2012 г.)⁷. На ее основе Постановлением Правительства РФ в июле 2013 г. была утверждена Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 – 2017 годы и на период до 2020 года» (далее – Федеральная программа)⁸.

В Федеральной программе отмечается, что наращивание социально-экономического потенциала сельских территорий, придание этому процессу устойчивости и необратимости — стратегическая задача государственной аграрной политики. Необходимо отметить, что это положение является знаменательным, т. к. обозначает в качестве приоритета, наравне с ростом сельскохозяйственного производства, сохранение и развитие традиционной формы жизнедеятельности сельских жителей.

В Концепции 2012 г. и Федеральной программе отмечается ряд негативных процессов в состоянии сельских территорий, которые послужили одной из причин ее разработки. Во-первых, это сокращение численности сельского населения. За период между Всероссийской переписью населения 2002 г. и переписью 2010 г. его численность сократилась на 1,2 млн чел. Во-вторых, сохраняется естественная убыль населения. В-третьих, происходит ликвидация населенных пунктов в сельской местности. Сельские территории утратили с 2002 г. 2,2 тыс. сельских населенных пунктов, с 1989 г. — 9,2 тыс. сел и деревень. Количество сельских населенных пунктов без проживающего населения увеличилось с 9,4 тыс. в 1989 г. до 19,4 тыс. в 2010 г. Населенные пункты с населением до 10 чел. в 2010 г. составили 23,7 %. Сокращение и измельчение сельской поселенческой структуры приводят к обезлюдению и запустению сельских территорий, выбытию из оборота продуктивных земель сельскохозяйственного назначения, что угрожает не только продовольственной, но и геополитической безопасности России⁹.

Показателем того, что проблемы сельских территорий остаются острыми, служит прошедшее в апреле 2014 г. заседание Государственного совета РФ и Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. По итогам заседания председателем Правительства были даны указания министерствам и ведомствам разработать и утвердить

долгосрочную стратегию устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации. Цель подготовки стратегии – формирование единой государственной политики в сфере развития сельских территорий и повышение уровня жизни сельского населения. Стратегия будет направлена, в частности, на: улучшение демографической ситуации и обеспечение занятости сельского населения; развитие социальной и инженерной инфраструктуры; этнокультурное развитие; поддержку сельскохозяйственных кооперативов, расширение сети организаций розничной торговли и бытового обслуживания в сельских поселениях; организацию подготовки, переподготовки, повышение квалификации кадров¹⁰.

Проблемы устойчивого развития сельских территорий решаются и на региональном уровне. В Саратовской области утверждена государственная программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Саратовской области на 2014 – 2020 годы». Составной частью данной программы является подпрограмма «Устойчивое развитие сельских территорий Саратовской области на 2014 – 2020 годы»¹¹.

Сельские территории выполняют следующие важнейшие функции: производственную, демографическую, трудовую, жилищную, пространственно-коммуникационную, социальный контроль над сельской территорией. Государственная политика в области устойчивого развития сельских территорий включает систему правовых, финансово-экономических и организационных действий органов власти и управления, направленных на повышение эффективности сельской экономики, уровня и качества жизни сельского населения, а также рациональное использование и воспроизводство природно-ресурсного потенциала сельских территорий¹².

Концепция 2010 г. поставила большое количество правовых задач. Например, в ней указывается на необходимость внесения изменений в гражданское, земельное, градостроительное, жилищное и иные отрасли законодательства РФ в части регулирования устойчивого сельского развития. В качестве важного направления законотворческой деятельности определяется необходимость совершенствования природоохранной законодательной базы, усиление ответственности за причинение ущерба окружающей среде. Кроме того, отмечается, что развитие сельской инфраструктуры потребует внесения изменений в законодательство, регулирующее деятельность субъектов естественных монополий в сфере связи, транспорта, энергосбережения и иных сферах, т.е. расширение правового регулирования отношений в области устойчивого развития сельских территорий затронет многие отрасли российского законодательства.

Важной для совершенствования законодательного регулирования является идея Концепции 2010 г. о том, что на сегодняшний момент на федеральном уровне отсутствует нормативный правовой акт, который бы в полном объеме регламентировал все аспекты устойчивого развития сельских территорий. Как указывается в Концепции 2010 г., в Законе о развитии сельского хозяйства заявлено, но не раскрыто понятие устойчивого развития сельских территорий как одного из направлений государственной аграрной политики. Предлагается положения, регулирующие отношения в сфере устойчивого развития сельских территорий, объединить в самостоятельную статью указанного Закона, в которой следует уточнить понятия «сельские территории» и «устойчивое развитие сельских территорий», определить цели и задачи государственной политики в сфере устойчивого развития сельских территорий. Представляется, что внесение

изменений в Закон о развитии сельского хозяйства необходимо, но оно не снимет проблемы качественного правового регулирования процессов устойчивого развития сельских территорий и создания специальных правовых механизмов. Законодательный акт, направленный на регулирование всего комплекса проблем сельского хозяйства и сельских территорий, не может детально регулировать все вопросы развития сельских территорий. Следовательно, проблемы сельских территорий станут решаться посредством принятия законов, регулирующих различные процессы сельского социума, что неизбежно приведет к утрате системности в правовой политике. Неизбежной станет в такой ситуации и разработка большого пакета подзаконных актов – указов президента, постановлений Правительства, ведомственных и других актов, что будет снижать «планку» правового воздействия на отношения в сфере устойчивого развития сельских территорий и в конечном итоге нанесет ущерб качеству регулирования отношений в сфере развития сельских территорий. На наш взгляд, необходимы разработка и принятие федерального закона об устойчивом развитии сельских территорий, на основе которого постепенно сформируется качественный комплекс нормативных правовых актов, регулирующий отношения в области устойчивого развития сельских территорий.

По мнению авторов, существенное значение в развитии сельских территорий имеет создание современной конкурентоспособной агропроизводственной базы, что потребует совершенствования законодательства, регулирующего деятельность различных форм хозяйствования. Недавно произошли изменения в регулировании статуса крестьянского (фермерского) хозяйства. Так, согласно изменениям, внесенным в часть первую Гражданского кодекса РФ¹³, возможно создание крестьянских (фермерских) хозяйств с образованием юридического лица. Такое крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности в области сельского хозяйства, основанной на их личном участии и объединении членами хозяйства имущественных вкладов. В отличие от крестьянского (фермерского) хозяйства, действующего без образования юридического лица, имущество которого принадлежит его членам на праве общей совместной собственности, в крестьянском (фермерском) хозяйстве с образованием юридического лица имущество принадлежит ему на праве собственности, а члены хозяйства несут субсидиарную ответственность по обязательствам крестьянского (фермерского) хозяйства. На наш взгляд, введение указанных положений в законодательство следует оценить положительно. Во-первых, это позволит продолжить деятельность в области сельского хозяйства крестьянским (фермерским) хозяйствам, созданным в качестве юридических лиц в соответствии с Законом РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»¹⁴. Важно, что их перерегистрация не требуется. Во-вторых, совместная деятельность с образованием юридического лица даст возможность участвовать в ней не только лицам, связанным родством и (или) свойством, имеющим в общей собственности имущество, но и иным лицам на основе соглашения и объединения имущественных вкладов.

Концепция 2012 г., как и Концепция 2010 г., содержит общие положения о необходимости совершенствования правового обеспечения реализации мероприятий по устойчивому развитию сельских территорий. По мнению авторов, скорейшего совершенствования требует и градостроительное законодательство,

корректировку которого следует проводить, основываясь на положениях Концепции 2012 г. о необходимости использования документов территориального планирования субъектов РФ, муниципальных районов и поселений при разработке региональных программ (проектов) по комплексному развитию социальной и инженерной инфраструктуры сельских поселений.

В аспекте массового жилищного строительства в сельской местности актуальным является предоставление земельных участков для индивидуального строительства и соответствующее закрепление данных процедур в законодательстве. Правовой основой здесь, в частности, служат нормы Земельного кодекса РФ и регионального законодательства о предоставлении многодетным семьям земельных участков для жилищного строительства. В соответствии с п. 2 ст. 28 Земельного кодекса РФ граждане, имеющие трех и более детей, наделены правом приобрести бесплатно, в т.ч. для индивидуального жилищного строительства, без торгов и предварительного согласования мест размещения объектов находящиеся в государственной или муниципальной собственности земельные участки в случаях и в порядке, установленных законами субъектов РФ. В ст. 12.3 Закона Саратовской области от 21 мая 2004 г. № 23-ЗСО «О земле»¹⁵ содержатся положения, детально регулирующие условия и порядок предоставления таких земельных участков. По мнению авторов, порядок предоставления многодетным семьям земельных участков для жилищного строительства может быть упрощен в части сбора документов и процедуры постановки на учет.

В Ульяновской области разрабатываются законопроекты, предусматривающие возможность предоставления бесплатных земельных участков для жилищного строительства не только многодетным семьям, но и студенческим семьям, имеющим детей (ребенка). Однако такое право могут получить студенты, которые состоят на учете в качестве нуждающихся в жилом помещении, не имеющие в собственности земельных участков, оба родителя (одиноким родителем) очно обучаются в среднем или высшем учебном заведении на территории Ульяновской области¹⁶. Оценивая положительно намерение привлечь молодых специалистов в районы области, заметим, что факт нахождения на учете в качестве нуждающихся в жилом помещении означает и то, что такие лица признаны малоимущими в порядке, установленном жилищным законодательством. Поэтому строительство жилья на выделенном земельном участке вызывает сомнения и не решает проблему обеспечения жильем данных лиц.

Действующее законодательство предусматривает порядок предоставления социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в т. ч. молодым семьям и молодым специалистам, проживающим и работающим на селе либо изъявившим желание переехать на постоянное место жительства в сельскую местность и работать там¹⁷. Условия получения указанных выплат заключаются в следующем: постоянное проживание в сельской местности (или изъявление желания проживать – для молодых семей и молодых специалистов), признание нуждающимися в улучшении жилищных условий, а также наличие собственных и (или) заемных средств в размере не менее 30 % расчетной стоимости строительства (приобретения) жилья. Однако финансовое положение указанных лиц не всегда позволяет воспользоваться правом на получение социальных выплат, хотя в целом реализация предусмотренных законодательством мер является важной и необходимой. Очевидно, что в настоящее время насущной является

задача по созданию и развитию муниципального жилищного фонда сельских населенных пунктов.

Подводя итоги, можно отметить, что правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий требует в связи с важностью поставленных задач, пристального внимания со стороны законодателей, ученых и практиков. Постоянно совершенствуя законодательство в области регулирования процессов устойчивого развития сельских территорий, можно будет достичь обозначенных государством и обществом задач по улучшению условий жизнедеятельности сельских жителей.

¹ См.: *Беляева З.С., Устюкова В.В.* Социальное развитие села как условие реализации социально-экономических прав в аграрной сфере экономики // *Аграрное и земельное право.* 2009. № 11. С. 53–61; *Корнев А.А.* Пути повышения эффективности юридического регулирования отношений в сфере социально-экономического развития сельских территорий // *Аграрное и земельное право.* 2009. № 10. С. 67–70; *Методы обоснования программ устойчивого развития сельских территорий / под ред. В.И. Фролова.* СПб., 2011; *Коваленко Е.Г.* Проблемы и механизмы развития сельских территорий // *Фундаментальные исследования.* 2012. № 3 (ч. 3). С. 687–690; *Минина Е.Л.* Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий // *Журнал российского права.* 2009. № 12. С. 31–37; *Воронин Б.А.* Экономико-правовые проблемы социального развития села. URL: <http://www.fermer.ru/node/9984> (дата обращения: 19.04.2013).

² См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2007. № 1, ч. 1, ст. 27; 2013. № 30, ч. 1, ст. 4069.

³ См.: Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2010. № 5, ст. 502.

⁴ См.: Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: утверждена Постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2012. № 32, ст. 4549; 2014. № 18, ч. 2, ст. 2161.

⁵ См.: Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2010. № 50, ст. 6748.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Концепция федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 8 ноября 2012 г. № 2071-р. // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2012. № 46, ст. 6386.

⁸ См.: Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 – 2017 годы и на период до 2020 года»: утверждена Постановлением Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2013. № 30, ч. 2, ст. 4110; 2014. № 19, ст. 2433.

⁹ См.: Концепция федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»; Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года».

¹⁰ Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://www.government.ru/orders/12381> (дата обращения: 15.05.2014).

¹¹ Утверждена Постановлением Правительства Саратовской области от 2 октября 2013 г. № 520-П // *Собр. законодательства Саратовской области.* 2013. № 40, с. 8976-9056; 2014. № 11, с. 2865-2879.

¹² См.: Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года.

¹³ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2012. № 53, ч. 1, ст. 7627; 2013. № 9, ст. 873.

¹⁴ См.: *Ведомости СНД ВС РСФСР.* 1990. № 26. Ст. 324; *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2002. № 12, ст. 1093 (утратил силу).

¹⁵ См.: Саратов – СП. 2004. 22 мая; *Собр. законодательства Саратовской области.* 2014. № 18. С. 4411.

¹⁶ См.: *Чернышева В.* Местные законы. Зовут на землю // *Российская газета.* 2013. 17 мая.

¹⁷ См.: Типовое положение о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам; Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на улучшение жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности, в том числе молодых семей и молодых специалистов: Приложение 3,4 к Федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и период до 2020 года» // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2013. № 30, ч. 2, ст. 4110; 2014. № 19, ст. 2443.

О.Ю. Ситкова

САНКЦИИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ: МЕРЫ ЗАЩИТЫ И МЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматривается санкция как часть правовой нормы, которая устанавливается законом на случай ее нарушения. Ответственность понимается как правоотношение, являющееся результатом совершенного правонарушения, а также как угроза претерпевания неблагоприятных последствий, возникающая в момент возникновения самого семейного правоотношения.

Ключевые слова: санкция, ответственность, меры защиты, семейное право.

O.Yu. Sitkova

SANCTION IN FAMILY LAW: PROTECTION MEASURES AND RESPONSIBILITY MEASURES

The author considers the sanctions as part of the legal norm, which determined by law in case of violation of this rule. Understood as a legal liability arising from the offense, as well as a threat of standing adverse consequences which arise at the time of occurrence of the family relationship.

Keywords: sanctions, responsibility, protective measures, family law.

В правовой науке юридические нормы подразделяются на регулятивные, правоохранительные и специализированные. Правоохранительные нормы содержат в себе меры государственного воздействия за совершенное правонарушение. Охранительные нормы состоят из гипотезы и санкции. Термин «санкция» употребляется в нескольких значениях. В частности, под этим термином понимается: 1) структурная часть правовой нормы, содержащая последствия нарушения предписаний этой нормы; 2) утверждение компетентным органом какого-либо акта; 3) одобрение или разрешение каких-либо действий. Очевидно, что некоторые из этих значений к семейному праву не имеют отношения, т.к. во втором и третьем случае речь идет, скорее, о санкционировании, нежели о санкции.

В литературе указывается, что санкция является элементом не всякой юридической нормы. Для обеспечения охраны правовой нормы необязательно и нецелесообразно снабжать каждую норму санкцией. Защита правовой нормы возможна различными охранительными способами, и санкция является одним из правоохранительных средств¹. Некоторые правовые нормы, не имея своих санкций, охраняются посредством санкций, содержащихся в других юридических нормах. Поэтому санкция не рассматривается в качестве обязательного элемента правовой нормы².

Н.Ф. Звенигородская рассматривает санкцию как меру семейно-правовой ответственности правонарушителя³ и понимает под ней предусмотренную семейным законодательством и (или) семейно-правовым договором меру личного и имущественного воздействия на правонарушителя, призванную обеспечить надлежащее исполнение возложенных на субъекта семейных правоотношений обязанностей, предусмотренных законом и (или) договором⁴.

Полагаем, что санкцию следует рассматривать в качестве элемента правовой нормы. В свою очередь меру ответственности можно понимать как элемент правоотношения определенного типа.

© Ситкова Ольга Юрьевна, 2014

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olga.sitkova@mail.ru

Из приведенного определения Н.Ф. Звенигородской можно сделать вывод о том, что цель санкции состоит лишь в обеспечении надлежащего исполнения обязанностей. Представляется, что это возможно в формате выполнения превентивной функции ответственности, т.е. наличие санкции, наказание, предусмотренное законодателем за определенное неправомерное поведение, должно устрашить граждан или иным образом их стимулировать на правомерное поведение. И они, зная о существовании санкции, не должны совершать противоправных действий. Таким образом, санкция побуждает субъектов семейных правоотношений не совершать противоправных действий и обеспечивает надлежащее исполнение обязанностей. Безусловно, наличие санкции за конкретное правонарушение имеет своей целью предупредить совершение правонарушения в будущем, но главной задачей для данного правоотношения, в котором права одного субъекта уже нарушены, является прекращение этого правонарушения и восстановление прав потерпевшего лица. С этой точки зрения санкцию нельзя рассматривать лишь как меру, призванную обеспечивать надлежащее исполнение возложенных на субъекта семейных правоотношений обязанностей.

Санкция в некотором смысле предшествует ответственности, т.к. ответственность проявляется при наличии определенных событий. Санкция же предусмотрена законодателем и закреплена в правовой норме. Представляется, что ответственность реализуется через санкцию. Без санкции нет ответственности и, наоборот, если правонарушители не несут ответственности, то санкция становится декларативной, абстрактной угрозой⁵. Несмотря на связь между санкцией и ответственностью, отождествлять эти понятия не представляется возможным. Санкция определяет лишь меру ответственности, меру взыскания, меру лишения, которые применяются к правонарушителю. Санкция – это часть правовой нормы, которая устанавливается законом на случай нарушения этой нормы и определяет степень воздействия на правонарушителя. В свою очередь ответственность – это не только реально возникшее правоотношение, служащее результатом совершенного правонарушения, но и угроза претерпевания неблагоприятных последствий, которая появляется в момент возникновения самого семейного правоотношения. С этой точки зрения нельзя согласиться с мнением Л.И. Глушковой, которая считает, что санкция – это угроза наступления неблагоприятных последствий, а ответственность – наступившие неблагоприятные последствия для конкретного лица⁶. Представляется, что санкция и ответственность соотносятся другим образом. Санкция определяет пределы, размеры, меру ответственности при совершении правонарушения. Таким образом, в качестве угрозы выступает не санкция, а угроза наступления ответственности, которая реализуется за счет санкции, т.е. если санкция сработала, значит, и ответственность реализовалась. Однако санкция при этом устанавливает лишь пределы ответственности, а не саму ответственность.

Л.Е. Чичерова определяет ответственность через санкцию и предлагает рассматривать семейно-правовую ответственность как предусмотренную санкцией нормы права или условиями договора меру возможного воздействия на правонарушителя при несоблюдении требований закона, условий договора или судебного акта, влекущую для него лишения или ограничения имущественного или личного неимущественного права⁷, т.е. ответственность представляет собой меру возможного воздействия, которое предусмотрено в санкции. Можно согласиться с тем, что действительно санкции содержат в себе меры ответственности. Представляется, что отождествлять ответственность и меру воздействия, предусмо-

тренную в санкции правовой нормы, не совсем верно. Понятие «ответственность» несколько шире понятия «санкция». И в санкции действительно содержатся меры допустимого поведения, но санкции не могут быть уравнены с ответственностью. Наличие ответственности не зависит от применения или неприменения санкций. Санкция служит механизмом реализации ответственности, равно как и механизмом реализации защиты права. Поэтому следует говорить о том, что ответственность реализуется посредством использования санкции, но не выражается в форме санкции. Соотносить в качестве формы и содержания можно меру ответственности и санкцию, но не ответственность и санкцию.

Санкции применяются и при отсутствии противоправного поведения субъектов семейных отношений, например, при освобождении супруга от обязанности содержать другого супруга закон в качестве одного из условий называет непродолжительность пребывания супругов в браке, или при отказе в праве общаться с ребенком родителю, проживающему отдельно, при условии, что такое общение наносит вред психическому здоровью ребенка. Полагаем, что такой вред может быть нанесен не только в связи с противоправным поведением родителя. Например, родитель не имеет возможности часто видеться с ребенком, а редкие наезды могут оказывать негативное влияние на психику ребенка. При этом родитель не совершает никаких противоправных поступков, наоборот он желает выполнять свои обязанности по воспитанию, реализовать свое право, установленное в законе.

Действительно, одна из популярных классификаций санкций – это деление на правосстановительные и карательные. Оно совпадает с делением санкций на меры защиты и меры ответственности. Эта классификация санкций отражает особенности их действия, их последствия для лица, в отношении которого они применяются⁸.

С.Н. Братусь указывает, что санкцией является прямое или подразумеваемое указание на меры государственного принуждения к исполнению юридической обязанности, которая возникает взамен первой обязанности, исполнение которой стало невозможно⁹. Н.С. Малейн делает вывод, что гражданско-правовыми санкциями нельзя считать исполнение обязанности, существовавшей до правонарушения, даже в случае исполнения ее под принуждением¹⁰. В литературе указывается, что все санкции отечественного права объединены одним общим признаком – они наказывают правонарушителя¹¹. Для семейного права этот признак не характерен. Более того, санкции семейного права объединяет то, что все они направлены на защиту нарушенного права и лишь некоторые из них — на наказание правонарушителя. Н.С. Шерстнева отмечает, что санкции в семейном праве выступают, прежде всего, как способ обеспечения защиты прав и интересов детей¹². При виновном поведении субъектов семейных отношений санкция может приобрести карательный характер, но при этом не утратит своего правосстановительного характера. Следует учитывать, что кара в данном контексте применяется не с целью наказать, а с целью восстановить вред, причиненный действием или бездействием виновного лица. Таким образом, сводить ответственность к одному лишь наказанию субъектов не представляется правильным. Ответственность сводится к восстановлению нарушенного права, которое производится посредством ограничения права виновного лица либо возложением на него дополнительных обременений.

Одновременно с этим следует отметить, что наличие одинаковых санкций и в качестве мер защиты и мер ответственности в некоторых случаях, например в случае отмены усыновления или прекращение договора о передаче ребенка на воспитание в приемную семью, приводит к тому, что независимо от вино-

ности или невиновности лица, результат применения санкций одинаковый. С одной стороны, если исходить из того, что основная цель семейно-правовой ответственности – приведение правоотношений в нормальное состояние, то такой меры ответственности, как отмена усыновления при виновном поведении усыновителей, может показаться вполне достаточно. Ведь при отмене усыновления прекращаются имущественные и неимущественные отношения между усыновителями и усыновленным, и ребенок передается обратно органам опеки или родителям. То есть правонарушение пресечено, права восстановлены, ну или хотя бы прекращено их нарушение. В чем отличие от применения указанной меры при невиновном поведении? Ученые рассматривают применение данной санкции в этом случае в качестве меры защиты, но результат один и тот же! Тогда возникает вопрос: а какая разница, как называть эту меру – защита или ответственность, если практический результат остается неизменным. Полагаем, что санкции ответственности должны быть направлены и на возмещение ущерба, причиненного правонарушением, и на пресечение аналогичного правонарушения в дальнейшем. И вот тут мы сталкиваемся с проблемой измерения ущерба, потому что в случае семейных правонарушений происходит, как правило, нарушение неимущественных прав участников семейных отношений. Какой вред может быть причинен ребенку действиями усыновителей? Прежде всего, неимущественный (моральный и физический) и имущественный, например, в случае растраты имущества усыновленного. Можно ли считать ущерб имущественный и физический следствием семейного правонарушения? Ведь, если усыновителями причиняется физический вред, то в силу вступает уголовный кодекс и они подлежат уголовному преследованию. Растрата имущества усыновляемого возможна, вероятно, только при совершении мошеннических действий усыновителями, что также влечет за собой уголовную ответственность.

Таким образом, семейное правонарушение, на наш взгляд, состоит в неосуществлении обязанностей по воспитанию ребенка, а за это правонарушение должна быть предусмотрена семейно-правовая санкция. Она и предусмотрена – отмена усыновления. Однако определить размер ущерба, причиненного данным правонарушением, не представляется возможным, а следовательно, и взыскать что-то дополнительно, с целью возместить этот ущерб затруднительно. В.И. Данилин высказывает мнение, что меры защиты субъективных прав не должны сводиться только к мерам ответственности и отождествляться с ними¹³. Автор разделяет указанные меры по основаниям возникновения, функциональному и целевому назначению. При этом отмечается, что главной чертой семейно-правовых санкций является их строгая целевая направленность на охрану (защиту) прав и законных интересов субъектов семейных отношений. Полагаем, что семейно-правовые санкции выполняют правоохранительную функцию и независимо от своего содержания (меры защиты или меры ответственности) всегда направлены на защиту. Однако сводить меры семейно-правовой ответственности лишь к мерам защиты также не представляется возможным. Сведение мер ответственности за виновное поведение субъекта лишь к защите приводит к неэффективности санкций ответственности в семейном праве. Полагаем, что санкции ответственности должны содержать в себе дополнительные неблагоприятные последствия. В качестве дополнительной меры ответственности за виновное поведение усыновителей в настоящее время выступает лишение права таких лиц в будущем быть усыновителями. Аналогично дело обстоит и с приемными родителями.

Иными дополнительными мерами семейное законодательство в настоящее время не располагает. Однако и это дополнительное обременение в качестве меры ответственности не позволяет допустить в последующем совершения подобных правонарушений со стороны одних и тех же граждан.

¹ См.: *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность. Общетеоретический аспект. Краснодар, 1985. С. 36.

² См.: *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 157–160.

³ См.: *Звенигородская Н.Ф.* Понятие семейно-правовой санкции, соотношение санкций с другими правовыми явлениями // Семейное и жилищное право. 2010. № 5. С. 17.

⁴ См.: *Звенигородская Н.Ф.* Санкция как мера семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2011. № 3. С. 34.

⁵ См.: *Лейст О.Э.* Санкции и ответственности по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С. 97.

⁶ См.: *Глушкова Л.И.* Ответственность в советском семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 95.

⁷ См.: *Чичерова Л.Е.* Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 8.

⁸ См.: *Алексеев А.А.* Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 196.

⁹ См.: *Братуся С.Н.* Спорные вопросы теории юридической ответственности // Советское государство и право. 1973. № 4. С. 29–30.

¹⁰ См.: *Малеин Н.С.* Понятие и основание имущественной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 12. С. 37.

¹¹ См.: *Базылев Б.Т.* Указ. раб. С. 39.

¹² См.: *Шерстнева Н.С.* Семейно-правовая сущность принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних // Современное право. 2006. № 3. С. 55.

¹³ См.: *Данилин В.И.* Санкции в советском семейном праве // Осуществление и защита имущественных прав граждан и организаций в условиях формирования социалистического правового государства // Межвузовский научный сборник. Уфа, 1991. С. 129.

Т.В. Сланская

САМОЗАЩИТА В РОССИЙСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

В статье рассматривается самозащита в гражданском, трудовом и семейном праве. Установлены некоторые особенности законодательного закрепления самозащиты; выявлены недостатки; предложены пути совершенствования законодательства в сфере самостоятельной защиты прав человека.

Ключевые слова: самозащита, частное право, способы самозащиты, гражданское право, трудовое право, семейное право.

T.V. Slanskaya

SELF-DEFENSE IN THE RUSSIAN PRIVATE LAW

The article considers the self-defense of the civil, labour and family law. Set some of the features of legislative fastening of self-defense, identified shortcomings and proposed the ways of improvement of legislation in the sphere of self-protection of human rights.

Keywords: self-defense; private law; methods of self-defense; civil law; labour law; family law.

В научной литературе появляется все больше работ, посвященных самозащите прав человека. На наш взгляд, это объясняется тем, что данный институт достаточно актуален в связи с тем, что растет число случаев применения различных способов самозащиты. Но все же количество действий по самозащите своих прав гораздо меньше, чем случаев обращения в государственные органы (судебные и несудебные). Считаем, что для того чтобы граждане не боялись использовать самозащиту и получали от нее положительный результат, необходимо детальное научное изучение этого явления.

© Сланская Татьяна Владимировна, 2014

Соискатель кафедры теории государства и права (Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина); e-mail: tanya-2180@mail.ru

Под самозащитой в общей теории права понимается комплекс мероприятий и действий как лица, так и группы лиц, направленных на охрану и защиту своих прав без помощи компетентных органов различными способами, установленными в законодательстве, либо, исходя из принципа «не запрещенное законом, дозволено». При этом отметим, что данное теоретико-правовое определение, на наш взгляд, является универсальным, т.е. при уточнении отрасли законодательства оно превращается в специфическую отраслевую дефиницию.

Полагаем, что для определения природы самозащиты необходимо поднять проблему соотношения понятий «форма» и «способ» защиты. Мы это делаем, исходя из следующих целей: во-первых, чтобы более детально подойти к рассмотрению института самозащиты; во-вторых, проанализировать отраслевое законодательство на предмет закрепления вышеупомянутых терминов в контексте защиты прав человека; в-третьих, выразить свое отношение по данной тематике путем разработки авторской классификации форм и способов защиты и на ее основе скорректировать некоторые положения в законодательстве.

Некоторые авторы, определяя разнообразие проявлений защиты, не останавливаются на смысле этих терминов, они используют удобную для них терминологию, именно поэтому зачастую случается, что одно и то же явление одни рассматривают как форму, а другие — как способ. Так, Л.Ю. Грудцына полагает, что Конституция РФ в качестве форм защиты прав и свобод человека предусматривает: государственную защиту; защиту прав и свобод органами местного самоуправления; защиту прав и свобод общественными объединениями и профессиональными союзами, правозащитными организациями; самозащиту прав гражданина, включающую гражданско-правовую и уголовно-правовую защиту, публичные выступления граждан, обращения в СМИ; международно-правовую защиту¹.

Е.Е. Богданова выделяет три формы защиты гражданских прав и интересов: судебную, административную и самозащиту². А.С. Карасев склоняется к существованию судебной и несудебной форм защиты³. При этом к способам несудебной формы защиты он относит «самозащиту, включающую деятельность личности по необходимой обороне; забастовку; самозащиту гражданских прав; право личности на создание общественных объединений и на обращение в общественные объединения; деятельность специально уполномоченных органов и лиц по защите прав личности, в частности органы исполнительной власти, прокуратуру и иные органы, в полномочиях которых есть упоминание о деятельности по защите прав человека»⁴.

Так как форма защиты права представляет собой комплекс мероприятий по восстановлению и защите прав и охраняемых законом интересов, а способ — это конкретные действия, предпринимаемые для защиты своих прав, можно сказать, что категория «форма» шире, чем категория «способ защиты права». На основании этого предлагаем свою классификацию.

Прежде всего, мы выделяем две формы защиты: 1) защита с использованием компетентных органов: органы государственной власти (Российской Федерации и субъектов РФ), межгосударственные органы; 2) защита без обращения к ним, т.е. самозащита.

В свою очередь каждая из названных форм содержит в себе ряд способов. Так, защита с использованием компетентных органов включает следующие мероприятия-способы: судебная защита и административная защита как на федеральном, так и региональном уровне.

К способам самозащиты предлагаем отнести подачу жалоб, заявлений и предложений; публичные выступления граждан; использование общественных объединений, профессиональных союзов, правозащитных организаций; обращение в средства массовой информации; физическую самозащиту.

В частном праве существует определенная специфика самозащиты. Попытаемся выяснить, в чем она заключается. Норма, закрепляющая самозащиту в гражданском праве, появилась в российском праве с введением в действие первой части Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) (ст. 14). Заметим, что с законодательным закреплением нового явления не появилось определения «самозащита». На наш взгляд, ст. 14 ГК РФ достаточно «сырая» и заключается лишь в предоставлении возможности использовать самозащиту, с уточнением о том, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Статья 12 ГК РФ устанавливает способы защиты гражданских прав. В данном перечне присутствует и самозащита права. Кроме того, некоторые пункты, которые по сути уже и являются способами, можно осуществить с помощью рассматриваемого нами явления, в частности восстановления положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; прекращение или изменение правоотношения.

Авторы, которые самозащиту рассматривают как форму защиты права, не могут согласиться с тем, что законодатель относит ее к способам, они считают целесообразным изменить норму права. Так, Е.Б. Казакова по этому поводу отмечает, что «... в ст. 14 ГК РФ законодатель говорит уже не о самозащите как о способе защиты права, а о «способах самозащиты», тем самым как бы исправляя допущенную ошибку»⁵.

Отметим, что ни в одной отрасли законодательства РФ самозащита в качестве именно *формы* не рассматривается. Мы в свою очередь считаем, что категорию «самозащита» из ст. 14 следует перенести в ст. 11 ГК РФ. В настоящее время она звучит как «судебная защита гражданских прав» и устанавливает защиту с помощью судов и защиту, осуществляемую в административном порядке. Предлагаем изменить ее название на «формы защиты гражданских прав», в ч. 1 статьи внести судебную и административную защиты, т.к. они, напомним, по нашему мнению, выступают способами защиты такой формы, как защита с использованием компетентных органов, а в ч. 2 — форму «самозащита». Тогда данная статья будет выглядеть следующим образом:

«Статья 11. Формы защиты гражданских прав

1. Защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд.

Защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законом. Решение, принятое в административном порядке, может быть оспорено в суде.

2. Допускается самозащита гражданских прав. Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения».

При этом должна быть исключена ст. 14, текст которой вошел бы в ст. 11 ГК РФ.

Кроме того, предлагаем ст. 1066 ГК РФ «Причинение вреда в состоянии необходимой обороны» и ст. 1067 ГК РФ «Причинение вреда в состоянии крайней необхо-

димости» переqualифицировать в способы самозащиты гражданских прав и перенести в ст. 12 ГК РФ, заменив, установленный законодателем способ «самозащита».

Что касается трудового законодательства, то в нем также не содержится определение понятия «самозащита», хотя ей посвящена отдельная глава, правда, состоящая только из двух статей. Кроме того, самозащита входит в перечень основных способов защиты работниками трудовых прав и законных интересов (ст. 352 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ)).

Статья 379 ТК РФ закрепила «формы самозащиты», а именно самозащиту в виде одностороннего отказа работника от выполнения работы. В отличие от ГК РФ термин «форма», как видим, присутствует, но считаем его использование в этом случае нецелесообразным. Как уже отмечалось, понятие «форма» шире, чем понятие «способ», тут же мы видим обратное — самозащита определяется как способ, а способ самозащиты как форма. На наш взгляд, было бы правильным изменить существующую ныне терминологию, а именно название ст. 352 «Способы защиты трудовых прав и свобод» заменить названием «Формы защиты трудовых прав и свобод», в свою очередь название ст. 379 «Формы самозащиты», — на «Способы самозащиты».

Вместе с тем, исходя из представленного определения «самозащита» (действия, осуществляемые без помощи компетентных государственных органов), считаем возможным в качестве способа самозащиты использовать защиту трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами. Они не являются государственным органом, а представляют собой в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (в ред. от 2 июля 2013 г.)⁶ добровольное общественное объединение граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов.

Однако не все авторы согласны с данным утверждением. Так, например О.Г. Фоменко, считает, что «при самозащите работник защищает себя собственными действиями без обращения к государственным и общественным органам и организациям»⁷.

Тем не менее, считаем, что, следует внести соответствующие коррекционные поправки в ТК РФ: объединить гл. 59, раскрывающую самозащиту работниками трудовых прав, с гл. 58 «Защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами».

В семейном праве возможность использования самозащиты четко не установлена законодателем, в частности, не употребляется термин «самозащита», нет упоминаний о способах и формах защиты. В науке также нет сформировавшегося мнения по данному поводу.

Отметим, что в цивилистической науке ведется полемика о проблеме соотношения гражданского и семейного права. Сформировались две основные точки зрения. Так, одна группа авторов (М.В. Антокольская, Ю.К. Толстой) считает, что семейное право — это часть гражданского права, другая (А.М. Нечаева, Л.М. Пчелинцева, В.А. Рясенцев) полагает, что семейное право — это особенная отрасль, нормы которой регулируют специфические отношения, не схожие с гражданско-правовыми.

Исходя из этих позиций и строятся мнения ученых по поводу самозащиты в семейном праве, т.е. если авторы придерживаются первого мнения, то они считают, что самозащиту семейного права может составить самозащита гражданского. Данная группа ученых аргументирует свое мнение нормой законодательства, а

именно ст. 4 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ), которая позволяет применять гражданское законодательство, если это не противоречит существу семейных отношений.

Мы придерживаемся второй точки зрения и считаем, что нельзя сопоставлять институт самозащиты двух рассматриваемых отраслей права. Подтвердить данное мнение возможно, во-первых, путем установления конкретных примеров самозащиты в семейном праве; во-вторых, доказав, что применение к семейным правоотношениям основных способов самозащиты, закрепленных в гражданском праве, а именно необходимой обороны и крайней необходимости, неприемлемо.

Полагаем, что основным способом самозащиты в семейном праве выступает защита ребенка его родителями. Существует норма, закрепленная в п. 1 ст. 56 СК РФ, которая это подтверждает — защита прав и законных интересов ребенка осуществляется родителями (лицами, их заменяющими). Кроме того, эта же статья устанавливает право несовершеннолетнего, признанного в соответствии с законом полностью дееспособным до достижения совершеннолетия самостоятельно осуществлять свои права и обязанности, в т.ч. право на защиту.

Еще одним явно выраженным способом самозащиты служит возможность обращения в органы опеки и попечительства и суд, вне зависимости от того, что они являются государственными органами, т.к. самозащита заключается в проявлении лицом инициативы использовать право на обращение. Однако после того как оно будет сформулировано и направлено в соответствующие органы, начнется государственная защита. Возможны и иные способы самозащиты, но они не нашли отражения в семейном законодательстве, например, публичные выступления граждан, использование общественных объединений, обращение в средства массовой информации.

Прежде чем сделать вывод о неприемлемости применения способов самозащиты гражданских правоотношений к семейным, сформулируем их определения.

Необходимая оборона представляет собой меры и действия обороняющегося, направленные на защиту своих прав, которые причиняют вред их нарушителю, но при этом не влекут за собой обязанности по его возмещению, т.к. признаются правомерными.

Такое явление, как крайняя необходимость, раскрывается более точно в ст. 1067 ГК РФ: вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, т.е. для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред.

Считаем, что данные способы регулируют гражданские отношения, в них отсутствует семейная специфика, да, их может использовать субъект семейного права, но не следует забывать, что человек — не только член семьи, но и обычный гражданин, на которого распространяется гражданское законодательство.

Подводя итог, определим специфику самозащиты в российском частном праве.

Во-первых, самозащита имеет законодательное закрепление либо путем прямого указания на возможность ее применения (гражданское, трудовое право), либо косвенно, предполагая возможность ее использования (семейное право).

Во-вторых, анализ норм российского законодательства показал, что отсутствует легальное определение термина «самозащита». Нормы, посвященные ей, очень скудны, они не раскрывают сущность и признаки данной категории, а тем более нормы-дефиниции.

В-третьих, отличие самозащиты в частном праве от самозащиты, определяемой нормами публичного права, состоит в том, что нормы частного права устанавливают возможность выбора, а нормы публичного, в частности уголовного, административного, помимо возможности использовать норму, закрепляют границы, в пределах которых может действовать личность. Следовательно, нормы о самозащите в частном праве предоставляют личности большую свободу выбора в рамках законодательно закрепленной нормы.

В-четвертых, сравнительный анализ норм, регулирующих самозащиту, показывает, что в каждой отрасли частного права имеются свои специфические способы самозащиты, иногда существенно отличающиеся от способов, имеющих в смежной отрасли права.

Таким образом, институт самозащиты в семейном праве является достаточно спорным и требует дальнейшего изучения. Несмотря на то, что законодатель не стал акцентировать внимание на способах самозащиты, некоторые из них имеют достаточно выраженный характер и четко просматриваются в СК РФ. Следовательно, необходимо признать, что в рассматриваемой нами отрасли права существуют специфические способы самозащиты, а значит необходимо отказаться от идеи сопоставления данного института в семейном и гражданском праве.

¹ См.: Грудцына Л.Ю. Правовая природа институтов защиты и охраны прав человека в России // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 60.

² См.: Богданова Е.Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов // Журнал российского права. 2003. № 6. С. 40.

³ См.: Карасев А.С. Несудебная защита прав человека: понятие, способы, механизм действия // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 3. С. 40.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Казакова Е.Б. Особенности института самозащиты в различных отраслях российского права // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 28.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 148; 2013. № 27, ст. 3477.

⁷ Фоменко О.Г. Самозащита трудовых прав работника // Фундаментальные исследования. 2005. № 10. С. 100.

Ф.Я Ахмедов

ПОНЯТИЕ НЕПОИМЕНОВАННОГО ДОГОВОРА

В статье исследуются понятие непоименованного договора и квалифицирующие признаки договорного типа. Обращается внимание на то, что несоответствие лишь некоторым квалифицирующим признакам может создать непоименованный договор.

Ключевые слова: непоименованный договор, квалифицирующие признаки договора.

A.Ya. Ahmedov

DEFINITION OF THE UNNAMED CONTRACT

The article studies the unnamed contract's definition and the contract's qualifying features. The author pays attention to the fact that discrepancy only of the several qualifying features creates the unnamed contract.

Keywords: unnamed contract, qualifying features of the contract.

Термин «непоименованный договор» не предусмотрен законодательно и встречается лишь в юридической литературе. Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ)

© Ахмедов Арсен Ярахмедович, 2014
Аспирант кафедры гражданского и семейного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ahmedov.arsen@bk.ru

говорит о договоре, не предусмотренном законом или иными правовыми актами. Не вызывает сомнения содержательное соответствие термина «непоименованный» характеристике, приведенной законодателем. Между тем, бесспорно, что указанный термин нуждается в уточнении, без которого сложно правильно квалифицировать заключаемые на практике договоры как не предусмотренные законом или иными правовыми актами и регулировать такие договоры, ведь без точной квалификации договорного обязательства невозможно грамотное применение гражданско-правовых норм¹.

В связи с отсутствием специального регулирования, кроме определения возможности заключить договор, не предусмотренный законом или иными правовыми актами (п. 2 ст. 421 ГК РФ), и фиксации того, что гражданские права и обязанности возникают из договоров, не предусмотренных законом, но не противоречащих ему (п. 1 ст. 8 ГК РФ), в литературе встречаются весьма специфические характеристики сущности непоименованного договора. Так, например, А.В. Мыскин определяет непоименованный договор как «всего лишь потенциальную юридическую возможность создать самостоятельно нестандартную договорную модель»². Такая характеристика не разъясняет процесс выявления «нестандартной договорной модели», а значит, не характеризует сущность данного гражданско-правового явления и не выполняет функции определения. Таким образом, перед нами стоит задача определения основания квалификации договора как непоименованного.

Если заключенный договор не покрывается ни одной из поименованных моделей, он возводится в ранг непоименованных³. Для обнаружения такого отличия необходимо сравнить условия квалифицируемого договора с условиями поименованных договорных моделей. Цель такого сравнения будет заключаться в определении существа и специфики данного договора, которая будет являться достаточной и необходимой для создания самостоятельной договорной конструкции.

Сравнение должно проводиться не по всему содержанию, а лишь по отдельным его условиям, определяющим видообразующие или квалифицирующие признаки договора⁴. Отличительными признаками могут быть субъекты, предмет договора; характер распределения прав и обязанностей между сторонами; признак возмездности или безвозмездности; момент заключения договора и т.д.⁵ Безусловно, что отличие, заключающееся в условиях, не имеющих решающего значения в процессе отнесения договора к определенному договорному типу, не приводит к квалификации договора как непоименованного.

Каждый поименованный договор предполагает наличие признаков, которые относят тот или иной заключенный сторонами контракт к указанной договорной конструкции⁶. Несоответствие хотя бы одному из таких признаков означает непоименованный статус договора⁷. Такое несоответствие может быть основано на наличии нового экономического признака, который необходимо закрепить в законе для того, чтобы отразить специфику данных правоотношений. Ю.В. Романец отмечает, что «необходимость в создании нового института возникает лишь тогда, когда новый признак приобретает правовое значение, т.е. требует законодательного отражения»⁸. Однако верно ли утверждение о том, что несоответствие любому из квалифицирующих признаков поименованного договора означает его непоименованность?

Непоименованность договора включает два аспекта (критерия): специфические квалифицирующие признаки и отсутствие регулирования договора. Второй при-

знак можно легко установить, убедившись в отсутствии регулирования договора в законах и иных правовых актах. В данном случае квалификация заключенного сторонами соглашения является негативной⁹ относительно законодательно определенной системы договоров. Устанавливается, что договор не соответствует квалифицирующим признакам ни одного договорного типа, предусмотренного законом или иными правовыми актами. Наша задача состоит в определении того, какие квалифицирующие признаки могут характеризоваться спецификой, достаточной для идентификации договора как непоименованного.

Не отрицая значение иных квалифицирующих признаков, мы остановимся на рассмотрении таких признаков классификации гражданско-правовых договоров, как направленность, субъектный состав, предмет договора и возмездный (безвозмездный) характер договора, т.к., на первый взгляд, ими ограничивается круг признаков, которые могут создать непоименованный договор. Иные признаки либо в меньшей степени влияют на существо договора, либо, хотя и являются определяющими для договора, но отсутствие регулирования привело бы к квалификации договора как иной поименованной модели или смешанного договора (признаки алеаторности и неопределенности срока договора ренты).

Вопрос о квалификации договоров также связан с формулированием норм как императивных или диспозитивных. Так, квалификация займа, в котором предусмотрена обязанность займодавца предоставить заемщику денежную сумму, напрямую зависит от природы нормы п. 1 ст. 807 ГК РФ. «Эту норму можно признать 1) императивной; 2) диспозитивной и допускающей согласование консенсуального займа; 3) еще одной квалифицирующей и определяющей рамки соответствующей договорной модели»¹⁰. Представляется, что выбор законодателем момента заключения договора не случаен и связан с обеспечением фактического равенства сторон договора. «Необходимость в конструкции реального договора появляется тогда, когда законодатель считает необходимым защищать ту из сторон, которой предстоит передать вещь другой стороне»¹¹. Условие об изменении модели заключения договора является недействительным. В теории гражданского права спор вызывают последствия заключения предварительного договора, если основной договор имеет конструкцию реального договора. Так, В.В. Грачев считает, что существование законодательного запрета обязываться к выдаче денежных займов дает основание утверждать, что при уклонении обязанной стороны от заключения договора другая сторона не вправе требовать его заключения путем взыскания денег в свою пользу¹². Противоположной позиции придерживается Ю.А. Тарасенко. По его мнению, требование о понуждении заключить реальный договор должно содержать в себе также и требование об особом способе его заключения – о передаче вещи (иск о присуждении)¹³. Фактически данный вопрос представляет собой несколько иной ракурс вопроса о возможности заключения предварительного договора, когда основной построен по реальной модели. Думается, что возможность требовать передачи вещи максимально приближает основной реальный договор к договору, построенному по консенсуальной модели. В ситуации, когда законодателем предусматривается консенсуальный кредитный договор с профессиональным участником рынка финансовых услуг, такой способ защиты, как присуждение денежных средств по договору займа, является не соответствующим обязанности из предварительного договора при реальном основном договоре. Таким образом, несмотря на заключение предварительного договора о предоставлении займа в будущем, договор займа

будет заключен в момент передачи предмета договора¹⁴, если такая состоится. При этом понудить субъекта гражданских прав к передаче предмета реального договора займа и заключению договора займа не представляется возможным.

Изменение такого видообразующего (квалифицирующего) признака, как субъектный состав, не приводит к образованию непоименованного договора. Такое изменение либо исключено законом (коммерческая концессия, финансирование под уступку денежного требования, доверительное управление), либо допускается законом, но в рамках данного договорного типа (поставка и розничная купля-продажа в рамках купли-продажи). Следовательно, субъектный состав определяется либо императивной, либо диспозитивной нормой, которые, не являясь квалифицирующим признаком, имеют дополнительное квалифицирующее значение, особенно ярко выражающееся в случае с императивными нормами. Так, в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 626 ГК РФ имущество, предоставленное по договору проката, используется для потребительских целей, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из существа обязательства. Указанной диспозитивной нормой предусматривается, что по общему правилу одной из сторон договора проката выступает физическое лицо, но заключение договора проката иными субъектами гражданских прав нормой не запрещается. Определение субъектного состава императивной нормой не отрицает квалифицирующего значения данной нормы, т.к. соответствие ей необходимо для заключения действительного договора.

В одних случаях договорные конструкции рассчитаны на участие в них исключительно предпринимателей (коммерческая концессия). В других случаях участие в договоре, с одной стороны, предпринимателя, а с другой стороны, потребителя обуславливает квалификацию его в качестве специального подвида того или иного договора. При этом необходимо отметить недооценку квалифицирующего значения императивных норм Е.Е. Шевченко, который отмечает, что субъектный состав договора, предусмотренный императивной нормой, не является квалифицирующим признаком договора¹⁵. Как уже говорилось, в указанном случае верным было бы говорить о квалифицирующем значении императивной нормы. На наш взгляд, императивная норма должна решать две задачи: положительно влиять на квалификацию заключенного договора как действительного и становиться основанием признания договора недействительным в случае несоответствия ей условий договора.

Итак, изменение субъектного состава в законодательно определенной договорной конструкции может обуславливать специфику разновидности внутри договорного типа, но не образование новых типов. Более того, его изменение не привносит специфику, необходимую для формирования непоименованного договора.

Возмездность или безвозмездность договора, будучи квалифицирующим признаком, не может создать непоименованный договор при тождественности всех иных системных признаков. Причина этого кроется в том, что ряд договоров императивно предусмотрены как возмездные (безвозмездные) и нередко имеют безвозмездные (возмездные) аналоги (купля-продажа и дарение, аренда и ссуда и др.), другая часть (договор займа, хранение и др.) предполагает возможность заключения как возмездного, так и безвозмездного договора. При этом законодателем не решен вопрос о квалификации безвозмездных аналогов договоров определенных возмездными, если такой аналог не предусмотрен гражданским законодательством и его заключение не противоречит ему. Примером могут быть договоры на безвозмездное выполнение работ (оказание услуг), которые не

всегда подпадают под благотворительную деятельность; не всегда безвозмездность основывается и на прощении долга. Ни работы, ни услуги не являются объектами договора дарения, однако безвозмездное выполнение работ (оказание услуг) может быть объектом обязательства, направленного на освобождение одаряемого от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом либо на передачу права требования безвозмездного выполнения работ (оказания услуг) к себе. Необходимо отметить при этом, что в договоре должно быть отражено намерение одарить заказчика, т.е. безвозмездный характер договора. Указанный договор будет носить смешанный характер. Элементами смешанного договора будут договор дарения и подряд (возмездное оказание услуг). Если же решение об освобождении кредитора от обязанности оплатить работы (услуги) будет принято после заключения основного договора, то налицо существование двух независимых договоров.

Итак, процесс определения квалифицирующих признаков договора основывается на оценке значения элемента договора для его заключения. Так же как и в случае с существенными условиями договора, выявление квалифицирующих признаков требует анализа нормативно-правовой базы, посвященной определенному договору, его существу и специфике.

Нами была предпринята попытка доказать, что признаки возмездности (безвозмездности), субъектного состава и момента заключения договора не могут быть основаниями квалификации договора как непоименованного. Экономический и юридический результаты, на достижение которых направлено основное действие¹⁶ и (или) иные действия сторон обязательственного правоотношения из договора (как главные критерии классификации гражданско-правовых договоров), не предусмотренные законом или иными правовыми актами, служат необходимыми основаниями идентификации договора непоименованным. Если мы обратимся к системе договоров гражданского права России, то заметим, что договорные типы основаны на специфике аналогичных квалифицирующих признаков.

Признание спорного правоотношения непоименованным договором предполагает отсутствие урегулирования не только вида, но и типа договора¹⁷. Так, все договоры, направленные на оказание услуг, кроме поименованных за рамками гл. 39 ГК РФ, являются видами договора возмездного оказания услуг. Д.И. Степанов в этой связи указывает, что «договор возмездного оказания услуг следует рассматривать как уникальный договорной тип, имеющий идеально типическое значение для всех договоров, направленных на оказание услуг»¹⁸.

Причинами, определяющими невозможность отнесения видов поименованных договоров к непоименованным договорам, являются отсутствие специфики квалифицирующих признаков договора и применение общих правил о договорном типе при его регулировании.

Таким образом, непоименованный договор – соглашение, в отношении которого законом и иными правовыми актами не определены предмет и иные условия договора, содержащее не отраженный в иных договорных конструкциях признак направленности, служащий основанием отличия совокупности квалифицирующих признаков соглашения от предусмотренных договорными типами.

¹ См.: Серветник А.А. Квалификация договоров и ее влияние на применение гражданско-правовых норм // Вестник Саратовской государственной академии права. 2004. № 4, ч. 1. С. 25.

² Мыскин А.В. Непоименованные договоры в системе договорно-правовых конструкций // Закон. 2011. № 6. С. 50.

³ См.: *Карпетов А.Г., Савельев А.И.* Свобода заключения непоименованных договоров и ее пределы // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 4. С. 20.

⁴ См.: *Шевченко Е.Е.* Заключение гражданско-правовых договоров: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. М., 2012. С. 216.

⁵ См.: *Чауская О.А.* Применение норм гражданского права: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 172.

⁶ См.: *Карпетов А.Г., Савельев А.И.* Указ. раб. С. 20.

⁷ См.: Там же. С. 20.

⁸ *Романец Ю.В.* Система договоров в гражданском праве России. М., 2004. С. 71.

⁹ О негативной квалификации см.: *Черданцев А.Ф.* Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 59; *Бабай А.Н.* Юридическая квалификация правового поведения личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 11; *Чауская О.А.* Указ. раб. Саратов, 2002. С. 14.

¹⁰ См.: *Карпетов А.Г., Савельев А.И.* Указ. раб. С. 24.

¹¹ *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Договоры о передаче имущества. М., 2006. Кн. 2. С. 632.

¹² См.: *Абрамова Е.Н., Аверченко Н.Н., Арсланов К.М.* Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: учебно-практический комментарий / под ред. А.П. Сергеева. М., 2012. С. 516.

¹³ См.: Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2011. С. 1236.

¹⁴ См.: *Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В.* Консенсуальный и реальный договоры в гражданском праве. М., 2004. С. 32–33.

¹⁵ *Шевченко Е.Е.* Указ. раб. С. 234–235.

¹⁶ См.: *Романец Ю.В.* Указ. раб. С. 87.

¹⁷ См.: *Брагинский М.И.* Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. М., 2007. С. 51.

¹⁸ *Степанов Д.И.* Услуги как объект гражданских прав. М., 2005. С. 252.

Ю.Н. Игнатова

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА АРЕНДЫ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ С ЭКИПАЖЕМ

В статье исследуется история возникновения института аренды транспортных средств с экипажем с привлечением таких древних источников, как «Свод законов Хаммурапи», «Русская правда», «Морской закон Родосцев».

Ключевые слова: аренда транспортных средств, экипаж, услуги по управлению и технической эксплуатации.

N.I. Ignatova

ESTABLISHMENT OF VEHICLES RENT INSTITUTE HISTORY

This article is devoted to the research of establishment of vehicles rent institute history. The history of origin of the given institute is analyzed in such ancient sources, as «Code of Laws Hammurape», «the Russian Truth», «the Sea Law Rodoscev».

Keywords: rent of vehicles, crew, services in management and technical operation.

Аренда как правовой институт стимулирования развития экономики страны возникла еще до нашей эры. Изначально предметом ее регулирования был оборот земли. В дальнейшем объектами аренды стали оборудование, вьючные животные, повозки, телеги, почтовые птицы и др.

Одним из самых ранних источников регулирования непосредственно аренды перевозочных средств был Свод законов царя Хаммурапи. По всей видимости, институт аренды транспортных средств появился в сводах законов Хаммурапи

© Игнатова Юлия Николаевна, 2014

Аспирант кафедры гражданского и международного частного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Yulyashka-555@mail.ru

приблизительно в 1750-х гг. до н. э. Данные своды законов содержали нормы, регулирующие вопросы аренды недвижимого имущества, а именно: земли, жилища, сада, также аренды движимого имущества, в данном случае — транспортных средств. Так, «если человек отдал свое судно в аренду лодочнику, а лодочник был нерадив и потопил судно или погубил, то лодочник должен возместить судно судовладельцу»¹.

На наш взгляд, данный институт проявляется в следующих статьях:

«Если человек нанял парусное судно, то его наемная плата — 3 шеума серебра за один день»²;

«Если человек нанял весельное судно, то он должен платить в качестве его наемной платы 2 1/2 шеума серебра за один день»³;

«Если человек нанял судно емкостью 60 гуров, то он должен платить в качестве его наемной платы 1/6 сикля серебра за 1 день»⁴.

Также уже существовал институт аренды транспортных средств с предоставлением услуг по управлению и технической эксплуатации (с экипажем): «Если человек нанял лодочника и судно и нагрузил его зерном, шерстью, маслом, финиками или же любым другим грузом, а этот лодочник был нерадив и потопил судно и погубил то, что в нем было, то лодочник должен возместить судно, которое он потопил, и все, что погубил в нем»⁵.

Как представляется, институт аренды транспортных средств демонстрируется и в «Если человек нанял вола для молотьбы»⁶, то его наемная плата — 20 ка зерна»⁷.

Данный институт предусматривается также в следующих статьях:

«Если человек нанял волов, телегу и ее погонщика, то он должен платить по 180 ка зерна за 1 день»⁸;

«Если человек нанял только самое телегу, то он должен платить по 40 ка зерна за 1 день»⁹.

Статьи об аренде транспортных средств не были выделены в отдельные главы, но они регулировались общими нормами, нормами об аренде и найму.

Древнерусское право еще не знало четкого разграничения между уголовным и гражданским правом, но в своде древнерусского права Русская правда, включающего в себя отдельные нормы «Закона Русского», Правду Ярослава Мудрого, Правду Ярославичей, Устав Владимира Мономаха и др., принятого в 1019–1054 гг.¹⁰ начинает зарождаться институт аренды. Договор аренды в первоначальном виде можно обнаружить в статьях о закупе.

Так, по мнению большинства отечественных исследователей, закуп отработывал или должен был выплатить полученную от господина купу — денежную сумму или материальные ценности, орудия производства, позволяющие ему вести хозяйство на основе соглашения между ними и господином¹¹.

Таким образом, субъектами данного договора являются «господин» и «закуп». Господин — хозяин закупа, холопа. Закуп — феодально-зависимый крестьянин, но в отличие от холопа сохранял элементы прав лично свободного человека.

По нашему мнению, именно в данных статьях начинает зарождаться институт аренды транспортных средств, а именно договор аренды вьючных животных. Итак, господин предоставляет закупу во временное владение и пользование вьючное животное (коня) для сельского хозяйства (например, для вспахивания земли). За него арендатор (закуп) должен платить арендную плату (купу). Данное вьючное животное используется как предмет договора аренды транспортных

средств. Таким образом, первым писанным источником, регулировавшим аренду транспортных средств, является Русская Правда. Следующие писанные своды правил и документов развивают данный институт.

Исследуемый нормативный акт закрепляет также ответственность сторон по данному соглашению:

1. Например, «АЖЕ ЗАКУП БЕЖИТЬ. Аже закуп бежит от господы, то обель; идет ли искат (и) кун, а явлено ходить, или ко князю, или к судиям бежит обиды дела своего господина, то про то не работают его, но дати ему правду»¹².

Помимо уголовной ответственности, предусмотренной в данной статье, закуп может жаловаться на несоблюдение условий договора со стороны господина и имеет право открыто отлучаться в поисках денег для выплаты купы¹³.

2. «О ЗАКУПЕ ЖЕ. Аже у господина ролейнии закуп, а погубить воинский конь, то не платити ему; но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлет, то то погубивше платити; аже ли господин его отслет на свое орудье, а погибнет без него, то того ему не платити»¹⁴.

Конь и орудия, которыми работает закуп, принадлежат господину. Если у него во время работы погибнет конь, он не оплачивает его стоимость, но если он потеряет или сломает плуг и борону, которые находятся в его пользовании постоянно, он должен возместить их стоимость, чтобы получить новые. Если же они придут в негодность в отсутствие работника, посланного господином по другому делу, то закуп в этом не виноват и за них не платит¹⁵.

3. «О ЗАКУПЕ ЖЕ. Аже из хлева выведут, то закупу того не платити; но (о) же погубить на поли и в двор не вженеть и не затворить, где ему господин велить, или орудья своя дея, а того погубить, то то ему платити»¹⁶.

Данная статья регламентирует ответственность закупа за утрату господского скота: в случае пропажи скота из хлева закуп ответственности не несет, но если скот был оставлен в поле, не введен во двор или помещение и не закрыт, закуп обязан возместить убытки. Также отвечает закуп и за гибель коня, когда он использует его для работы на себя (орудья своя дея)¹⁷.

4. «Аже господин переобидит закупа, а увидит купу его или отарицу, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кун»¹⁸.

Данная статья рассказывает о том, господин не имеет права нарушить условия заключенного с закупом соглашения о размере предоставленных ему средств (купы) или земельного участка (отарица, близкая по значению к пекулию). В противном случае законодатель предписывает вернуть закупу положенное и наказывает виновного штрафом в 60 кун¹⁹.

5. «Паки ли примет на немь кун, то опять ему воротити куны, что будеть принял, а за обиду платити ему 3 гривны продажи»²⁰.

Статья стремится ограничить произвол господина в расчетах с закупом: получив с закупа большую плату, чем установлено, господин обязан вернуть ему лишнее и наказывается продажей²¹.

6. «Продать ли господин закупа обель, то наимиту свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продажи»²².

Если господин распорядится закупом как холопом и продаст его, сделка не может быть признана действительной (и господин обязан, вероятно, вернуть покупателю деньги за него), закуп получает свободу, а господин наказывается, кроме того, высшей продажей²³.

Как представляется, сам термин «аренда транспортных средств» в Русской Правде не употребляется, но положено начало законодательного оформления института.

В средневековых источниках Византии, в частности в «Морском законе родосцев», составленном в 7–8 вв., появляются положения о правилах найма и фрахтования корабля. В нем говорится о купцах, которые зафрахтовывают целиком корабли для перевозки зерна и других продовольственных грузов. Это, очевидно, скупщики, закупавшие продовольственные товары и отправлявшие их в столицу и большие города²⁴.

Согласно ст. 20 Закона «При фрахтование корабля должны иметь законным образом заключенные письменные соглашения. Если же таковые не были заключены письменно, то никакой силы не имеют»²⁵. Таким образом, при заключении договора фрахтования должно соблюдаться условие о письменной форме.

Также в данной статье говорится об ответственности сторон, а именно: «В соглашение, если пожелают стороны, можно включить и размер пени; и если не внесут соответствующего добавления о пене в соглашение и при том нарушат соглашение или навклир, или наниматель, то...если наниматель предоставит свои ценности, то за наем корабля навклиру должна быть дана половина фрахта. Если же навклир не выполнит соглашение, то он должен вернуть половину стоимости фрахта купцу ... Взыскание этих пеней должно происходить в порядке предъявления судебного иска»²⁶.

Статья 23 также предусматривает ответственность сторон: «Если навклир и купец заключат письменный договор, то он должен иметь силу; если купец не доставит на корабль полностью груз, то тем не менее он должен выплатить проездную плату и за недоставленный груз в размере, обусловленном письменным соглашением»²⁷.

Статья 25 говорит о том, что «если срок, назначенный в письменном соглашении, будет просрочен до десяти дней, пусть купец обеспечивает продовольствием моряков; если же истечет и вторично условленный срок, то купец пусть полностью выплатит плату за проезд и уходит. Если же купец пожелает, добавить количество (груза), пусть заплатит плату за провоз и добавит груз, по соглашению»²⁸.

В данном законодательстве институт аренды транспортных средств хорошо прослеживается в приведенных статьях. Для регулирования вопросов мореплавания и морской торговли, а также аренды судна с экипажем и без него в Византии в VII–VIII вв. был составлен специальный сборник морского права на основе античных (древнегреческих, древнеримских и др.) обычаев мореплавания и морской торговли.

Таким образом, институт аренды транспортных средств начал развиваться в зарубежном законодательстве еще до нашей эры. Своды законов царя Хаммурапи наглядно продемонстрировали это. В них содержались такие термины, как «найм», «аренда». Также в данном законодательстве присутствовали нормы, по которым можно судить о существовании аренды транспортных средств с экипажем. В более позднее время, а именно в VII–VIII в Византийском источнике «Морском законе родосцев» содержатся положения о правилах найма и фрахтования корабля. Здесь уже институт аренды транспортных средств с предоставлением услуг по управлению и технической эксплуатацией хорошо развит, что отражается в статьях, указанных выше.

В Российском законодательстве институт аренды транспортных средств начинает зарождаться в древнерусском праве (Русская Правда). Там еще не содержались такие термины, как «аренда», «найм», но они хорошо прослеживались в приведенных примерах, в частности об аренде вьючных животных. Именно Русская Правда является первоисточником аренды транспортных средств в нашем законодательстве. Более поздние источники способствовали развитию данного института. В современный период в связи с развитием различного вида транспорта и увеличением оборота транспортных средств в Гражданском кодексе РФ был выделен институт аренды транспортных средств в отдельный параграф — § 3 гл. 34. Аренда транспортных средств подразделяется на аренду транспортных средств с предоставлением услуг по управлению и технической эксплуатации и без предоставления данных услуг и эксплуатации.

¹ См.: Сборник Законов царя Хаммурапи // Источники права. Вып. 1. Тольятти, 1996. § 236.

² Там же. § 275.

³ Там же. § 276.

⁴ Там же. § 277.

⁵ Там же. § 237.

⁶ Молотьба (по законам Хаммурапи) – это зерно, которое разбрасывали по полю и ездили по нему повозками или специальными салазками с заостренными концами. После этого веяли и мололи, т.е. для данной процедуры использовали животное в качестве транспортного средства. В настоящее время молотьбу выполняют в основном комбайнами в поле. См.: Сборник Законов царя Хаммурапи // Источники права. Вып. 1. С. 13.

⁷ Там же. § 268.

⁸ Там же. § 271.

⁹ Там же. § 272.

¹⁰ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 350.

¹¹ См.: Там же. С. 103.

¹² См.: Пространная редакция Русской Правды / (По Троицкому списку второй половины XV в.). Суд Ярослава Владимеричь, Правда Руськая. Ст. 56.

¹³ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. С. 103.

¹⁴ Пространная редакция Русской Правды / (По Троицкому списку второй половины XV в.). Суд Ярослава Владимеричь, Правда Руськая. Ст. 57.

¹⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. С. 103.

¹⁶ Пространная редакция Русской Правды / (По Троицкому списку второй половины XV в.). Суд Ярослава Владимеричь, Правда Руськая. Ст. 58.

¹⁷ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. С. 104.

¹⁸ Пространная редакция Русской Правды / (По Троицкому списку второй половины XV в.). Суд Ярослава Владимеричь, Правда Руськая. Ст. 59.

¹⁹ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. С. 104.

²⁰ Пространная редакция Русской Правды / (По Троицкому списку второй половины XV в.). Суд Ярослава Владимеричь, Правда Руськая. Ст. 60.

²¹ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. С. 104.

²² Пространная редакция Русской Правды / (По Троицкому списку второй половины XV в.). Суд Ярослава Владимеричь, Правда Руськая. Ст. 61.

²³ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. С. 105.

²⁴ См.: Дельгер. Регесты. 2102, 2383. С. 6.

²⁵ См.: Морской закон родосцев // Античная древность и средние века: сборник статей. Свердловск, 1969. , Вып. 6 УрГУ. Ст. 20.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Ст. 23.

²⁸ Там же. Ст. 25.

Ю.В. Никонорова

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ В ОТНОШЕНИИ КРЕДИТОВАНИЯ

В статье рассмотрена правовая природа кредитного договора. Формулируется вывод о том, что кредитный договор следует признать самостоятельным договором с элементами договора на оказание услуг и договора на передачу имущества в собственность, т.е. смешанным договором.

Ключевые слова: финансовая услуга, кредитный договор, товар, возмездное оказание услуг, смешанный договор.

J.V. Nikonorova

CONTROVERSIAL ISSUES IN RELATION TO LENDING

The article describes the legal nature of the credit contract. The author concludes that the credit contract should recognize an independent agreement with the elements of the contract for the provision of services and the contract for the transfer of property ownership, that is a shared agreement.

Keywords: financial service, the credit contract, the goods, paid services, shared agreement.

В юридической науке давно разрабатывается определение понятия «финансовая услуга». Так, Н.Г.Семилютин понимает под финансовой услугой (или инвестиционной услугой) услугу, оказываемую профессиональным участником рынка финансовых услуг ... на основании договора с целью передачи денежных средств отчуждаемых инвестором в пользу реципиента инвестиций¹. Ю.Б. Фогельсон, давая определение финансовой услуги, выделил два квалифицирующих признака финансовых услуг. Во-первых, это услуги, связанные с привлечением и размещением чужих денежных средств; во-вторых, оказываются специальным субъектом — финансовой организацией². Законодательное же определение дается в ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 28 декабря 2013 г.)³: «финансовая услуга — банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц». Однако указанный Закон относится к сфере антимонопольного законодательства. При этом в юридической науке отсутствует единый подход к отнесению законодательства о защите конкуренции к сфере публичного или частного права.

Соглашаясь с приведенными точками зрения, следует обратить внимание на то, что законодатель отнес финансовую услугу к разновидности товара, установив при этом, что понятие «товарный рынок» включает обращение финансовых услуг (пп. 1, 4 ст. 4 Закона «О защите конкуренции»). В юридической науке нашлись как сторонники данного подхода⁴, так и его противники⁵. Однако, с точки зрения гражданского законодательства, это неприемлемо. Так, в ч. 1 ст. 128 ГК РФ перечислены объекты гражданского права: 1) имущество; 2) работа и услуги; 3) результаты интеллектуальной деятельности; 4) нематериальные блага. Как видим, имущество (товар) и услуги являются самостоятельными объектами гражданских прав, которые нельзя подменять и смешивать между собой. Так, товар осязаем, он имеет материальную

© Никонорова Юлия Владимировна, 2014
Аспирант кафедры гражданского и семейного права (Саратовская государственная юридическая академия); jsmia@mail.ru

оболочку. Мы видим его при приобретении, можем оценить качество, проверить, потрогать, отказаться от него или обменять на другой товар. Произведенные товары можно проверить на соответствие стандартам качества задолго до того, как они попадут к потребителю. Товар в случае поломки можно починить. Услуга (комплекс услуг) неосвязаема, в отличие от товаров, ее невозможно потрогать, увидеть, почувствовать, прежде чем мы ее приобретем. Оценить качество услуги можно только в процессе ее оказания. В отличие от товара услуги неотделимы от субъекта ее оказания, поэтому контроль качества должен производиться в режиме реального времени. Специфика предоставления услуг заключается в том, что в отличие от материальных товаров их нельзя произвести впрок. Оказать услугу можно при условии наличия заказа или клиента, т.е. услуги предоставляются и потребляются одновременно, при этом клиенты выступают непосредственными участниками процесса обслуживания и влияют на конечный результат. Также услугу нельзя сохранить. В отличие от материальных товаров, требующих физических каналов для их продвижения от предприятия-изготовителя до потребителя, распространение услуг осуществляется либо с помощью технических средств (перевод денег банками, телевизионное вещание), либо за счет объединения места производства услуги и ее потребления (рестораны, гостиницы, бани, парикмахерские). Таким образом, финансовую услугу нельзя включать в объем понятия «товар» с точки зрения гражданского права.

Однако в гражданском праве понятие «финансовая услуга» отсутствует. В науке идет дискуссия о необходимости законодательного закрепления определения финансовой услуги в ГК РФ и включения ее в объем понятия «возмездное оказание услуг», распространив на них правила гл. 39 ГК РФ в полном объеме⁶. Негативный подход к гражданско-правовому определению финансовых услуг представлен идеей Д.И. Степанова, который считает, что включение финансовой услуги в объем понятия «возмездное оказание услуг» вызовет ее несовпадение с юридическим понятием «услуга», т.к. отдельные виды финансовой услуги, такие как отношения по кредитованию, банковскому счету, расчетные отношения, отношения по доверительному управлению имуществом, не включены в сферу регулирования гл. 39 ГК РФ⁷.

Как видим, к одному из видов финансовой услуги относят кредитный договор. При этом возникает вопрос о правомерности данной точки зрения. Во-первых, обратимся к определению понятия «услуга». Л.А. Пашкова предлагает следующее определение: «Услуга – это совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности исполнителем, не оставляющих материального результата, полезный эффект (результат) которых используется потребителями для удовлетворения их личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, самостоятельно либо с привлечением третьих лиц»⁸. Л.В. Санникова считает, что у данного термина может быть два значения: 1) услуга может быть объектом гражданских прав, т.е. «действиями услугодателя по сохранению или изменению состояния неимущественных благ (имущественных прав, информации, нематериальных благ), совершаемыми им в пользу услугополучателя»; 2) под услугами могут пониматься отношения, экономическая сущность которых сводится к оказанию услуг⁹.

Теперь обратимся к определению кредитного договора. Под кредитным договором понимается такой договор, по которому банк или иная кредитная органи-

зация (кредитор) обязуется предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее (п. 1 ст. 819 ГК РФ). Также в соответствии с гл. 42 ГК РФ кредитный договор отнесен к разновидности договора займа и является договором о передаче имущества в собственность. Рассматривая права и обязанности сторон по кредитному договору, можно заключить, что банк с момента передачи заемщику денежной суммы считается выполнившим свои обязательства по кредитному договору. Таким образом, совершив одно действие по выдаче денежных средств, он занимает в договоре пассивную функцию и не совершает в дальнейшем каких-либо действий, а заемщик, получивший кредит, перечисляет банку плату за пользование денежными средствами, а по истечении срока кредитования обязан вернуть такую же сумму банку. Таким образом, кредитование не совпадает с приведенным выше определением услуги, что подтверждается и при анализе норм гражданского законодательства. Данный вывод косвенно следует из п. 2 ст. 779 ГК РФ, где перечисляются виды деятельности, которые могут регулироваться правилами ГК РФ о возмездном оказании услуг.

В юридической литературе также обсуждается вопрос о месте кредитного договора в системе договоров. Так, одни авторы относят его к группе договоров по передаче имущества в собственность¹⁰, другие считают оправданным его отнесение к договорам на оказание услуг¹¹.

По нашему мнению, для отнесения кредитного договора к договорам на оказание услуг недостаточно критериев. Так, кредитный договор схож с обезличенным хранением. Сходство их заключается только в том, что возвращается не то же самое имущество, а такое же количество имущества того же рода и качества (ст. 890 ГК РФ). Обратимся к различиям. Во-первых, по общему правилу хранителю не может быть передано право распоряжения имуществом с извлечением из этого имущественной выгоды, в отличие от заемщика. Во-вторых, по договору хранения одна сторона принимает вещь, оказывая услугу, и получает за это вознаграждение от контрагента. В кредитном договоре оба действия выполняются заемщиком.

Однако для отнесения кредитного договора к договорам, направленным на передачу имущества в собственность, также недостаточно критериев. Так, и кредитный договор, и договор купли-продажи имеют общий признак, выражающийся в передаче имущества в собственность, но в кредитном договоре передачей имущества обязательство не прекращается и конечной целью не является, остается обязанность возвратить имущество. Поэтому, несмотря на то, что в обоих договорах происходит передача имущества в собственность, их правовое регулирование принципиально различно.

Таким образом, для отнесения кредитного договора как к договорам на оказание услуг, так и к договорам на передачу имущества в собственность недостаточно критериев. Однако вопрос классификации договоров имеет не только теоретическое, но и практическое значение, ведь от того, к какой группе относится договор, зависит, какие нормы будут применяться при его регулировании, а от этого зависит, насколько эффективной будет защита прав и интересов сторон договора. В связи с этим для единообразного понимания и применения кредитного договора и чистоты классификации считаем необходимым признать его самостоятельным договором, при этом не отрицая наличия в нем элементов

договоров на оказание услуг и передачу имущества в собственность, таким образом, признав кредитный договор смешанным договором. На наш взгляд, это будет способствовать наиболее полной и эффективной защите прав сторон.

¹ См.: Семилютин Н.Г. Российский рынок финансовых услуг (формирование правовой модели). М., 2005. С. 15.

² См.: Фогельсон Ю.Б. К вопросу о понятии «финансовые услуги» // Предпринимательское право: вызовы времени: научные труды кафедры предпринимательского права / сост.: О.М. Олейник, Ю.Б. Фогельсон; науч. ред. О. М. Олейник, Ю. Б. Фогельсон. М., 2009. Вып. 1. С. 208.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3434; 2013. № 52, ч. 1, ст. 6988.

⁴ См.: Карпенко В.С. Развитие рынка финансовых услуг в современных условиях хозяйствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 4.

⁵ См.: Заринова Т.Ю. Антимонопольное регулирование на рынке финансовых услуг: публичный и гражданско-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 60–61; Лаулис Е.Б. Правовое обеспечение стабильности рынка банковских услуг: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 28.

⁶ См.: Заринова Т.Ю. Указ. раб. С. 61–62, Карпенко В.С. Указ. раб. С. 123.

⁷ См.: Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 181.

⁸ Пашкова Л.А. Права потребителей и их защита в Российской Федерации гражданско-правовыми средствами: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004. С. 25–26.

⁹ См.: Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России. М., 2006.

¹⁰ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных инвестиций. М., 2006. Т. 1; Кабалкин А. Толкование и классификация договоров // Российская юстиция. 1996. № 7.

¹¹ См.: Ефремова М.Д., Фогельсон Ю.Б., Петрищев В.С., Румянцев С.А. Защита прав потребителей финансовых услуг / отв. ред. Ю.Б. Фогельсон. М., 2010; Семилютин Н.Г. Указ. раб.

Е.Н. Савочкин

ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕШЕНИЙ КОРПОРАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье исследуется правовой статус решений собраний корпоративных юридических лиц в системе гражданского законодательства. Анализируется правовое значение решений собраний в вопросах защиты участников корпоративных отношений как особого юридического факта. Приводится характеристика элементов и существенных проявлений правового статуса принимаемых корпоративных юридическими лицами решений.

Ключевые слова: способ защиты, правовой статус, общая компетенция, исключительная компетенция, решение собрания, особый юридический факт.

E.N. Savochkin

THE LEGAL STATUS OF DECISIONS OF COMMERCIAL LEGAL ENTITIES

The article is devoted to the legal status of the decisions of the meetings of commercial legal entities in the system of civil law. Analyzes the legal value of the decisions of the Assembly concerning the protection of the participants of corporate relations, as a special legal fact. Is the characteristics of the elements and of the essential manifestations of the legal status of acceptable commercial entities solutions.

Key words: method of protection, legal status, General competencies, the exclusive competence, the decision of the meeting, a special legal fact.

Последние изменения, внесенные в Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ), существенно меняют механизм правового регулирования как института юридических лиц, так и принимаемых ими решений. По оценке исследователей, эти

© Савочкин Евгений Николаевич, 2014

Аспирант кафедры гражданского и семейного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Savochkin.evgenii@mail.ru

изменения, касающиеся в первую очередь проблем правовой регламентации правового статуса решений собраний юридических лиц, в отдельных случаях носят спорный характер, что подчеркивает актуальность их рассмотрения.

Следует, прежде всего, отметить, что место и роль решений собраний в системе оснований возникновения гражданских прав и обязанностей определяется их особым правовым статусом, который, в свою очередь, определяется совокупностью общих и специальных норм о корпорациях, характеризующих их положение среди других участников гражданского оборота. Отличительные признаки решений собраний корпоративных юридических лиц заключаются в следующем:

1. Они имеют законодательное закрепление, что выражается в системе норм, регулирующих полномочия собрания по принятию решения, ответственности за нарушение правил созыва и проведения собрания их участниками.

2. Наряду с принципами диспозитивности, свободы волеизъявления и договора являются выражением развития частного права с присущими ему признаками.

3. Могут быть оспорены только по специальным основаниям, предусмотренным законом.

4. Обладают межотраслевым характером правового регулирования. Это означает, что для правомочности принимаемого решения собрания необходимо соблюдение комплекса норм как материального, так и процессуального права.

5. Для принятия решения собрания корпоративных юридических лиц его субъекты наделены в силу закона правами и обязанностями. Их реализация и исполнение определяют правовую природу принимаемого решения. Здесь особое значение имеет отраслевое регулирование и поведение участников собрания как субъектов именно корпоративного правоотношения.

6. Легитимность правового статуса решения собраний корпоративных юридических лиц напрямую зависит от формы их проведения.

7. Содержание правового статуса решения собраний корпоративных юридических лиц определяется целью их деятельности. Например, корпоративные коммерческие организации имеют целью своей деятельности получение прибыли. Этим также определяется особенность правового статуса принимаемых решений.

8. Важнейшим признаком правового статуса решения собраний корпоративных юридических лиц является его формальная определенность, стабильность и неизменность, что позволяет ему играть важную роль в системе гражданских и, прежде всего, имущественных отношений. Это особенно актуально для современной России, где весьма динамично на уровне юридических лиц изменяются или исчезают старые и появляются новые правовые отношения и институты, происходит поэтапная модернизация гражданского законодательства.

Правовой статус решений корпоративных юридических лиц включает в себя следующие элементы:

1) правовые нормы, определяющие порядок выборов участников собраний юридических лиц;

2) правовые нормы, устанавливающие компетенцию (полномочия) собраний юридических лиц;

3) правовые нормы, регулирующие порядок созыва и порядок работы собраний юридических лиц по вынесению решений.

Практическое значение рассмотрения понятия, признаков и содержания правового статуса решений корпоративных юридических лиц состоит в том, что

данная категория непосредственно затрагивает имущественные интересы участников юридических лиц в вопросах собственности, а также владения акциями, паями, долями в уставном капитале юридического лица.

Правовая природа статуса решения собраний выражается при характеристике ее сущностных проявлений. Характеризуя правовое положение решений корпоративных юридических лиц в гражданском праве, Е.А. Суханова отмечает, что решение собрания является не действием, а объективированным в форме акта-документа результатом деятельности по организации осуществления субъективного права голоса участниками собрания. Правовое регулирование осуществления субъективных гражданских прав, в т.ч. и права голоса, строится на иных основных положениях, нежели сделочное¹. По мнению С.С. Вилкина, следует различать деятельность по осуществлению права голоса и ее организацию. Первая — подача голоса — содержательно более важна для гражданско-правового регулирования, поскольку непосредственно удовлетворяет интерес управомоченного лица и поэтому может быть определена как ведущая: другая — по организации осуществления права голоса — вспомогательная. К последней можно отнести извещение о собрании, представление предложения, подсчет голосов. Обе имеют общую цель, но различные элементы (субъекты, объекты, средства, действия, результаты). Так, управомоченными могут быть одни лица, голосовать от их имени — другие, а подсчитывать голоса — третьи, т.е. субъекты различаются². Оба вида деятельности, с точки зрения В.К. Калина, имеют волевой характер, что придает особый характер их результатам, в частности решению. В гражданско-правовых исследованиях волю можно понимать как стремление поддержать постоянство цели деятельности, уточнив ее для конкретной ситуации. Принимая решение, участники собрания подтверждают свою цель — удовлетворение собственных интересов, но при этом конкретизируют ее. Тем самым они совершают волеопределяющий акт³.

Другая важная особенность правового статуса решений собраний юридических лиц заключается в отраслевой характеристике. Например, в жилищном праве по своему статусу общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме является органом управления многоквартирным домом (ст. 44 Жилищного кодекса РФ (далее — ЖК РФ)).

К компетенции общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме относятся: принятие решений о реконструкции многоквартирного дома, строительстве хозяйственных построек и других зданий, строений, сооружений, капитальном ремонте общего имущества, об использовании фонда капитального ремонта; принятие решений о выборе способа формирования фонда капитального ремонта, размере взноса на капитальный ремонт, выборе лица, уполномоченного на открытие специального счета и совершение операций с денежными средствами; принятие решений о получении товариществом собственников жилья либо жилищно-строительным кооперативом, жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом, управляющей организацией и при непосредственном управлении многоквартирным домом собственниками помещений в этом доме лицом, уполномоченным решением общего собрания таких собственников, кредита или займа на капитальный ремонт общего имущества, об определении существенных условий кредитного договора или договора займа, о получении данными лицами гарантии и другие

вопросы, отнесенные ЖК РФ к компетенции общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме.

Обратимся к особенностям правового статуса решения собрания в рамках трудовых отношений. Например, в случае нарушения организацией предусмотренного трудовым договором срока предупреждения руководителя организации о расторжении трудового договора и принятия общим собранием участников общества решения о прекращении полномочий прежнего руководителя организации и назначении (избрании) нового руководителя с момента вынесения решения не может быть исключен риск обжалования руководителя организации такого решения, как не соответствующего требованиям действующего законодательства, восстановления прежнего руководителя организации в должности и присуждения ему компенсации за время вынужденного прогула⁴.

Решения собрания могут иметь особый исключительный правовой статус. Например, к исключительной компетенции общего собрания членов кооператива относятся рассмотрение и принятие решений по таким вопросам, как: утверждение устава кооператива, внесение изменений и дополнений к нему; выборы председателя, членов правления кооператива и членов наблюдательного совета кооператива, заслушивание отчетов об их деятельности и прекращение их полномочий; утверждение программ развития кооператива, годового отчета и бухгалтерского баланса; установление размера и порядка внесения паевых взносов и других платежей, порядка их возврата членам кооператива при выходе из него и другие вопросы, относящиеся исключительно к компетенции общего собрания (абз. 1 п. 3 ст. 110 ГК РФ).

Уставом кооператива перечень вопросов, отнесенных к исключительной компетенции общего собрания членов кооператива или по которым решения должны приниматься квалифицированным большинством не менее двух третей голосов, может быть расширен и уставом кооператива, может быть предусмотрен более высокий кворум для принятия решений по этим вопросам (абз. 2 п. 3 ст. 110 ГК РФ).

Решения по вопросам, отнесенным к исключительной компетенции общего собрания членов кооператива, не могут быть переданы исполнительным органам кооператива или наблюдательному совету кооператива (абз. 3 п. 3 ст. 110 ГК РФ).

Характеристика правового статуса решений корпоративных юридических лиц связана с вопросами их юридической защиты. Например, на общих основаниях закон дает возможность оспорить любое принятое решение. Вместе с тем это не может быть применимо к юридическому статусу конкретного участника собрания, объему его прав и обязанностей.

Показательны в этом отношении нормы Уголовного кодекса РФ. Основанием юридической ответственности с позиции данного закона являются действия, направленные на фальсификацию решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ст. 185.5). Диспозиция данной нормы подчеркивает особый правовой статус решения собрания с точки зрения его защиты и социальной значимости. Диспозиция состоит из действий, образующих состав преступления. К ним относятся: умышленное искажение результатов голосования либо воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения на общем собрании акционеров, общем собрании участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью или на заседании совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества путем

внесения в протокол общего собрания, в выписки из него, в протокол заседания совета директоров (наблюдательного совета), а равно в иные отражающие ход и результаты голосования документы заведомо недостоверных сведений о количестве голосовавших, кворуме или результатах голосования, путем составления заведомо недостоверного списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании, заведомо недостоверного подсчета голосов или учета бюллетеней для голосования, блокирования или ограничения фактического доступа акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) к голосованию, несообщение сведений о проведении общего собрания акционеров и др.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что правовой статус решений собраний корпоративных юридических лиц в системе гражданского законодательства представляет собой сложное многоуровневое образование, включающее процедуру принятия решения, полномочия участников юридического лица, его руководящего органа по вопросам, относящимся к их общей и специальной компетенции. В связи с изменениями, внесенными в ст. 12 ГК РФ, отмена неправомерно принятых решений общего собрания рассматривается как способ защиты гражданских прав. Исходя из данных положений, решения собраний не должны противоречить как закону, так и интересам участников корпоративных отношений.

¹ См.: *Суханов Е.А.* О видах сделок в германском и в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 2. С. 25.

² См.: *Вилкин С.С.* О процессе принятия решения коллегиальным органом юридического лица // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 63.

³ См.: *Калин В.К.* На путях построения теории воли // Психологический журнал. 1989. № 2. С. 43.

⁴ См.: *Ялушкин А.* Дела сдал — дела принял! Порядок увольнения руководителя организации // Кадровик. Кадровое делопроизводство. 2012. № 11.

Т.М. Цепкова, С.А. Филиппов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается ряд вопросов российского исполнительного производства в сравнении с законодательством некоторых стран. Анализируется состояние системы, осуществляющей применение мер принудительного исполнения; поднимаются проблемы, на которые в первую очередь, по мнению авторов, необходимо обратить внимание законодателя.

Ключевые слова: исполнительное производство, принудительное исполнение, суд, должник, взыскатель, правосудие, коллекторы.

T.M. Tsepkova, S.A. Filippov

SOME QUESTIONS ENFORCEMENT OF RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION

The article discusses a number of issues of Russia's executive production in comparison with the laws of some countries. After analyzing the state of the system implementing the application of enforcement measures. The article raises issues that in the first place, according to the authors, it is necessary to draw the attention of lawmakers.

Keywords: enforcement proceedings, enforcement, the court, the debtor, the claimant, justice, manifolds.

Статья 13 ГПК РФ содержит императивное предписание о том, что вступившие в законную силу судебные постановления являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 12 марта 2014 г.)¹ к задачам исполнительного производства отнесено правильное и своевременное исполнение судебных актов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Проанализировав состояние системы, осуществляющей применение мер принудительного исполнения, представляется уместным привести умозаключение В.Ф. Яковлева: «То, что отсутствует надлежащая система исполнения судебных решений, это факт. Сегодня это одна из главных проблем не только судов, но и всего

© Цепкова Татьяна Митрофановна, 2014
Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия)

© Филиппов Сергей Александрович, 2014
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и семейного права (Саратовская государственная юридическая академия)

нашего государства. Если не исполняются решения судов, значит, не исполняются законы. Если не исполняются законы, то наступает преступность. Если это так, то государство не в состоянии выполнить ни одну из своих задач ни в области преобразования и стабилизации экономики, ни в области преодоления преступности»².

Заслуживает отдельного внимания мысль Ю.А. Свирина о том, что эффективность регулирования исполнительных правоотношений до настоящего времени остается крайне низкой. «Все изменения существующих норм в рамках института гражданского процессуального права, предлагаемые законодателем, есть лишь паллиативная мера, не дающая результатов. Назрела необходимость в структурной перестройке всей системы права и кодификации норм, регулирующих исполнительные правоотношения»³.

По своей сути исполнительное производство является заключительным этапом судебной тяжбы, в котором лицо, права и законные интересы которого нарушены, должно получить воплощенное в жизнь судебное решение, вступившее в законную силу. Когда физическое или юридическое лицо не может обрести то, что ему принадлежит по установленному праву, в силу различных причин, а еще хуже, в силу несовершенства действующего законодательства, это подрывает доверие граждан ко всей судебной системе, дискредитирует все ветви власти. Поэтому совершенно верно отмечено, для функционирования любой судебной системы и системы государственной власти в целом необходимо надлежащее исполнение решений судов и соответствующих органов государственной власти⁴.

В связи с тем, что законодатель не находит действенных средств для повышения эффективности реального исполнения решений, судебных и иных органов, постараемся проанализировать состояние дел этого актуального института в странах с более развитой экономикой, высоким уровнем правосознания и правовой культуры.

Как справедливо заметил В.В. Авдеев, к сожалению, добровольное исполнение судебных решений пока не стало неотъемлемой частью правовой культуры всех граждан. «Чтобы завершить процесс восстановления нарушенных прав и свобод, государство создает специальные службы и регулирует их деятельность. В каждой стране существует свое исполнительное производство, по-разному называются органы принудительного исполнения судебных актов»⁵.

Исследуя английское исполнительное право, С.И. Гладышев резюмирует, что исполнительное производство Англии в большей степени защищает интересы взыскателя. По его мнению, английский вариант более приспособлен к рыночным отношениям, а отдельные его инструменты могут быть использованы при доработке российского механизма исполнительного производства⁶.

Автор предлагает усилить частноправовой характер регулирования исполнительного производства в России путем внесения дополнения, согласно которому инструкции взыскателя являются обязательными к исполнению судебным приставом-исполнителем. Это позволит взыскателю самостоятельно направлять работу пристава, поскольку в Англии орган принудительного исполнения действует в соответствии с инструкциями взыскателя, имеющими для него руководящее значение. В России же, по мнению ученого, действия органа принудительного исполнения детерминированы законом, а участие взыскателя сводится к роли пассивного наблюдателя за ходом ведения исполнительного производства.

С таким предложением не представляется возможным согласиться. Низкий уровень правовой культуры граждан, с одной стороны, загруженность исполнительными документами судебных приставов-исполнителей с другой, не позволит

уделить внимание каждому взыскателю, тем более следовать их указаниям и координировать свои действия под контролем взыскателя, в связи с чем задачи, закрепленные в ст. 2 Закона «Об исполнительном производстве», в такой ситуации становятся недостижимыми.

Следует обратить внимание на другое позитивное предложение С.И. Гладышева об установлении прогрессивного размера вознаграждения по примеру расчета госпошлины при обращении истца в суд (за исключением исполнения решений о взыскании алиментов, ущерба от потери трудоспособности и любых иных взысканий социального назначения, а также по исполнительным листам неимущественного характера). Прогрессивный размер вознаграждения судебного пристава-исполнителя должен увеличиваться и находиться в прямой зависимости от размера подлежащей к взысканию суммы и от размера реально взысканной суммы, т.е. чем больше размер суммы взыскания по исполнительному листу, тем выше будет размер возможного вознаграждения. Однако размер получаемого приставом вознаграждения должен быть пропорционален реально взысканной приставом в пользу кредитора сумме, т.е. находиться в пропорциональной зависимости от результативности конкретного исполнительного производства⁷.

Действительно, данное предложение рационально. Большая загруженность, недостаточная заработная плата в настоящее время не побуждают к «активным действиям», продуктивной работе. Введение же прогрессивного размера вознаграждения будет стимулировать деятельность работников ФССП, повысит ее эффективность. Зарплата должна складываться из реально выполненного объема и категории сложности исполнительного дела. Однако в условиях глобального экономического кризиса такое предложение вряд ли обратит на себя внимание представителей власти.

В Соединенных Штатах Америки является действенной система исполнения судебных решений частными коллекторскими компаниями. Жесткая регламентация их деятельности законом о честных методах взыскания долгов позволяет осуществлять исполнение судебных решений без привлечения государственных структур⁸.

На заседании Президиума Госсовета РФ Д.А. Медведев изложил свою точку зрения относительно работы коллекторов: «Запрещать такого рода бизнес бессмысленно: уступка права требования существует в законодательстве несколько тысяч лет, с момента существования римского права ее никто не запрещал, это просто смешно. Запрет коллекторского бизнеса может привести к криминализации такой деятельности. Вместо конвертов с черепом и костями будут к дверям венки прибывать. Запретами ничего не решить, но пробел в законодательстве восполнить необходимо. Но урегулировать придется, иначе будем сталкиваться с крайними и криминальными формами ведения этой деятельности»⁹.

Думается, в отдаленной перспективе коллекторские фирмы помогли бы разгрузить государственные органы принудительного исполнения. Но какое время понадобится законодателям, чтобы отрегулировать деятельность «контор», занимающихся скупкой долгов, и переломить практику зачастую «бандитских» методов в их работе остается неизвестным. По словам М. Ахмедовой, «в бизнесе выбивания долгов коллекторы пришли на смену бандитам, действуют они «интеллигентнее», но не менее эффективно»¹⁰.

В настоящее время возможно констатировать, что по большей части люди сталкиваются именно с крайними и криминальными формами ведения данного бизнеса, и жестокость от такой деятельности поражает.

Необходимо отметить, что во многих европейских странах исполнение судебных решений и актов иных органов отдано именно на откуп частным фирмам. Например, для Франции, Италии, Бельгии и некоторых других стран континентальной Европы характерно, что принудительными исполнителями выступают частные лица, работающие по лицензии, а управление системой принудительных исполнителей осуществляют территориальные и национальные палаты как органы самоуправления. Принудительный исполнитель является свободным профессионалом, которому государство делегировало функции исполнения решений по гражданским делам, выносимых различными судами¹¹.

В Нидерландах судебные исполнители объединяют в своих функциональных обязанностях черты государственной службы и частного лица. Они имеют право заниматься частной практикой по возврату долгов по взаимному согласию сторон, дачей правовых консультаций, быть поверенными в суде и строят свою деятельность на основе утвержденного бизнес-плана. Наличие такого плана является обязательным требованием, поскольку содержит положения об окупаемости затрат судебных исполнителей, указание потенциальных клиентов и др.¹²

Таким образом, можно констатировать, что жесткая регламентация «частной» системы принудительного исполнения, высокий уровень правосознания в европейских странах помогают реальному исполнению решений гражданско-правового характера.

Следует подчеркнуть, что государственная система исполнительного производства в США осуществляется не единой службой, а несколькими. Обязанности судебных приставов-исполнителей возложены как на службу шерифов, которой очень гордятся граждане (так же, как и тысячу лет назад в Англии, шериф является главным исполнительным директором округа), так и маршалскую службу. На последнюю возлагается исполнение обязанностей судебного пристава-исполнителя на федеральном уровне.

Так как в США существует двойная система правосудия, действует и двойная система государственных органов обеспечения правосудия и реализации судебных решений. По данным Национальной ассоциации шерифов (National Sheriffs' Association), на 1 сентября 2010 г. в США существовало 3083 офиса шерифов; самый маленький офис состоит из 2 чел., самый крупный – из 11000 (Лос-Анджелес). Маршалская же служба является наиболее универсальным и старейшим федеральным правоохранительным органом и занимает центральное место в федеральной системе правосудия. В ее обязанности входит защита федеральных судов в их судебных округах, а также других судебных работников и участников процесса, судей Верховного суда, расследование и задержание лиц, скрывающихся от федерального правосудия, обеспечение безопасности свидетелей и др.¹³

Представляется необходимым согласиться с Ю.А. Артемьевой, которая пришла к выводу, что реорганизация российской системы исполнительного производства по образцу США нецелесообразна. Компетенции маршалской и шерифской службы однозначно не определены, это вызывает множество споров и требует вмешательства суда. Двойной контроль судебной системы, с одной стороны, создает дополнительные гарантии соблюдения законности и обеспечения прав взыскателя и должника, а с другой — значительно усложняет и удлиняет

процедуру взыскания. Широкие полномочия порождают утрату контроля за деятельностью всех подразделений и служб, вынуждают обращаться к коммерческим структурам для передачи им части задач¹⁴.

Заслуживает отдельного внимания система исполнительного производства Германии: с учетом занятости судей вызывает интерес порядок возбуждения исполнительного производства.

Нормативную основу современного германского исполнительного производства составляет кн. 8 Гражданского процессуального уложения ФРГ. Юридическим основанием возбуждения исполнительного производства является выдаваемая служащим канцелярии суда, вынесшего судебный акт, официальная копия решения, на которой совершена исполнительная надпись, представляющая собой формулировку следующего содержания: «заверенная копия вышестоящего документа выдается (наименование сторон) для целей принудительного исполнения».

Нормативное регулирование принудительного исполнения в Германии опосредовано идеей обеспечения мотивации должника к самостоятельному погашению имеющейся у него задолженности, чтобы максимально сократить необходимость использования затратного механизма принудительного взыскания долга. Судебный исполнитель должен содействовать добровольному и быстрому исполнению¹⁵.

Так, например, если должник докажет преимущественную вероятность оплаты долга в короткий срок (в пределах 6 мес.) по частям, то он производит взыскание по частям, если против этого не возражает кредитор. Судебный исполнитель вправе также по ходатайству должника отложить реализацию арестованного имущества на один год, если должник обязуется выплатить долг в течение указанного срока. И такое правило относится не только к исполнительному производству, оно затрагивает различные сферы жизни общества. Порядочность, культура договора породили доверие между людьми, а также государства к своим гражданам. Конечно, нельзя не обратить внимание на жесткие императивные государственные предписания за нарушение установленных правил, вероятно, они сыграли не последнюю роль в формировании дисциплины участников различного рода общественных отношений.

По мнению М.А. Даниляна, К.Н. Прошкина, А.Н. Оленьчева, в Германии эффективно реализуются в рамках принудительного исполнения институты, которые могут быть полезны и российскому правоприменителю – заверение, заменяющее присягу, и заключение под стражу.

Заверение, заменяющее присягу, представляет собой публичное сообщение судебному исполнителю должником об имеющемся у него имуществе и имущественных правах. Принятие заверения, заменяющего присягу, относится к компетенции судебного исполнителя, которому должник обязан представить описание своего имущества, а также основания и средства доказывания своих требований. В описи имущества должны быть также указаны совершенные в течение последних 2-х лет, перед дачей заверения, возмездные отчуждения должника близким лицам, и совершенные должником безвозмездные исполнения в течение последних 4-х лет перед дачей заверения. Принятое заверение, заменяющее присягу, судебный исполнитель незамедлительно представляет в суд, а копию направляет кредитору. В случае неявки должника к судебному исполнителю для дачи заверения, заменяющего присягу, либо отказа от дачи такого заверения, суд

выносит в отношении него приказ о заключении под стражу на срок до 6 мес., которое не освобождает должника от обязанности в дачи соответствующего заверения и не исключает возможности повторного применения указанной меры при отказе от такого заверения. Кроме того, когда должником сделано заверение, заменяющее присягу, его имя вносится в список должников, который ведет суд. Пребывание в списке должников существенно ограничивает экономические права должника, поскольку влечет отказ кредитных организаций в предоставлении должнику кредитов и открытии счета¹⁶.

Об успешной интеграции названных правил в отечественное законодательство говорить однозначно сложно. Заключение под стражу в процессе исполнения решений судов явно идет вразрез с политикой государства, направленной на либерализацию уголовного законодательства, а удостоверение, заверяющее присягу, в условиях наших правовых реалий выглядит слишком прозаично.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что ряд предложений, обсуждаемых в юридической литературе, носят дискуссионный характер, но некоторые из них могли быть восприняты законодателем в целях дальнейшего совершенствования мер принудительного исполнения и службы судебных приставов.

На наш взгляд, крайне необходимо повысить статус служащего ФССП в глазах всего общества. Неправильно, когда права и обязанности судебного пристава-исполнителя закреплены лишь номинально, поскольку механизм реализации некоторых из них либо несовершенен, либо чрезвычайно затруднителен.

Все рассуждения относительно отсутствия качественной системы исполнения исполнительных документов возвращают к утверждению В.Ф. Яковлева о том, что это одна из главных проблем всего нашего государства и ее скорее надо решать!

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 31, ст. 4849; 2014. № 11, ст. 1099.

² Яковлев В.Ф. Повышение эффективности правосудия и усиление действенности судебной защиты // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1996. № 3. С. 9.

³ См.: Свириц Ю.А. О некоторых проблемах институционализма и кодификации законодательства гражданского исполнительного права. URL: http://www.juristlib.ru/book_7478.html (дата обращения: 16.10.2012).

⁴ См.: Вставская И.М., Савченко С.А. Исполнительное производство. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 6.

⁵ Авдеев В.В. Исполнительное производство в зарубежных странах // Наука и практика. 2010. № 1 (42). С. 6.

⁶ См.: Гладышев С.И. Исполнительное производство в английском и российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 4.

⁷ См.: Там же. С. 10.

⁸ См.: Артемьева Ю.А. Исполнительное производство в США // Вопросы российского и международного права. 2011. № 3. С. 121.

⁹ См.: Выступление Д.А. Медведева на заседании Президиума Госсовета Российской Федерации в Саранске // РИА Новости. 2012. 16 янв.

¹⁰ См.: Ахмедова М. Как коллектор долги собирал // Русский репортер. 2007. 11 дек.

¹¹ См.: Авакян А.В. Общая характеристика исполнительного производства в зарубежных странах. URL: <http://www.concourt.am/hr/ccl/vestnik/4.22-2003/A.V.%20Avakyan.htm> (дата обращения: 15.01.2014).

¹² Частная система принудительного исполнения по опыту европейских стран. URL: http://www.resq-group.com.ua/execution_eu.html (дата обращения: 25.01.2014).

¹³ См.: Артемьева Ю.А. Указ. раб. С. 122–126.

¹⁴ См.: Там же. С. 131.

¹⁵ См.: Данилян М.А., Прошкин К.Н., Оленьчева А.Н. Законодательство об исполнительном производстве в Федеративной Республике Германии // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2010. № 4. С. 1–8.

¹⁶ См.: Там же. С. 3–8.

М.А. Шевченко

ФУНКЦИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЗАПИСИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье предпринят функциональный анализ технической записи процессуальной деятельности. Предлагается авторская классификация функций технической записи, осуществляемой в рамках правосудия по гражданским делам. Раскрывается их содержание. Обосновывается необходимость модернизации действующего рукописного способа фиксации процессуальных действий с использованием современных технологий в направлении фиксации гражданских процессуальных действий с учетом уровня технического развития.

Ключевые слова: техническая запись процессуальной деятельности? способ фиксации, функция, функциональный анализ (functional analysis).

М.А. Shevchenko

THE FUNCTION OF TECHNICAL RECORD OF PROCEDURAL ACTIVITIES IN THE CIVIL PROCEEDINGS

A functional analysis of technical record procedural activities is made in the article. Suggest author classification of functions of technical record, realize within of justice in civil cases. Their content is disclosed. The necessity of modernization valid handwriting fixation proceedings using modern technology in the way of fixing the civil proceedings, taking into account the level of technological development is justified.

Keywords: technical record of procedural activities, methods of fixation, the function, functional analysis

Значение автоматической записи, осуществляемой в рамках гражданского судопроизводства, определяется ее функциональностью.

Функциональная ценность автоматической записи предопределяет использование в гражданском судопроизводстве современных технических средств фиксации процессуальной деятельности, что способствует решению проблем несовершенства применяемого в настоящее время метода фиксации хода судебного заседания, предупреждению проблем практической реализации положений гражданского процессуального законодательства в части обеспечения полного, объективного и точного процессуального оформления процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках правосудия по гражданским делам.

Проведение функционального анализа технической записи призвано ответить на вопрос о целесообразности использования механических методов фиксации гражданских процессуальных действий в рамках правосудия по гражданским делам, помочь дальнейшему совершенствованию метода фиксации процессуальной деятельности.

Основной функцией автоматической записи, осуществляемой в процессе гражданского судопроизводства, является закрепительная функция (функция фиксации). Специфика процессуальной деятельности, реализуемой в рамках правосудия, требует того, чтобы все процессуальные действия, совершаемые в ходе судебного разбирательства, были соответствующим образом закреплены. Решению этой задачи способствует применение в гражданском судопроизвод-

стве современных научно-технических средств, с помощью которых возможно осуществление детализированного, объективного и точного процессуального оформления отдельных элементов процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках правосудия по гражданским делам.

Техническая фиксация гражданской процессуальной деятельности предполагает применение в предусмотренном процессуальным законом порядке соответствующих технических средств в целях детализированного, объективного и всестороннего отображения и закрепления хода судебного разбирательства и иной процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках правосудия, получения и использования необходимых сведений о фактах, на основе которых представляется возможным устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела.

Закрепительная функция тесно связана с информационной функцией технической записи процессуальной деятельности. Технические средства фиксации процессуальной деятельности закрепляют и воспроизводят ход гражданских процессуальных действий, факты реальной действительности, являются их отражением. Автоматически зафиксированные сведения о фактах (информация) впоследствии используются для установления обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Кроме того, информационная функция автоматической записи хода судебного разбирательства обуславливает возможность получения участником процесса, не присутствующим по каким-либо причинам в судебном заседании, детализированной и объективной информации о событиях прошедшего судебного заседания. При использовании технических способов фиксации гражданских процессуальных действий у участника процесса, не присутствующего в судебном заседании, как и у суда вышестоящей инстанции, появляется возможность непосредственного исследования хода и содержания судебного разбирательства, возможность оценки эмоционально-психологической атмосферы судебного заседания, характера участников процесса, возможность анализа выразительных средств речи участников судебного разбирательства (анализа интонации, оттенков словесных формулировок), возможность оценки факта соблюдения или несоблюдения составом суда требований ст. 12 ГПК РФ об осуществлении правосудия по гражданским делам на основе состязательности и равноправия сторон, «правильности постановки вопросов судьей первой инстанции лицам, участвующим в деле»¹, и т.д.

К следующей функции технической записи, осуществляемой в рамках гражданского судопроизводства, можно отнести технико-модернизационную функцию, позволяющую осуществить замену письменного оформления процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках правосудия, более совершенным способом фиксации гражданских процессуальных действий, предусматривающим использование в процессуальной деятельности технических средств фиксации информации.

Развитие науки и техники повлекло за собой изменения в общественных отношениях². Функционирование правовой системы в условиях научно-технического прогресса невозможно представить без использования информационных технологий. Эффективность функционирования и производительность работы судеб-

ной системы напрямую зависят от использования в процессе судопроизводства современных информационно-компьютерных ресурсов. Развитие техники и совершенствование технических методов фиксации и сохранения информации определяют совершенствование способов оформления процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках правосудия по гражданским делам, в направлении фиксации гражданских процессуальных действий с учетом уровня технического развития.

Применение достижений научно-технического прогресса в гражданском судопроизводстве является важным воспитательно-предупредительным фактором. Бесспорен факт положительного влияния автоматической записи хода судебного разбирательства на поведение участников процесса. Осуществление технической записи хода судебного заседания, изменить содержание которой впоследствии не представляется возможным, дисциплинирует участников судебного разбирательства, оказывает положительное воздействие на их правосознание, повышает корректность³ и правомерность их поведения. Использование технических средств фиксации хода судебного разбирательства влияет на обеспечение соблюдения процессуальных норм участниками судебного разбирательства, предупреждает возможность совершения каких-либо процессуальных нарушений лицами, участвующими в деле, возможность совершения нарушений членами состава суда установленных процессуальным законом правовых процедур судебного разбирательства, возможность возникновения споров и разногласий по поводу объективности, независимости и беспристрастности суда, возможность появления жалоб на недостоверное и неполное содержание протокола судебного заседания. В данном случае можно говорить о превентивной функции технической записи процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках правосудия, способствующей решению задач гражданского судопроизводства по укреплению законности и правопорядка, формированию уважительного отношения к закону и суду.

Использование в гражданском судопроизводстве современных средств информационных технологий упрощает, облегчает и ускоряет процедуру оформления элементов процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках правосудия по гражданским делам: способствует сокращению времени судебного разбирательства, ускорению процесса судопроизводства, экономии времени, необходимого для оформления процессуальных действий, осуществляемых в ходе гражданского судопроизводства, что обеспечивает реализацию начала процессуальной экономии в рамках гражданского процесса. Процессуальная экономия, достигаемая использованием в судебной деятельности технических методов фиксации информации, имеет немаловажное значение для правосудия в целом. Еще в XIX веке Е.В. Васьковский требование удобства процесса, которое, по его мнению, должно строиться на общих началах политической экономии: с наименьшими усилиями достигать наибольших результатов, рассматривал в качестве «постулата процессуальной экономии», выражающейся, в свою очередь, в экономии времени, быстроте, облегчении труда и простоте⁴.

Реализация требований процессуальной экономии обеспечивается различными способами. В рассматриваемом случае возможно говорить об инновационном способе процессуальной экономии: способе внедрения в российское судопроизвод-

ство современных технических средств, используемых в рамках осуществляемой судом процессуальной деятельности, что предопределяет выбор наиболее совершенного, рационального и эффективного способа фиксации гражданских процессуальных действий с учетом уровня развития информационных технологий. В этом видится проявление функции процессуальной экономии автоматической записи хода судебного разбирательства.

Проведенный функциональный анализ технической записи процессуальной деятельности свидетельствует о том, что в настоящее время существуют объективные причины, предопределяющие использование достижений научно-технического прогресса в гражданском судопроизводстве. Использование современных средств информационных технологий позволит сократить время судебного разбирательства, сэкономить время, необходимое для оформления осуществляемых в ходе гражданского судопроизводства процессуальных действий, предотвратить появление жалоб на недостоверное и неполное содержание протокола судебного заседания, повысить степень обоснованности судебных актов, степень достоверности и объективности⁵ протокола судебного заседания, культуру правосудия, сохранить информацию о рассмотренном деле в электронном архиве без учета сроков хранения документов.

Принимая во внимание современный уровень развития и распространения информационных и компьютерных технологий, представляется возможной модернизация действующего рукописного способа фиксации процессуальных действий с использованием современных технологий в направлении фиксации гражданских процессуальных действий с учетом уровня технического развития.

¹ См.: Жилин Г.А. Суд первой инстанции в гражданском процессе. М., 2001. С. 7.

² См.: Зайцев П.П. Допустимость в качестве судебных доказательств фактических данных, полученных с использованием электронных документов // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 4. С.8.

³ См.: Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2007-2011 годы», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 4 августа 2006 г. № 1082-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 33, ст. 3652.

⁴ См.: Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 108.

⁵ См.: Якимова Т.Ю. Объективность суда в стадии судебного разбирательства: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 71–74.

П.Д. Гринёв

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ АРБИТРАЖЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В статье исследуется становления института международных коммерческих арбитражей в России до 1917 г. Проводится сравнительно-правовой анализ института оспаривания и приведения в исполнение решений международных коммерческих арбитражей в дореволюционном и современном российском законодательстве.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, арбитражное судопроизводство, альтернативная форма разрешения споров, оспаривание и приведение в исполнение решений международных коммерческих арбитражей.

© Гринёв Павел Дмитриевич, 2014

Аспирант кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: pavel_grinev@mail.ru

P.D. Grinev

JUDICIAL CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

The article is to research of the institute of international commercial arbitration in Russia until 1917 devoted. A comparative legal analysis of the institution of challenge and enforcement of international commercial arbitration in the pre-revolutionary and modern Russian legislation has conducted.

Keywords: international commercial arbitration, the arbitration proceedings, an alternative form of dispute resolution, challenging and enforcement of international commercial arbitration.

Международный коммерческих арбитраж (далее — МКА) представляет собой относительно молодую альтернативную форму разрешения споров между предпринимателями в российской истории, по сравнению с внутренними третейскими судами. Так, Нормативная регламентация внутренних третейских судов, базировавшаяся исключительно на договоренностях сторон спорных правоотношений, имела место в договорных грамотах русских князей еще в начале XVI в. и была продолжена принятием в 1649 г. Соборного уложения, в гл. XV которого впервые получили общегосударственное законодательное закрепление многие крайне важные вопросы, в той или иной степени связанные с третейским судом¹.

История же международных коммерческих арбитражей в России восходит к 1831 г., когда Николаем I впервые было утверждено Положение о третейском суде Российской империи. Указанное Положение регулировало деятельность не только «внутренних» третейских судов, но и деятельность коммерческих (торговых) третейских судов, рассматривавших внешнеэкономические споры. При этом наибольшее распространение в России торговые третейские суды получили при биржах. Это в первую очередь было связано с тем, что многообразие биржевого оборота с его различными видами сделок требовало не только юридического обоснования при разрешении возникавших споров, но и детального знакомства с механизмом соответствующей биржевой операции. Последнее требование в наибольшей степени удовлетворял постоянно действующий коммерческий третейский суд при соответствующей бирже, заседавший во все биржевые дни и постановляющий свои решения без особых формальностей по обращению к нему спорящих сторон².

Указанное Положение о третейском суде Российской империи 1831 г. составной частью вошло в Свод законов Российской империи, который был впервые напечатан в течение 1832 г. Манифестом от 31 января 1833 г. Свод законов был официально объявлен действующим источником права с 1 января 1835 г. В дальнейшем в Свод вносились различные изменения, поправки и дополнения (в 1842 г., 1857 г., 1864 г., 1887 г.). В целях настоящего исследования отдельно хотелось бы отметить изменения и поправки 1864 г. В поправках этого года был введен в действие т. 16 Свода, в который вошли Судебные уставы, в т.ч. Устав гражданского судопроизводства, в ст. 1367–1400 которого регулировались как особенности арбитражного разбирательства во «внутренних» третейских судах и в коммерческих (торговых) арбитражах по разрешению внешнеэкономических споров, так и особенности производства в государственных судах империи по оспариванию и выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение

решения международного торгового арбитража³. Кроме того, в результате проведенной судебной реформы 1864 г. стало возможным создавать наряду с постоянно действующими торговыми арбитражами при биржах Российской империи также добровольные коммерческие арбитражи, которые, применяя современную юридическую терминологию, можно охарактеризовать как арбитражи по разрешению конкретного спора (арбитраж *ad hoc*). И если «внутренние» узаконенные (постоянно действующие) третейские суды согласно позиции С.Ж. Соловых перестали существовать после Судебной реформы 1864 г.⁴, то торговые арбитражи вплоть до Октябрьской революции 1917 г. продолжали существовать в качестве как постоянно действующих при соответствующих биржах империи, так и добровольные коммерческие арбитражи, образованные для разрешения конкретного спора.

Проанализируем особенности производства в международных коммерческих арбитражах по Своду законов Российской империи и сравним с современным материальным и процессуальным законодательством о МКА. В дальнейшем для удобства анализа материала будет делаться ссылка на соответствующую статью т. XVI Свода Законов Российской империи 1832 г. (далее — Свод). Первоначально рассмотрим субъектный и объектный критерии подведомственности споров коммерческим арбитражам. Согласно ст. 1368 Свода на разрешение торгового арбитража по взаимному согласию сторон могли быть переданы споры, вытекавшие из гражданско-правовых отношений, за исключением споров, связанных с интересом казенных управлений или же земских, городских и сельских обществ и споров по делам, связанным с недвижимым имуществом, когда в числе участвовавших в споре лиц были лица, ограниченные по закону в правах приобретения этого имущества или в правах владения и пользования им. Таким образом, Свод содержал закрытый перечень дел, которые не могли быть рассмотрены международными торговыми арбитражами, в отличие от современного Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (в ред. от 3 декабря 2008 г.)⁵, который дает лишь общие критерии подведомственности споров международным коммерческим арбитражам; конкретные же категории споров, которые не могут быть рассмотрены международным коммерческим арбитражем, не содержатся в самом законе, а перечислены в отдельных федеральных законах, что создает определенные трудности в их использовании как самим арбитрам, так и судьям государственных арбитражных судов РФ.

Что касается субъектного критерия, то в силу ст. 1367 Свода правом обращения в торговый арбитраж обладали только организации и лица (в частности дворяне и купцы), имевшие определенное имущество и свободно им располагавшие. Таким образом, необходимой предпосылкой обращения в коммерческий арбитраж являлось наличие определенного имущественного ценза заинтересованных сторон и, как уже было отмечено, гражданско-правовые споры с участием организаций публичного порядка (казенных управлений, земских, городских и сельских обществ) не могли быть переданы на разрешение международного торгового арбитража. Закон 1993 г. допускает рассмотрение гражданско-правовых споров с участием Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований коммерческими арбитражами, если иное не противоречит требованиям федерального законодательства. Кроме того, Свод содержал специальные требования относительно формы третейской записи

(арбитражной оговорки). Так, помимо самих сторон, арбитражная оговорка должна быть подписана предполагаемыми арбитрами, которые тем самым выражали свое согласие на рассмотрение спора между заинтересованными участниками. Третьей записью должна быть также засвидетельствована у нотариуса или мирового судьи (ст. 1370, 1374). Таким образом, еще до обращения заинтересованной стороны в соответствующий торговый третейский суд проводился предварительный нотариальный и судебный контроль за действительностью арбитражной оговорки. В настоящее время данная проверка проводится государственным арбитражным судом лишь в случае, если одна из сторон спора первоначально обращается в государственный арбитражный суд за разрешением спора, несмотря на то, что между сторонами есть соглашение о передаче спора на разбирательство в международном коммерческом арбитраже (ст. 8 Закона «О международном коммерческом арбитраже»). Современное законодательство содержит лишь одно обязательное требование к форме арбитражного соглашения – оно должно быть заключено в письменной форме (ч. 2 ст. 7 Закона «О международном коммерческом арбитраже»).

Свод законов Российской империи допускал широкое применение диспозитивных действий сторон: они имели право определять место проведения арбитража, кандидатуры посредников, порядок представления устных объяснений и письменных доказательств по делу, сроки проведения арбитражного разбирательства (ст. 1371). Возможность закрепления сторонами подобных действий в арбитражной оговорке характерна и для современного законодательства. Другой отличительной особенностью арбитражного законодательства того времени являлась возможность самостоятельного принятия международным торговым арбитражем обеспечительных мер по делу без дальнейшего подтверждения принятия последних государственным судом (ст. 1375). В современном законодательстве подобная возможность отсутствует. На настоящий момент судебные акты международного коммерческого арбитража (в т.ч. и определение арбитража о принятии каких-либо обеспечительных мер) в силу негосударственного характера этого судебного органа не могут принудительно исполняться без соответствующей санкции (эксекватуры) государственного арбитражного суда. Принятие обеспечительных мер осуществляется в порядке, предусмотренном гл. 8 Арбитражного процессуального кодекса РФ 2002 г. (далее – АПК РФ).

По законодательству Российской империи существовала еще одна форма судебного контроля за деятельностью торговых арбитражей – рассмотрение вопроса об отводе посредника (арбитра). В силу ст. 1376 Свода отвод арбитра разрешался путем подачи соответствующего заявления в Мировой суд или Окружной суд по месту жительства (нахождения) ответчика в зависимости от цены заявленных исковых требований. В настоящее время указанный вопрос рассматривается в рамках институционального контроля и разрешается не государственным судом, а Президентом Торгово-промышленной палаты РФ (ст. 6, 13 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже»).

Другие особенности торговых арбитражей дореволюционной России, характерные и для современного арбитражного законодательства, состояли в возможности рассмотрения спора по имеющимся в деле доказательствам без участия надлежаще уведомленного ответчика или истца (п. 1381 Свода Законов, ст. 25 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» 1993 г.), возможности прекращения

арбитражного разбирательства без вынесения решения по существу спора (п. 1384 Свода и ч.2 ст. 32 Закона «О международном коммерческом арбитраже» 1993 г.), отсутствии апелляции на решение торгового арбитража (п. 1393 Свода Законов).

Кроме того, хотелось бы отметить следующую особенность взаимодействия коммерческих судов и государственных судов в Российской империи. В силу ст. 1394 Свода после вынесения арбитражного решения последнее из торгового коммерческого суда непосредственно передавалось в государственный мировой или окружной суд для выдачи соответствующего исполнительного листа для приведения в исполнение решения арбитража. При этом государственным судом не проводилась процедура экзекватуры, т.е. государственный суд не проверял наличие или отсутствие оснований для выдачи исполнительного листа на решение торгового коммерческого арбитража, функция государственного суда в указанном случае сводилась исключительно к приданию законной силы решению международного торгового арбитража. Напротив, в настоящее время процессуальным законодательством предусмотрена обязательная процедура проверки решения международного коммерческого арбитража, в рамках которой государственный арбитражный суд проверяет наличие или отсутствие оснований для выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения международного коммерческого арбитража, расположенного на территории Российской Федерации (ч. 4 ст. 238 АПК РФ), а равно основания для признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения (ч. 3 ст. 243 АПК РФ), т.е. фактически осуществляет последующий контроль за деятельностью международных коммерческих арбитражей.

В отличие от современного российского процессуального законодательства законодательство Российской империи предусматривало лишь одну форму последующего судебного контроля за деятельностью торгового третейского суда – возможность признания решения последнего недействительным (ст. 1397 Свода Законов), причем перечень оснований для признания арбитражного решения недействительным носил исчерпывающий характер. В указанный перечень входили следующие основания:

1. Решение третейского торгового суда принято о правах и обязанностях лиц, не участвовавших в арбитражном разбирательстве.
2. Торговым арбитражем было вынесено решение по вопросам, не входящим в арбитражное соглашение.
3. Объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по законодательству Российской империи.

Подобные основания для отмены решения международного коммерческого арбитража характерны и для современного российского законодательства, перечень которых приведен в ст. 36 Закона «О международном коммерческом арбитраже».

Как справедливо отмечает Т.А. Григорьева, третейское (арбитражное) разбирательство всегда отличало отсутствие формализма (строгой юридической формы) при разбирательстве дела⁶.

Таким образом, законодательство Российской империи, несмотря на недостаточно высокий уровень юридической техники, официально закрепило международный коммерческий арбитраж в качестве альтернативной формы разрешения коммерческих споров между предпринимателями в Российском государстве и обозначало как формы взаимодействия коммерческих арбитражей и государственных судов, так и основные виды контроля за деятельностью международных коммерческих арбитражей. Законодательство того времени заложило необходимую нормативно-правовую базу для дальнейшего развития

института международного коммерческого арбитража как в советский, так и в постсоветский период российской истории.

¹ См.: *Зайцев А.И.* История развития третейских судов и третейского судопроизводства в России до 1917 года // *Вестник гражданского процесса.* 2012. № 2. С. 102.

² См.: *Ручкина Г.Ф., Ручкин О.Ю.* Защита прав субъектов предпринимательской деятельности в рамках несудебной гражданской юрисдикции // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2003. № 3. С. 2.

³ Свод законов Российской империи. СПб., 1912. С. 245–252.

⁴ См.: *Соловых С.Ж.* Рассмотрение экономических споров третейскими судами в Российской Федерации / под ред. Т.А. Григорьевой. М., 2010. С. 11.

⁵ См.: *Ведомости СНД и ВС РФ.* 1993. № 32. ст. 1240; *Российская газета.* 2008. 9 дек.

⁶ См.: *Григорьева Т.А.* Природа третейского суда как особого вида арбитражного судопроизводства // *Актуальные проблемы процессуальной цивилистической науки.* Саратов, 2003. С. 69.

О.Ю. Сальникова

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СУДЕЙ И КАЧЕСТВО АРБИТРАЖНОГО ПРАВОСУДИЯ

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи уровня правовой культуры судей и качества арбитражного правосудия, исследуется проблема профессионализма судьи.

Ключевые слова: арбитражные суды, правовая культура, правосознание, профессионализм, эффективность деятельности.

O.Yu. Salnikova

LEGAL CULTURE OF JUDGES AND THE QUALITY OF ARBITRAL JUSTICE

In article questions of correlation between the level of legal culture of judges and the quality of arbitral justice are considered, the problem of professionalism of the judge is observed.

Key words: Arbitration tribunal, legal culture, legal conscience, professionalism, efficiency of activity.

Под правовой культурой ученые понимают совокупность правовых знаний в виде норм, установок и убеждений, а также объективное отношение общества к праву. «Правовая культура есть процесс и результат творчества человека в сфере права, характеризующийся созданием и утверждением правовых ценностей»¹, — таково мнение ведущего исследователя в области правовой культуры М.Б. Смоленского, с которым нельзя не согласиться. Определение правовой культуры выражается в единстве трех составляющих: обладание базой правовых знаний; способность к модификации знаний в убеждения и привычки правомерного поведения; ярко выраженная готовность совершать поступки, гармонирующие по своей сути с истинными ценностями правовой сферы.

Уровень правовой культуры каждого гражданина России находится в геометрической зависимости от огромного количества факторов, носящих как государственный, так и сугубо межличностный характер. Однако с учетом роста активности гражданского общества в последнее время приходится констатировать тот факт, что по разным направлениям проводится скрупулезный анализ качества влияния институтов государства на состояние общественной морально-

© Сальникова Ольга Юрьевна, 2014

Аспирант кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: miranda3@yandex.ru

этической и правовой базы. Наиболее подробному изучению, безусловно, подвергается судебная система со всеми входящими в нее звеньями и институтами. Подобная ситуация вполне очевидна: именно суд в сознании граждан является царством справедливости и законности, выступая благодатной почвой для защиты и укоренения моральных и культурных ценностей. Другими словами, выйдя из зала суда, гражданин должен ощущать прилив «культурных» сил, быть нацеленным на совершение благих поступков или, по меньшей мере, быть удовлетворенным качеством рассмотрения его дела в суде. Подобного рода «пожелания» должны быть непременно реализованы на практике, иначе замысел существования института суда не оправдается.

От верности и справедливости вынесенного судом по делу решения в определенной степени зависит развитие конкретного типа взаимоотношений в какой-либо сфере. Особенно ярко эта зависимость проявляется в рамках экономических реалий, т.к. стремительное развитие России в этом направлении влечет за собой высокий рост специализированных конфликтов, требующих цивилизованного разрешения в рамках суда. Здесь следует понимать, что экономический прогресс предъявляет дополнительные требования к судьям, рассматривающим экономические споры, например, повышение уровня знаний экономического характера, способность анализировать рыночные характеристики, умение прогнозировать явления экономического толка и т.д.

Однако именно правовая культура судьи служит базовым показателем, именно она определяет его статус как профессионала своего дела, дилетанта или же лицо, ненадлежащим образом выполняющее свои обязанности и незаинтересованного в рассматриваемом деле. Если вдуматься в суть реалий, то факт того, что судья осуществляет свои полномочия на профессиональной основе, дает все основания полагать, что «его правовая культура объективно должна носить профессиональный характер и уровень этого профессионализма будет явным образом сказываться на итоговых результатах и их оценке обществом»².

На сегодняшний день проблеме правовой культуры судей в России уделяется достаточное внимание на уровне теоретических исследований. В частности, Институт проблем правоприменения разработал масштабный проект, который детально анализирует реалии, связанные с функционированием судебной системы. Такое исследование предоставляет нам возможность наилучшим образом осознать, насколько судьи нацелены на защиту прав граждан и организаций, разделяют ли они систему базовых ценностей, исторически связанных с правосудием, скрупулезно ли они следуют букве закона, достаточно ли они прочувствовали дух этого самого закона. Среди публикаций, входящих в рассматриваемое исследование, есть такие, которые обрушивают на судебную систему пронзительную критику, в верности которой читателю сложно усомниться. И в целом, если анализировать отношение современного общества к судам, то не возникает никаких сомнений в том, что негативных отзывов будет предостаточно. Однако, может, это обычная российская действительность? Ведь еще в 1855 г. в своей записке «О внутреннем состоянии России» К.С. Аксаков писал: «Россия никогда не обоготворяла право, не верила в его совершенство, совершенства от него не требовала»³. Невозможно положительно ответить на подобный вопрос, ведь, несмотря на самобытный, исключительный путь постижения права, российская судебная система в законодательном и правоприменительном аспекте сориентирована базовыми принципами права, которые из века в век признаются

важнейшими и обязательными, и на каждом историческом витке у народа, будь то русского или иноземного, была потребность в суде справедливом, беспристрастном, способном к достойному разрешению конфликта.

Следовательно, обвинять именно российскую ментальность в некотором понижении «рейтинга» судебной власти не представляется возможным. Именно работники судебного аппарата своей каждодневной усердной работой должны вызывать уважение к себе, поднимать свой авторитет. Проблема уровня правовой культуры судей порождает очевидный вопрос относительно факторов, влияющих на формирование системы ценностей, позволяющей не сомневаться в справедливости и законности вынесенного судьей решения.

В ряде случаев усматривается взаимосвязь между профессионализмом судей и определенной политической ситуацией, качеством действующего законодательства. Любые широкомасштабные государственные новации изменяют тем или иным образом ход, течение ряда социальных взаимодействий, что в определенной мере сказывается на судебной практике, уточнении конкретных специализированных функций суда. От того, насколько грамотно изложены позиции законодателя и как восприняты населением идеи, заложенные в основу той или иной реформы, зависит упорядоченность и корректность социальных взаимосвязей в корректируемой области. Экономическая сфера является одной из наиболее чутких областей, где любая, даже самая незначительная законодательная правка, будет рассматриваться как явление глобальное, влекущее за собой необходимость положительной деформации устоявшихся связей. И в случае, если законодатель будет корректен, учтет специфику экономических констант, возможен прогресс в той или иной области экономических взаимодействий.

Учитывая опыт недавно проведенных реформ, можно смело предположить, что государственная власть осознала необходимость модернизации ряда стагнирующих элементов механизма правосудия. Это позволило преодолеть некоторые сложности, возникающие в процессе отправления правосудия, судебским корпусом по достоинству было оценено «реставрирование» законодательства.

Далее, обнаруживая мотивационные стержни достойной работы судей и обуславливающие причины их профессионализма и высокий уровень правовой культуры, необходимо обратиться к ряду гарантий, призванных сделать более убедительным процесс отправления правосудия. Безусловно, надлежащее финансовое обеспечение, скрупулезная система отбора и назначения на должность судей, неприкосновенность судьи, а также ряд других законодательно закрепленных гарантий окажут серьезное положительное влияние на качество работы судебной системы. Однако не стоит забывать, что моменту обнаружения себя в профессии предшествует длительный воспитательный процесс, становление личности. Именно поэтому целенаправленная социальная политика государства, поддержка семьи и детства оказывают влияние на уровень культуры человека, его уверенность в своих действиях и осознание им каждого своего поступка, будь то определение будущей профессии или же принятие важного решения по делу в качестве судьи. Особенно важным является формирование верного образа «идеального» судьи.

Как показывают исследования, в сознании начинающих юристов формируется двойной образ: с одной стороны, «идеальный» судья рассматривается в первую

очередь как должностное лицо, полностью ориентированное на аппаратные нормы, дисциплинированное, наделенное трудолюбием и скрупулезностью. С другой стороны, во главу угла ставятся независимость, справедливость и бескорыстность. Представляется совершенно очевидным, что только единство этих двух характеристик сделает возможным реальное разрешение конфликтов, когда судебное решение будет понятно всем участникам процессам, когда оно сумеет сориентировать и сорганизовать дальнейшее развитие конкретного типа взаимоотношений.

Следует согласиться с Г.Н. Ветровой, которая утверждает, что «профессионализм предполагает не только хорошее знание законов, но и их строгое исполнение. Профессионализм – это и культура судебного процесса, и справедливость при принятии решений; это исповедование общечеловеческих ценностей и прав человека и многое другое»⁴.

Учитывая вышеизложенное, необходимо констатировать тот факт, что процесс отправления правосудия весьма многогранен. Он включает в себя огромную совокупность компонентов и лишь их гармоничное единство будет способствовать вынесению справедливого и законного решения. Правовая культура судей в данном аспекте ставится во главу угла, т.к. стремительное усложнение взаимодействий будь то в экономической или какой-либо другой сфере предъявляет к судейскому корпусу повышенные требования. Смеем надеяться, что в будущем будут проводиться научно-теоретические исследования по проблемам профессиональной культуры судей, что, безусловно, повлечет за собой совершенствование судебной системы, наилучшим образом повлияет на состояние законности и правопорядка в современной России.

¹ Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение. 2003. №1. С. 23.

² Сачков А.Н. Логика и содержание профессиональной правовой культуры мировых судей // Российская юстиция. 2009. №3. С. 34.

³ Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т 1. М., 1861. С. 72–91.

⁴ Ветрова Г.Н. Закон и нравственность в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского государственного университета. Сер. Право. 1996. №1. С. 45.

С.Ю. Бытко

МАССОВОЕ СОКРЫТИЕ УБИЙСТВ В МВД РФ: СООТВЕТСТВУЮТ ЛИ ОЦЕНКИ НИИ ГЕНПРОКУРАТУРЫ РЕАЛЬНОСТИ

В статье анализируются результаты оценки уровня латентности убийств в исследовании НИИ Академии Генеральной Прокуратуры РФ. Обосновано положение о том, что эти оценки неоправданно завышены, а уровень латентности убийств не имеет тенденции к возрастанию.

Ключевые слова: убийство, уровень латентности, фактическое количество убийств, убийство при превышении пределов необходимой обороны, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

S.Yu. Bytko

A MASSIVE CONCEALMENT OF MURDERS IN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS: WHETHER THE EVALUATION OF THE RESEARCH INSTITUTE OF THE PROSECUTOR GENERAL OF REALITY

The article analyzes the results of the evaluation of the level of the latent capabilities of murders in the research Institute of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation. The authors assert that these estimates are unreasonably high, and the first step latency kills has no tendency to increase.

Keywords: murder, the level of latency, the actual number of murders, murder by exceeding necessary defense, infliction of willful heavy damage to health.

В 2011 г. авторским коллективом НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ под руководством С.М. Иншакова¹ был издан фундаментальный труд, ставший событием в среде криминологов и упоминаемый в средствах массовой информации². Нас заинтересовали оценки уровня латентности посягательств против жизни и здоровья, сделанные в этой работе, поскольку обоснованные в ней выводы породили сомнения в достоверности официальной уголовной статистики и добропорядочности сотрудников МВД РФ, массово скрывающих информацию о наиболее опасных преступлениях. Результаты оценки латентности убийств приведены в табл. 1 и на рис. 1³.

© Бытко Сергей Юрьевич, 2014

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Поволжского юридического института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», e-mail sergej-bytko@yandex.ru

Таблица 1

Динамика зарегистрированных, латентных и фактических преступлений, предусмотренных статьёй 105 Уголовного кодекса РФ*

Количество преступлений, тыс.	Годы							
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
зарегистрированных преступлений	31,579	30,959	30,994	30,362	27,039	21,896	19,740	17,414
латентных преступлений	8,4	8,9	8,8	9,3	12,7	17,7	19,7	21,8
фактических преступлений	40,0	39,9	39,8	39,7	39,7	39,6	39,4	39,2

* См.: *Иншаков С.М., Корсантия А.А. и др. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. М., 2011. С. 21.*

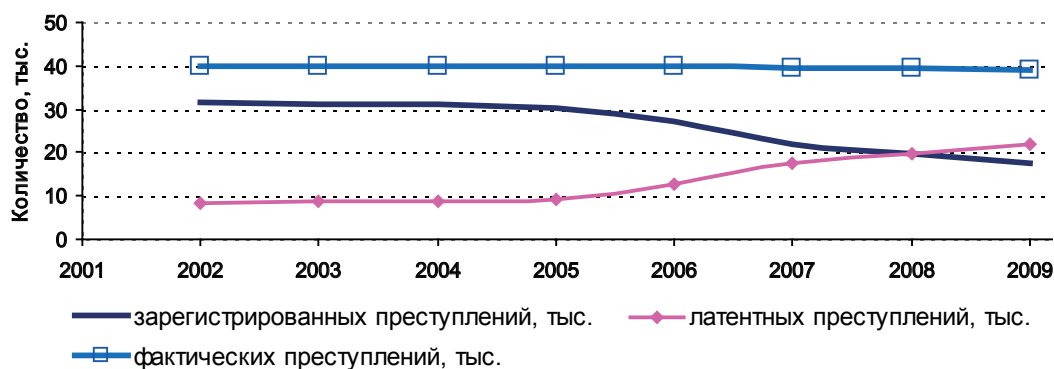

Рис. 1. Количество зарегистрированных, латентных убийств и фактическое количество убийств, предусмотренных ст. 105 Уголовного кодекса РФ (по данным С.М. Иншакова)

Из рис. 1 видно, что с 2005 г. наблюдается резкое увеличение уровня латентности данного преступления. Фактическая динамика убийств характеризуется, в отличие от представленной в статистике МВД РФ, крайне незначительным снижением в пределах статистической погрешности.

Впрочем, существуют основания полагать, что математическая модель, используемая при оценке уровня латентности преступлений, не совсем корректна. В частности, факторный анализ показал, что «за период с 2001 по 2009 г. динамика социальных явлений, детерминирующих убийства, в нашей стране была негативной. Иными словами, криминогенная ситуация непрерывно ухудшалась»⁴.

Такая негативная оценка социально-политических изменений, происходивших в начале 2000-х гг., представляется не соответствующей действительности. Авторы игнорируют в своих оценках такие факторы, как прекращение боевых действий, обуздание сепаратизма на Северном Кавказе, предотвращение распада страны, укрепление государственной власти, значительное улучшение

экономической ситуации и уровня жизни населения, утрата организованной преступностью контроля над крупнейшими субъектами экономической деятельности и многие др.

К счастью, выводы, сделанные авторами, презюмирующими ухудшение криминогенной обстановки, могут быть проверены численными методами. Полагаем, что одним из способов верификации является сравнение коэффициентов корреляции между показателями динамики отдельных видов преступлений, условно названных нами взаимозависимыми, взятых из официальной статистики МВД РФ и исчисленных на основании математического моделирования.

Мы предположили, что должна существовать корреляция между динамикой убийств и убийств, совершенных при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ). Также можно предположить существование такой корреляционной зависимости между динамикой преступлений, предусмотренных ст. 111 и 108 УК РФ⁵. Данная гипотеза основана на предположении, что иногда потерпевшие при посягательствах на их жизнь и здоровье оказывают сопротивление, которое заканчивается смертью нападающего. В ряде случаев обороняющиеся превышают пределы необходимой обороны.

С ростом числа преступных посягательств на жизнь и здоровье резонно ожидать и увеличения числа превышений пределов необходимой обороны, что при статистически значимом количестве нападений (десятки тысяч) должно проявляться в корреляции рядов данных, характеризующих рассматриваемые преступления.

Динамика зарегистрированных убийств (ст. 105 УК РФ), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) и убийств при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ) в соответствии со статистической отчетностью МВД РФ (ф. 493) представлена в табл. 2 и на рис. 2.

Таблица 2

Количество преступлений против личности (по данным МВД РФ)

Статья УК РФ	Годы								
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
105	31579	30959	30994	30362	27039	21896	19740	17414	15324
111	58469	57087	57352	57863	51429	47348	45436	43112	39745
108	628	701	656	597	509	532	490	483	473

Для проверки наличия корреляции между рядами данных о преступлениях, предусмотренных ст. 105 и ст. 108, а также ст. 111 и 108 УК РФ, мы использовали критерий², именуемый также коэффициентом Пирсона, коэффициентом корреляции.

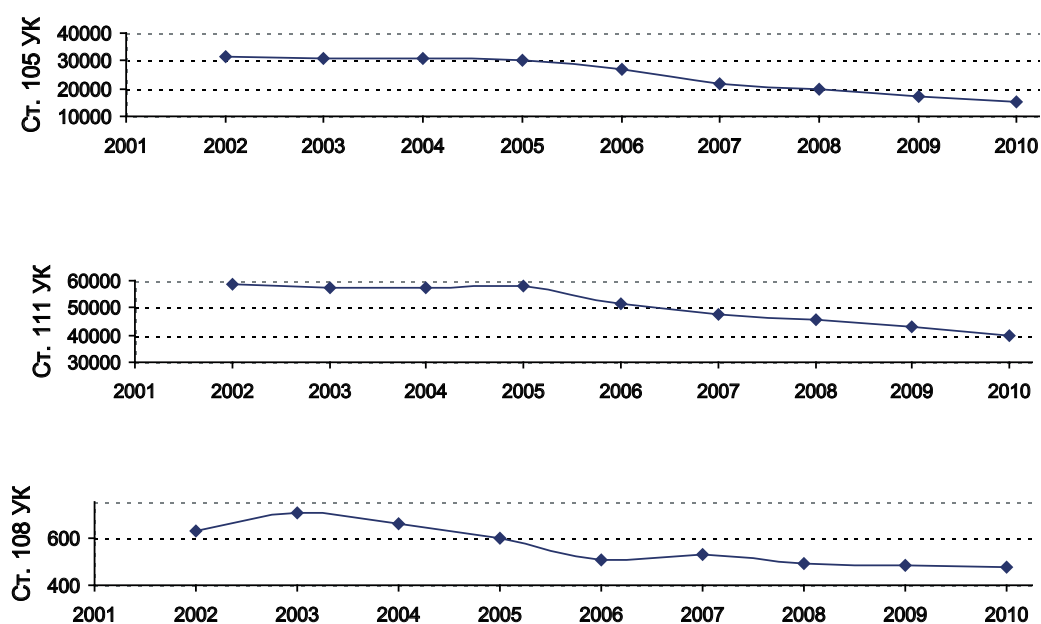

Рис. 2. Количество преступлений, предусмотренных статьями 105, 111 и 108 Уголовного кодекса РФ по данным МВД РФ

Для преступлений, предусмотренных ст. 105 и 108 УК РФ, его значение равно 0,878, что свидетельствует о сильной корреляционной зависимости и в общем подтверждает наше предположение, а для рядов, образованных данными о преступлениях, предусмотренных ст. 111 и 108 УК РФ эта связь еще более тесная — 0,885. Значение² для фактического количества преступлений, предусмотренных ст. 105 и 108 УК РФ, полученных коллективом профессора С.М. Иншакова (табл. 3, рис. 3), равно -0,596, в то время как для ст. 111 и 108 УК РФ его значение равно 0,925.

Таблица 3

Фактическое количество преступлений против личности*

Статья УК РФ	Годы							
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
105	40000	39300	39800	39700	39700	39600	39400	39200
111	76000	80000	80300	81000	82300	85200	90900	94900
108	750	770	780	850	870	900	930	960

* См.: Иншаков С.М., Корсантия А.А. и др. Указ. раб. С. 121, 127, 133.

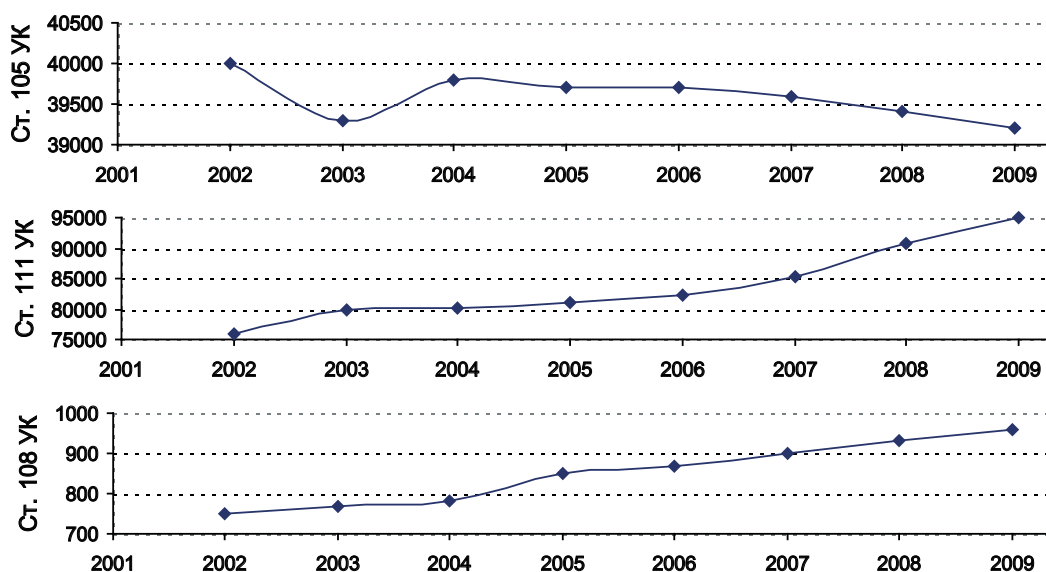

Рис. 3. Фактическое количество преступлений, предусмотренных ст. 105, 111 и 108 Уголовного кодекса РФ по данным С.М. Иншакова

Таким образом, если исходить из модели, построенной С.М. Иншаковым, то убийства по ст. 105 и 108 УК РФ не только не коррелируют между собой, но и демонстрируют разнонаправленную динамику. Обращает на себя внимание и то, что в официальной статистике убийства по ст. 105 УК РФ и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью имеют сходную динамику, что объясняется схожестью детерминант обоих видов преступлений. Однако в модели С.М. Иншакова мы наблюдаем разнонаправленные тренды по этим видам преступлений, причем, начиная с 2007 г., идет резкий рост числа преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ, причины которого неясны.

Если предположение о корреляционной зависимости между преступлениями, предусмотренными ст. 105, 108 и 111 УК РФ, верно, то должны коррелировать и данные о фактическом количестве этих преступлений, рассчитанном с поправкой на латентность. Имеющееся же расхождение в результатах, полученных коллективом С.М. Иншакова, может быть объяснено следующими причинами:

1. Фактическая ситуация с убийствами хуже, чем та, которая следует из результатов С.М. Иншакова, и на самом деле имеет место не снижение их числа, а довольно быстрый рост.
2. Данные о фактическом количестве преступлений, предусмотренных ст. 111 и 108 УК РФ, полученные С.М. Иншаковым, неверны и должны быть пересмотрены в сторону их значительного снижения.
3. Нуждаются в коррекции результаты оценки фактического количества (с учетом латентности) как по ст. 108 и 111, так и по ст. 105 УК РФ.

Полагаем, что есть основания предпочесть последнее объяснение. В качестве подтверждения приведем сведения по динамике самоубийств и убийств, приведенные Е.Г. Ермолаевой (рис. 4)⁶. В соответствии с ними самоубийства демонстрируют динамику, сходную с динамикой убийств. Учитывая, что данные по убийствам и самоубийствам получены из различных источников, можно утверждать, что сходство соответствующих графиков не случайно. Е.Г. Ермолаева объясняет его наличием общих факторов убийств и самоубийств.

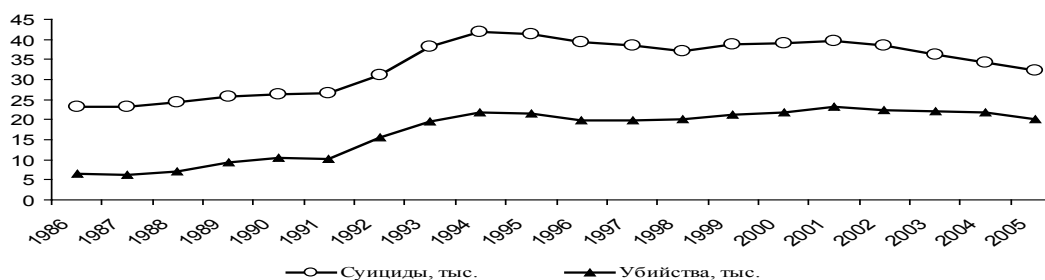

Рис. 4. Количество самоубийств и убийств (покушений на убийство) в России (1986-2005)

Обозначившееся к 2005 г. снижение числа самоубийств, повторяемое кривой убийств, противоречит выводам коллектива С.М. Иншакова об увеличении с 2005 г. количества латентных убийств, порожденное практикой их массового сокрытия МВД РФ⁷. Мы не можем отрицать, что какая-то часть убийств статистикой не учитывается, в т.ч., в результате злонамеренности отдельных сотрудников, однако имеются сомнения в масштабах этого явления.

Данные Е.Г. Ермолаевой, по нашему мнению, свидетельствуют о стабильности латентной составляющей в общем числе убийств, при которой фактическая динамика убийств повторяет их динамику в официальной статистике.

Вызывает сомнение и другой аргумент, который используют авторы анализируемой работы: рост числа сообщений об убийствах (табл. 4, рис. 5) они интерпретируют как подтверждение роста фактического числа убийств. Вместе с тем они никак не объясняют зигзагообразное поведение кривой, характеризующей этот показатель в 2007-2009 гг., хотя в указанной работе мы встречаем следующее объяснение: «...Зигзагообразная линия графика изменений зарегистрированной преступности ... является, скорее всего, отражением тех или иных интересов ведомства, ведущего учет преступности»⁸.

Таблица 4

Динамика убийств и сообщений об убийствах (по данным С.М. Иншакова)*

Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Кол-во сообщений об убийстве	14183	18041	24586	15794	15793	25545	64809	34069	45131
Зарегистрировано убийств (ст. 105-108 УК РФ)	34247	32929	32342	32213	31451	27977	22767	20546	18164

* См.: Иншаков С.М., Корсантия А.А. и др. Указ. раб. С. 105.

Представляется справедливым распространить это утверждение и на поведение кривой сообщений об убийствах, которое мы можем интерпретировать как отражение интересов прокуратуры, связанных, например, с ограничением надзорных полномочий за следствием в связи с внесением соответствующих изменений в УПК РФ. Соответственно рассматривать такие данные в качестве подтверждения выводов о росте латентности убийств полагаем некорректным.

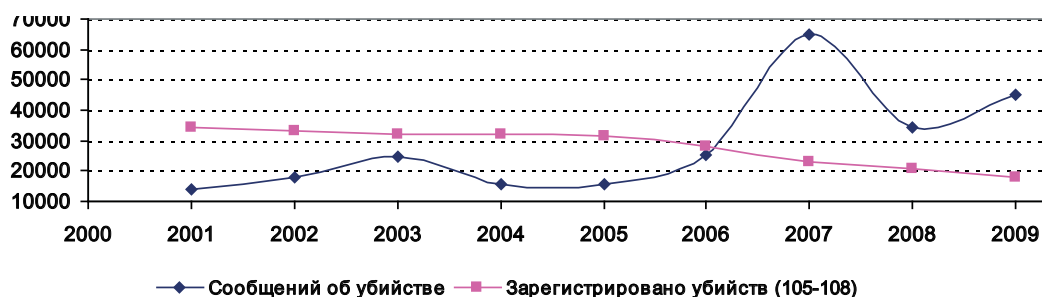

Рис. 5. Динамика убийств и сообщений об убийствах (по данным С.М. Иншакова)

Нельзя согласиться и с другим доводом: рост числа неопознанных трупов в 2001–2009 гг.¹⁰ рассматривается как подтверждение выводов о фактическом состоянии убийств. Однако при этом игнорируется, что статистика МВД включает в себя данные о количестве трупов, обнаруженных за отчетный период, а также, как это следует из ответа ФКУ «ГИАЦ МВД России», *весь остаток дел по неопознанным трупам с учетом неоконченных дел в прошлые годы*¹¹. Таким образом, утверждать, что в 2009 г. было обнаружено 77937 неопознанных трупов¹², некорректно, поскольку эта цифра включает в себя значительный массив трупов, зарегистрированных в прошлые годы. Поэтому более информативным будет анализ прироста этого показателя.

Как видно из табл. 5 и графика на рис.6, прирост количества неопознанных трупов хорошо согласуется с официальной статистикой убийств. Коэффициент корреляции между рядами этих показателей очень высок – 0,896. Это означает, что статистика МВД РФ по убийствам в целом достаточно адекватно отражает ситуацию. По крайней мере, можно утверждать, что *значительного роста латентности убийств не происходит*.

Таблица 5

Количество неопознанных трупов за 2001 – 2013 годы

Сведения по количеству	Годы												
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Неопознанных трупов	37923	42022	48550	56424	64589	71792	75806	76735	77937	74793	71159	67367	62723
Прирост		4099	6528	7874	8165	7203	4014	929	1202	-3144	-3634	-3792	-4644
Убийства (ст. 105 УК РФ)		31579	30959	30994	30362	27039	21896	19740	17414	15324	14305	13265	12361

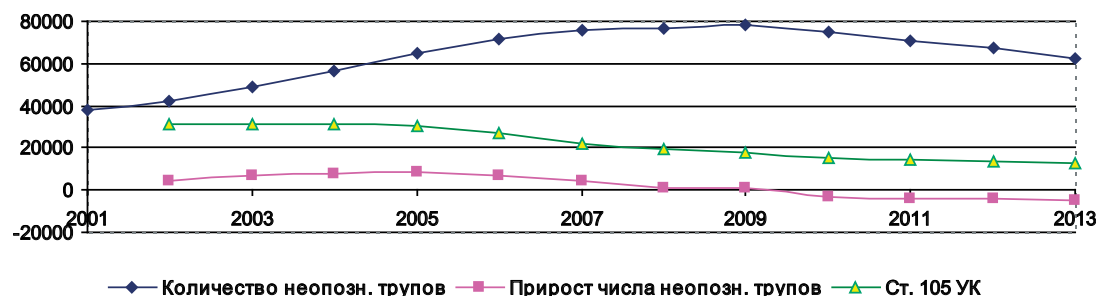

Рис. 6. Сведения о количестве неопознанных трупов, приросте числа неопознанных трупов и количестве убийств (по данным МВД РФ)

Авторы анализируемой работы не комментируют значительный прирост неопознанных трупов в период с 2002 по 2009 г. Мы полагаем, что он связан с проведением контртеррористической операции (КТО) на Северном Кавказе, в ходе которой обнаруживалось значительное число обезображенных тел, трупов иностранных наемников. С окончанием же режима КТО в 2009 г. хорошо коррелирует и резкое снижение прироста числа неопознанных трупов.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Данные о высокой латентности убийств, содержащиеся в работе С.М. Иншакова, подкрепляются утверждениями об ухудшении криминогенной ситуации в стране, ссылками на увеличение числа сообщений об убийствах и рост количества неопознанных трупов.

2. Имеются сомнения в качестве используемых авторами аргументов, в частности, при оценке факторов преступности не учтены важные изменения в социально-экономической сфере; кривая заявлений об убийствах носит зигзагообразный характер, что не соответствует обычному ходу социальных процессов и может отражать заинтересованность различных ведомств; скорее всего, неверно интерпретирована статистика неопознанных трупов.

3. Слабость аргументации позволяет говорить о том, что вывод о резком увеличении латентной составляющей убийств, не доказан.

4. Не являются обоснованными обвинения в адрес МВД РФ о массовом сокрытии этого вида преступлений.

5. Возникают сомнения в качестве примененной авторами исследования латентной преступности математической модели.

¹ См.: *Иншаков С.М., Корсантия А.А.* и др. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. М., 2011.

² См., например: *Полунин А.* По стране бродят сотни тысяч убийц и насильников. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/37412> (дата обращения: 21.04.2014); *Черных Е.* В России убивают больше народу, чем в США. URL: <http://www.kp.ru/daily/25789.3/2770823> (дата обращения: 21.04.2014).

³ См.: *Иншаков С.М., Корсантия А.А.* и др. Указ. раб. С. 121

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Взаимозависимыми мы называем эти преступления потому, что основной причиной одного преступления (в нашем случае – убийства по ст. 108 УК РФ) является другое преступление (нападение).

⁶ *Ермолаева Е.Г.* Суицид и преступность в ряду социальных девиаций в России // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 2. С. 129–131.

⁷ *Иншаков С.М., Корсантия А.А.* и др. Указ. раб. С. 113.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Письмо ФКУ «ГИАЦ МВД России» от 19 марта 2014 г. № 34/4-198 на запрос о предоставлении статистической информации по неопознанным трупам в Российской Федерации за период с 2001 по 2013 г.

¹¹ См.: *Иншаков С.М., Корсантия А.А.* и др. Указ. раб. С. 105.

П.Е. Конегер

ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, ИХ ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ С ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ

В статье исследуется правовая природа понятия законных интересов осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы. На основании проведенного теоретического анализа формулируется определение законных интересов, определяется их соотношение с правовым статусом осужденных, отбывающих уголовное наказание в условиях исправительных учреждений.

Ключевые слова: правовой статус осужденных, законные интересы осужденных, исправительные учреждения, лишение свободы.

P.Y. Koneger

LEGITIMATE INTERESTS OF CONDEMNED TO IMPRISONMENT – THE CONCEPT AND CORRELATION WITH LEGAL STATUS

The legal nature of the concept of legitimate interests of convicts serving a sentence of confinement is studied in the article. On the basis of theoretic analysis made by the author legitimate interests definition is formulated, their correlation with legal status of convicts serving a criminal sentence in correction facilities is defined.

Keywords: legal status of convicts, legitimate interests of convicts, correction facilities, confinement.

Правовая сущность уголовного наказания указывает на то, что оно всегда лишает либо существенно ограничивает свободу осужденного в вопросах выбора разрешенных вариантов поведения.

Принудительное, обеспеченное силой государства введение осужденного в уголовно-исполнительные отношения предопределяет возникновение и существование в течение срока наказания его (осужденного) нового, особого правового статуса, характер которого в значительной мере влияет на процесс достижения определенных законом целей.

Особенности правового положения осужденных, как справедливо отмечает С.М. Зубарев, выражаются в изъятии и ограничении их прав и свобод как граждан государства и наделении их специальными правами и обязанностями, свойственными назначенному уголовному наказанию¹.

Правовой статус осужденных, как следствие уголовной ответственности и наказания, в силу отсутствия законодательного закрепления вызывает определенный научный интерес. Принципиальное значение в теоретическом определении понятия «правовой статус» осужденных приобретает вопрос о включении в него понятия «законные интересы».

Понятие «законные интересы осужденных» является достаточно новым элементом в их правовом статусе. Исходя из этого, современная наука уголовно-исполнительного права изобилует авторскими, иногда противоречивыми взглядами на эту важную теоретическую проблему.

Отдельные авторы выражение «законные интересы осужденных» толкуют как стремление осужденного к обладанию теми или иными благами, удовлет-

© Конегер Петр Егорович, 2014
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия)

воряемое, как правило, в результате оценки поведения осужденных во время отбывания наказания².

В иных источниках законные интересы осужденных рассматриваются в качестве самостоятельного элемента их правового статуса³.

Правовой статус осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, как показывают различные теоретические разработки, является составным понятием. Так, по мнению С.М. Зубарева структуру правового статуса осужденных образует совокупность четырех элементов, взятых попарно:

- 1) обязанности осужденных;
- 2) права осужденных;
- 3) законные интересы;
- 4) правовые ограничения.

Законные интересы, по мнению автора, рассматриваются как закрепленные в нормах права *стремления* осужденного пользоваться конкретными социальными благами, удовлетворяемые, как правило, в результате объективной оценки его поведения администрацией учреждений или органов, исполняющих уголовные наказания, прокуратурой, судом⁴.

В качестве самостоятельных элементов, определяющих содержание правового статуса осужденных, В.И. Селиверстов рассматривает *права, законные интересы и обязанности осужденных*. Законные интересы осужденных автором также определяются как их *стремление* к обладанию теми или иными благами, закрепленными в правовых нормах конкретного действия и удовлетворяемые, как правило, в результате оценки администрацией учреждений и органов, исполняющих наказания, прокуратурой, судом поведения осужденных во время отбывания наказания⁵.

Аналогичной позиции в вопросе сущности правового статуса осужденного придерживается и В.Е. Южанин, который рассматривает осужденного в качестве обладателя прав, обязанностей и законных интересов⁶. С ним соглашается и В.Н. Орлов⁷.

Несколько шире и более предметно, на наш взгляд, исследует вопрос о сущности законных интересов осужденного Г.Л. Минаков, который отмечает: «По своей сущности законные интересы осужденного, лишенного свободы, как и субъективные права, обладают качествами правовой возможности, предоставленной осужденному и в определенной степени гарантированной государством. Но возможность, отраженная в законном интересе, по своей юридической силе совсем не та, которая заключена в субъективном праве и обеспечена юридической обязанностью администрации исправительного учреждения. Поэтому необходимо различать возможность как дозволенность чего-либо, не обеспеченную конкретной обязанностью администрации исправительного учреждения и носящую характер стремления, т. е. законные интересы осужденного, и возможность как дозволенность чего-либо, обеспеченную конкретной юридической обязанностью администрации исправительного учреждения, т. е. субъективным правом осужденного»⁸. Таким образом, автор отождествляет законный интерес осужденного с дозволенностью, необеспеченной обязанностью администрации, т. е. выходящей за рамки его субъективного права и в целом правового статуса. При таком подходе законные интересы осужденных не могут рассматриваться в качестве одного из элементов правового статуса.

По мнению А.И. Зубкова, нельзя сводить интерес осужденного лишь к стремлению обладания определенными благами. Поэтому содержание понятия «законный интерес» должно быть вынесено за рамки субъективных прав осужденных. Такой подход является достаточно конструктивным. Вместе с тем автор не оспаривает присутствие законного интереса в правовом статусе осужденного и не предлагает его исключения в силу поглощения понятием «права осужденного»⁹.

Приведенные суждения при незначительных расхождениях в определениях указывают на то, что законные интересы рассматриваются именно как *стремление* осужденных к обладанию теми или иными благами. Они по сути дела представляют собой некий симбиоз объективного (права и обязанности осужденных), выраженного посредством конкретных правовых норм и субъективного (оценочного), выраженного в форме стремления, не имеющего законодательной регламентации. Непосредственное закрепление основных положений, характеризующие правовой статус осужденных, нашли в следующих статьях Уголовно-исполнительного кодекса (далее — УИК РФ): 11 «Основные обязанности осужденных» и 12 «Основные права осужденных». Кроме того, некоторые наиболее важные права осужденных закрепляются следующими статьями УИК РФ: 13 «Права осужденных на личную безопасность»; 14 «Обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных»; 15 «Обращения осужденных и порядок их рассмотрения». Использование же понятия «стремление осужденного» не имеет прямого, выраженного в законе правового закрепления, а является результатом оценки отдельных норм УИК РФ, а следовательно, является, скорее, субъективной, оценочной категорией, которая объективируется в конкретных действиях либо в целом в поведении осужденного и мотивированного целью улучшения (облегчение) имеющегося правового статуса (совокупности прав и обязанностей). Включение субъективного понятия в правовой статус противоречит сути самого выражения «правовой».

Стремление — настойчивое желание добиться чего-нибудь, устремленность к чему-нибудь¹⁰. В соответствии с приведенным определением стремление отождествляется с настойчивым желанием и устремленностью. Само стремление может означать лишь самую начальную стадию всего умственного процесса, без каких либо объективных проявлений и выразаться в желании. Однако иногда эти желания, как справедливо отмечает Н.С. Таганцев, благодаря настроению лица или совпадению с его характером, получают, так сказать, значение волевых актов, делаясь или отправной точкой построения разных планов, или даже стимулом дальнейшей деятельности лица, определяют его поведение. В этом случае желания получают двойное значение. Как побуждающий момент деятельности желание, получившее волеуправляющую силу, является стимулом, *мотивом*, а как полагаемый сознанием предел, оно составляет *цель* действия¹¹.

Мотив является движущей силой любого сознательного поведенческого акта, поэтому право воздействует на волю и сознание людей лишь с целью влияния на мотивацию их поведения как участников общественных отношений¹².

Нет никаких сомнений в том, что каждый осужденный в период отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы всегда изначально нацелен на улучшение своего правового положения (иметь больше прав и меньше обязанностей). Такое стремление основывается на природных свойствах и качествах любого человека. Величайший русский криминолог С.В. Познышев справедливо

в этой связи отмечал: «По самой природе своей человек стремится к удовольствиям и избегает страданий. Как скоро в перспективе у него открывается известное удовольствие или избавление от какого-либо тягостного состояния, то сейчас же возникает влечение к тому, что обещает доставить подобный результат»¹³.

Законные интересы осужденных направлены на получение более щадящих, менее обременяющих их существование условий отбывания наказания, которые и есть тот конечный результат (правовой статус), к которому они стремятся. Следовательно, законные интересы — это *не стремление, а мотив и результат (цель)*, притом, что стремление к такому результату есть лишь объективированная поведенческим процессом мотивация на его достижение.

Относительно целей уголовно-исполнительного права социально-правовое значение законных интересов заключается в том, что они позволяют обеспечить дифференцированный подход к осужденным, стимулировать их исправление путем постепенного перемещения по правовым статусам от суровых к более щадящим (прогрессивная система исполнения наказаний) в процессе отбывания наказания.

Нельзя не отметить тесную связь понятий «правовой статус осужденных» и их «законные интересы». Сама сущность законных и интересов осужденных, их объем самым тесным образом связаны с их правами и обязанностями. Дисбаланс между правами и обязанностями в значительной мере определяет характер и интенсивность поведенческой мотивации. Так, невозможность достижения желаемого правового статуса в силу усечения правовых возможностей (ограниченные права) в значительной мере снижает социально-полезную мотивацию поведения осужденного, а порой и делает такое состояние невозможным. По этой причине соотношение прав и обязанностей осужденных при реальной возможности его изменения в сторону желаемого — ключевой момент уголовно-исполнительной политики. Таким образом, правовой статус осужденного должен побуждать его стремление к позитивному поведению.

Возвращаясь к вопросу относительно использования словосочетания «законные интересы», следует отметить, что оно выражает их положительную и желаемую, с точки зрения интересов государства, сущность. Выражение же «интересы осужденных» можно толковать более широко, затрагивая при этом и субкультурные отношения в исправительных учреждениях. Интересы, выраженные субкультурными ценностями преступного мира, носят отрицательный, порицаемый и социально-опасный характер. Так, например, осужденный, желающий повысить свой преступный авторитет (продвинуться вверх в субкультурной иерархии) в глазах других осужденных, стремится приобрести статус пребывающего в колонии, строгого, особого режима или в тюрьме. Такого (желаемого с его точки зрения и одобряемого преступным миром) статуса он достигает в результате отрицательной оценки его поведения администрацией исправительных учреждений и судом.

Государство гарантирует охрану и защиту законных интересов осужденных. Вместе с тем законные интересы гарантируются не только осужденным, но и их родственникам, близким, членам трудовых коллективов, акционерам и другим лицам, с которыми осужденный связан теми или иными правоотношениями. Наказывая виновного в конкретном преступлении, государство не может ущемлять интересы этих субъектов, никоим образом не связанных с совершенным деянием. Такое правило должно быть соблюдено и в практической деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания.

Таким образом, законные интересы осужденных не сводятся только к улучшению их положения (статуса) непосредственно в исправительных учреждениях, они выходят за их рамки и в какой-то мере пересекаются с интересами других лиц. Бесспорным является тот факт, что эти интересы должны быть законными, т. е. основанные на законе и допустимые к удовлетворению.

Объектом законных интересов могут быть и социальные блага, как существенно изменяющие правовое положение осужденных (перевод на облегченные или льготные условия отбывания лишения свободы, перевод в колонию-поселение), так и сопровождающиеся таковыми (оказание материальной помощи при освобождении из мест лишения свободы).

Обладание материальными либо духовными благами, составляющими объект законного интереса осужденного, рассматривается в виде цели, для достижения которой необходимы определенные юридические факты. Таковыми юридическими фактами, существенно изменяющими содержание правового статуса осужденных, являются волевые решения уполномоченных должностных лиц уголовно-исполнительной системы и государственных структур, влекущие изменение правового статуса осужденного (приказ, постановление суда и др.)

Законные интересы по своей сути могут быть объединены по основанию стремления сохранить новый, приобретенный собственными усилиями правовой статус и не допустить их отмену или ликвидацию. Так, например, осужденным, пользующимся правом передвижения без конвоя или сопровождения, в случае нарушений Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, передвижение без конвоя или сопровождения отменяется постановлением начальника исправительного учреждения (ч. 6 ст. 96 УИК РФ). Кроме того, осужденные при отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания (ч. 2 ст. 120 УИК РФ) и добросовестном отношении к труду по отбытии не менее 6 мес. срока наказания в обычных условиях отбывания наказания могут быть переведены в облегченные условия. В этом положении отражены поощрительные законные интересы осужденных. Осужденные стремятся к улучшению своего правового положения. При этом, получив указанные режимные послабления, они должны выстраивать свое дальнейшее поведение таким образом, чтобы сохранить приобретенный ранее правовой статус. Законодатель призывает к такому поведению осужденных и стимулирует его путем как возможного дальнейшего ослабления режима содержания, так и путем угрозы введения дополнительных запретов (кроме возможного применения мер дисциплинарного воздействия), выраженных в возможности отмены предоставленных льгот. Так, в соответствии с ч. 4 той же ст. 120 УИК РФ осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, переводятся в обычные или строгие условия отбывания наказания. В других случаях законные интересы осужденных могут находить свое выражение в возможностях реализации их субъективных прав, реализация которых значительно затруднена в силу экономического состояния государства. Права осужденных на гарантированное трудоустройство после отбытия наказания, на получение жилой площади пока носят в основной своей массе декларативный характер и материального подкрепления не находят. Эти вопросы по сути своего разрешения относятся к вопросам проблемного характера и разрешаются государством постепенно, по мере совершенствования системы исполнения уголовных наказаний и становления социальных институтов ресоциализации осужденных.

Представляется в связи с изложенным, что законные интересы осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, следует рассматривать как желаемые и одобряемые статусные состояния, к которым они (осужденные) стремятся в процессе отбывания наказания.

¹ См.: *Зубарев С.М.* Правовое положение лиц, отбывающих уголовные наказания // *Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. А.С. Михлина.* М., 2006. С. 86.

² См., например: *Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. И.В. Шмарова.* М., 1996. С. 96.

³ См., например: *Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. И.В. Шмарова.* 2-е изд., доп. М., 1998. С. 114.

⁴ См.: *Зубарев С.М.* Виды и структура правового статуса осужденных // *Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. А.С. Михлина.* С. 90.

⁵ См.: *Уголовно-исполнительное право: учебник для высших учебных заведений / под ред. В.М. Анисимова, В.И. Селиверстова.* Краснодар, 2003. С. 85.

⁶ См.: *Южанин В.Е.* Уголовно-исполнительные правоотношения: лекция. Рязань, 2000. С. 31.

⁷ См.: *Орлов В.Н.* Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты. М., 2011. С. 359.

⁸ *Минаков Г.Л.* Права и законные интересы лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и гарантии их реализации: учебное пособие. М., 1993. С. 8.

⁹ Содержание правового положения осужденных. Уголовно-исполнительное право России: учебник и основные нормативные правовые акты / под ред. О.В. Филимонова. М., 2004. С. 47.

¹⁰ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 773.

¹¹ См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая: в 2 т. Т. 1: Лекции. Тула, 2001. С. 465.

¹² См.: *Петров Д.Е.* Отрасль права. Саратов, 2004. С. 103.

¹³ См.: *Познышев С.В.* Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще, и об изучении личности преступника в частности / сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2001. С. 29.

Е.В. Христофорова

РОЛЬ ПРИНУЖДЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена исследованию принуждения как основного метода формирования стойкого антинаркотического поведения. Принуждение рассматривается через призму мер социального характера и необходимости духовно-нравственной реконструкции личности.

Ключевые слова: наркотизм, принуждение, предупреждение, наркотические средства, психотропные вещества.

E. V. Hristoforova

THE ROLE OF COERCION IN THE FORMATION OF ANTI-DRUG MODELS OF BEHAVIOR

The article is devoted to the study of coercion as the main method of forming a stable anti-drug behaviour. Coercion is seen through the prism of measures of social character and the need for spiritual and moral reconstruction of personality.

Key words: coercion, prevention, narcotic drugs, psychotropic substances.

Наркотизм – древнее и многоаспектное явление, которое постоянно сопровождает развитие человеческого общества, проникая в различные сферы жизни. О его вредоносности известно очень давно, но серьезные меры по борьбе с наркотизацией населения стали предприниматься лишь в последние десятилетия. Первыми источниками, обозначившими наркотизм как пагубное прозелитирующее заболевание, стали документы международного характера — три конвенции:

© Христофорова Елена Валерьевна, 2014

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Lysenko-elena12@yandex.ru

Единая конвенция о наркотических средствах (1961 г.), Конвенция о психотропных веществах (1971 г.) и Конвенция ООН по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.). Однако нельзя сказать, что принятые документы существенным образом изменили наркоситуацию. Они носили, скорее, декларативный характер и не устанавливали никаких мер ответственности за несоблюдение, содержащихся в них предписаний.

О том, что общество в антинаркотической борьбе сегодня вышло на новый уровень, свидетельствует реформирование системы правоохранительных органов в виде появления (относительно недавно с исторической позиции) новой структуры – Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (далее – ФСКН), а также непрерывное развитие законодательства в этой сфере. Принятая в 2010 г. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года (далее — Стратегия) ознаменовала собой попытку систематизировать направления борьбы с наркотизмом, выделив в качестве основного сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков, а также масштабов последствий их незаконного оборота для личности, общества и государства¹. Такой подход продиктован современными тенденциями наркотизма, активным ростом числа новых составов психоактивных веществ. На фоне снижения роста использования распространенных препаратов (героина, кокаина) наблюдается всплеск популярности «дизайнерских наркотиков» и «легальных наркотиков». Во Всемирном докладе по наркотикам приводятся ужасающие данные: количество наркотических психоактивных веществ (далее — НПВ), о которых было сообщено Управлением ООН по наркотикам и преступности (далее – УНП ООН), выросло с конца 2009 г. к середине 2012 г., более чем на 50 %. Впервые количество НПВ превысило общее количество веществ, находящихся под международным контролем². Возникла новая тревожная проблема продажи законных препаратов, которые могут нанести более серьезный вред, чем традиционные. По мнению экспертов, особая опасность некоторых из таких веществ состоит в их повышенной концентрации, что позволяет получить из одного грамма вещества около тысячи доз наркотиков, а их малые размеры создают благоприятные условия для нелегальной транспортировки. Участвовавшие случаи передозировки находятся в прямой причинно-следственной связи с поступлением «дизайнерских наркотиков» на рынки сбыта.

Широкие возможности изменения составов психоактивных веществ не позволяют законодателю своевременно среагировать и взять их под контроль. Еще в 2010 г. в докладе г-н Коста по этому поводу заметил: «Нам не удастся решить мировую проблему наркотиков, если мы просто переведем наркоманов с кокаина и героина на другие аддиктивные вещества, тем более что они имеются в неограниченном количестве и производятся в подпольных лабораториях с мизерными затратами»³. Глава ФСКН В.П. Иванов признает, что в борьбе с наркоманией проблема «пилюль» не единственная, «необходима духовно-нравственная реконструкция личности потребителя»⁴. С таким утверждением трудно не согласиться.

Вышеприведенные тенденции наркотизма свидетельствуют о невозможности его преодоления лишь мерами правового или, тем более, уголовно-правового характера. Осознавая данный факт, законодатель уже начал работу над совершенствованием морально-нравственных начал личности, определив понятие профилактики через призму осуществления совокупности мероприятий, пронизывающих все сферы жизни. Наряду с политическими, правовыми и меди-

цинскими мерами он указал на необходимость мер культурного, физкультурно-оздоровительного и социального характера⁵. Значимость социальных мер в сложившейся ситуации с наркотиками невозможно переоценить. Во-первых, они имеют более широкую сферу деятельности; во-вторых, их главным элементом являются основы нравственного воспитания общества. Речь идет о воспитании всего общества и в первую очередь молодежи, включая детей. Именно подрастающее поколение выступает основным реципиентом социализации. Как свидетельствует статистика, основная масса «состоявшихся» наркоманов впервые попробовали наркотики в возрасте до 20 лет. Этот печальный результат часто служит следствием непросвещенности и неинформированности. Так, молодые люди, будучи введенными в заблуждение названиями новых наркотических препаратов, не представляют реальности угрозы, вызванной употреблением смесей «спайс» или, например, «соли для ванн».

При реализации программы социального предупреждения наркотизма отсутствие грамотной методики, адаптированной для конкретной социальной группы, а также недобросовестный или формальный подход при проведении профилактических мероприятий рискуют обернуться вовлечением в страшную бездну наркозависимости сотен, тысяч жертв. Такого рода недоработки лишь приносят пользу предприимчивым дельцам, которые успевают вовремя опубликовать информацию в СМИ и Интернете о безвредности или даже пользе новых наркотиков, их способности исцелять некоторые заболевания. От того, насколько грамотно применяются превентивные подходы на различных стадиях социального развития, зависит успех процесса социализации индивида.

Одним из направлений такого процесса становления и развития как отдельной личности, так и молодого поколения в целом является формирование стойкого нетерпимого отношения к употреблению наркотических средств и психотропных веществ. Однако добиться намеченных результатов представляется возможным лишь в случае правильной и адекватной потребностям современного общества организации механизма и методов воздействия на него.

Не случайно в теории существуют различные подходы к градации методов. Например, из числа общих и специальных выделяют общие общесоциальные методы, понимая под ними «совокупность приемов и способов нейтрализации и компенсации причин и условий правонарушений в стране, нацеленных на формирование устойчивого правопорядка, социальной стабильности и высокого уровня правосознания граждан»⁶. Однако такой подход в части формирования устойчивого правопорядка в обществе посредством нейтрализации причин и условий правонарушений выглядит несколько утопичным. Как свидетельствует историческая мировая практика, преступления, правонарушения, а значит, и сопутствующие им причины и условия сопровождали человечество на протяжении всего развития и тем сложнее выглядит ситуация, если речь идет о наркотизме. Тем не менее, нельзя не согласиться с тем, что правопорядок в обществе напрямую связан с уровнем его правосознания, и чем выше степень последнего, тем больше правовой стабильности наблюдается в обществе. Не соглашаясь с предложенной трактовкой социального метода, заметим, что залогом успеха в предупреждении наркотизации населения служит формирование устойчивого сознания индивида, способного повлиять на ситуацию, а не построение общества, сознание которого превращает его в заложника обстоятельств. Как раз об этом говорится в Стратегии, в частности, о том, что формирование личной ответственности за свое поведение способно повлиять на сокращение спроса на наркотики⁷.

Необходимо стремиться к тому, чтобы правомерный и морально-нравственный образец поведения граждан воспринимался как единственно допустимый и выходил за рамки индивидуального сознания. К сожалению, в условиях вседозволенности и распушенности добиться такого результата невозможно. Не важно, в отношениях какого рода имеет место попустительство: будь то внутрисемейные отношения – между детьми и родителями либо отношения личности и общества или государства. На определенном этапе развития своего сознания индивид постоянно должен испытывать на себе давление среды, в которой он социализируется, и это давление есть не что иное, как проявление метода принуждения. Об этом в свое время писал известный французский социолог и философ Э. Дюркгейм⁸, проследивший прямую зависимость между принуждением и достигнутым «способом поведения». Нравственные правила поведения, по его мнению, это коллективная привычка, которая передается посредством воспитания, т.е. антинаркотический образ жизни должен стать естественно привычным и передаваться из поколения в поколение. Однако путь формирования духовно-нравственных канонов «общего способа поведения» неразрывно связан с внутренней конституцией индивидов, составляющих общество. Это означает, что дальнейшая социализация, постулирование привитых общественных привычек зависят не только от степени частного воздействия на субъектов, но и в значительной мере от особых социальных условий, в которых живет и развивается личность.

Сложно не согласиться с вышеупомянутым философом, который доказал, что признаком социальных явлений выступает вовсе не их распространенность. Нередко индивид демонстрирует правопослушное устойчивое отрицательное отношение к потреблению наркотиков не потому, что это чуждо большинству его сверстников или окружающих людей, а потому, что это противоречит его внутренним убеждениям. Принуждение, сопровождающееся постоянным давлением среды в лице авторитетных представителей общества (причем на разных этапах таковыми могут выступать совершенно разные субъекты, начиная от родителей, учителей, сотрудников правоохранительных органов и т.д., желающих сформировать объект воздействия по своему образу и подобию), порождает внутренние склонности и привычки. И в определенный момент такое принуждение утрачивает всякую необходимость, перерождаясь в четкое убеждение соответствовать высоким моральным устоям общества.

Несколько иной позиции на этот счет придерживается К.М. Сарсенов, который в целом соглашается с тем, что принуждение способно подавить и затормозить антисоциальные явления, простимулировать желательное поведение. Однако, по его мнению, принуждение способно заключить в себе результат лишь как социально-правовое явление, облаченное в правоприменительную форму, что является существенным отличительным признаком принуждения от убеждения, поощрения и стимулирования⁹. Такая позиция выглядит противоречивой хотя бы потому, что правовое принуждение К.М. Сарсенов считает частью социального принуждения и признает существование отношений, регулируемых социальными нормами. Представляется, что уже факт существования урегулированных отношений обуславливает наличие определенного качественного результата.

Привитие моральных и нравственных норм, высоких человеческих идеалов, здорового образа жизни происходит именно посредством принуждения путем применения психического воздействия на субъекта социализации с целью заставить его выполнять волю понуждающего. Осознавая себя участником общественных отношений, индивид понимает существование различных моделей поведения, в т.ч. антинаркотической, равно как и то, что каждая из них влечет

за собой специфические последствия. Например, в случае выхода за рамки общедозволенного он рискует испытать на себе, как минимум, общественное порицание, которое автор вышеприведенной концепции рассматривает как одну из форм принуждения. Такого рода осознание и является результатом социального принуждения. Это процесс, растянутый во времени и неразрывно связанный со «снятием самостоятельности индивидуальной воли»¹⁰. «... Любое принуждение является моральным, то есть человека нельзя принудить ни к чему, если он сам себя не принудит»¹¹, т.е. процесс принуждения должен быть направлен на восприятие личностью правовых, социальных норм как блага.

Таким образом, даже находясь в эпицентре незаконного оборота наркотиков, понимая доступность их потребления, субъект отказывается становиться участником наркоотношений. И в этот момент с развитием самодисциплины происходит трансформация принуждения в убеждение. Продолжая являться участником все тех же общественных отношений, индивид уже удерживается от вовлечения в отношения, связанные с незаконным потреблением наркотиков, не в силу страха вызвать негативную оценку со стороны общества или понести наказание, а потому что здоровый образ жизни и традиционные моральные ценности теперь соответствуют его внутренним убеждениям. И в этом смысле удержание от вовлечения в незаконный оборот наркотиков является качественным позитивным результатом воздействия принуждения ранее указанными субъектами на сознание индивида. Данный процесс по своей сути образует общепредупредительные отношения в сфере профилактики наркотизма. По справедливому замечанию Б.Т. Разгильдиева, подобного рода отношения служат следствием воздействия на человека по его удержанию от совершения преступления¹². Такое воздействие на человека в сфере профилактики наркотизма осуществляется посредством принуждения.

Таким образом, реализация принуждения как основного метода воздействия на сознание индивида с последующим его удержанием от вовлечения в незаконный оборот наркотиков как результатом воздействия в рамках общепредупредительных отношений в сфере профилактики наркотизма образует содержание антинаркотической модели поведения.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Всемирный доклад о наркотиках: стабильность в использовании традиционных препаратов, тревожный рост новых психоактивных веществ (2013). URL: <http://www.unodc.org> (дата обращения: 25.09.2013).

³ Всемирный доклад о наркотиках 2010 года, подготовленный ЮНОДК, свидетельствует о переходе на новые наркотики и новые рынки. URL: http://www.unodc.org/documents/wdr/WDR_2010 (дата обращения: 15.01.2014).

⁴ URL: <http://www.narkotiki.ru> (дата обращения: 25.09.2013).

⁵ См.: Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 2, ст. 219; 2013. № 30, ч. 1, ст. 4057.

⁶ Торникова И.В. Профилактика наркотизма в молодежной среде: по материалам Южного федерального округа : автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Краснодар, 2009.

⁷ См. п. 25 «е» Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года.

⁸ См.: Дюркгейм Э. Метод социологии. URL: <http://www.modernlib.ru> (дата обращения: 25.09.2013).

⁹ См.: Сарсенов К.М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел : дис. канд. юрид. наук. СПб., 1996.

¹⁰ Зарипов В. Г. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве: понятие, виды, ответственность: автореф. дис. ...канд.юрид.наук. М., 2007. С. 10.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² См.: Разгильдиев Б.Т. Предмет уголовного права и основание воздействия на него // Современная юридическая наука и правоприменение (IV Саратовские правовые чтения): сборник тезисов докладов (по матер. Междунар. науч.-практ. конф., г. Саратов, 3–4 июня 2011 г.). Саратов, 2011. С. 379.

В.С. Уманец

К ПРОБЛЕМЕ НАКАЗАНИЯ И ЕГО ЦЕЛЯМ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СТАТЬИ 64 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

В статье анализируются проблемные вопросы, касающиеся назначения более мягкого наказания за совершенное преступление. Предлагается авторская дефиниция наказания; определяются цели уголовного наказания; обосновывается нравственное начало рассматриваемого института.

Ключевые слова: наказание, цели наказания, нравственность, назначение более мягкого наказания.

V.S. Umanetz

SOME ISSUES OF PUNISHMENT AND ITS AIMS ENFORCED BY RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL CODE, ARTICLE 64

The article deals with problematic matters concerning imposing milder punishment for committing a crime. The author gives his own definition of the term “punishment”, determines goals of criminal punishment reasoning moral fundamentals of the analyzed institution.

Keywords: punishment, goals of punishment, morality, to impose milder punishment.

При назначении наказания конкретному лицу суд может прийти к выводу о возможности смягчения наказания и назначении меньшего, чем предусмотрено за данное преступление. Статья 64 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) предусматривает возможность понижения наказания. При этом применение указанной статьи зависит от правильного определения понятия и целей наказания.

Согласно ст. 43 УК РФ наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Такое определение понятия наказания стало предметом дискуссии.

Сложность вопроса проистекает из неоднородности устройства правовых систем в разные эпохи и в разных странах, а также из нашей неуверенности в определении границ собственно права и правил другой природы, действующих в обществе.

Специалисты в области уголовного права, философы, психологи и другие специалисты-обществоведы формулировали теории и признающие, и отрицающие наказание. Аргументы тех, кто возражал против наказания, отрицал его, были различны. Так, Л.Н. Толстой в соответствии со своими философскими воззрениями говорил, что наказание есть зло и нельзя посредством зла бороться со злом, т.е. преступлениями. Возражая ему, В.С. Соловьев писал, что доводы Л.Н. Толстого нельзя признать убедительными, ибо согласно его взглядам на эту проблему человек должен воздерживаться не только от плохих, но и от хороших поступков, от всякой деятельности вообще, поскольку в отдаленном времени эти поступки могут принести зло. Он сопровождал критику взглядов Л.Н. Толстого следующими, не лишены остроумия замечаниями: «Некто, например, ради воздержания не пошел в трактир, а между тем, если бы он не воспротивился своему влечению и

© Уманец Вера Сергеевна, 2014

Преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: verasergeevna8@rambler.ru

пошел бы туда, то на обратном пути нашел бы полузамерзшего щенка и, будучи в данном состоянии склонен к чувствительности, подобрал бы его и отогрел, а этот щенок, став большой собакою, спас бы утопавшую в пруде девочку, которая потом сделалась бы матерью великого человека; между тем как теперь вследствие неуместного воздержания, расстроившего планы Провидения, щенок замерз, девочка утонула, а великий человек осужден навеки оставаться неродившимся». И далее пример «от обратного»: «Кто-то силою спас жизнь человеку, обезоружив разбойника, на него нападавшего; но потом спасенный сделался страшным злодеем, худшим, чем разбойник, значит, лучше было бы его не спасать»¹.

Несомненно, критика взглядов Л.Н. Толстого В.С. Соловьевым справедлива, как справедлива вообще критика теории «непротивления злу насилием». Если не противостоять злу, то зло не будет наказано. Вопрос заключается в том, какими средствами противостоять злу, чтобы его искоренить? Ведь пока еще в истории нет случая, чтобы зло было искоренено посредством добра. Поэтому наказание должно быть, но содержать минимум добра, т.е. быть морально оправдано.

Еще одно возражение против оправдания наказания – это высказывания итальянского ученого Луиджи Дольчи, по мнению которого государство, как и глава семьи, должно исправлять, а не наказывать своих членов. При этом личность неприкосновенна². Он и те, кто разделял его взгляды, считали, что наказание не устрашает. В качестве примера приводился такой исторический факт, как попытка Рима при помощи массовых наказаний уничтожить христианство, что не получилось. Отсюда предлагалось заменить наказание превентивными мерами. Однако другие говорили, что уважение к личности нельзя понимать как неприкосновенность ее³.

Кроме того, отрицали наказание анархисты. Так, П.А. Кропоткин как представитель анархической школы утверждал, что наказание есть необходимый элемент государства, но само-то государство не должно существовать; отсюда – государство и законы исчезнут; место государства займет сожитительство людей на основе договора⁴. Однако другие анархисты отрицали государство, но не отрицали наказания, говоря, что если человек не подчиняется договору, то можно делать с ним все, что хочешь⁵. Заметим, что и П.А. Кропоткин позже пересмотрел свои взгляды.

Социалист-утопист Р. Оуэн пошел еще дальше. По его мнению, «поскольку государство само виновато в том, что человек совершил преступление, значит, оно не имеет права наказывать его»⁶.

Конечно, аргументы против наказания представляют определенную научную ценность. Взяв их в качестве самого общего основания, мы рассмотрим различные точки зрения сторонников наказания, мнение которых сходно в том, что в государстве и обществе без наказания и других форм принуждения не было бы дисциплины и самой общественной жизни. Однако одни, утверждая это, допускали любые, самые изуверские формы принуждения, особенно по отношению к низшим слоям общества и угнетенным классам, другие же считали, что формы принуждения, а значит, и наказание, должны быть гуманны. При этом оценка наказания сводилась либо к тому, что оно относится к прошлому, а потому наказание есть отмщение, либо к тому, что наказание относится и к будущему, отсюда оно есть возмездие⁷ и потому целесообразно.

В этих спорах рождались различные теории наказания и попытки нравственного его обоснования: теория возмездия, теория устрашения, теория целесоо-

бразности, теория психологического принуждения, теория заглаживания вреда и т.п. Г. Гроций и Х. Вольфдаже развивали теорию наказания как космическую необходимость нравственного порядка.

В более крупном плане теории делились на абсолютные, относительные и смешанные. Б.А. Кистяковский, И.Я. Фойницкий и другие, будучи сторонниками абсолютных теорий, выделяли такие ее составные: наказание самоцель; наказание как нравственной необходимости придерживался Еллинек и его сторонники; теологи⁸ утверждали, что наказание – это кара без ожидаемого результата, и наказание – это возмездие. Относительные теории это теории прагматические: теории полезности, целесообразности. Их придерживались многие авторы, в т.ч. И.И. Карпец⁹. Смешанные теории отличались стремлением примирить крайности и найти «золотую» середину, в них можно найти начала и абсолютных, и относительных теорий. К приверженцам смешанных теорий можно отнести немецких ученых, таких как А. Фейербах¹⁰, Б. Бауэр¹¹, И. Кант¹² и др.

Рассматривая эти теории, следует в то же время иметь в виду, что все они в той или иной мере были результатом влияния на общественную мысль выдающихся мыслителей древности, в частности таких, как Протагор, Платон, Аристотель. Исторически первой была теория наказания-возмездия, получившая свое выражение в талионе и дошла вплоть до И. Канта. «Карающий закон, – утверждал И. Кант, – есть категорический императив... Ведь, если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности». Из этого вытекает теория абсолютного наказания как требование категорического императива, не нуждающегося в утилитарных дополнительных соображениях: преступник «должен быть признан подлежащим наказанию до того, как возникает мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для него самого или для его сограждан». Уголовное наказание – это справедливая кара за преступление, причинение государством определенного страдания преступнику за содеянное им зло. При этом должно быть равенство между преступлением и наказанием: «Fiat iustitia, pereat mundis» («пусть свершится справедливость, если даже погибнет мир»)¹³. Убийство должно караться смертной казнью. И. Кант также допускал смертную казнь и за иные, например, государственные преступления.

Трудно согласиться с доводами И. Канта и его сторонников о допустимости смертной казни. Принцип древнего правила талиона: «око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь» вряд ли уместен в цивилизованном обществе, потому как цивилизация видоизменила и смягчила грубые формы выражения талиона как принципа равного воздаяния. С точки зрения гуманизации наказания, речь должна идти о поисках более точных и возможно мягких форм выражения этого эквивалента в соответствии с исторически достигнутым реальным уровнем развития общества и его правовой культуры, характером нравов и общественного сознания, состоянием и динамикой преступности и т.д. Еще М.Д. Шаргородский справедливо указывал на то, что «теоретические взгляды Канта в области наказания – это шаг назад не только от взглядов Т. Гоббса и Гуго Гроция (Гуго де Гроот), но и от взглядов Протагора. И. Кант утверждает не только бесцельность наказания, но и обосновывает необходимость талиона, широкое применение смертной казни и членовредительских наказаний (например, кастрации за изнасилование). Взгляды И. Канта создали возможность теологического обоснования наказания, они используются церковью в этих

целях и в настоящее время. Поэтому никак нельзя согласиться с «исторической прогрессивностью уголовно-правовой теории Канта». «И. Кант, писавший после французских материалистов, после Уголовного кодекса 1791 года, в своих уголовно-правовых взглядах был реакционен и фактически оправдывал уголовно-правовую практику, против которой боролись прогрессивные авторы этой эпохи»¹⁴.

С одной стороны, мы не можем признать абсолютную теорию наказания И. Канта нравственной, а с другой отвергать его идеи полностью тоже нецелесообразно. Гегель говорил, что право наказания проистекает из умственных свойств природы человека, а само право – это царство осуществленной свободы, мир духа и разума¹⁵. Если И. Кант по существу отождествлял мораль и право, то Гегель шел дальше в утверждении «разумности» сущего, т.е. прусского режима, говоря, что все веления права не только справедливы, но и разумны. По его словам, «законам и правовой расправе присуща одна сторона, которая включает известную случайность и которая состоит в том, что закон есть общее постановление, которое должно быть применено к единичному случаю. Если бы кто-нибудь захотел протестовать против этой случайности, то он бы только настаивал на абстракции»¹⁶.

П.И. Новгородцев, говоря о научном значении учения И Канта и Гегеля, замечал, что «наряду с исторической задачей здесь возникают другие проблемы, которые не укладываются в пределы собственно исторического изучения и имеют самостоятельный интерес...В противоположность Канту Гегель обратил главное внимание на объективную сторону нравственности, на ее осуществление в жизни и ее связь с деятельными силами истории. Отсюда вытекает его стремление отыскивать в действительности признаки и условия осуществления нравственного идеала и рассматривать этот идеал как реальную силу, направляющую отдельных лиц путем приобщения их к общей нравственной жизни»¹⁷.

Хотя теории Канта и Гегеля мало напоминают истинно нравственный подход к наказанию и к тому, что называлось правом наказания, они, восполняя друг друга, дали методологическое направление в нравственном понимании наказания.

Нравственный подход к наказанию проявлялся в различных формах. Так, двигаясь в направлении нравственного понимания наказания, немецкий ученый Редер полагал, что наказание это разумное и необходимое средство уничтожения у преступника противоправной воли. И поскольку преступление – это неправда, то она должна быть уничтожена не только в сфере внешнего бытия, но и воли человека. Таким образом, наказание уничтожает безнравственную волю и нравственную порчу. Отсюда цель наказания – нравственно исправить преступника, довоспитать его. Наказание должно укреплять правомерную волю преступника, а для этого все меры хороши, как бы они ни были тяжелы. И, поскольку наказание применяет государство, и преступник находится под его опекой, то наказание может длиться до тех пор, пока не будет достигнуто исправление.

Аналогичной позиции придерживался В.С. Соловьев. По его словам, наказание должно быть, но преследовать цель нравственного исправления. Он приходит к выводу о необходимости для достижения исправления человека, совершившего преступление, бессрочных приговоров, считая при этом, что нравственное исправление преступника возможно лишь с помощью такого наказания, как лишение свободы¹⁸. Очевидно, что позиция его явно ошибочна,

непоследовательна, и заявка о нравственных целях наказания оборачивается предложением безнравственных средств.

Ошибка Редера и В.С. Соловьева состоит в противоречии достижения нравственных целей безнравственными методами. Такая позиция при ее развитии может привести к непредсказуемым последствиям. Примером тому служит теория итальянца Гарофало, который, говоря о нравственном понятии наказания, сводит его буквально к временам инквизиции. Так, по Гарофало, совершивший преступление индивид оскорбляет нравственные чувства общества. И коль скоро это так, нужно изгнать его. Однако «изгнать» человека окончательно можно только из жизни, т.е. через смертную казнь. «Естественное преступление» нарушает нравственные нормы высшей важности, чувства гуманности и честности. Всеми этими качествами, как он говорил, не обладают преступники и «некоторые дикари». Здесь уместно напомнить, что Гарофало – один из отцов биокриминологии, все категории любой науки, любые проявления человеческого бытия он представлял как predetermined биологически. Так было и с преступностью, с понятием нравственности, являвшейся, по Гарофало, прирожденной категорией. Однако нравственное «начертано» у цивилизованного человека и «не начертано» у преступника и дикаря. Отсюда то, что Гарофало называл «естественным преступлением», есть особый и тяжкий вид безнравственности, прирожденная нравственная аномалия. В итоге он разработал целую систему изуверских наказаний, среди которых и смертная казнь в широких пределах, и бессрочное лишение свободы, и кастрация, и стерилизация. Весь набор «наказаний» – это все то, нравственно чуждое и уродливое, что выработано было отрицательным человеческим опытом, опытом реакции.

Мы разделяем точку зрения Е.Н. Трубецкого, согласно которой, хотя подходы Редера, В.С. Соловьева и Гарофало различны, все они в понятии наказания смешивают его с той нравственной целью, которую оно должно преследовать. Сюда относятся и другие теории, определяющие наказание как часть нравственности, как *minimum* добра¹⁹.

«При определении кары, – указывал И.С. Ной, – следует подчеркивать зависимость степени причиненного страдания от тяжести совершенного преступления, но нельзя эту зависимость рассматривать как пропорциональную. В противном случае кара превратилась бы в возмездие»²⁰. Кара проявляется в необходимости претерпевания осужденным определенных ограничений, тягот, страданий в процессе исполнения назначенного наказания²¹. Кара – это и есть те ограничения и лишения, которые составляют содержание наказания, но не его цель. Если же кару указывать в качестве самостоятельной цели наказания, то это уже сродни средневековому анахронизму. Отказ УК РФ 1996 г. от кары свидетельствует о развитии гуманистических начал в российском уголовном праве даже в условиях роста преступности.

Напротив, удачные термины приведены в УК РФ «мера государственного принуждения». Сюда лишь можно добавить термин «вынужденная», т.к. государство не ставит перед собой цель «принуждать» по любому поводу. Да и Конституция, в соответствии со ст. 6 гарантирует права и свободы граждан. При этом в случае критики наших суждений по поводу терминов «вынужденная» и «принуждения», отметим, что С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова толкуют термин «вынужденный» как вызванный какими-то обстоятельствами, совершаемый не по своей воле²², а термин «принудить» как заставить сделать что-либо.

Таким образом, УК РФ 1996 г., в отличие от Основ 1958 г. и УК РСФСР 1960 г., отказался от кары. Кроме того, в отличие от Основ 1958 г. и УК РСФСР 1960 г., помимо целей исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, рецепированных из вышеназванных кодексов, в ч. 2 ст. 43 УК РФ 1996 г. определена новая цель наказания – восстановление социальной справедливости. Причем, «правовое отражение справедливости, – пишет А.В. Наумов, – не ограничивается ее экономическим содержанием. Право фиксирует определенный уровень прав и обязанностей человека. Нарушение их, т.е. нарушение права, всегда есть нарушение справедливости»²³.

Исправление предполагает превращение преступника в законопослушного человека. Однако теория исправления преступников в ее классическом звучании находит все меньше сторонников²⁴. Напротив, представляет интерес теория ресоциализации преступников, впервые сформулированная М.М. Анселем²⁵.

Как справедливо указывает М.С. Рыбак, исправление, даже если оно прошло успешно, не гарантирует само по себе, что преступник, попав в условия, отличные от тех, в которых он пребывал, сможет вести нормальный, определенный обществом образ жизни и не совершит общественно опасного деяния²⁶. Поэтому целесообразно проводить «ресоциализацию» осужденных, под которой понимается многоплановая организаторская деятельность исправительных учреждений, направленная на реализацию функций уголовного наказания в процессе его исполнения: социализацию личности преступника, восстановление у него утраченных социальных контактов с обществом, подготовку его к адаптации жизни на свободе.

Понятие «ресоциализация» гораздо шире понятия «исправление». По словам, например, Н.А. Стручкова, ресоциализацию «можно рассматривать как состоящую из двух этапов – пенитенциарного (во время отбывания наказания) и постпенитенциарного (после освобождения от наказания)»²⁷. Несколько позже В.Е. Южанин установил, что «ресоциализация... включает в себя и исправление, но уже в значении «социализация», «подготовка к освобождению», «включение в социально полезную деятельность», «социальная адаптация в обществе». Именно таким образом ресоциализация способна снижать степень общественной опасности личности преступника. Цель «исправление» ближе к процессу исполнения наказания, а цель «ресоциализация» – к процессу реализации уголовной ответственности»²⁸. То есть процесс ресоциализации включает в себя исправление осужденного и специальное предупреждение преступлений как в процессе отбывания наказания, так и после его отбытия. Поэтому цель «исправление осужденного» следовало бы заменить целью «ресоциализации осужденного».

В рамках ресоциализации наказание приобретает иной, нравственно оправданный смысл. Оно как одно из средств борьбы с преступностью, не являясь мерой мучительной, причиняющей излишние физические и моральные страдания человеческой личности, не приводящей к деградации личности, становится своеобразным средством исправления для человека²⁹.

Наказание следует признать мерой устрашения, ибо в противном случае оно теряет свой смысл вообще³⁰. Поэтому для тех, кто не признает устрашение мерой воздействия на преступника, можно предложить, как это делали Луиджи Дольчи, Р. Оуэн или Жирарден, вообще отказаться от наказания, ибо бессмысленно обременять государство и общество наличием специального института, способа воздействия на преступника, который никого не устрашает. Однако значение устрашения в наказании не уменьшится, если в теории мы будем его отрицать,

а на практике применять. Ведь у нас действует наказание в виде пожизненного лишения свободы, а смертная казнь пока не исключена из УК РФ. И это особенно актуально в условиях новой России, когда преступность стала более молодой, непредсказуемой и жестокой, когда она разрастается и структурируется, обретает выраженный кланово-криминальный характер³¹.

Изложенные аргументы дают нам основание полагать, что цель наказания – «предупреждение совершения новых преступлений» требует некоторого уточнения. Так как процесс ресоциализации включает в себя специальное предупреждение преступлений, а страх перед наказанием и реальное его применение действуют на преступника в рамках общей превенции, то из третьей цели наказания слово «новых» целесообразно исключить, а саму цель изложить как «предупреждение совершения преступлений».

Заметим, что реализация целей наказания возможна лишь в условиях правовой стабильности. Это, несомненно, означает, что любое определение наказания не в состоянии самостоятельно решить вопрос предупреждения преступности без взаимодействия идеи целесообразности с идеями справедливости и правовой стабильности³².

Итак, наказание следует понимать как вынужденную, нравственно оправданную меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда, выражающуюся в ограничении или лишении конституционных прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления, в пределах, установленных уголовным законодательством. Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, ресоциализации осужденного и предупреждения совершения преступлений. Таким образом, заложенная в понятии наказания нравственная идея, идея справедливости предусматривает элемент индивидуализации при назначении наказания. По нашему мнению, наказание – вынужденная и нравственно оправданная мера. Его природа и характер, нравственное содержание и обоснование, цели проявляются в назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено уголовным законом за данное преступление.

¹ Соловьев В. Оправдание добра. М., 1899. С. 399–400.

² Contro il diritto di punire, Como, 1903.

³ См.: Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 157.

⁴ См.: Кропоткин П.А. В русских и французских тюрьмах. СПб., 1906.

⁵ Proudhon. Idee general de la revolution an XIX s., 1868.

⁶ Цит. по: Карпец И.И. Указ. раб. С. 157.

⁷ См.: Дементьев С.И. Лишение свободы. Уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. Ростов н/Д, 1981. С.45 и др.

⁸ См., например: Balthasar H. V. von, Barth K. Darstellung und Deutung seiner Theologie, Olten, 1951.

⁹ См.: Карпец И.И. Указ. раб. С. 159.

¹⁰ Feuerbach. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland geltenden peinlichen Rechts, Gicssen, 1801.

¹¹ Бауэр. Трубный глас страшного суда над Гегелем. М., 1933.

¹² См.: Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1964.

¹³ Там же. С. 256, 299–300.

¹⁴ Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957. С. 102.

¹⁵ См.: Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 185–285.

¹⁶ Hegel G.W.Fr. Grundlinien der Philosophie des Rechts. 3 Aufl. Berlin, 1854. S. 271.

¹⁷ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учении о праве и государстве // Вопросы философии и психологии. Кн. 61. М., 1901. С. 14.

¹⁸ См.: Соловьев В. Оправдание добра. М., 1899. С. 399–400.

¹⁹ См.: Трубецкой Е.Н. Труды по философии права / вступ. ст., сост. и примеч. И.И. Евлампиева. СПб., 2001. С. 299.

²⁰ Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: Политико-юридическое исследование. Саратов, 1973. С. 28.

²¹ См.: Миняева Т.Ф. Цели наказания и иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 5.

- ²² См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 115, 614.
- ²³ *Наутов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1997. С. 363–364.
- ²⁴ См.: *Пономарев П., Максимов С.* Проблемы уголовно-правового регулирования пожизненного лишения свободы // *Законность*. 1993. № 4. С. 7.
- ²⁵ См.: *Ансель М.М.* Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / пер. с фр. М., 1970.
- ²⁶ См.: *Рыбак М.С.* Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2004. С. 54–56.
- ²⁷ *Стручков Н.А.* Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М., 1984. С. 161.
- ²⁸ *Южанин В.Е.* Процесс ресоциализации в уголовном судопроизводстве. Рязань, 1992. С. 16.
- ²⁹ См.: *Карпец И.И.* Указ. раб. С. 188–192.
- ³⁰ См.: *Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева.* Саратов, 2004. Т. 1, кн. 1. С. 25–31.
- ³¹ Подробнее об этом см.: *Лунеев В.В.* Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // *Государство и право*. 1998. № 5. С. 47–58 и др.
- ³² См.: *Радбрух Г.* Философия права / пер. с нем. М., 2004. С. 183.

В.Е. Бондаренко

НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

В статье исследуется вопрос основания уголовно-правовой охраны права на свободу совести и вероисповеданий. Анализируется содержание ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий»; дается характеристика объекта уголовно-правовой охраны данного состава. Рассматривается проблема урегулированности общественных отношений как необходимого элемента основания уголовно-правовой охраны.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана, свобода совести и вероисповеданий, оскорбление, объект уголовно-правовой охраны, урегулированность общественных отношений.

V. E. Bondarenko

VIOLATION OF THE RIGHT TO A FREEDOM OF WORSHIP AND RELIGIONS: PROBLEM OF DEFINITION OF THE BASIS OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION

Article is devoted to research of a question of the basis of criminal legal protection of the right to a freedom of worship and religions. The contents of article 148 of the criminal code of Russian Federation “Violation of the right to a freedom of worship and religions” are analyzed, the characteristic of object of criminal legal protection of considered structure is given. The question of regulation of the public relations as necessary element of the basis of criminal legal protection is considered.

Key words: criminal legal protection, freedom of worship and religions, insult, object of criminal legal protection, regulation of the public relations.

Федеральным законом от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»¹ введена в действие новая редакция

© Бондаренко Валентина Евгеньевна, 2014

Аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: bondarenko.sar@gmail.com

ст. 148 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», которая устанавливает уголовную ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»). Объектом уголовной охраны являются провозглашенные и содержательно раскрытые Конституцией РФ основные права человека. Статья 28 Основного Закона государства гарантирует каждому право на свободу совести и вероисповедания, право свободно выбирать религию и распространять религиозные убеждения в соответствии с выбранной религией. В этом смысле диспозиция ст. 148 УК РФ, во-первых, вызывает неоднозначное толкование в соответствии с объектом уголовно-правовой охраны. В качестве объекта обозначена свобода совести и вероисповедания. Стоит обратиться к семантике рассматриваемой категории. «Свобода» — «отсутствие ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-нибудь класса, всего общества и его членов»; «состояние того, кто не находится в заключении, в неволе»². Нарушение свободы совести в этом смысле должно происходить в форме таких действий лица, которые незаконно умышленно ограничивают другого человека в свободе вероисповедания, создают какие-либо помехи, препятствия в выборе религии, такие действия не дают возможности человеку реализовать свои религиозные убеждения в соответствии с тем правом, которое предоставлено законом. Диспозиция ст. 148 УК РФ указывает, что уголовно наказуемыми признаются такие действия, которые совершены в форме неуважения к обществу с целью оскорбить религиозные чувства граждан. Оскорбить — «тяжело унижить, обидеть», «оскорбляющий поступок, оскорбляющие слова»³. Обида — «несправедливо причиненное огорчение, оскорбление, а также вызванное этим чувство», «досадный, неприятный»⁴. Представляется логичным, что в этом случае законодатель ведет речь не об ограничении права на свободу вероисповедания человека, путем создания препятствий в реализации этой свободы, а, на наш взгляд, о внутреннем духовном мире человека о его чувствах в процессе восприятия тех или иных поступков, как оскорбляющих его личность в сфере религиозных убеждений. В этом смысле человек испытывает в большей степени моральные страдания, т.к. совершенные действия унижают его достоинство и честь. В уголовном законе отдельная глава посвящена такому объекту уголовно-правовой охраны как свобода, честь и достоинство личности (гл. 17 УК РФ). На наш взгляд, по своему содержанию ст. 148 УК РФ в действующей редакции могла бы логично вписаться в структуру именно этой главы. Представляется возможным отметить, что признак «публичности» в определенной степени усиливает моральный вред, который и так будет причинен подобным оскорбляющим поступком.

Таким образом, законодатель установил уголовную ответственность за посягательства на честь и достоинство человека в сфере религиозных убеждений (по содержанию статьи), а в качестве объекта указал свободу совести и вероисповедания (по названию статьи). Вопрос определения объекта уголовно-правовой охраны остается открытым.

Во-вторых, вопросы вызывают понимание и восприятие самой нормы субъектами уголовно-правовой охраны, к которым в науке уголовного права относятся правоприменитель и правоисполнитель⁵. Если речь идет о поступках, оскорбляю-

щих религиозные чувства граждан, то лицо, которое обязано воздерживаться от совершения указанных действий под угрозой уголовного наказания, должно понимать содержание правил, норм, принципов, догм определенного вида религии. Как было указано в Пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний»: цель законопроекта устранить пробелы в правовом механизме защиты религиозных убеждений граждан Российской Федерации. Отмечается общественная опасность такого рода посягательств в связи с нарушением традиционных и религиозных норм, нравственных устоев общества⁶. Сам законодатель далее отмечает, что в национальном законодательстве нет понятий «религиозные чувства», «унижение богослужений» и т.д.⁷, но действующая редакция ст. 148 УК РФ указывает на общественную опасность оскорбления чувств верующих.

Таким образом, законодатель устанавливает уголовную ответственность за действия, которые не имеют юридического содержания. Для того, чтобы понять и квалифицировать деяние как оскорбляющее чувства верующего человека, необходимо обратиться к источникам и нормам религии, которые описывают основные догмы, правила совершения тех или иных обрядов, правила поведения в местах проведения религиозных церемоний и т.д. Однако конфессиональные нормы не являются частью российской правовой системы. Поэтому понимание оскорбления чувств верующих находится в сфере субъективных оценок и восприятий. Такая ситуация вызовет сложности в процессе правоприменения, когда квалификация содеянного зависит от внутренних убеждений конкретного правоприменителя и будет строиться на умозаключении, основанном на собственном понимании понятия «оскорбление чувств верующих». Такая ситуация, на наш взгляд, противоречит общеправовым принципам законности и справедливости.

Представляется возможным говорить о том, что уголовное право может брать под охрану только те отношения, которые имеют юридическое содержание⁸, имеют границы в правовом смысле. Объект уголовно-правовой охраны должен быть содержательно точным и понятным в юридическом смысле. Перед тем, как указать объект в качестве охраняемого уголовным законом, ему (объекту) необходимо придать правовое содержание в рамках регулятивных отраслей права. Стоит согласиться с В.В. Мальцевым, который отмечает: «Очерчивая сферу преступного и тем самым одновременно определяя и область правомерного поведения, уголовное право, тем не менее, на содержание последнего не влияет. Его содержание... в целом обуславливается содержанием базисных общественных отношений, урегулированных на основе норм конституционного, гражданского и норм иных охраняемых уголовным правом отраслей. Отсюда и реализация уголовного права по отношению к таким отраслям ... носит подчиненный, служебный характер»⁹. Таким образом, уголовный закон может брать под охрану только те отношения, которые уже урегулированы позитивными отраслями права.

Принятая законодателем новелла, бесспорно актуальна, но та форма, которая существует на сегодняшний день, на наш взгляд, должна быть отредактирована. Прежде всего, необходимо понимание того, что уголовный закон может брать под

охрану лишь урегулированные отношения, имеющие правовую форму. Регулирование, осуществляемое посредством признанных и установленных обрядов и конфессий, не может рассматриваться как основание уголовно-правовой охраны. Считается возможным введение общей нормы, предусматривающей ответственность за оскорбление, а как квалифицирующий признак — выделение известной законодателю и правоприменителю формулировки «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы». На уровне нормы должно быть юридически понятно содержание категории «оскорбление». Стоит отметить, что необходимо закрепить на уровне закона понятия «честь», «достоинство»¹⁰, в противном случае отсутствует основание уголовно-правовой охраны в отношении указанных объектов, но существует ее необходимость.

Именно урегулированность соответствующих отношений правом позволяет брать их под охрану уголовным законом. И чем выше степень урегулированности таких отношений, тем больше оснований передачи их под уголовно-правовую охрану, что автоматически будет позволять решать задачи, стоящие перед уголовным правом.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 26, ст. 3209.

² Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова. М., 2001. С. 704.

³ Там же. С. 462.

⁴ Там же. С. 428.

⁵ См.: Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. Т. 1, кн. 1. С. 103.

⁶ См.: Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=142303-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=142303-6). [сайт]. (дата обращения: 06.10.2013).

⁷ См.: Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=142303-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=142303-6) (дата обращения: 06.10.2013).

⁸ См.: Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Т. 1, кн. 1. С. 208.

⁹ Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004. С. 313.

¹⁰ Стоит отметить, что на законодательном уровне предпринималась попытка обличения понятий «честь» и «достоинство» в правовую форму, которая не увенчалась успехом. Речь идет о проекте федерального закона № 98078807-2 «Об обеспечении права гражданина Российской Федерации на честь и достоинство». (Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: www.memo.ru/hr/gosduma/Wyp15/czesc.htm. [сайт] (дата обращения: 14.04.2013). На наш взгляд, необходимо вернуться к рассмотрению и доработке проекта этого Федерального закона.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

кафедры уголовного процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская государственная юридическая академия» по проекту Постановления Пленума Верховного Суда РФ «*О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога*»

CONCLUSION

chairs of criminal trial of Federal public budgetary educational institution of higher education "Saratov state legal academy" according to the draft of the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "*About practice of application by courts of measures of restraint in the form of imprisonment, house arrest and pledge*"

Применение при производстве по уголовным делам мер пресечения, в частности таких, как заключение под стражу, домашний арест и залог, наиболее жестко ограничивает конституционные права и свободы обвиняемого (подозреваемого). Именно применение в качестве меры пресечения заключения под стражу нередко становится основанием для принесения российскими гражданами жалоб в Европейский суд по правам человека. Поэтому подготовка Пленумом Верховного Суда РФ Постановления по вопросам применения судами данных мер пресечения является своевременной и актуальной.

Ознакомление с содержанием рассматриваемого проекта Постановления позволяет констатировать, что данные Пленумом Верховного Суда РФ разъяснения в целом соответствуют международно-правовым стандартам прав участников уголовного судопроизводства и действующему российскому законодательству и будут способствовать обеспечению единства судебной практики при применении норм, регулирующих порядок избрания в качестве мер пресечения заключения под стражу, домашнего ареста и залога.

В то же время ряд положений, содержащихся в проекте, вызывает возражения и, на наш взгляд, нуждается либо в развитии, либо в уточнении. Так, авторы проекта Постановления, опираясь на решения Европейского суда по правам человека, произвольно используют, смешивают такие понятия, как «основания применения мер пресечения», «условия их избрания» и «обстоятельства, учитываемые при выборе конкретной меры пресечения». В тексте же УПК РФ данные термины имеют четкое смысловое содержание. Полагаем, что в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ нежелательно напрямую использовать формулировки и терминологию решений Европейского суда по правам человека без их адаптации к устоявшемуся понятийному аппарату, содержащемуся в тексте УПК РФ.

Абзац 2 п. 2 проекта для устранения декларативности его содержания целесообразно продолжить следующим текстом: «... но учитывая при этом наличие достаточных оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, для определения ее

вида и обстоятельства, указанные в ст. 99 УПК РФ: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства». В этом контексте абз. 2 логичным выглядит и содержание абз. 3 п. 2 проекта.

Вызывает сомнение содержащееся в абз. 3 п. 2 проекта разъяснение о том, что «обстоятельства, достаточные для заключения обвиняемого или подозреваемого под стражу, не всегда являются достаточными для продления срока содержания по стражей», что они могут быть «недостаточными для продолжения содержания обвиняемого под стражей». Исходя из смысла ст. 108 и 109 УПК РФ, основания для избрания и продления меры пресечения являются едиными. Они определены в ст. 97 УПК РФ. При решении вопроса о продлении применения меры пресечения суд может и должен исходить лишь из того, сохраняются ли на этот момент основания, повлекшие избрание данной меры пресечения, либо они отпали в связи с изменением следственной ситуации по делу.

Неудачным в редакционном и смысловом отношении представляется указание в п. 3 (абз. 2) проекта на то, что «отсутствие у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы до трех лет, постоянного места жительства ... не может выступать в качестве единственного основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу».

Исчерпывающий перечень оснований для применения мер пресечения приведен в ст. 97 УПК РФ. Исходя же из п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, отсутствие у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы до трех лет, постоянного места жительства — это лишь дополнительное условие (но не самостоятельное основание) для применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу.

Представляется, что в п. 4 проекта Постановления, указывающем на обязанность суда при решении вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу проверить обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, целесообразно подчеркнуть, что наличие доказательств причастности лица является не основанием для избрания меры пресечения, а необходимым условием, порождающим право на ее применение и определяющим субъекта, к которому эта мера пресечения может быть применена.

Избирая меру пресечения в виде заключения под стражу, суд должен оценить законность нахождения лица в определенном процессуальном положении (подозреваемого или обвиняемого), что предполагает наличие в деле достаточных данных, подтверждающих факт обоснованности подозрения или обвинения в совершении конкретного деяния определенной тяжести. В то же время в постановлении о применении указанной меры пресечения судья не должен допускать формулировок, свидетельствующих о признании лица виновным в совершении инкриминируемого преступления.

Представляется, что в тексте Постановления целесообразно привести формулировки, которые недопустимо использовать при обосновании решения суда о применении меры пресечения.

Кроме того, во всех пунктах проекта Постановления, в которых идет речь о необходимости оценки судом обоснованности вывода органов расследования о причастности лица к совершению преступления (например, в пп. 4, 32 и др.) следует не ограничиваться указанием на проверку оснований сформировав-

шегося подозрения, но и разъяснить необходимость проверки обоснованности обвинения.

Системный анализ ст. 97 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ свидетельствует о том, что при применении заключения под стражу любое из оснований для избрания меры пресечения должно подтверждаться конкретными, фактическими обстоятельствами с их обязательным указанием в постановлении судьи. Подобное положение содержится также в анализируемом п. 5 проекта Постановления, согласно которому при избрании в качестве меры пресечения в виде заключения под стражу судам необходимо исходить из наличия или отсутствия указанных в ст. 97 УПК РФ оснований, причем они должны быть реальными, т.е. подтверждаться достоверными сведениями, подлежащими отражению в судебном решении. В этой связи содержащееся в п. 24 проекта Постановления утверждение о том, что тяжесть предъявленного обвинения и возможность сурового приговора на первоначальных этапах производства по уголовному делу могут давать основание для заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу ввиду опасения его сокрытия от предварительного следствия, представляется не вполне логичным. Вышеуказанные обстоятельства носят формальный, а не фактический характер и не могут служить единственным и достаточным обоснованием необходимости избрания в отношении лица в качестве меры пресечения заключения под стражу. Тяжесть преступления в соответствии со ст. 99 УПК РФ является лишь дополнительным обстоятельством, учитываемым при избрании меры пресечения и определении ее вида. Кроме того, в целях предвосхищения применения к лицу уголовного наказания в виде лишения свободы не допускается не только продление срока содержания под стражей, как это указано в п. 24 проекта Постановления, но и заключение его под стражу.

Абз. 3 п. 5 проекта Постановления необходимо исключить, т.к. наличие мест и условия содержания в следственных изоляторах не являются процессуальными условиями, которые должны учитываться следователями и судьями при избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. Данные условия носят организационно-распорядительный характер и действующим уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрены. Не следуют они и из смысла ст. 99 УПК РФ.

Предусмотренный абз. 4 п. 5 проекта Постановления в качестве одного из обстоятельств, учитываемых судом в соответствии со ст. 99 УПК РФ факт отбывания лицом наказания в виде лишения свободы по другому уголовному делу не может гарантировать обеспечения участия подозреваемого или обвиняемого в следственных действиях и судебном разбирательстве без избрания в отношении него меры пресечения, т.к. за судьбу расследования и разрешения уголовного дела несут ответственность следователь и судья, а не администрация уголовно-исполнительной системы. Прежде всего, это сразу же отразится на сроках расследования и рассмотрения уголовного дела, т.к. организационные вопросы по обеспечению участия подозреваемого или обвиняемого в следственных действиях и судебном разбирательстве в предложенной проектом редакции потребуют дополнительного времени для взаимодействия указанных государственных органов и должностных лиц.

При обсуждении вопроса об установленных ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ ограничениях для применения меры пресечения в виде заключения под стражу в п. 7 проекта Постановления упоминаются лица, законно осуществляющие предпринима-

тельную деятельность или участвующие в такой деятельности. Принимая во внимание, что в данном случае о предпринимательской деятельности говорится в контексте совершения в связи с этой деятельностью преступления, вряд ли уместно именовать такую деятельность законной. Поэтому в обозначенном пункте проекта Постановления для характеристики предпринимательской деятельности в зависимости от цели ее осуществления следует употреблять термины «действительная» и «мнимая».

Кроме того, указанный пункт необходимо конкретизировать, указав, кого следует относить к членам органов управления коммерческой организации, т.к. этот вопрос у правоохранительных органов, занимающихся в большинстве случаев применением норм уголовного права, может вызвать затруднения.

В первом предложении абз. 2 п. 13 проекта Постановления после слов «в случае признания его» необходимо добавить слово «законным» (далее по тексту).

Непоследовательна позиция авторов проекта Постановления в части обеспечения участия защитника в судебном заседании в случае его неявки при надлежащем извещении о месте и времени судебного заседания, в котором должно быть рассмотрено ходатайство в порядке ст. 108 УПК РФ (абз. 4 п. 15 Проекта). В этом случае меры к назначению защитника должны принять дознаватель или следователь. В пункте же 17 Проекта Постановления указано, что при рассмотрении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в отсутствие обвиняемого при невозможности обеспечить его участие в судебном заседании в случае объявления его в международный розыск – судье надлежит обеспечить обязательное участие в судебном заседании защитника обвиняемого.

В п. 23–24 проекта Постановления необходимо обратить внимание судов на то, что при решении вопроса о продлении срока содержания под стражей свыше 6 мес. механизм реализации сбалансированного подхода, отражающего требование справедливости и обеспечивающего, с одной стороны, защиту прав заключенного под стражу путем предоставления ему права на рассмотрение его дела в разумный срок, но при этом одновременно допускающий наличие исключительных обстоятельств, позволяющих указанный срок превысить, довольно подробно разработан в международно-правовых актах.

Согласно Своду принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, утвержденному Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1988 г., «лицо, задержанное по уголовному обвинению, имеет право на судебное разбирательство в разумные сроки или на освобождение до суда» (принцип 38). «За исключением особых случаев, предусмотренных законом, и если судебный или иной орган не примет иного решения в интересах отправления правосудия, лицу, задержанному по уголовному обвинению, предоставляется возможность получить освобождение на период проведения суда на условиях, которые могут устанавливаться в соответствии с законом. Такой орган держит вопрос о необходимости задержания в поле зрения» (принцип 39). Из приведенных правовых положений вытекает ряд взаимосвязанных выводов, имеющих непосредственное практическое значение:

во-первых, международно-правовые нормы исходят из того, что ограничение естественного права каждого на личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве, с точки зрения его протяженности во времени, должно быть лимитировано разумным сроком, в течение которого государство гарантирует

осуществление судебного разбирательства для решения вопроса о виновности лица и определения виновному наказания;

во-вторых, приоритетный характер права лица на рассмотрение его дела в разумный срок обязывает государство в тех случаях, когда процесс по не зависящим от задержанного причинам затягивается, освободить его до суда; однако в целях обеспечения публичных интересов правосудия такое освобождение может происходить на определенных условиях, регламентированных законом, при нарушении которых суд возвращается к обсуждению вопроса о необходимости задержания;

в-третьих, приоритетный характер права на рассмотрение уголовного дела в разумный срок не является безусловным, поскольку оно может быть секвестрировано в публичных интересах отправления правосудия, но в силу требования правовой определенности, лишь в предусмотренных уголовно-процессуальным законом случаях и только по решению суда.

В контексте абз. 6 п. 24 проекта Постановления неоправданно широко используется термин «заявитель», т.к. речь в данном абзаце идет только о лицах подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Пункт 41 проекта Постановления после абз. 1 целесообразно дополнить следующим предложением: «При решении вопроса об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста орган, возбудивший ходатайство перед судом, обязан предварительно обследовать жилищные условия в предполагаемом месте исполнения домашнего ареста, о чем составить протокол, копию которого предоставить судье со всеми материалами, обосновывающими заявленное ходатайство» (далее – по тексту).

Из п. 45 проекта Постановления необходимо исключить словосочетание «уголовно-исполнительной инспекции», поскольку орган, контролирующий арестованного в период пребывания под домашним арестом, законодательно не определен.

В раздел проекта Постановления, посвященный домашнему аресту, отдельным пунктом необходимо ввести следующее положение: «Контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ограничений и запретов осуществляется федеральным органом исполнительной власти при применении электронного браслета, стационарного и мобильного контрольного устройства, ретранслятора и персонального трекера, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 18 февраля 2013 года».

Кроме того, ч. 3 ст. 107 УПК РФ говорит лишь о том, что порядок избрания домашнего ареста аналогичен порядку избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу. Поэтому в разделе проекта Постановления, посвященного домашнему аресту целесообразно разъяснить вопрос о том, распространяются ли ограничения, установленные законом, для применения в качестве меры пресечения заключения под стражу и связанные с видом и размером наказания (ч. 1 ст. 108 УПК РФ) на применение домашнего ареста. В частности, допустимо ли применение последней меры пресечения к лицам, которые обвиняются (подозреваются) в совершении преступления, за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, либо предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 3-х лет.

В п. 48 проекта Постановления необходимо разъяснить, каким образом осуществляется проверка предмета залога, какие документы подтверждают право собственности залогодателя на имущество. Правоприменителям, работающим преимущественно в уголовно-правовой сфере, проблематично вникать в специфику гражданско-правовых отношений.

Пункт 54 проекта Постановления после слов «с обвинительным заключением...» необходимо дополнить словосочетанием «..., обвинительным актом», поскольку предварительное расследование также может проводиться в форме дознания.

В тексте проекта Постановления встречаются некоторые редакционные недочеты (последнее предложение пп. 18, 27, п. 31 проекта и др.).

Доктор юридических наук, профессор *Манова Н.С.*; доктор юридических наук, профессор *Францифоров Ю.В.*; кандидат юридических наук, доцент *Никитина Л.В.*; кандидат юридических наук, доцент *Седова Г.И.*; кандидат юридических наук, доцент *Баранова М.А.*; кандидат юридических наук, доцент *Евстигнеева О.В.*; кандидат юридических наук, ст. преподаватель *Давыдова Н.Н.*; кандидат юридических наук, ст. преподаватель *Григорян В.Л.*

А.Д. Шминке

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье посредством разработанной методологии исследования, включающей в себя системный метод, метод диалектики, правовой метод и другие, предпринята попытка выявить проблемы, возникающие из уголовного процесса, определить их характер и наметить пути решения.

Ключевые слова: проблемы, уголовный процесс, путь, решение, сложный, объект, метод, функциональный, система.

A.D. Shminke

PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEDURE AND WAYS OF SOLUTION

In this article the author tries to reveal the problems coming out of the criminal procedure, to define their character and to draft out the ways of their solution through the methodology of researching, including the system method, the method of dialectics, the legal method and others.

Keywords: problems (issues), criminal procedure, way, solution, complex, object, method, functional, system.

В условиях построения демократического правового социального государства, когда наблюдается небывалый рост преступности¹ в сравнении с советским периодом², ограничение прав и свобод человека и гражданина в ходе уголовного процесса, предусмотренное ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, требует пристального внимания. С одной стороны, это вынужденная мера, диктуемая стремлением государства к снижению уровня преступности. С другой стороны, проблемы, возникающие в ходе уголовного процесса, нарушают баланс между обязанностью

© Шминке Алла Дмитриевна, 2014
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия)

государства по обеспечению прав и свобод граждан, заложенной в Конституции РФ, и их ограничением в связи с обеспечением процесса борьбы с преступностью. Эта противоречивая ситуация актуализирует исследование проблем, возникающих из уголовного процесса, направляя при этом методологический ориентир на поиск эффективных путей их решения.

Современные исследователи очерчивают довольно широкий круг проблем, возникающих из уголовного процесса. Так, например, О.А. Малышева исследовала проблемы реализации и правового регулирования досудебного производства в российском уголовном процессе. Анализ теоретических, законодательных и правоприменительных проблем, возникающих на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и требующих научного обоснования, позволил автору разработать концепцию досудебного производства, включающую в себя ряд положений: положения, обуславливающие необходимость формирования концепции досудебного производства, базирующиеся на результатах анализа развития отечественного уголовно-процессуального законодательства и зарубежного опыта досудебного производства; положения, связанные с совершенствованием начального этапа уголовного судопроизводства; положения относительно оптимизации расследования уголовных дел в форме предварительного следствия; положения применительно к перспективам развития уголовно-процессуальной формы дознания; положения, связанные с совершенствованием процессуального контроля и прокурорского надзора³.

А.Ю. Топольскова выделила проблемы теории и практики обоснованности и мотивированности процессуальных действий и решений в досудебном доказывании. В результате исследования данных проблем автор аргументировала научную позицию по поводу сущности и содержания обоснования процессуальных решений в современном отечественном уголовном процессе, а также в отношении понимания значимости обоснованности процессуальных решений в доказывании, прежде всего, для достижения цели уголовно-процессуального доказывания⁴.

На проблемах процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ заострил внимание А.Р. Вартанов. Ставя целью разработку теоретических основ для совершенствования процессуального статуса следователя в рамках действующего законодательства и в соответствии с назначением уголовного судопроизводства Российской Федерации, А.Р. Вартанов с новых позиций пытается раскрыть сущность процессуальной самостоятельности следователя. В частности, он проводит разграничение понятий «самостоятельность», «независимость» следователя, «судебный контроль», «производство по жалобе»; уточняет определение категорий «усмотрение», «убеждение» следователя и выделяет основные элементы процессуальной самостоятельности следователя; предлагает авторское видение необходимого объема полномочий следователя, пределов процессуальной самостоятельности и ее соотношения с ведомственным контролем, прокурорским надзором и судебным контролем⁵.

Проблемы реализации презумпции невиновности в современном уголовном процессе России затронул А.Ю. Кирьянов. «...Законодательное закрепление презумпции невиновности в качестве одного из принципов уголовного процесса, — считает он, — не означает автоматической реализации, как самой презумпции, так и связанных с ней правовых положений, а также гарантированного существования и действия защищаемых ею ценностей. Давно известная человечеству,

презумпция невиновности для российской юридической науки и правоприменительной практики все еще является достаточно новым социально-правовым феноменом»⁶. На основе комплексного анализа теоретических и практических проблем, возникающих из процесса реализации презумпции невиновности в современном уголовном процессе России, А.Ю. Кирьянов попытался с учетом принципа презумпции невиновности дать новую интерпретацию понятия цели и предмета доказывания как получения достоверных знаний о виновности обвиняемого в совершении преступления; с этих позиций рассмотреть и по-новому оценить особенности участия сторон и суда в доказывании по уголовному делу; обосновать влияние презумпции невиновности на процесс доказывания в производствах, основанных на признании вины⁷, и др.

Можно, конечно, обратиться и к другим исследованиям, где авторы затрагивают те или иные проблемы, возникающие из уголовного процесса. Например, Р.С. Яновский изучал актуальные проблемы производства следственных действий в российском уголовном процессе⁸; В.С. Латыпова – проблемы теории, нормативного регулирования и практики иных участников уголовного судопроизводства⁹.

Представленные исследования в совокупности дают основание говорить о системном характере проблем, возникающих из уголовного процесса. Дело в том, что уголовный процесс в целом – это сложный объект, состоящий из множества элементов (компонентов). Любой сбой в пределах того или иного элемента (компонента) данного объекта образует соответствующую проблему. Устранив подобные сбои, мы исключим и возникающие из этого проблемы.

Наиболее эффективным инструментом стабилизации сложных объектов признан системный подход, вот уже несколько тысячелетий сопровождающий деятельность человека. «...Зачатки системных идей, — пишет, к примеру, Ю.П. Сурмин, — возникли в ...глубокой древности. В ее первооснове лежит целостное мифологическое восприятие людьми всего сущего»¹⁰. Однако появлению системного подхода в форме теоретической конструкции под названием «общая теория систем», на которую опираются современные исследователи, мы обязаны А.А. Богданову и Л. Берталанфи. Первый заложил основы¹¹, а второй сформулировал «общую теорию систем»¹². Развиваясь и совершенствуясь, их идеи были трансформированы в наиболее эффективный на сегодняшний день системный подход под названием «метод функциональной системы»¹³, разработанный П.К. Анохиным в результате поиска системообразующего фактора. «...Обязательным положением для всех видов и направлений системного подхода, — утверждал он, — является поиск и формулировка системообразующего фактора. Эта ключевая проблема определяет как само понятие системы, так и всю стратегию его применения в исследовательской работе. ...В результате этого коренного недостатка — отсутствия системообразующего фактора — все имеющиеся ...определения системы случайны, не отражают ее истинных свойств и поэтому, естественно, не конструктивны, т.е. не помогают ставить новых, более объемных вопросов для исследования. ...Так, например, можно утверждать, что термин общая, примененный к теории систем Берталанфи, не имеет достаточного логического обоснования. Именно это чрезвычайно ограничивает ее конструктивное использование в научно-исследовательском процессе»¹⁴.

Сам П.К. Анохин посредством комплексного исследования в качестве системообразующего фактора выделил фокусированный полезный результат, при-

вода при этом следующие аргументы. Во-первых, фокусированный полезный результат, представляя собой органическую часть системы, оказывает решающее влияние как на ход ее формирования, так и на все ее последующие реорганизации. Во-вторых, наличие вполне определенного результата как решающего элемента (компонента) системы делает недостаточным понятие «взаимодействие» в оценке отношений элементов (компонентов) системы между собой. Именно результат отбирает все адекватные для данного момента степени свободы элементов (компонентов) системы и фокусирует их усилие на себе. В-третьих, если деятельность системы заканчивается полезным в каком-то отношении результатом, то «взаимодействие» элементов (компонентов) данной системы всегда будет протекать по типу их взаимодействия, направленного на получение фокусированного полезного результата. В-четвертых, взаимодействие элементов (компонентов) системы достигается тем, что каждый из них под влиянием афферентного синтеза или обратной афферентации освобождается от избыточных степеней свободы и объединяется с другими компонентами только на основе тех степеней свободы, которые вместе содействуют получению надежного конечного результата. И, последнее. Поскольку в концепции П.К. Анохина фокусированный полезный результат оказывает центральное организующее влияние на все этапы формирования системы, а сам полезный результат является, несомненно, функциональным феноменом, данная концепция была названа методом функциональной системы¹⁵.

Исходя из этих доводов, П.К. Анохин сформулировал систему как «только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата»¹⁶.

Если следовать методу функциональной системы, точнее, спроектировать его положения на собственные конкретно-научные исследования, то появляется возможность стабилизировать уголовный процесс как сложный объект, исключив тем самым возникновение соответствующих проблем.

Итак, подводя итог, мы можем выделить ключевые моменты, сформировавшиеся посредством разработанной нами методологии исследования, включающей в себя системный метод, метод диалектики, правовой метод и др., и отражающие авторскую точку зрения на проблемы уголовного процесса и пути их решения. Во-первых, проблемы, возникающие из уголовного процесса, имеют системный характер. Во-вторых, для их решения наиболее эффективным инструментом признан системный подход в форме теоретической концепции, именуемой методом функциональной системы. В-третьих, проектируя положения метода функциональной системы на собственные конкретно-научные исследования, мы можем стабилизировать уголовный процесс, исключив тем самым возникновение соответствующих проблем.

¹ См.: Состояние преступности январь-ноябрь 2013 года // Официальный сайт МВД РФ: mvd.ru; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - ноябрь 2013 года. Официальный сайт МВД РФ: mvd.ru.

² См.: *Лунев В.В.* Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998. № 5. С. 50-51.

³ См.: *Малышева О.А.* Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 10-11.

⁴ См.: *Топольскова А.Ю.* Обоснованность и мотивированность процессуальных действий и решений в досудебном доказывании: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2012. С. 9.

⁵ См.: *Вартанов А.Р.* Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 5, 8.

⁶ *Кирьянов А.Ю.* Проблемы реализации презумпции невиновности в современном уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 3-4, 7-8.

⁷ Там же.

⁸ См.: *Яновский Р.С.* Актуальные проблемы производства следственных действий в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

⁹ См.: *Латыпов В.С.* Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

¹⁰ *Сурмин Ю.П.* Теория систем и системный анализ: учебное пособие. Киев, 2003. С. 13.

¹¹ См.: *Богданов А.А.* Тектология (Всеобщая организационная наука): в 2 кн. / отв. ред. Л.И. Абалкин и др. М., 1989.

¹² См.: *Bertalanffy L.* Problems of life. Y., 1960.

¹³ См., например: *Шминке А.Д.* Система права и система законодательства России: вопросы методологии: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 52–57; *Хаснутдинов Р.Р.* Проблемы методологии системного подхода к юридической ответственности / отв. ред. Р.Л. Хачатуров. Самара, 2012. С. 48–53; 76–78; *Юсупова Л.А.* Системный подход к построению демократического правового социального государства в России. Белгород, 2013. С. 68–69 и др.

¹⁴ *Анохин П.К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975. С. 24–25.

¹⁵ См.: Там же. С. 35–38.

¹⁶ Там же. С. 34.

Н.В. Спесивов

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье раскрывается понятие международных стандартов прав несовершеннолетних уголовного судопроизводства, а также приводится их классификация по различным критериям (в зависимости от обязательности источника, их закрепляющего, сферы их действия, процессуального положения несовершеннолетних, вовлеченных в сферу уголовного процесса).

Ключевые слова: производство по делам о преступлениях несовершеннолетних; международные стандарты прав несовершеннолетних участников уголовного процесса.

N.V. Spesivov

CLASSIFICATION OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS STANDARDS MINORS INVOLVED IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article explains the concept of international standards for the rights of minors in criminal proceedings, as well as their classification according to different criteria (depending on the source of the obligation, securing them from their scope, from the procedural provisions of minors involved in criminal process).

Keywords: proceedings concerning offenses committed by minors; international standards for the rights of minors involved in criminal proceedings.

Как отмечается в Руководящих принципах, касающихся правосудия для детей-жертв и свидетелей преступлений¹, каждый ребенок – это уникальная и имеющая большую ценность личность, индивидуальное достоинство, особые интересы и частная жизнь которой должны быть признаны и пользоваться защитой. Защита прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, осуществляемая в целях формирования полноценной личности, предполагает

© Спесивов Никита Владимирович, 2014
Аспирант кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nikita_spesivov@bk.ru

закрепление в национальном законодательстве результатов взаимосогласованных действий государств и неправительственных международных организаций по разработке стандартов обеспечения прав ребенка.

Под международными стандартами прав несовершеннолетних участников уголовного процесса следует понимать общепризнанные нормы и принципы международного права, положения международных договоров и многочисленные нормы рекомендательных законодательных актов, закрепляющие перечень общепризнанных прав и свобод несовершеннолетних лиц и устанавливающие минимальный уровень, на котором эти права должны обеспечиваться государствами в национальном отраслевом законодательстве.

Вопрос о классификации стандартов прав личности в сфере уголовного судопроизводства неоднократно рассматривался в специальной литературе², а также был предметом обсуждения на международных форумах, посвященных борьбе с преступностью. При этом, как правило, выделялись стандарты прав лиц, подвергающихся уголовному преследованию и находящихся под стражей, стандарты прав жертв преступлений, стандарты правосудия в отношении несовершеннолетних, стандарты, касающиеся механизмов международного сотрудничества в сфере уголовного процесса; стандарты независимости судебных органов³.

В зависимости от обязательности источника, закрепляющего важнейшие права несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, можно выделить международные стандарты несовершеннолетних участников уголовного процесса, содержащиеся в обязательных и рекомендательных международных актах.

К первой группе могут быть отнесены стандарты, закрепленные в двусторонних и многосторонних договорах (конвенциях, пактах, соглашениях, договорах), обычаях международного права, а также предписаниях международных органов, создаваемых на основе международных договоров (например, в резолюциях Совета Безопасности ООН). К числу таких обязательных международных актов относятся Конвенция о правах ребенка, положения Международного пакта о гражданских и политических правах⁴, другие международные многосторонние договоры, заключенные ООН, а также иные региональные многосторонние договоры, самым значительным из которых является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод⁵.

К группе рекомендательных следует отнести стандарты, содержащиеся в актах, принятых на различных конференциях, а также органами, образуемыми на базе международных договоров. В соответствии с терминологией международного права — это акты «мягкого» права, отход от которых, хотя и не одобряется, но признаками формальной обязательности они не обладают⁶. Сюда относят Пекинские правила⁷, Эр-Риядские руководящие принципы⁸ и другие документы, принятые в виде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, касающиеся вопросов защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. По сути они являются конкретизацией общих стандартов-принципов, содержащихся в международных пактах и конвенциях.

Несмотря на то, что данные акты не обладают формальной обязательностью, их положения не могут игнорироваться во внутреннем законодательстве, поскольку различные государства либо являлись участниками конференций, на которых эти акты принимались, либо выступают стороной в международном

договоре, предусматривающем создание органов, в компетенцию которых входит регулирование данных вопросов. Кроме того, национальные судебные органы нередко для дополнительного обоснования своей позиции используют положения таких рекомендательных документов⁹.

Другим критерием, по которому нередко классифицируются стандарты прав участников уголовного судопроизводства, выступает сфера их действия. Исходя из этого, выделяют универсальные и региональные международные стандарты¹⁰. Многие международные стандарты прав личности вырабатываются государствами, исторически и географически близкими друг другу. Такие стандарты, содержащиеся в международных документах, к которым присоединились страны, расположенные в рамках одного географического региона, следует считать региональными. Ныне принято говорить о европейских стандартах прав личности, о стандартах стран – членов СНГ, о межамериканских стандартах и т.д., которые выступают в качестве региональных составляющих общей универсальной международной системы гарантий прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Универсальные стандарты зафиксированы в документах, к которым присоединились государства, существующие на различных континентах, и к которым в дальнейшем могут присоединиться любые другие государства¹¹.

В зависимости от процессуального положения несовершеннолетних лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса, можно выделить стандарты прав подростков, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, и стандарты прав несовершеннолетних потерпевших и иных несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Исходя из положений международно-правовых актов, в содержании международных стандартов прав несовершеннолетних, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, могут быть выделены следующие составляющие:

право быть информированным и выражать свое мнение в процессе производства по делу;

право ходатайствовать о назначении специального представителя (в случаях, когда родители, иные лица лишаются возможности представлять ребенка в результате разногласия в их интересах) и о назначении независимого представителя (в случаях, предусмотренных законом, – адвоката);

полностью или частично осуществлять правомочия стороны в процессе судопроизводства;

право получить консультацию в понятной для несовершеннолетнего форме в случае, если по законодательству государства он рассматривается как имеющий достаточный уровень понимания, за исключением случаев, явно противоречащих его интересам;

возможность выразить свое мнение, которое должно быть учтено;

обязанность компетентных органов действовать без лишних промедлений, тщательно рассматривать вопрос об ограничении личной свободы несовершеннолетнего только в случаях совершения им серьезного деяния с применением насилия против других лиц или неоднократного совершения других серьезных правонарушений, а также в отсутствие другой соответствующей меры воздействия.

Международные стандарты прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей предусматривают следующие права:

доступ к правосудию и справедливое обращение (предоставление полной информации о ходе судопроизводства и принятых решениях; обеспечение возможности выразить собственное мнение и его рассмотрения; предоставление надлежащей помощи на протяжении всего судебного разбирательства; обеспечение безопасности потерпевшему, а также членам его семьи и свидетелям с их стороны; предотвращение неоправданных задержек при рассмотрении дела);

справедливую реституцию, т.е. возмещение причиненного преступлением вреда самими правонарушителями или третьими лицами, несущими ответственность за их поведение, а в случаях нарушения уголовного законодательства должностными лицами, представителями государственных органов – за счет государства;

обязанность государства (при невозможности для потерпевшего получить компенсацию в полном объеме от правонарушителя или из других источников) принимать меры к предоставлению финансовой компенсации потерпевшим в результате тяжких преступлений, получившим значительные телесные повреждения, существенно подорвавшим свое физическое или психическое здоровье;

оказание необходимой материальной, медицинской, психологической и социальной помощи на всех этапах отправления правосудия;

право на достойное обращение и сочувствие. Вмешательство в их личную жизнь должно быть минимальным и только в случаях, предусмотренных законом;

право на защиту от дискриминации. Несовершеннолетние потерпевшие (свидетели) должны иметь доступ к правосудию вне зависимости от пола, расы, национальности, языка религии, политических и иных убеждений, имущественного и социального положения самого ребенка, а также его родителей или законных представителей, либо иных обстоятельств;

право быть заслушанным и выразить свое мнение;

право на защиту в трудных ситуациях при отправлении правосудия, соблюдение интересов детей, выступающих в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевших и свидетелей.

Таким образом, международные стандарты прав несовершеннолетних, сформулированные в ряде деклараций, конвенций и других документах, принятых в виде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, закрепили право несовершеннолетних развиваться в условиях свободы и достоинства, а в случаях, когда это необходимо, — их право на специальную защиту. Особо актуальны и значимы международные стандарты при обеспечении прав несовершеннолетних – участников уголовного судопроизводства, поскольку в силу физической и умственной незрелости они не в состоянии в полной мере использовать все возможные средства внутригосударственной защиты своих прав.

В настоящее время законодательство ни одной из стран мира не может считаться образцом в области гарантирования и соблюдения прав ребенка. Даже в государствах, считающихся эталоном демократического и экономического развития, продолжается рост преступлений, совершаемых несовершеннолетними и против несовершеннолетних, рост детской беспризорности. Как представляется, это свидетельствует о невозможности разрешения проблемы защиты прав несовершеннолетних только национальными средствами и диктует необхо-

димность объединения усилий мирового сообщества, формирование института международно-правовой защиты прав несовершеннолетних.

¹См.: Официальный сайт ООН http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/guidelines_justice_inv_child.shtml (дата обращения: 25.03.2014).

²См., например: *Ягофаров С.М.* Международные стандарты по правам человека в сфере российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 11–12; *Ермишина Н.С.* Европейские стандарты в области прав человека и их роль в обеспечении прав личности в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 41–45.

³См.: *Бережко Е.В.* Некоторые вопросы судебного профессионализма и профессиональной деформации // Региональная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов Оренбургской области: сборник материалов. Оренбург, 2003. С. 21.

⁴См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁵См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

⁶См., например: *Anna Di Robilant Genealogies of Soft Law* // *The American Journal of Comparative Law*. Vol. 54. 2006. № 3. P. 500–501; *David M. Trubek, Patrick Cottrell, Mark Nance* “Soft Law”, “Hard Law”, and European Integration: Toward a Theory of Hybridity [Electronic resource] // *Jean Monnet Working Paper*. 2005. № 02/05 // jeanmonnetprogram.org/papers/05/050201.pdf. P.5; *Hartmut Hillgenberg*. A Fresh Look At Soft Law // *European Journal of International Law*. 1999. Vol.10. № 3; *R.R.Baxter*. International Law in “Her Infinite Variety” // *The International and Comparative Law Quarterly*. Vol 129, № 4 (Oct. 1980).

⁷См.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 2007. С. 49–74.

⁸См.: Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы): приняты 14 декабря 1990 г. Резолюцией 45/112 на 68-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 2007. С. 75–85.

⁹Так, Пленум Верховного Суда РФ рекомендовал российским судам при разбирательстве дел в отношении несовершеннолетних или с их участием использовать положения Пекинских правил. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (п. 2, 45) // *Российская газета*. 2011. 11 февр.

¹⁰См.: *Ермишина Н.С.* Указ. раб. С. 42.

¹¹См.: *Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / под ред. Р.М. Валеева. М., 2011. С. 75*

КРИМИНАЛИСТИКА

В.В. Степанов, М.А. Бабакова

О РАСШИРЕНИИ ОБЪЕКТОВ РОЗЫСКА

В статье рассматривается вопрос о расширении объектов розыска. Обосновывается объективная необходимость включения в систему объектов информации, значимость которой очевидна с учетом современного этапа развития цивилизации. Правовой основой для подобного вывода служит уголовно-процессуальное и иное законодательство РФ.

Ключевые слова: объекты розыска, информация, классификация информации, источники информации.

V.V. Stepanov, M.A. Babakova

ABOUT BROADENING THE NUMBER OF OBJECTS OF SEARCH

The article explores issue of broadening the number of objects which may be searched during crime investigation activity. The necessity of inclusion into the system of objects containing significant information according to modern period of civilization development is justified. Criminal procedure law and other legislation of Russian Federation is the legal foundation of this conclusion.

Keywords: objects of search, information, classification of information, sources of information.

Современное общество является информационным. Информационные и коммуникативные технологии, признанные в качестве объекта правового регулирования, изменили значение пространства и времени и существенным образом трансформировали всю современную цивилизацию¹. На данном этапе развития общества информация – один из наиболее распространенных ресурсов, который накапливается и собирается, продается и покупается, обменивается и распространяется. Попытки дать определение информации предпринимаются достаточно давно, однако, как справедливо отмечается в литературе, ни философское, ни кибернетическое, ни семантическое, ни иные определения информации, данные в рамках естественных наук, для права неприемлемы. «Информация как объект правоотношений должна быть конкретизирована, организована должным образом, «привязана» к ситуации и конкретному виду отношений, классифицирована по видам и иным образом «подготовлена» для осуществления по ее поводу действий, регулируемых нормами права»². Таким образом, информация, фигурирующая в сфере уголовно-процессуальных и

© Степанов Владимир Васильевич, 2014

Кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистического обеспечения расследования преступлений, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный работник высшей школы РФ (Саратовская государственная юридическая академия)

© Бабакова Мария Алексеевна, 2014

Кандидат юридических наук, помощник судьи (Саратовский областной суд); e-mail: Mara21983@rambler.ru

криминалистических отношений, имеет свои особенности, нуждающиеся в самостоятельном регулировании. В. Хиллота верно отмечает, что важно найти адекватные правовые механизмы, которые бы обеспечили правовое регулирование новых информационных общественных отношений, что позволит системно противостоять различным правонарушениям и преступлениям в этой сфере³.

Дальнейшее уточнение уголовно-процессуальных и криминалистических понятий об информации⁴ и ее носителях необходимо, т.к. она представляет собой феномен, который в одних случаях является предметом преступного посягательства, а в других — инструментом преступной деятельности⁵. На современном этапе законодатель, защищая информацию от преступных посягательств, предусмотрел в ст. 272–274 УК РФ уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272); создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ (ст. 273); нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 274). В качестве общего объекта данных преступлений названы общественные отношения по обеспечению информационной безопасности, а непосредственными объектами — базы и банки данных, отдельные файлы конкретных компьютерных систем и сетей, а также компьютерные технологии и программные средства, включая те, которые обеспечивают защиту компьютерной информации от неправомерного доступа⁶. Компьютерная информация в качестве самостоятельного объекта преступного посягательства прямо не названа. Определение «компьютерная информация» законодатель дает в ч. 1 ст. 272 УК РФ, понимая под ней информацию на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети. Таким образом, определение «компьютерная информация» дано через понятие «информация».

При розыске с помощью средств сотовой связи, Интернета задача следователя — получение сведений (информации). Прежде всего речь идет о компьютерной информации. В связи с этим уже разработано применительно к процессу доказывания понятие компьютерной информации как «фактических данных, обработанных компьютерной системой и (или) передающихся по телекоммуникационным каналам, а также доступных для восприятия, и на основе которых в определенном законом порядке устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного решения уголовного или гражданского дела»⁷. Таким образом, компьютерная информация — это информация, обработанная с помощью компьютерных программ и содержащаяся на определенных технических носителях. Отличие компьютерной информации от информации состоит лишь в способе обработки и фиксации.

Термин «информация» все чаще используется законодателем в различных нормативно-правовых актах наряду с таким понятием, как сведения. В связи с этим необходимо более подробно рассмотреть эти категории, выявить их сходства и различия.

Информация как самостоятельный объект розыска прямо упоминается в ст. 186.1 УПК РФ: «При наличии достаточных оснований полагать, что информация о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами имеет значение для уголовного дела, получение следователем указанной информации допускается на основании судебного решения».

В ряде норм законодатель указывает на сведения как отдельный объект розыска. В ч. 1 ст. 185 УПК они упоминаются наряду с такими объектами розыска, как предметы и документы: «При наличии достаточных оснований полагать, что предметы, документы или сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться соответственно в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях либо в телеграммах или радиogramмах, на них может быть наложен арест», а в ч. 1 ст. 186 УПК РФ указывается лишь один объект – сведения: «При наличии достаточных оснований полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела, их контроль и запись допускаются при производстве по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях на основании судебного решения». В ст. 5 УПК РФ понятие «сведения» не раскрывается. Нам представляется, что оно аналогично понятию «информация».

«Информация (от лат. information — разъяснение, изложение) первоначально – сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т.д.); с середины XX в. — общенаучное понятие, включающее обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом...»⁸.

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» информация определяется как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления⁹. Применительно к целям расследования преступлений Р.С. Белкин определяет криминалистически значимую информацию как сведения, данные, имеющие отношение к раскрытию и расследованию преступления¹⁰. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в понятия «сведения», «информация», «данные» вкладывается одинаковый смысл.

С учетом темпов научно-технического прогресса, особенно быстрого развития и повсеместного внедрения средств телекоммуникации выделение сведений (информации) в качестве самостоятельного объекта розыска представляется особенно актуальным. И.Л. Бачило отмечает, что «информация (сведения) возникает в процессе познания мира и позволяет на основании свойств предметов, процессов, фактов и отражения их в различных формах восприятия отличить их признаки, значение и установить связи и зависимости всего многообразия проявления материального, духовного и идеологического мира...»¹¹.

В любом случае информация может быть интерпретирована как совокупность формализованных знаний, предназначенных для передачи в качестве сообщения. Важно то, что информация, предназначенная для передачи, всегда имеет определенную форму представления и может быть передана и воспринята¹². Кроме этих общих требований, безусловно то, что информация должна быть наделена индивидуальными признаками, что подтверждает возможность ее включения в число объектов розыска. Такие признаки сводятся к следующему: а) информация должна обладать ценностью (действительной или потенциальной); б) не быть общедоступной и общеизвестной; в) обладателем информации приняты меры к охране ее конфиденциальности¹³.

Кроме указанных признаков, присущих информации, выделяют также такие, как полезность, наличие смысла, знаковая воплощенность, перерабатываемость в определенной алфавитной системе по существующим грамматическим правилам,

способность воплощаться в различные сигналы и восстанавливаться из них¹⁴; идеальность, количественная определенность, неисчерпаемость, нелинейность, системность, обособленность¹⁵; физическая неотчуждаемость, тиражируемость, организационная форма, информационная вещь и экзemplярность¹⁶, целостность и доступность¹⁷. Наибольший интерес представляет такой признак информации, как свойство критического объема, заключающееся в переходе количества в качество. Это свойство является обязательным для информации и «заключается в возможном получении новых знаний из анализа большого количества обрывочной, разрозненной, неполной информации»¹⁸. Именно это свойство позволяет следователю в процессе сбора и анализа информации при расследовании преступления воссоздать полную картину происшедшего.

Как и иные объекты розыска, информация неоднородна по своей природе, поэтому она может быть классифицирована по нескольким критериям. В зависимости от категории доступа к ней можно выделить следующие виды информации: общедоступную, доступ к которой ограничен федеральными законами.

К информации с ограниченным доступом относится научно-техническая, технологическая, производственная, финансово-экономическая или иная информация, составляющая секреты производства — ноу-хау, которая имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, к которой нет свободного доступа на законном основании и в отношении которой обладателем такой информации введен режим коммерческой тайны. Информация данного вида именуется «информацией, составляющей коммерческую тайну». Ее правовой статус определен ст. 1465 ГК РФ и п. 2 ст. 3 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»¹⁹.

Деление информации на виды осуществляется по следующим критериям:

в зависимости от порядка предоставления или распространения:

свободно распространяемая;

предоставляемая по соглашению лиц, участвующих в соответствующих отношениях;

в соответствии с федеральными законами подлежащая предоставлению или распространению;

распространение которой в Российской Федерации ограничивается или запрещается²⁰;

по соответствию реальной действительности:

достоверная;

недостоверная;

по степени полноты:

полная;

неполная.

Полнота информации, с одной стороны, определяется степенью отражения всех необходимых моментов для познания создавшейся ситуации преступления и его обстоятельств, а с другой — ее достаточностью при принятии лицом, расследующим преступление, решения по делу;

по степени связи с объектами розыска:

непосредственно связанная с объектом розыска;

вспомогательная (ориентирующая) (указывающая на разыскиваемый объект и (или) иные объекты, связанные с событием преступления);

в зависимости от способа собирания:

оперативно-розыскная;
уголовно-процессуальная;

данные, содержащиеся в приостановленных, прекращенных и рассмотренных уголовных делах, а иногда — в административных, арбитражных и гражданских делах, криминалистических учетах;

данные различных наук, заимствованные и адаптированные криминалистикой, используемые для определения направления организации, тактики и методики расследования²¹;

по направлению использования:

доказательственная;
ориентирующая.

Еще одним обстоятельством, обуславливающим необходимость выделения информации в качестве самостоятельного объекта розыска, является то, что по своим качественным характеристикам она не совпадает ни с одним из ранее выделенных объектов. Информация — это отдельный нематериальный и самостоятельный объект, причем она, как и интеллектуальная собственность, в корне отличается от материального имущества (вещи)²². Она неосвязаема, непотребляема и не может быть объектом правоотношений безотносительно к материальным носителям — физическим объектам, т.е. является благом нематериальным, может подвергаться лишь моральному, но не физическому старению²³. Коренное отличие состоит в нематериальной природе информации, в то время как все остальные объекты розыска материальны. Такое понимание прослеживается в ряде работ. Так, А.Л. Арипов отмечает, что «предметы материального мира как таковые являются не «доказательствами», а носителями информации, которая устанавливает (либо опровергает) тот или иной факт, который в дальнейшем может служить для восстановления картины преступления»²⁴. В связи с этим он предлагает использовать термин «сохранение данных», как наиболее полно отражающий процесс фиксации в процессуальных актах в определенном порядке интересующих свойств, носителями которых являются те или иные предметы (либо показания лиц; сведения, отраженные в письменных документах, и т.п.). Р.С. Белкин также использует термин «данные» при анализе деятельности «по сохранению обнаруженных данных и формам их сохранения»²⁵.

Сохранение данных должно быть максимально содержательным, в полной мере давать представление о свойствах объектов. Поэтому сохранению подлежат: сами фактические данные; действия по их обнаружению и фиксации; условия их обнаружения и фиксации; средства и способы обнаружения и фиксации фактических данных²⁶. Актуальность проведения исследования носителей компьютерной информации для поиска информации, значимой для расследования преступления, отмечается и в других работах²⁷.

Фиксация информации на материальном носителе (диске, дискете, флэш-карте, бумажном носителе) изменяет форму, в которой она закреплена, но содержание остается неизменным. А.Л. Арипов правильно говорит о необходимости поиска в процессе доказывания носителей информации, с помощью которых могут быть получены сведения о событии преступления, собирания этих сведений, их процессуального закрепления, проверки и оценки в целях достоверного установления обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела²⁸.

Таким образом, доказательственное значение при расследовании конкретного уголовного дела будет иметь сама информация, запечатленная на соответствующих носителях. Именно она отражает следы преступления и содержание ее не зависит от предоставленного носителя, тем более, что согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству следователь при производстве отдельных следственных действий может применять различные способы фиксации доказательственной информации. Предметный носитель, который использует следователь, сам по себе не имеет никакого отношения к событию преступления, не связан с ним, выбор его зависит от материально-технической базы следствия и эффективности применения ее в конкретной ситуации.

Однако изначально среди ученых-криминалистов сложилось мнение о том, что информация, имеющая отношение к событию преступления, неразрывно связана с источником этой информации, и ее существование зависит от него²⁹. Сведения и источники их получения находятся в неразрывном единстве. Оно проявляется в том, что источник сведений нужен лишь постольку, поскольку он ведет к установлению соответствующих сведений. Сами же сведения получаются лишь из предусмотренных законом источников. «Нет и не может быть познания дознавателем, следователем, прокурором и судом вне определенных законом источников тех сведений, с помощью которых осуществляется доказывание. Сведения в любом из названных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ источников могут существовать, храниться, передаваться и исследоваться исключительно в их неразрывном единстве с источниками. Разве могут, к примеру, сведения, содержащиеся в чьих-либо показаниях (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста), существовать отдельно от этих показаний? То же самое можно сказать о сведениях, содержащихся в заключениях эксперта или специалиста, в различных предметах и документах»³⁰.

С этими утверждениями нельзя согласиться. Сведения, источником которых является подозреваемый, обвиняемый, свидетель, эксперт, могут быть зафиксированы с помощью видеозаписи в установленном законом порядке в процессе дачи показаний и использованы в процессе расследования, даже если по каким-либо причинам станет невозможным участие самого лица. При этом материалы, полученные в определенной процессуальной форме, не являясь источником информации, будут нести те же сведения, что и сам источник. То же самое возможно и применительно к компьютерной информации, когда сервер с данными находится, к примеру, в другом государстве, а информация, необходимая для расследования, в порядке исполнения запроса о правовой помощи передается правоохранительным органам на материальном носителе.

Информация не может существовать сама по себе, т.к. выступает неотъемлемым атрибутом того или иного процесса или явления. Эту точку зрения разделяют и некоторые ученые³¹, которые считают, что информация существует как часть информационного продукта. В.А. Копылов утверждает, что «информация передается и распространяется только на материальном носителе или с помощью материального носителя»³².

Тем не менее, безусловно и то, что в ряде случаев материальный носитель служит лишь вспомогательным элементом, зачастую не оказывающим влияния на сущность и содержание информации, в отличие от ее источника. Как верно отметил И.Л. Бачило, «информация самым удивительным образом аккумулирует и реализует свойства материального и нематериального объекта и занимает

пограничное положение между уже существующими объектами права, традиционно разделенными на «вещные» и «интеллектуальные»³³. При этом особое значение приобретает разграничение роли источника и материального носителя информации применительно к ее возникновению, распространению и влиянию на содержание.

В. Даль понимал под источником «всякое начало или основание, корень и причину, исход, исходную точку, запас или силу, из которой что истекает и рождается, происходит»³⁴. Это определение источника как первоисточника. Между тем в ходе расследования преступления и розыска объектов следователь далеко не всегда имеет возможность получить информацию из первоисточника в силу различных причин. Большинство сведений следователь получает из вторичных источников информации, основную массу которых составляют следы преступления.

В процессе расследования преступлений понятие «источник информации» и «след» тесно переплетаются. Понятие «след» было предложено И.И. Якимовым: «Следом называется отпечаток на чем-нибудь предмета, позволяющий судить об его форме или об его назначении»³⁵. На данном этапе речь идет лишь о следах, оставляемых материальными предметами. Близкое по смыслу определение следа дал С.М. Потапов: «Следы – отражения на материальных предметах признаков явлений, причинно связанных с расследуемым событием»³⁶. Он же высказал точку зрения о том, что «следы могут возникать от людей, отдельных предметов и от сил природы»³⁷. Очевидно, что след — более узкое понятие, чем источник, характеризующий не преступление в целом, а отдельные его элементы.

В советское время в источник информации включали «материальные объекты в широком понимании, которые взаимосвязаны с обстоятельствами события преступления и содержат о них информацию»³⁸. В современный период имеет место точка зрения, согласно которой под источником доказательственной и криминалистически значимой информации следует понимать «материальные объекты и явления, а также идеальные отражения, не имеющие материального отражения вовне, причинно связанные с событием преступления и содержащие в себе как доказательственную, так и ориентирующую информацию о данном событии, используемую для целей его раскрытия и расследования»³⁹. Применительно к компьютерной информации некоторые авторы считают, что ее источниками служат машинная распечатка; накопители на магнитных, оптических и иных носителях; база данных (фонд) оперативной памяти ЭВМ или постоянного запоминающего устройства⁴⁰.

«Носитель данных – физическое тело или среда, используемые для записи и хранения информации в системах автоматической обработки информации»⁴¹. Носитель информации может быть использован для записи и хранения, передачи информации, однако он не связан с ее возникновением и не влияет на содержание.

Источник информации, материальный носитель, след возникают на внепроцессуальной стадии ее формирования, когда событие преступления оставляет изменения в сознании людей или следы на материальных объектах. Взаимодействие предметов объективного мира влечет за собой их взаимную трансформацию и создает возможности передачи соответствующей информации. Однако следы сами по себе еще не являются доказательствами.

В дальнейшем эти факты воспринимаются и процессуально закрепляются лицами, осуществляющими расследование⁴². Органы, уполномоченные законом, с соблюдением установленных требований выявляют и собирают их, придавая им форму протоколов, показаний, признавая вещественными доказательствами, документами и прочими видами доказательств, установленными УПК РФ. До тех пор, пока не возникло производство по уголовному делу и не началось применение норм, регулирующих собирание доказательств, нельзя говорить о наличии процессуальной формы доказательств.

При этом информация становится доказательственной информацией, закрепленной в доказательствах в определенной процессуальной форме, момент начала ее существования в качестве таковой связан с моментом процессуального закрепления. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает правила собирания, проверки и оценки различной информации и придания ей доказательственного значения⁴³.

Ориентирующую информацию получают как из процессуальных, так и непроцессуальных источников. Доказательственного значения она не имеет⁴⁴. Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская отмечали, что именно информация служит основой розыскной деятельности следователя⁴⁵. При этом и ориентирующая, и доказательственная информация одинаково ценны.

Некоторые современные ученые, поддерживая точку зрения о том, что информация может выступать объектом розыска, акцентируют свое внимание только на компьютерной информации. В частности, А.Ю. Головин и Т.В. Толстухина относят к объектам розыска похищенную компьютерную информацию, компьютерные программы (в т.ч. и вредоносные), поскольку существует ряд признаков, позволяющих их индивидуализировать и отождествлять⁴⁶. Не понятно, почему в качестве объекта розыска они рассматривают лишь похищенную компьютерную информацию и программные продукты. Для расследования ценность может представлять не только информация, ставшая предметом преступного посягательства, но и та, что изначально принадлежала преступнику или находилась у иных лиц, не подвергаясь при этом противоправным посягательствам.

Представляется, что информация может быть включена в число самостоятельных объектов розыска. Она отвечает всем требованиям, предъявляемым к последним.

¹ См.: *Бачило И.Л.* Информационное право – новая отрасль права Российской Федерации (методология, теория, практика) // Государство и право. 2008. № 3. С. 88.

² *Трофимов О.И., Горев А.И.* О правовой охране баз данных // Государство и право. 2008. № 6. С. 79.

³ См.: *Хилота В.* Можно ли похитить информацию? // Законность. 2008. № 5. С. 48.

⁴ См.: *Савельева М.В., Степанов В.В.* О понятии криминалистической информации // Вестник криминалистики. М., 2009. Вып. 4(32). С. 14–21.

⁵ См.: *Крылов В.В.* Основы криминалистической теории расследования преступлений в сфере информации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 13.

⁶ См.: *Ищенко Е.П., Топорков А.А.* Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М., 2006. С. 711.

⁷ *Россинская Е.Р., Усов А.И.* Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М., 2001. С. 23.

⁸ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М., 1989. С. 504.

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448.

¹⁰ См.: *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 56.

¹¹ *Бачило И.Л.* Указ. раб. С. 89.

¹² См.: *Крылов В.В.* Указ. раб. С. 13.

¹³ См.: Там же. С. 50.

¹⁴ См.: *Черняк Ю.И.* Информация и управление. М., 1974. С. 62–64.

¹⁵ См.: *Бачило И.Н., Лопатин В.И., Федотов М.А.* Информационное право / под ред. Б.Н. Топорнина. СПб., 2001. С.143–145.

- ¹⁶ См.: *Копылов В.А.* Информационное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 201.
- ¹⁷ См.: *Осипенко А.Л.* Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: Международный опыт. М., 2004. С. 24.
- ¹⁸ *Трофимов О.И., Горев А.И.* Указ. раб. С. 79.
- ¹⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 32, ст. 3283.
- ²⁰ См. ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «О информации, информационных технологиях и защите информации».
- ²¹ См.: *Савельева М.В., Степанов В.В.* Указ. раб. С. 21.
- ²² См.: *Семилетов С.И.* Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право. 2000. № 5. С. 74.
- ²³ См.: *Хилота В.* Указ. раб. С. 48.
- ²⁴ *Арипов А.Л.* Собираение доказательств // Законность. 2009. № 8. С. 46.
- ²⁵ См.: *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 2. М., 1997. С. 125.
- ²⁶ См.: *Арипов А.Л.* Указ. раб.
- ²⁷ См.: *Костин П.В.* Место машинных носителей информации в механизме преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием средств компьютерной техники // Российский следователь. 2006. № 7.
- ²⁸ См.: *Арипов А.Л.* Указ. раб.
- ²⁹ Подробнее об этом см.: *Горский Г.Ф., Кокарев Л.Д., Элькин П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 102; *Хмыров А.А.* Косвенные доказательства. М., 1979. С. 7; *Карнеева Л.М.* Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 1988. С. 25; *Бедняков Д.И.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С. 40.
- ³⁰ Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2005. С. 114.
- ³¹ См.: *Хилота В.* Указ. раб. С. 49.
- ³² *Копылов В.А.* Указ. раб. С. 49–50.
- ³³ *Бачило И.Л.* Указ. раб. С. 89.
- ³⁴ *Даль В.* Толковый словарь. Набрано и напечатано со 2-го издания 1880-1882 г. М., 1955. С. 80.
- ³⁵ *Якимов И.И.* Осмотр. М., 1935. С. 44.
- ³⁶ Краткий юридический словарь / под общ. ред. К.П. Горшенина и др. М., 1945. С. 59.
- ³⁷ Там же. С. 59.
- ³⁸ *Лукашевич В.К.* Дидактические материалы к специализированному курсу криминалистики. Киев, 1986. С. 8.
- ³⁹ *Ефремов Д.А.* Методы исследования криминалистически значимой информации // Акме: сборник трудов молодых ученых / под ред. Л.И. Покатаева. Саратов, 2008. Вып. 5. С. 286.
- ⁴⁰ См.: *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 948.
- ⁴¹ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. С. 914.
- ⁴² См.: *Егоров Н.И.* Вещественные доказательства в следственной и экспертной практике. М., 2003. С. 13.
- ⁴³ См.: Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2005. С. 114.
- ⁴⁴ См.: *Иванов А.Н., Лапин Е.С.* Криминалистика. Основные положения: учебно-справочное пособие. Саратов, 2005. С. 8.
- ⁴⁵ См.: *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Указ. раб. С. 485.
- ⁴⁶ См.: *Головин А.Ю., Толстухина Т.В.* Компьютерная информация как объект розыска // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. Тула, 2000. С. 46.

Д.А. Ефремов

ФИЛОСОФСКИЕ И КИБЕРНЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования информации в поисково-познавательной деятельности следователя с позиции философской и кибернетической наук.

Ключевые слова: философия, кибернетика, функциональная концепция, атрибутивная концепция, управление, расследование преступлений, следователь.

© Ефремов Дмитрий Алексеевич, 2014

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистического обеспечения расследования преступлений (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: dimefremov@mail.ru

D.A. Efremov

PHILOSOPHICAL AND CYBERNETIC BASES OF INFORMATION'S FUNCTIONING IN CRIME INVESTIGATION ACTIVITY

The article explores peculiarities of information's functioning in crime investigator's cognitive activity through positions of philosophic and cybernetic sciences.

Keywords: philosophy, cybernetics, functional concept, attributive concept, management, crime investigation, investigator.

Поисково-познавательные процессы в следственной деятельности на стадии досудебного судопроизводства имеют сложную и многоуровневую структуру. Понимание их сущности невозможно без использования положений различных областей научных знаний, составляющих их основу. К ним, в частности, следует отнести данные философской и кибернетической наук.

Существование любой информации невозможно без ее объектов-носителей. Определяющим свойством таких объектов как в практической деятельности следователя, так и в какой-либо другой, является их способность хранить в себе информацию, т.е. обладать свойством отражения. Понимание сущности данного свойства информации играет ключевую роль при разработке и применении методов познания этих объектов.

С позиции теории отражения информация представляет «отраженное разнобразие»¹ или «упорядоченное отражение»².

В философской науке сложились два течения в рассмотрении проблемы отражения – идеалистическое и материалистическое.

Идеализм (от фр. *idealisme*, от греч. *idea* – идея) – общее обозначение философских учений, утверждающих, что дух, сознание, мышление, психическое – первично, а материя, природа, физическое – вторично, производно³.

Материализм исходит из того, что знание есть отражение материального мира.

С позиции материалистов отражение представляет собой свойство материальных систем в процессе взаимодействия воспроизводить посредством своих особенностей особенности других систем⁴.

«Логично предположить, — отмечал В.И. Ленин, — что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...»⁵. Следует отдельно отметить, что в рамках материалистической концепции теории отражения сознание рассматривается в качестве высшей, специфической человеческой формы отражения.

В материализме существует нескольких направлений понимания природы и основ существования информации на практическом уровне (в т.ч. и в деятельности по расследованию преступлений), именуемых атрибутивной и функциональной концепциями.

«Согласно одной из них, информация мыслится как свойство всех материальных объектов Согласно другой точке зрения информация присуща лишь самоуправляемым системам, составляющим биологическую и социальную форму движения»⁶.

Информация согласно атрибутивной концепции отождествляется со структурой объекта и рассматривается как динамический процесс взаимодействия материальных систем.

Функциональная концепция определяет информацию как свойство, условие и результат целесообразной активности и связывает ее лишь с функционированием самоорганизующихся, самоуправляемых систем.

К. Маркс писал: «Главный недостаток всего предшествующего материализма, включая и фейербаховский, заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая, чувственная деятельность, практика, не субъективно»⁷.

В.Г. Афанасьев отмечал: «...Информация — не просто результат отражения, не просто знание. Она — именно сообщения, сведения, т.е. такое знание, которое нужно и у которого есть потребитель. Взаимодействуя с потребителем, знание приобретает характер сообщения, сведения, т.е. становится информацией. Информацию составляет та часть знания, которая используется для ориентировки, для активного действия, для управления, т.е. в целях сохранения качественной специфики, совершенствования и развития системы»⁸.

Аналогичного мнения придерживался Л.М. Коршунов: «Функциональное отражение, т.е. такое отражение, которое возникает, формируется на основе процессов управления и которое обслуживает эти процессы. Информационные процессы имеют место в жизнедеятельности биологических систем, деятельности человека, общества в целом»⁹.

Такой подход, с одной стороны, отражает сущность информации как необходимого элемента любой практической деятельности человека. Отсутствие информации препятствует дальнейшему развитию деятельности человека. С другой стороны, объективное существование информации не всегда обуславливает необходимость ее использования. Другими словами, из всего объема информации, объективно существующей во внешнем мире, лишь определенная часть найдет своего потребителя, остальные же данные останутся невостребованными (временно или постоянно).

Проецируя положения атрибутивной и функциональной концепций на поисково-познавательную деятельность следователя, осуществляющего расследование уголовного дела, нельзя однозначно признать ни одну из них единственно приемлемой. С одной стороны, информация является неотъемлемым атрибутом ее объектов-носителей, в то время как, с другой стороны, без практической человеческой информационно-познавательной деятельности невозможно ее познание, а также разработка практических методов по работе с исследуемыми объектами и явлениями.

Деятельность субъекта, осуществляющего расследование преступления, характеризуется непрерывным обменом и обработкой информации, полученной процессуальным и оперативно-розыскным путем, а также иным путем, имеющим значение для исследования обстоятельств преступления. Следователь, осуществляющий расследование по уголовному делу, действует на основе всей совокупности сведений, находящихся в его распоряжении, направляя расследование в нужное русло, выбирая при этом необходимые процессуальные средства, а также используя рекомендации криминалистической науки. Именно объем и характер имеющейся у него информации в большинстве случаев предопределяет особенности управления ходом расследования преступного события.

Следовательно, существование информации не будет иметь значения без ее потребителя: существуя и отражаясь в различных формах, она, дойдя до по-

требителя, выполняет свои функции, основной из которых является функция управления.

Б. С. Украинцев отмечал: «Если в системе отсутствует информация, то в ней не может быть и управления, а при отсутствии управления теряет всякий смысл и информация»¹⁰.

В общем смысле под управлением понимается «направление хода кого-, чего-либо; деятельность органов государственной власти по регулированию общественных отношений»¹¹.

С позиции кибернетики под управлением понимается «любое изменение состояния некоторого объекта, системы или процесса, ведущее к достижению поставленной цели»¹².

И.Б. Новик определял управление как упорядочение системы (под системой в данном случае понимается любой объект реального мира), т. е. приведение ее в соответствие с некоторой объективной закономерностью¹³.

Следовательно, предметом изучения кибернетики служат самоуправляющиеся системы, которыми могут быть живые организмы, организованные человеческие коллективы, автоматические вычислительные машины, системы управления технологическими процессами, абстрактные системы управления (т.н. дискретные автоматы или математические схемы-модели, сохраняющие информационные свойства, соответствующие реальным системам) и т.д., т.е. самоуправляющиеся системы с любым устройством, любым принципом действия и любым материальным субстратом¹⁴.

Таким образом, в любой самоуправляющейся системе независимо от характера ее действия, внутренней организации и формы внешнего проявления существует единство и взаимозависимость между информацией и управлением, которые представляют один из важнейших принципов ее функционирования.

Рассматривая деятельность по расследованию преступлений через призму положений об информации и управлении в системе, можно утверждать, что она подпадает под понятие «самоуправляющаяся система». Главным управляющим элементом данной системы выступает субъект, осуществляющий расследование. Получая необходимые данные из различных источников, он вовлекает в данный процесс другие необходимые элементы и определяет направления деятельности по расследованию преступления. Другими необходимыми элементами могут быть: лица, обладающие сведениями, связанными с преступным событием; лица, способствующие получению новых данных¹⁵; объекты, содержащие в себе нужные сведения; материально-технические ресурсы, необходимые для получения необходимой информации.

В ходе взаимодействия указанных элементов системы происходит получение новых данных, способствующих дальнейшему управлению системой, т.е. осуществлению деятельности по расследованию преступления. Процесс получения данных и осуществления управления в системе происходит до тех пор, пока не будет достигнута главная цель ее функционирования – раскрытие преступления.

В процессе передачи информации в ходе осуществления управления в системе важную роль играет ее кодирование. Передача информации должна обеспечить ее неоднократное использование, в связи с чем она должна быть соответствующим образом закодирована.

Под кодом понимается «совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания)»¹⁶.

Рассматривая лицо, осуществляющее расследование по уголовному делу, в качестве элемента системы, взаимодействующей с другими ее структурными элементами, с целью получения необходимой информации для осуществления управления необходимо, чтобы данная информация обрела понятную для следователя форму в виде тех или иных символов и закодированной по известным ему правилам.

При расследовании уголовного дела как разновидности человеческой информационно-познавательной деятельности широко используются буквы (слова), цифры и знаки.

Если информация имеет непонятную для познающего субъекта (следователя в т.ч.) форму, то используются специальные методы по перекодированию этой информации, для придания ей понятной формы. Так, незнание русского языка лицом, участвующим в деле (свидетель, потерпевший и т.п.), обуславливает привлечение переводчика в ходе производства того или иного следственного действия. С его помощью информация, используемая при расследовании уголовного дела, трансформируется из одного кода в другой (например, с английского языка на русский), понятный для следователя.

Как видно, информационные поисково-познавательные процессы в когнитивной деятельности следователя на стадии досудебного производства характеризуются сложностью своей структуры. Их основу, в частности, составляют положения философии и кибернетики, которые выступают своеобразным фундаментом научных криминалистических рекомендаций по применению средств и методов работы с различными объектами-носителями информации, способствующей выявлению и расследованию преступлений.

¹ Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. Философские очерки. М., 1975. С. 24–25.

² Новик И.Б. Кибернетика. Философские и социологические проблемы. М., 1963. С. 60.

³ См.: Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М., 1987.

⁴ См.: Коршунов Л.М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979. С. 21.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 18. С. 91.

⁶ Урсул А.Д. Указ. раб. С. 42.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 264.

⁸ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975. С. 33.

⁹ Коршунов Л.М. Указ. раб. С. 40.

¹⁰ Украинцев Б.С. О возможностях кибернетики в свете свойства отображения материи // Философские вопросы кибернетики. М., 1961. С. 110–133.

¹¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1948. С. 884.

¹² Словарь по кибернетике / под ред. В.М. Глушкова. Киев, 1979. С. 554.

¹³ См.: Новик И.Б. О некоторых методологических проблемах кибернетики // Кибернетику – на службу коммунизму. М., 1961. Т. 1. С. 36.

¹⁴ См.: Моисеев В.Д. Центральные идеи и философские основы кибернетики. М., 1965. С. 50, 66.

¹⁵ Имеются в виду лица, способствующие получению информации от людей либо объектов, связанных с преступлением, в силу обладания их определенными знаниями и (или) навыками обращения со специальными средствами.

¹⁶ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. С. 596.

В.В. Попов, Е.Г. Тришина

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАЛОГОВО-КОНТРОЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РАМКАХ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с проведением мероприятий налогового контроля налоговыми и правоохранительными органами в целях защиты интересов государства в сфере налогообложения.

Ключевые слова: интересы публичных образований, защита, налоговые органы, правоохранительные органы, мероприятия налогового контроля.

V.V. Popov, E.G. Trishina

ABOUT THE PECULIARITIES OF THE TAX CONTROL MEASURES WITHIN THE FRAMEWORK OF PROTECTION OF INTERESTS OF PUBLIC ENTITIES IN THE SPHERE OF TAXATION

The article deals with urgent issues related with the implementation of measures of tax control the tax and law enforcement bodies in order to protect the interests of the state in the sphere of taxation.

Keywords: the interests of public entities, protection, tax bodies, law enforcement agencies, tax control measures.

Статья 57 Конституции РФ устанавливает: «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы...». Это связано с тем, что налоги выступают как необходимое условие существования государства, одним из специфических признаков признания государства как особой организации власти¹. Таким образом, взывание налога представляет собой законное изъятие части имущества налогоплательщика, исходя из его конституционной публично-правовой обязанности². С публично-правовым характером налога и с фискальным суверенитетом государства связаны законодательная форма учреждения налога, обязательность и принудительность его изъятия, односторонний характер налоговых обязательств.

© Попов Василий Валерьевич, 2014

Доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vpopov1970@rambler.ru

© Тришина Елена Геннадьевна, 2014

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: 06yana@bk.ru

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 17 декабря 1996 г. № 20-П³ «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года “О федеральных органах налоговой полиции”» подтвердил, что обязанность платить налоги распространяется на всех налогоплательщиков в качестве безусловного требования государства. Это соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права⁴. Выражающие интересы государства, налоговые органы⁵ полномочны действовать властно-обязывающим образом в отношении налогоплательщиков в пределах закрепленных полномочий, включая сферу налогового контроля, с целью выявления и пресечения правонарушений в области налогообложения⁶.

Налоговый контроль занимает одно из важнейших мест в налоговой деятельности любого государства, что обусловлено его содержанием и порядком проведения. Так, согласно данным Службы внутренних доходов США систематическое и всестороннее проведение проверок приводит к добросовестному отношению налогоплательщика к исполнению своих обязанностей. Итогом является то, что 83% причитающихся налогов в США уплачивается добровольно⁷.

Согласно ст. 82 Налогового кодекса (далее – НК РФ) налоговый контроль проводится посредством налоговых проверок, получения объяснений налогоплательщиков, налоговых агентов и плательщиков сбора, проверки данных учета и отчетности, осмотра помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли). К числу основных форм налогового контроля отнесены: выездная и камеральная налоговые проверки (ст. 87–89 НК РФ)⁸. При осуществлении налогового контроля налоговые органы взаимодействуют с органами внутренних дел⁹, которые по запросам налоговых органов участвуют в проводимых ими выездных налоговых проверках. При этом органы внутренних дел не могут самостоятельно осуществлять налоговый контроль посредством реализации форм, закрепленных НК РФ. Необходимость такого взаимодействия с правоохранительными органами вызвана тем, что оно позволяет «скрыть финансовую базу, в которой возникают и функционируют преступность и коррупция (так, в налоговые органы налогоплательщики умышленно не представляют налоговую отчетность в 40% случаев). Среди выработанных практикой методов подобного взаимодействия можно назвать: обмен оперативной информацией о нарушениях законодательства о налогах и сборах; оказание налоговым органам помощи в изъятии документации, проведение совместных проверок по сохранности денежных сумм и материальных ценностей на проверяемых объектах»¹⁰.

Статья 36 НК РФ конкретизирует участие правоохранительных органов в осуществлении мероприятий налогового контроля. Согласно положениям данной статьи по мотивированному запросу налоговых органов органы внутренних дел участвуют вместе с налоговыми органами в проводимых ими выездных налоговых проверках. При этом запрос может быть направлен как перед началом налоговой проверки, так и в процессе ее проведения¹¹. Также при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, органы внутренних дел обязаны в 10-дневный срок со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в соответствующий налоговый орган для принятия по ним решения¹². В свою очередь налоговые органы не позднее 10 дней с даты поступления материалов направляют уведомление в органы внутренних дел, приславшие материалы, о принятом по ним решении: назначении выездной налоговой проверки или о планируемом проведении каме-

ральной налоговой проверки; об отказе в проведении мероприятий налогового контроля. В этом случае, если материалы свидетельствуют о нарушениях законодательства о налогах и сборах, влекущих уголовную ответственность, налоговые органы одновременно с уведомлением о принятом решении о назначении выездной налоговой проверки направляют также запрос об участии в выездной или при наличии на то оснований в повторной выездной налоговой проверке¹³.

Правовой основой взаимодействия налоговых органов и органов внутренних дел являются: НК РФ, Закон РФ от 21 марта 1991 г. № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации», Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁴. Конкретизация такого взаимодействия закреплена в Соглашении о взаимодействии между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Федеральной налоговой службой», утвержденном МВД России № 1/8656, ФНС России № ММВ-27-4/11 13 октября 2010 г.¹⁵.

Предметом Соглашения является организация взаимодействия налоговых органов и органов внутренних дел в вопросах предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений, выявления и расследования преступлений, а также в вопросах повышения налоговой дисциплины в сфере экономики и обеспечения своевременности и полноты уплаты налогов и сборов в бюджеты и государственные внебюджетные фонды. Среди форм взаимодействия следует назвать в т.ч.: планирование и проведение как совместных, так и самостоятельных мероприятий, направленных на обеспечение полноты поступления налогов и сборов в бюджетную систему РФ и предотвращение нарушений законодательства РФ; взаимный информационный обмен и др.

Сотрудники органов внутренних дел принимают участие в выездных налоговых проверках на основании мотивированных запросов налоговых органов. В качестве общих оснований направления таких запросов выступают:

а) наличие у налоговых органов данных, свидетельствующих о возможных нарушениях налогообязанными субъектами законодательства о налогах и сборах, и необходимости проверки указанных данных с участием сотрудников органов внутренних дел;

б) назначение выездной (повторной выездной) налоговой проверки на основании материалов о нарушениях законодательства о налогах и сборах, направленных органами внутренних дел в налоговые органы, для принятия по ним решения;

в) необходимость привлечения сотрудников органов внутренних дел для участия в проведении конкретных действий по осуществлению налогового контроля (выемка документов, проведение исследования, опроса, осмотра помещений и т.д.);

г) необходимость содействия должностным лицам налоговых органов, проводящим проверку, в случаях воспрепятствования их законной деятельности, а также обеспечения мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья указанных лиц, при исполнении ими должностных обязанностей¹⁶.

Письмо ФНС России от 25 июля 2013 г. № АС-4-2/13622 «О рекомендациях по проведению выездных налоговых проверок»¹⁷ закрепляет дополнительные основания обязательного привлечения сотрудников органов внутренних дел к выездным налоговым проверкам (подп. 1.2 п. 1):

1) при обнаружении обстоятельств, свидетельствующих о необоснованном возмещении налога на добавленную стоимость, акциза (зачета или возврата

иного налога) или признаков необоснованного предъявления НДС, акциза к возмещению;

2) при выявлении схем уклонения от уплаты налогов, подпадающих под признаки совершения преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ;

3) при обнаружении признаков неправомерных действий при банкротстве, преднамеренного и фиктивного банкротства налогоплательщика¹⁸.

Необходимо учитывать, что участие в совместной выездной налоговой проверке не препятствует самостоятельности налоговых органов и органов внутренних дел при выборе предусмотренных методов осуществления контрольных мероприятий в рамках их компетенции, но только при согласованности реализуемых действий.

Следует указать, что в ходе выездной налоговой проверки могут применяться иные формы налогового контроля, закрепленные НК РФ как самостоятельные мероприятия. Так, может осуществляться выемка документов, если проверяемый налогоплательщик отказывается представить запрашиваемые документы или не представляет их в установленный срок, а также если у проверяющих имеются достаточные основания полагать, что подлинники документов могут быть уничтожены, сокрыты, исправлены или заменены. В этом случае при необходимости также могут привлекаться сотрудники правоохранительных органов. Наряду с выемкой широко применяются: осмотр территорий и помещений, которые используются для осуществления предпринимательской деятельности и получения дохода, инвентаризация имущества налогоплательщика с целью проверки достоверности данных, содержащихся в документах налогоплательщика, выяснения иных обстоятельств, имеющих значение для проверки, и т.д.¹⁹ Важным условием реализации данных мероприятий сотрудниками органов внутренних дел является их осуществление только в рамках выездной налоговой проверки для учета собранных материалов в качестве доказательственной базы в суде при рассмотрении вопроса о нарушении законодательства о налогах и сборах, о чем свидетельствует судебная практика. В частности, Федеральный арбитражный суд Центрального округа в своем постановлении от 30 октября 2012 г. № А35-104/2012²⁰ указал, что протокол обследования (осмотра) помещений, сооружений, зданий, участков местности, транспортных средств и изъятия документов, проведенного вне рамок выездной налоговой проверки, не может быть принят судом в качестве доказательства события совершенного налогоплательщиком правонарушения, т.к. в соответствии с ч. 3 ст. 64 и 68 Арбитражного процессуального кодекса РФ является недопустимым доказательством²¹.

В целом осуществление совместных налогово-контрольных мероприятий налоговыми и правоохранительными органами в целях защиты интересов публичных образований в сфере налогообложения имеет положительную динамику, но при строгом соблюдении законности их проведения.

¹ См., например: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 53.

² См.: Попов В.В., Тришина Е.Г. Особенности реализации налогоплательщиками права на защиту // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 6 (64). С. 91–95.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 197.

⁴ См., например: Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апр.

⁵ Часть первая Налогового кодекса РФ от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3824; 2013. № 30, ч. I, ст. 4081; Закон РФ от 21 марта 1991 г. № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» // Ведомости ВС и СНД РФ. 1991. № 15, ст. 492; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 26, ст. 3207; Положение о Федеральной налоговой службе, утвержденное По-

становлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 40, ст. 3961; 2013. № 12, ст. 1342.

⁶ См., например: *Попов В.В., Соколов А.Ю.* Мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: понятие и признаки // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 6 (89). С. 72–79; *Их же.* Административный порядок разрешения налоговых споров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 1 (90). С. 58–62.

⁷ См.: *Линовицкий Ю.А.* Практика налогового контроля в зарубежных странах // *Налоги и налогообложение.* 2009. № 11.

⁸ См.: *Уткин В.В.* Правовое регулирование налоговых проверок в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 8–21.

⁹ См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900; 2013. № 27, ст. 3477.

¹⁰ *Грушко Д.Е.* Налоговые органы как основной субъект административно-процессуальной деятельности по регулированию налога на добавленную стоимость в Российской Федерации // *Налоги (журнал).* 2008. № 1.

¹¹ См.: Письмо ФНС России от 25 июля 2013 г. № АС-4-2/13622 «О рекомендациях по проведению выездных налоговых проверок» (подп. 1.2 п. 1) // *Официальные документы (еженедельное приложение к газете «Учет, налоги, право»).* 2013. № 28–32.

¹² См. п. 2 Инструкции о порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при организации и проведении выездных налоговых проверок, утвержденной приказом МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 г. (с изм. и доп. от 14 ноября 2011 г.) // *Российская газета.* 2009. 16 сент.; 2011. 28 дек.

¹³ См.: Там же. п. 5.

¹⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349; 2013. № 26, ст. 3207.

¹⁵ Документ не опубликован. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Приказ МВД РФ № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 г. «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений (в ред. Приказа МВД РФ № 1144, ФНС РФ № ММВ-7-2/774@ от 14 ноября 2011 г.) // *Российская газета.* 2009. 16 сент.; 2011. 28 дек.

¹⁷ См.: Письмо ФНС России от 25 июля 2013 г. № АС-4-2/13622 «О рекомендациях по проведению выездных налоговых проверок» // *Официальные документы (еженедельное приложение к газете «Учет, налоги, право»).* 2013. № 28–32.

¹⁸ См.: Письмо ФНС России от 24 августа 2012 года № АС-4-2/14007@ «Об участии органов внутренних дел в выездных налоговых проверках». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: *Смирнова Е.* Налоговая проверка по налогу на имущество организаций // *Налоговый вестник.* 2012. № 8. С. 71–82.

²⁰ Постановление ФАС ЦО от 30 октября 2012 г. № А35-104/2012. Документ не опубликован. Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс».

²¹ См.: *Попов В.В., Тришина Е.Г.* О проблематике применения понятия «добросовестность» при защите налогоплательщиками своих прав // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2013. № 2 (20). С. 72–79; *Их же.* Об отдельных аспектах судебного обжалования нормативных правовых актов налоговых органов // *Налоги (журнал).* 2014. № 2. С. 35.

А.С. Алимбекова, А.С. Мишин

ОЦЕНКА ОБОСНОВАННОСТИ НАЛОГОВОЙ ВЫГОДЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

В статье рассматриваются проблемные вопросы, возникающие в процессе взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков в рамках реализации последними прав на налоговую выгоду. Анализируются возможные варианты решения поставленной проблемы; рекомендуемые мероприятия профилактического характера в отношении контрагентов налогоплательщика, снижающие риски отказа в получении налоговой выгоды. Обосновывается авторское предложение по созданию соответствующего ведомственного рекомендательного акта Федеральной налоговой службы РФ.

Ключевые слова: судебная практика, применение налоговых норм, налоговый контроль, налоговые споры, налоговая выгода.

© Алимбекова Анастасия Сергеевна, 2014

Кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Мишин Александр Сергеевич, 2014

Студент (Саратовская государственная юридическая академия)

A.S. Alimbekova, A.S. Mishin

THE ASSESSMENT OF VALIDITY OF TAX BENEFITS
AS A COMPONENT OF TAX CONTROL: PROBLEMATIC ISSUES

The article considers issues arising in the process of interaction of the tax authorities with taxpayers in the framework of implementation of the latest of the rights to a tax benefit. The author analyses the possible options for solving this problem. Described recommended measures of a preventive nature against the taxpayer's counterparties, reducing the risks of failure to obtain a tax benefit. Put forward author's proposal for the creation of an appropriate institutional recommendatory act of the Federal tax service of the Russian Federation.

Keywords: Judicial practice, the application of tax rules, tax control, tax disputes, tax benefit.

Оценка обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды, как составная часть мероприятий налогового контроля, является одним из актуальных вопросов науки и практики налогового права. Любой налогоплательщик, будь то организация или физическое лицо, всегда стремится оптимизировать собственное налоговое бремя от ведения хозяйственной деятельности. При этом процесс такой оптимизации может иметь разный характер: добросовестное использование предусмотренных законодательством РФ налоговых льгот, вычетов, пониженных налоговых ставок или применение различных окологеральных «схем», формально юридически подпадающих под букву закона, но фактически направленных на получение ничем не обоснованной налоговой выгоды. Этим обусловлено огромное количество соответствующих судебных споров между налогоплательщиками и фискальными органами, поскольку последние в рамках возложенной на них функции налогового контроля всегда стремятся дать правовую оценку действиям хозяйствующих субъектов, направленным на смягчение собственных налоговых обязательств.

Определенную долю ясности в процесс разрешения подобных споров вносит Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»¹ (далее – Постановление). Прежде всего, Пленум определяет ключевые понятия, необходимые для правильного разрешения данной категории дел. В частности, под налоговой выгодой понимается уменьшение размера налоговой обязанности вследствие, в частности, уменьшения налоговой базы, получения налогового вычета, налоговой льготы, применения более низкой налоговой ставки, а также получение права на возврат (зачет) или возмещение налога из бюджета. Налоговая выгода может быть признана необоснованной, в частности, в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера). Налоговая выгода не может быть признана обоснованной, если получена налогоплательщиком вне связи с осуществлением реальной предпринимательской или иной экономической деятельности. Кроме того, Постановление перечисляет следующие обстоятельства, косвенно доказывающие необоснованность получения налогоплательщиком налоговой выгоды:

невозможность реального осуществления налогоплательщиком указанных операций с учетом времени, места нахождения имущества или объема матери-

альных ресурсов, экономически необходимых для производства товаров, выполнения работ или оказания услуг;

отсутствие необходимых условий для достижения результатов соответствующей экономической деятельности в силу отсутствия управленческого или технического персонала, основных средств, производственных активов, складских помещений, транспортных средств;

учет для целей налогообложения только тех хозяйственных операций, которые непосредственно связаны с возникновением налоговой выгоды, если для данного вида деятельности также требуется совершение и учет иных хозяйственных операций;

совершение операций с товаром, который не производился или не мог быть произведен в объеме, указанном налогоплательщиком в документах бухгалтерского учета.

При этом следующие обстоятельства сами по себе не могут служить основанием для признания налоговой выгоды необоснованной:

- создание организации незадолго до совершения хозяйственной операции;
- взаимозависимость участников сделок;
- неритмичный характер хозяйственных операций;
- нарушение налогового законодательства в прошлом;
- разовый характер операции;
- осуществление операции не по месту нахождения налогоплательщика;
- осуществление расчетов с использованием одного банка;
- осуществление транзитных платежей между участниками взаимосвязанных хозяйственных операций;
- использование посредников при осуществлении хозяйственных операций.

Таким образом, в своем Постановлении Пленум смог сбалансировать интересы налогоплательщиков и государства, перечислив признаки и обстоятельства, необходимые для формирования доказательственной базы каждой из сторон спора. Налоговые органы, опираясь на данное Постановление, научились эффективно бороться с деятельностью т.н. фирм «однодневок», наносящих серьезный урон экономике государства.

Однако говорить о полном отсутствии проблемных вопросов в сфере оценки обоснованности налоговой выгоды пока преждевременно. Несмотря на появление более-менее единообразной судебной практики по данной категории дел, возникают ситуации, в которых вполне добросовестным налогоплательщикам отказывают в получении налоговой выгоды по причине отсутствия «должной осмотрительности» при выборе контрагента. Данная формулировка основана на п. 10 Постановления, который гласит: налоговая выгода может быть признана необоснованной, если налоговым органом будет доказано, что налогоплательщик действовал без должной осмотрительности и осторожности и ему должно было быть известно о нарушениях, допущенных контрагентом, в частности, в силу отношений взаимозависимости или аффилированности налогоплательщика с контрагентом. Данное обстоятельство вынуждает налогоплательщиков следить не только за соблюдением собственных налоговых обязательств, но и за соответствующими обязательствами своих контрагентов. При этом налоговые органы, доказывая отсутствие «должной осмотрительности» налогоплательщика, ссылаются на следующие доводы:

1) организация-контрагент не правоспособна (не состоит на налоговом учете и не зарегистрирована в Едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ));

- 2) организация-контрагент не отчитывается в налоговые органы;
- 3) в деятельности налогоплательщика и контрагента имеются недобросовестные согласованные действия;
- 4) счет-фактура контрагента подписан неуполномоченным лицом².

В практике нередки случаи, когда суды принимают данные доводы и встают на сторону налоговых органов, отказывая налогоплательщику в получении налоговой выгоды³. Наличие подобных прецедентов, по сути, вынуждает налогоплательщиков тщательно проверять своего контрагента, прежде чем вступать с ним в договорные отношения, что не предусмотрено ни налоговым, ни гражданским федеральным законодательством. Ситуация выглядит еще более спорной, исходя из того, что доказательственная позиция налоговых органов формируется на оценочных понятиях, которыми изобилует Постановление. Помимо «должной осмотрительности», мы можем увидеть такие понятия, как «деловая цель», «действительный экономический смысл». Очевидно, что таким терминам сложно придать исключительно однозначную трактовку, а, как известно, в соответствии с ч. 7 ст. 3 Налогового кодекса РФ все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика.

В сложившейся ситуации следует согласиться с мнением Арбитражного суда Новосибирской области⁴, а также Д.М. Воронова⁵, В.В. Джура⁶ о том, что добросовестным налогоплательщикам все же стоит проводить мероприятия профилактического характера в отношении своих контрагентов, чтобы впоследствии не получить отказ в предоставлении налоговой выгоды, подкрепленный абстрактными основаниями. На основании мнений вышеупомянутых ученых и собственных рассуждений представляется, что к таким мероприятиям следует отнести:

- 1) сбор информации о правоспособности контрагента, его репутации и постановке на налоговый учет:

- выписка из ЕГРЮЛ на сайте ФНС РФ www.nalog.ru;

- информация о налогоплательщиках-должниках на сайте регионального Управления ФНС;

- сведения о предстоящем исключении недействующих юридических лиц из ЕГРЮЛ в журнале «Вестник государственной регистрации»;

- рекламно-информационные материалы, отзывы, рекомендации о контрагенте из различных источников;

- 2) первичный сбор документов контрагента:

- свидетельство о государственной регистрации (свидетельство о внесении в ЕГРЮЛ);

- свидетельство о постановке на налоговый учет (ИНН);

- устав организации;

- протокол решения об избрании (назначении) руководителя организации или выписка из него;

- последняя имеющаяся налоговая и бухгалтерская отчетность;

- 3) дополнительные сведения:

- свидетельство о праве собственности или договор аренды помещения;

- подтверждение наличия основных активов, технического оборудования, персонала;

- информация о расчетных банковских счетах и кредитной истории.

Выполнение мероприятий по сбору вышеуказанной информации, по нашему мнению, позволит существенно снизить риски возникновения противоречий с налоговыми органами по вопросу получения налоговой выгоды.

В заключение хотелось бы отметить, что обоснованность получения налогоплательщиком налоговой выгоды продолжает оставаться одним из острых научно-практических вопросов современного российского налогового права, в частности налогового контроля, и его решение, как видится, возможно лишь вследствие окончательного установления единообразной судебной практики или реализации новой законодательной инициативы, исключающей оценочные категории и вносящей ясность в толкование существующих нормативных актов. Между тем довольно эффективной промежуточной мерой в решении данной проблемы, как представляется, могло бы стать издание Федеральной налоговой службой РФ ведомственного акта рекомендательного содержания, к примеру, в форме письма, направленного на систематизацию и закрепление профилактических мер налогоплательщика в отношении своих контрагентов в целях защиты от рисков отказа в получении налоговой выгоды. Наличие подобного акта могло бы стать своеобразной диспозитивной инструкцией для хозяйствующих субъектов, способствующей реализации прав добросовестных налогоплательщиков в сфере получения налоговой выгоды, вплоть до окончательного решения описываемой проблемы.

¹ Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2006. № 12.

² См.: *Воронов Д.М.* Как избежать получения необоснованной налоговой выгоды // Все для бухгалтера. 2009. № 9. С. 29–32.

³ См. Постановления Федерального арбитражного суда Уральского округа от 26 января 2009 г. № Ф09-10529/08-С2, Центрального округа от 15 января 2009 г. по делу № А54-1525/2008С13, Московского округа от 4 февраля 2008 г. № КА- А40/8852-07, Дальневосточного округа от 6 февраля 2008 г. № Ф03- А73/07-2/5662, Московского округа от 4 февраля 2008 г. № КА-А40/8852-07 по делу № А40-30856/04-75-349, Западно-Сибирского округа от 3 февраля 2012 г. по делу № А036169. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Анализ подходов к рассмотрению судами споров, связанных с вопросами получения налогоплательщиками необоснованной налоговой выгоды (по материалам Арбитражного суда Новосибирской области) // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2009. № 4. С. 101.

⁵ См.: *Воронов Д.М.* Как избежать получения необоснованной налоговой выгоды // Все для бухгалтера. 2009. № 9. С. 32–34.

⁶ См.: *Джура В.В.* Мониторинг судебных актов арбитражных судов Российской Федерации по делам об обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4. С. 36.

И.Г. Гугнюк

ДОСТУПНОСТЬ БАНКОВСКИХ УСЛУГ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье поднимается проблема развития конкурентной среды и рыночной дисциплины в области предоставляемых банковских услуг. Предлагается закрепить идею доступности банковских услуг как принципа банковского права в национальном законодательстве. Анализируются судебная практика и практика кредитных организаций в области повышения количественного и качественного показателя предоставляемых банковских услуг.

Ключевые слова: доступность банковских услуг, функциональный принцип, принципы банковской системы, практика кредитных организаций.

I.G. Gugnyuk

ACCESSIBILITY OF BANKING SERVICES AS A FUNCTIONAL PRINCIPLE OF THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

In this article the author shows the problem of development of adversary environment and market discipline in the sphere of provided banking services. The author suggests fixing the idea of accessibility of banking services, as banking law principle. Along with fixing this legal category as a legal principle it is proposed to fix the idea of accessibility of banking services in the national legislature. The author analyses the court practice and the practice of credit institutions in improving the quantitative and qualitative indicators of provided banking services.

Keywords: accessibility of banking services, functional principle, banking system principles, practice of credit institutions.

На современном этапе развитие банковского сектора шло преимущественно в рамках экстенсивной модели. В основе этой модели лежала частичная ориентация банков на краткосрочные результаты деятельности и высокую степень рисков. Результат такой деятельности — отказ от развития конкурентной среды и рыночной дисциплины в области предоставляемых банковских услуг, что впоследствии отрицательно сказалось на количестве и качестве предоставляемых банковских услуг и переросло в проблему, тормозящую развитие банковского сектора РФ.

Прежде чем говорить о проблеме доступности банковских услуг, необходимо дать определение понятию «банковская услуга». Банковская услуга есть прямое воплощение банковской деятельности, она считается одним из составных элементов финансовых услуг, так сказать продукцией банка вместе со страховыми услугами, услугами на рынке ценных бумаг, услугами по договору лизинга, а также услугами, оказываемыми финансовой организацией и связанными с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц¹.

Услуга, предоставляемая банком, должна обладать рядом свойств, необходимых для удовлетворения потребностей не только юридических лиц, но и потребителя. По мнению О.И. Лаврухиной, такая услуга должна быть оперативной, своевременной, гарантированной, адаптированной².

Только при наличии всех вышеперечисленных свойств банковская услуга считается доступной для населения.

На XXVIII собрании Ассоциации региональных банков России Д.А. Медведев отметил, что от решения проблемы доступности и качества банковских услуг зависит конкурентоспособность отечественного банковского сектора и в целом повышение уровня жизни людей³. К сожалению, понятие «доступность» не определяется ни на законодательном уровне, ни в научной литературе.

В Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова дается следующее толкование слова «доступный»⁴:

- 1) такой, который имеет свободный вход, проход;
- 2) такой, который подходит для многих, для всех;
- 3) понятный, доходчивый, легкий для понимания и усвоения.

Учитывая вышеизложенное, можно предложить следующее понятие доступности банковских услуг: доступность банковских услуг — это деятельность, направленная на свободное, своевременное, открытое предоставление прозрачных банковских продуктов в необходимом количестве и по умеренным ценам.

В Заявлении Правительства РФ от 5 апреля 2011 г. № 01-001/1280 «О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года»⁵ отражены следующие «уязвимые» места банковского сектора, которые приводят к низкому качеству предоставляемых услуг:

низкая ответственность владельцев и руководства банков за качество предоставляемых услуг;

недостоверность предоставляемой информации о состоянии банков;

вера в постоянную государственную поддержку в ситуациях, подверженных риску.

Считаем, что преодолеть данную проблему можно только при помощи комплексного реформирования банковского законодательства, но при этом следует учитывать особенность российского правосознания, при котором повышение доступности банковских услуг не стоит понимать как рекомендации, содержащиеся в долгосрочных стратегиях развития, для кредитных организаций. Повышение доступности банковских услуг должно стать общеобязательным.

Некоторые кредитные организации пошли по пути повышения количества и качества предоставляемых банковских услуг независимо от нормативного закрепления или повышения доступности банковских услуг. В качестве примера можно привести политику Сбербанка России, которая проводилась с 2011 г. в несколько этапов⁶: обеспечение географической доступности; развитие дистанционного обслуживания клиентов; повышение доступности и прозрачности банковских продуктов. В дальнейшем программа мероприятий по реализации политики доступности была продолжена и дополнена отдельными положениями. В отчете за 2012 г. Сбербанк России выделил следующие основные направления деятельности в области повышения доступности⁷:

развитие физической сети банка (включая устройства самообслуживания) и наиболее полного удовлетворения потребностей населения (геомаркетинг). В рамках этого пункта была проведена реализация новой модели по сокращению количества управляющих звеньев (с 19420 в 2010 г. до 18588 в 2013 г.) и увеличению дополнительных офисов, операционных офисов и передвижных пунктов кассовых операций, что в свою очередь решает проблему предоставления услуг в малонаселенных регионах и сельской местности;

развитие удаленных каналов банковского обслуживания. В соответствии со Стратегией развития банковского сектора Сбербанк России произвел увеличение количества банкоматов (с 22,9 тыс. шт. в 2010 г. до 44,6 тыс. шт. в 2013 г.) и платежных терминалов (с 10,6 тыс. шт. в 2010 г. до 29,4 тыс. шт. в 2013 г.);

развитие специализированных сетей банка, ориентированных на различные клиентские сегменты (люди с ограниченными возможностями). Указанная программа является смежной с другими направлениями государственной политики, направленными на адаптацию людей с ограниченными возможностями, в области пользования банковскими продуктами. Программа развития специализированных сетей банка выражается в виде специализированных точек обслуживания клиентов с ограниченными возможностями (с 1821 в 2010 г. до 3008 в 2013 г.).

Помимо кредитных организаций идею доступности банковских услуг осуществляет и судебная власть. Так, в Постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 27 декабря 2011 г. по делу № (А70-6067/2011 по апелляционной жалобе (регистрационный номер 08АП-9172/2011) Акционерного Западно-Сибирского коммерческого банка ОАО «Запсибкомбанк» к Управлению

Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Тюменской области суд установил, что в тарифах ОАО «Запсибкомбанк» на услуги, оказываемые населению, а также в тарифах ОАО «Запсибкомбанк» по эмиссии и эквайрингу банковских карт банк не довел до сведения потребителей необходимую информацию об их ценах и условиях их приобретения наглядным и доступным способом, тем самым нарушил право граждан на получение достоверной информации по услугам⁸.

Также в Постановлении Федерального арбитражного суда Центрального округа от 29 марта 2013 г. по делу № А64-2860/2012, в рамках которого Банк ВТБ 24 обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным предписания Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Тамбовской области от 8 февраля 2012 г. № 282-а. Как следует из материалов дела, гр. Круглякова Н.А., осуществляя денежный перевод в Израиль на имя физического лица с использованием системы «Western Union», не получила от Банка ВТБ 24 необходимую и достоверную информацию об условиях его получения на территории названного государства. Указанная информация не была размещена банком и в помещении по месту оказания банковской услуги в любой доступной форме для обозрения ее посетителями. Данное бездействие банка было расценено как препятствие к осуществлению доступности банковских услуг⁹.

Как уже указывалось, идею доступности банковских услуг необходимо закрепить в нормативных актах. Вместе с тем следует признать, что современное банковское законодательство — это единственная отрасль федерального законодательства, которая развивалась наименее стабильно и продуманно. Например, в законодательство о Банке России внесено не менее 14 изменений и дополнений, не менее 3 раз оно излагалось в новой редакции¹⁰. Поэтому считаем целесообразным отразить идею повышения доступности банковских услуг в качестве идеи-принципа.

Как отмечает О.И. Цыбулевская, «принципы — это объективные свойства права, они отражают закономерности общественного развития, потребности данного общества»¹¹. Стоит заметить, что потребность государственных органов и населения в повышении количества и качества предоставляемых банком услуг автоматически трансформирует идею в основополагающий принцип. Поэтому идея закрепления доступности банковских услуг как принципа банковской системы считаем вполне оправданной.

Д.Г. Алексеева делит принципы банковского права на две группы:

институциональные, относящиеся к построению банковской системы (принцип двухуровневого построения банковской системы и принцип единого (централизующего) начала);

функциональные, связанные с организацией работы всех ее элементов (монопольного права Банка России на эмиссию денежных знаков, исключительности банковской деятельности, обеспечения банковской тайны)¹².

Принцип доступности банковских услуг стоит отнести к функциональным принципам, т.к. данный принцип впоследствии будет «пронизывать» все элементы банковской системы и затрагивать всех участников банковских правоотношений.

В заключение следует отметить, что доступность базовых банковских услуг следует рассматривать не только как основополагающую идею, но и как фундаментальную потребность каждого гражданина и субъекта предпринимательства. Это

подтверждается тем, что неравенство в доступе к финансовым услугам увеличивает социальное неравенство и ограничивает прибыльное функционирование банка.

¹ См. ч. 2 ст. 4 ч.2 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с изм. на 28 декабря 2013 г., № 327-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3434; 2013. № 52, ч. 1, ст. 6988.

² См.: Банк и банковские операции: учебник / под ред.О.И. Лаврушина. М., 2012. С. 19.

³ См.: Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/telegrams/2047> (дата обращения: 30.08.2013).

⁴ См.: Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. С. 280.

⁵ См.: Вестник Банка России. 2011. № 21.

⁶ См.: Официальный сайт «Сбербанка России». URL: <http://sberbank.ru/omsk/ru/about/philanthropy/clients/302020/> (дата обращения: 27.08.2013).

⁷ См.: Официальный сайт «Сбербанка России». URL: <http://report-sberbank.ru/sr/contributing-to-economic-growth-and-business-development/ensuring-availability-of-financial-services/> (дата обращения: 27.08.2013).

⁸ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Закон РСФСР от 2 декабря 1990 г. «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 27, ст. 356; Федеральный закон от 26 апреля 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 18, ст. 1593; Федеральный закон от 10 июля 2002 г. «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28, ст. 2790.

¹¹ Теория государства и права: курс лекций/ под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько (автор параграфа – Цыбулевская О.И.). Саратов, 1995.С. 122.

¹² См.: Алексеева Д.Г., Пыхтин С.В., Хоменко Е.Г. Банковское право: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 27–30.

И.А. Жестков

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ В СОСТАВЕ РАСХОДОВ ОРГАНИЗАЦИЙ, УМЕНЬШАЮЩИХ НАЛОГООБЛАГАЕМУЮ ПРИБЫЛЬ, ЗАТРАТ НА ДОБРОВОЛЬНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ

Статья посвящена анализу законодательства РФ о признании в составе расходов, уменьшающих налогооблагаемую прибыль организации, затрат на добровольное медицинское страхование.

Ключевые слова: налогообложение, расходы организации, налоговый учет, налоговая выгода, необоснованная налоговая выгода, добровольное медицинское страхование.

I.A. Zhestkov

FINANCIAL AND LEGAL ASPECTS OF THE RECOGNITION OF COASTS FOR VOLUNTARY MEDICAL INSURANCE AS A PART OF CHARGES REDUCING TAXABLE PROFIT

The article deals with the analysis of Russian Federation legislation about aspects of costs voluntary medical insurance as a part of charges reducing taxable profit of the organization.

Keywords: taxation, organization's costs, tax accounting, tax benefit, groundless tax benefit, voluntary medical insurance.

Одним из признаков успешной и стабильной компании является хороший социальный пакет, предоставляемый ею своим сотрудникам. Соответственно

© Жестков Игорь Александрович, 2014

Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия); master767@mail.ru

заключение компанией договора о добровольном медицинском страховании (далее — ДМС) своих работников не только повышает мотивацию сотрудников, но и улучшает общий имидж организации. Кроме того, расходы по ДМС можно принять для целей налогового учета по налогу на прибыль в соответствии с положениями ч. 2 Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ), что позволит уменьшить налоговую нагрузку по этому налогу¹.

ДМС выступает одним из видов личного страхования, позволяющего получать медицинскую помощь в объеме, зависящем от выбранной программы страхования, начиная с амбулаторно-поликлинического обслуживания и заканчивая госпитализацией и нахождением в стационаре.

Организация как работодатель заключает договор со страховой компанией (страховщиком) и является страхователем по этому договору, а сотрудники — застрахованными лицами.

В случае если наступает страховой случай (заболевание или травма работника), сотрудник компании имеет право на получение бесплатной медицинской помощи от медицинского учреждения, а расходы медикам компенсирует страховщик.

Как правило, объем и перечень получения застрахованными лицами медицинской помощи и услуг определяется программой ДМС, служащей приложением к договору ДМС, который заключается в соответствии с положениями гл. 48 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) и Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (в ред. от 23 июля 2013 г.)². При этом положениями НК РФ установлен ряд ограничений для уменьшения налоговой базы по налогу на прибыль на суммы расходов на ДМС сотрудников. Так, на основании п. 16 ст. 255 НК РФ взносы по договорам ДМС, предусматривающим оплату страховщиками медицинских расходов застрахованных работников, расходы работодателей по договорам на оказание медицинских услуг, заключенным в пользу работников на срок не менее одного года³ с медицинскими организациями, имеющими соответствующие лицензии на осуществление медицинской деятельности, выданные в соответствии с законодательством РФ, включаются в состав расходов в размере, не превышающем 6 % от суммы расходов на оплату труда. При этом годом (за исключением календарного года) признается любой период времени, состоящий из 12 месяцев, следующих друг за другом подряд. Срок, исчисляемый месяцами, истекает в соответствующие месяц и число последнего месяца срока (пп. 3 и 5 ст. 6.1 НК РФ).

Также необходимо отметить, что в соответствии с Постановлением Федерального арбитражного суда Московского округа от 17 мая 2013 г. № А40-76264/12-90-406⁴ добровольное страхование может быть не предусмотрено в трудовом или коллективном договоре. Суд установил, что согласно ст. 255 НК РФ учитывать расходы, связанные с содержанием работников, можно не только тогда, когда соответствующее указание имеется в трудовом или коллективном договоре, но и в случае, если такие затраты предусмотрены нормами законодательства РФ. При этом в п. 16 ст. 255 НК РФ четко сказано, что к расходам на оплату труда относятся, в т.ч. суммы платежей (взносов) работодателей по договорам добровольного страхования, заключенным в пользу работников. Поскольку соответствующие расходы прямо поименованы, организация правомерно учитывала страховые взносы по договорам добровольного медицинского страхования работников, несмотря на отсутствие соответствующих условий в трудовых договорах.

Следует учитывать, что при выполнении всех указанных условий в расходах можно учесть затраты по договорам ДМС вне зависимости от того, кому будут направляться выплаты страховой компании при наступлении страхового случая: непосредственно медицинским учреждениям, оказывающим медицинские услуги; самим сотрудникам (на основании предоставленных ими первичных документов об оплате ими медицинских расходов, предусмотренных программой ДМС).

Такого же мнения придерживается Минфин России в своем Письме от 13 января 2009 г. № 03-03-06/1/2: «... При условии соответствия договоров добровольного личного страхования работников правилам добровольного медицинского страхования вышеуказанные расходы могут учитываться в расходах для целей налогообложения прибыли организаций как в случае оплаты страховщиком медицинских расходов медицинскому учреждению, оказывающему медицинские услуги застрахованным работникам организации-работодателя (организации-страхователя), так и непосредственно застрахованным работникам организации-работодателя (организации-страхователя) при представлении соответствующих первичных документов об оплате ими медицинских расходов, предусмотренных программой страхования»⁵.

Кроме того, в Письме от 10 мая 2011 г. № 03-03-06/1/284⁶ Минфин России отмечает, что для целей налога на прибыль не имеет значения, сколько именно сотрудников компании из общего их количества застраховано.

Также не влияет на учет расходов по ДМС и разница в программах страхования и, соответственно, колебание стоимости этих программ. Однако если организация при заключении договоров о ДМС сотрудников взимает с них (частично или полностью) стоимость понесенных по данному договору конкретно на каждого работника расходов, то учесть затраты можно лишь в части фактических расходов организации, не возмещенных сотрудниками. Об этом напоминает ФНС России в своем Письме от 3 июля 2012 г. № ЕД-4-3/10859@: «О взносах работодателей, уплаченных по договорам добровольного медицинского страхования»: «В случае, когда условиями договора добровольного личного страхования, заключенного страхователем (работодателем) в пользу своих работников, предусмотрена оплата части затрат, связанных с получением медицинских услуг, самим застрахованным работником из его личных средств, то только сумма затрат страхователя (работодателя) по такому договору, произведенных при условии соответствия положениям статьи 255 Кодекса, может быть учтена в составе расходов для целей налогообложения»⁷.

Если же организация решает расторгнуть договор со страховой компанией до истечения года с момента начала его действия, это повлечет за собой негативные налоговые последствия – расходы, учтенные по данному договору, необходимо будет восстановить, а налоговую базу по налогу на прибыль увеличить на эти суммы, т.к. нарушается условие п. 16 ст. 255 НК РФ о продолжительности договора. На это имеется указание в Письме Минфина России от 7 июня 2011 г. № 03-03-06/1/327: «В случаях добровольного страхования (негосударственного пенсионного обеспечения) указанные суммы относятся к расходам на оплату труда по договорам добровольного личного страхования работников, заключаемым на срок не менее одного года, предусматривающим оплату страховщиками медицинских расходов застрахованных работников (абз. 5 п. 16 ст. 255 НК РФ)»⁸.

Изменения в действующий договор ДМС могут вноситься в связи с увольнением сотрудников, принятием на работу новых, изменением страховой программы и сумм страховой премии. Такие изменения не влекут за собой налоговых последствий, если они не затрагивают существенных условий договора. Соответственно, особое внимание следует уделить формулировке договора. Чтобы избежать налоговых рисков, в договоре ДМС необходимо предусмотреть возможность внесения изменений в список застрахованных лиц в случае увольнения или поступления на работу новых сотрудников без изменений существенных условий договора.

Минфин России в своем Письме от 16 ноября 2010 г. № 03-03-06/1/731⁹ отмечает, что при заключении дополнительных соглашений к договору ДМС организация может учесть для целей налога на прибыль и суммы дополнительно возникших расходов.

Аналогичное мнение высказал Федеральный арбитражный суд Московского округа в Постановлении от 23 января 2008 г. № КА-А40/14448-07 № А40-8668/07-111-22¹⁰. Суд отметил, что в гл. 25 НК РФ содержатся ограничения только по сроку действия договора добровольного медицинского страхования. При этом каких-то пределов по времени, на которое может быть застрахован работник, в законе не установлено. Поэтому доводы налоговиков о неправомерности включения в расходы по налогу на прибыль затрат на ДМС тех своих работников, которые были включены в состав застрахованных на основании дополнительных соглашений к основному договору, не могут быть состоятельны¹¹.

Таким образом, если договор заключен на срок не менее одного года, и при изменении списка застрахованных лиц вследствие увольнения одних и поступления на работу других работников срок остается прежним, то суммы уплаченных страховых взносов учитываются при налогообложении прибыли.

¹ *Абросимова Ю.В.* О признании расходов на ДМС // Оплата труда: бухгалтерский учет и налогообложение. 2012. № 8. С. 36–40.

² См.: Ведомости ВС и СНД РФ. 1993. № 2, ст. 56; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30, ч. 1, ст. 4067.

³ Как указал Минфин России в своем Письме от 15 февраля 2012 г. № 03-03-06/1/86, согласно п. 1 ст. 6.1 НК РФ сроки, установленные законодательством о налогах и сборах, определяются календарной датой, указанием на событие, которое должно неизбежно наступить, или на действие, которое должно быть совершено, либо периодом времени, который исчисляется годами, кварталами, месяцами или днями // Нормативные акты для бухгалтера. 2012. № 6.

⁴ Документ не опубликован. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Документ не опубликован. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Документ не опубликован. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Документ не опубликован. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Документ не опубликован. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Документ не опубликован. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление ФАС Московского округа от 23.01.2008г. N КА-А40/14448-07 по делу N А40-8668/07-111-22. Заявление о признании недействительным решения налогового органа о доначислении налога на прибыль и НДС/Л, привлечении к налоговой ответственности удовлетворено правомерно, так как заявителем представлены доказательства обоснованного исчисления указанных налогов // Документ не опубликован. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: *Попов В.В.* Соотношение принципа презумпции невиновности налогоплательщиков и конституционной обязанности по уплате налогов и сборов // Институциональные проблемы современного финансового права: сборник научных трудов (по материалам Международной научно-практической конференции. Саратов, 2 июня 2011 г.) / [редкол.: Е.В. Покачалова, отв. ред.] и др.]; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». Саратов, 2011. С. 277–280; *Его же.* К вопросу о презумпции невиновности налогоплательщиков и их обязанности по уплате налогов и сборов // *Налоги.* М., 2011. № 6. С. 14–16; *Попов В.В., Тришина Е.Г.* О проблематике применения понятия «добросовестность» при защите налогоплательщиками своих прав // *Вестник Пермского университета.* 2013. № 2(20). С. 72–79; *Тришина Е.Г.* Вина как критерий разграничения судебных и судебных ошибок // Судебная реформа и проблемы развития гражданского и арбитражного процессуального законодательства: материалы международной научно-практической конференции. М., 2012. С. 112–119.

Е.А. Малыгина

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Статья посвящена особенностям финансово-правовых отношений, возникающих на каждом из этапов реализации контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Анализируется структура данных правоотношений; рассматриваются их субъекты, являющиеся заказчиками. Устанавливается значение финансово-правового регулирования данных отношений.

Ключевые слова: контрактная система, сфера закупок, финансово-правовые отношения, объект, субъект, содержание финансового правоотношения.

E.A. Malykhina

SPECIAL ASPECTS OF FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF THE RELATIONS ARISING IN THE COURSE OF REALIZATION OF CONTRACT SYSTEM IN THE FIELD OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Article is devoted to special aspects of the financial and legal relations arising on each of stages of realization of contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs. In the article the structure of legal relationship is analyzed. The subjects of studied financial legal relationship are considered in details. Value of financial and legal regulation of these relations is established.

Keywords: the contract system in the field of procurement, financial and legal regulation of the relations in the process of realization of contract system in the field of procurement of goods, object, subject, the subjects of studied financial legal relationship

В процессе реализации контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – контрактная система в сфере закупок) возникает множество отношений, имеющих многоплановый характер. Эти отношения являются сложными общественными отношениями. Как отмечает С.В. Рыбакова, «под сложным общественным отношением понимается такая его структура, когда отдельные части одного и того же отношения регулируются нормами различных отраслей права ввиду включенности этих частей в предмет правового регулирования как раз-таки различных отраслей права»¹. Отношения, возникающие в процессе осуществления контрактной системы в сфере закупок, регулируются нормами различных отраслей права и сочетают в себе публично-правовой и частноправовой характер. Так, отношения в процессе определения (формирования) государственных нужд регулируются нормами административного и финансового права, отношения в процессе финансирования государственных нужд — нормами финансового права и его отдельных институтов, отношения в процессе удовлетворения го-

© Малыгина Елена Александровна, 2014
Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: e.a.sushko@mail.ru

сударственных нужд — как нормами гражданского и предпринимательского права, так и нормами финансового права, отношения по составлению отчетности и проведению контроля реализации контрактной системы в сфере закупок — нормами административного и финансового права.

В свою очередь финансовые правоотношения представляют собой урегулированные нормами финансового права общественные отношения, участники которых выступают носителями юридических прав и обязанностей, реализующие содержащиеся в данных нормах предписания по образованию, распределению и использованию государственных, муниципальных и иных публичных денежных фондов и доходов².

Особый вклад в изучение вопросов правового регулирования данных отношений внесла М.В. Карасева³. Она раскрыла понятие, содержание, структуру и границы данных правоотношений; отметила особенности их субъекта и объекта; рассмотрела различные классификации указанных правоотношений и выявила новые их виды (в частности, подразделение по структуре их юридического содержания на простые и сложные); исследовала финансовую деятельность государства как сферу возникновения финансового правоотношения и многое др.

Как разновидность правовых отношений финансовые правоотношения обладают общими признаками любого правоотношения, но и имеют следующие характерные особенности:

возникают в процессе финансовой деятельности государства и муниципальных образований, т.е. в процессе образования, распределения и использования финансовых ресурсов страны;

регулируются нормами финансового права;

представляют собой властно-имущественные правоотношения, имеющие публичный характер;

одной из сторон в данных правоотношениях всегда выступает публично-правовое образование;

юридическая ответственность за нарушение финансового законодательства наступает не перед второй стороной, а непосредственно перед государством (муниципальным образованием).

Возникают, изменяются и прекращаются финансовые правоотношения на основании юридических фактов (действий или событий), которые влекут соответственно возникновение, изменение или прекращение у субъектов финансовых правоотношений финансовых прав и обязанностей.

В структуру финансовых правоотношений входят субъект, объект и содержание данных правоотношений. Субъектом финансовых правоотношений выступает реальный участник конкретного правоотношения, наделенный финансовыми правами и обязанностями. Объект — это то, на что направлено поведение участников финансового правоотношения, детерминированное их интересами в рамках принадлежащих им субъективных прав и обязанностей⁴. Содержание финансовых правоотношений составляют субъективные права и юридические обязанности их субъектов.

Финансовые правоотношения в области осуществления контрактной системы в сфере закупок складываются в связи с формированием и удовлетворением государственных и муниципальных нужд. Они возникают в процессе финансовой деятельности государства и муниципальных образований. Их объектом выступают соответствующие финансовые ресурсы, направляемые на обеспече-

ние потребностей страны. Субъектами данных правоотношений, обладающих финансово-правовым статусом, являются:

1) Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования (в лице уполномоченных органов);

2) федеральный орган исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок, органы исполнительной власти субъектов РФ по регулированию контрактной системы в указанной сфере, иные федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, уполномоченные на осуществление нормативно-правового регулирования и контроля в сфере закупок;

3) заказчики: государственные и муниципальные заказчики, бюджетные учреждения, иные субъекты, указанные в ст. 15 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп. от 2 июля 2013 г. № 188-ФЗ)⁵ (далее — Закон о контрактной системе) (в определенных случаях заказчиками могут выступать уполномоченный орган или специализированная организация);

4) участники закупок: юридические лица, физические лица, индивидуальные предприниматели;

5) контрольный орган.

Следует отметить, что в правоотношениях по закупке товаров для обеспечения государственных и муниципальных нужд, как и в других финансовых правоотношениях, одной стороной всегда выступает государство (муниципальное образование) или уполномоченный им орган.

Особое внимание хотелось бы обратить на таких субъектов правоотношений в области контрактной системы в сфере закупок, как заказчики. Согласно п. 7 ч. 1 ст. 3 Закона о контрактной системе заказчиками являются: «государственный или муниципальный заказчик либо в соответствии с частью 1 статьи 15 настоящего Федерального закона бюджетное учреждение, осуществляющие закупки»⁶.

К государственным и муниципальным заказчикам в соответствии с данным Законом относятся: государственные органы, органы управления государственными внебюджетными фондами, органы местного самоуправления, казенные учреждения, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»⁷, действующие от имени Российской Федерации, субъекта РФ или муниципального образования, уполномоченные принимать бюджетные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством РФ от имени Российской Федерации, субъекта РФ и муниципального образования и осуществлять закупки. Необходимо обратить внимание, что согласно ст. 6 Бюджетного кодекса РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (с изм. и доп. от 2 ноября 2013 г. № 294-ФЗ)⁸ (далее — БК РФ) данные субъекты (государственные и муниципальные заказчики) являются *получателями бюджетных средств*. В связи с этим, думается, что в определениях, приводимых в данном Законе, было бы уместней употребить термин, используемый в БК РФ.

Следует отметить, что в рассмотренных выше определениях имеется указание на то, что заказчиком (в т.ч. государственным и муниципальным) признается субъект, *осуществляющий закупки*. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 3 Закона о контрактной системе под закупкой следует понимать совокупность действий, осуществляемых заказчиком в установленном Законом о контрактной системе порядке и

направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд. Здесь же указывается, что к таким действиям заказчика относятся только процедуры от определения поставщика до исполнения обязательств. Однако в процессе реализации контрактной системы в сфере закупок заказчики выполняют множество иных действий для обеспечения государственных и муниципальных нужд (в частности, по планированию закупок, получению бюджетных ассигнований на их удовлетворение, проведению мониторинга и аудита закупок, составлению отчетов по итогам закупок и др.). В связи с этим думается, что более правильным было бы указание на то, что заказчиками являются лица, *осуществляющие в соответствии с законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действия, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд.*

Кроме того, в ст. 15 Закона о контрактной системе указаны определенные случаи⁹, когда другие субъекты (бюджетные учреждения, автономные учреждения, государственные и муниципальные унитарные предприятия, иные юридические лица), не являющиеся получателями бюджетных средств, но которым в соответствии с БК РФ предоставляются определенные бюджетные ассигнования, также будут осуществлять закупки для обеспечения государственных (муниципальных) нужд в качестве заказчика в соответствии с требованиями Закона о контрактной системе, однако в понятии «заказчик», приводимом в ст. 3 вышеуказанного Закона, указание на данных субъектов отсутствует. Это является определенным пробелом в законодательстве, который может привести на практике к многочисленным нарушениям.

В связи с вышеизложенным предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 3 Закона о контрактной системе и изложить понятия «заказчик», «государственный заказчик» и «муниципальный заказчик» в следующей редакции:

«заказчик — государственный или муниципальный заказчик, либо в соответствии со ст. 15 настоящего Федерального закона бюджетное учреждение, автономное учреждение, государственное, муниципальное унитарное предприятие, иное юридическое лицо, осуществляющие в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действия, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд»;

«государственный заказчик – государственный орган (в том числе орган государственной власти), Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», орган управления государственным внебюджетным фондом либо государственное казенное учреждение, действующее от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, являющееся получателем средств соответствующего бюджета в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации и осуществляющие в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действия, направленные на обеспечение государственных нужд»;

«муниципальный заказчик – муниципальный орган или муниципальное казенное учреждение, действующее от имени муниципального образования, являющееся получателем средств соответствующего бюджета в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации и осуществляющие в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными норма-

тивными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действия, направленные на обеспечение муниципальных нужд».

Права и обязанности участников отношений, возникающих в процессе реализации контрактной системы в сфере закупок, закрепляются в различных нормативно-правовых актах, как непосредственно регулирующих контрактную систему в сфере закупок, так и отдельные элементы данной системы¹⁰.

Кроме того, указанные заказчики являются участниками финансово-правовых отношений по распределению и использованию денежных фондов страны, правовое регулирование которых осуществляется различными финансово-правовыми и финансово-плановыми актами¹¹ в процессе осуществления финансовой деятельности государства и муниципальных образований.

Таким образом, следует отметить, что финансово-правовые отношения, возникающие в связи с реализацией контрактной системы в сфере закупок, складываются на каждом из этапов данной системы; являются одним из видов правоотношений в процессе осуществления финансовой деятельности государства и муниципальных образований; регулируются нормами финансового права; имеют определенный круг субъектов, причем одной из сторон в данных правоотношениях всегда выступает публично-правовое образование.

¹ См.: Рыбакова С.В. Комплексные отношения как основания возникновения комплексных образований в праве (на примере финансового права) // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 3 (33). С. 179.

² См.: Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 71.

³ См.: Карасева М.В. Финансовое правоотношение. М., 2001.

⁴ См.: Финансовое право: учебник / отв. ред. М.В. Карасева. М., 2002. С. 56.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1652; 2013. № 27, ст. 3480.

⁶ Там же.

⁷ В качестве государственного заказчика Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» вводится Законом о контрактной системе. Введение данного субъекта в состав государственных заказчиков вполне обоснованно и соответствует норме, изложенной в ч. 8 ст. 241 БК РФ, в соответствии с которой Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» является распорядителем и получателем бюджетных средств.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823; 2013. № 44, ст. 5633.

⁹ Для бюджетных учреждений в случаях, указанных в ч. 1-3, 6 ст. 15 Закона о контрактной системе, для автономных учреждений, государственных и муниципальных унитарных предприятий, в случаях, указанных в ч. 4, 6 ст. 15 Закона о контрактной системе, для иных юридических лиц, в случае, указанном в ч. 5 ст. 15 Закона о контрактной системе.

¹⁰ Необходимо отметить, что полномочия федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд определены Постановлением Правительства РФ от 26 августа 2013 г. № 728 «Об определении полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации», вступающим в силу с 1 января 2014 г. См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 35, ст. 4514.

¹¹ Среди них особо следует выделить: Бюджетный кодекс РФ, законы (решения) о бюджете на соответствующий период, нормативно-правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, Министерства финансов РФ по вопросам осуществления финансовой деятельности государства (муниципальных образований) и др.

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ

IN DISSERTATION COUNCILS

В марте 2014 г. в ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

17 марта 2014 года — **Вяселевым Русланом Равилевичем** на тему «Фабричное законодательство Англии XIX века».

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент С.В. Ворошилова.

17 марта 2014 года — **Свистуновой Людмилой Юрьевной** на тему «Парламентские слушания как организационно-правовая форма деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти в Российской Федерации».

Специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор В.В. Мамонов.

24 марта 2014 года — **Волчанской Аленой Николаевной** на тему «Государственные гарантии защиты прав человека в России: теоретико-правовой аспект».

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент В.А. Рудковский.

27 марта 2014 года — **Боровской Еленой Ивановной** на тему «Защита коллективных интересов в арбитражном судопроизводстве».

Специальность 12.00.15 — гражданский процесс; арбитражный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Т.А. Григорьева.

27 марта 2014 года — **Глуховой Марией Николаевной** на тему «Юрисдикционные акты и особенности исполнительного производства по делам, возникающим из жилищных правоотношений».

Специальность 12.00.15 — гражданский процесс; арбитражный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор О.В. Исаенкова.

27 марта 2014 года — Рыбаковым Романом Вячеславовичем на тему «Право собственности хозяйственных обществ».

Специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент Т.И. Хмелева.

28 марта 2014 года — Борисовым Алексеем Николаевичем на тему «Гражданско-правовой режим авторских произведений в библиотечных фондах».

Специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор В.А. Свиридов.

28 марта 2014 года — Николаевым Андреем Витальевичем на тему «Влияние Конституции Российской Федерации на формирование и развитие арбитражного процессуального права».

Специальность 12.00.15 — гражданский процесс; арбитражный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Т.А. Григорьева.

28 марта 2014 года — Чагаровым Рустамом Азрет-Алиевичем на тему «Особенности доказывания при пересмотре гражданских дел».

Специальность 12.00.15 — гражданский процесс; арбитражный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор О.В. Исаенкова.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

Журнал «Вестник Саратовской государственной юридической академии» включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ; зарегистрирован в качестве реферируемого подписного федерального издания, в связи с чем повышаются требования, предъявляемые к статьям и материалам.

1. Для оптимизации редакционно-издательской подготовки редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1. Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см; сноски концевые автоматические, кегль 12, шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@sgar.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты и телефон для связи (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И_статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, телефон для связи (все параметры обязательны).

1.4. Выписка из решения заседания кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию рукописи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем.

1.5. Внешняя рецензия специалиста в данной научной сфере, имеющего ученую степень (из другого вуза или от практического работника), подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

1.6. Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов и соискателей).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться: а) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); б) названием; в) местом работы автора (авторов); г) электронным адресом автора (авторов); д) краткой аннотацией содержания рукописи (3–4 строчки, не должны повторять название); е) списком ключевых слов или словосочетаний (5–7).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

Оформление рисунков: а) все надписи на рисунках должны читаться; б) графики и диаграммы должны быть оформлены с учетом особенности черно-белой печати; цветные рисунки исключаются; в) графики и диаграммы должны читаться отдельно от текста, поэтому они должны иметь название и (при необходимости) единицы измерения.

Рисунки и таблицы должны иметь название и ссылку в тексте.

Сноски в тексте должны быть концевыми и проставлены автоматически. Они оформляются следующим образом:

а) для монографий: фамилия и инициалы автора (курсивом), название книги, место издания и год издания: *Куликов А.Н.* Египет: боги и герои. Тверь, 1995;

б) для статей в сборниках и периодике: фамилия и инициалы автора (курсивом), название статьи; далее (после двух косых черточек) — название сборника или журнала, место издания и год издания (для периодических изданий — год издания и номер): *Дубашинский И.А.* Свифт // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. С. 706–710.

в) для ссылок на электронный ресурс: фамилия и инициалы автора (курсивом), название статьи; далее (после URL:) — адрес электронного ресурса в Интернете, в скобках — после слов «дата обращения:» дата обращения автора статьи к этому ресурсу: *Артамонова Е.* Новый Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: статус прокурора. URL: www.spbpravo.ru (дата обращения: 23.01.2009); *Хужокова И.М.* Комментарий к Федеральному конституционному закону от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2006; Типовые правила внутреннего контроля в кредитной организации: утверждены Комитетом АРБ по вопросам ПОД/ФТ, протокол заседания Комитета № 21 от 17 июня 2009 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@sgar.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, просим автора поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте СГЮА по адресу:

<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-public>

7. Плата с аспирантов и адъюнктов за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik@sgar.ru